UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322845 9

Brusov, Valerii Iakovlevich
"

Валерій Брюсовъ

Polnoe sobranie sochinenii i perevodo

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

Томъ XII

АЛТАРЬ ПОБѢДЫ

Повѣсть IV вѣка. (Книги I и II).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „Сиринъ"
1913

PRINTED IN RUSSIA.

Всѣ права сохранены.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

ТОМЪ XII

PG3453
.B7
1913

430310
32

Типографія М. М. Стасюлевича,
СПБ. Вас. остр., 5 лин., д. 28.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ТОМАМЪ XII и XIII.

Повѣсть „Алтарь Побѣды“ впервые была напечатана въ журналѣ „Русская Мысль“ 1911—1912 г. Въ настоящемъ изданіи повѣсть печатается съ нѣкоторыми исправленіями, преимущественно стилистическими, и съ добавленіемъ историческихъ примѣчаній. Въ этихъ примѣчаніяхъ я прежде всего имѣлъ въ виду объяснить тѣ, встрѣчающіяся въ повѣсти, черты быта и нравовъ IV вѣка, которыя могутъ быть непонятны или неизвѣстны читателю. Но я нашелъ также не лишнимъ использовать въ этихъ примѣчаніяхъ нѣкоторые изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были у меня подъ рукой при работѣ надъ повѣстью. Поэтому иныя примѣчанія сообщаютъ и такія свѣдѣнія, показавшіяся мнѣ не безъинтересными для читателя, которыя непосредственнаго отношенія къ дѣйствію повѣсти не имѣютъ. Списокъ источниковъ, которыми я пользовался при составленіи примѣчаній, приложенъ къ XIII тому. Мнѣ остается добавить, что въ повѣсти мнѣ пришлось нерѣдко употреблять латинскія названія различныхъ вещей и явленій, такъ какъ соотвѣтствующія имъ русскія слова имѣютъ не совсѣмъ то же значеніе. Этимъ названіямъ, по возможности, сохранены ихъ подлинныя формы,— напр. „легіонарій“ вмѣсто обычнаго галлицизма „легіонеръ“, „реторъ“ вмѣсто „риторъ“ и т. под. Латинское правописаніе сохранено отчасти и для

собственныхъ именъ, впрочемъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы не было слишкомъ рѣзкихъ отступленій отъ начертаній общепринятыхъ: такъ, передавая латинское s черезъ с, я воздержался отъ передачи (что̀ было бы правильно) латинскаго с вездѣ черезъ k, потому что формы „Скипіонъ“, „Кикеронъ“ еще слишкомъ непривычны для насъ. Нѣкоторую непослѣдовательность въ транскрипціи собственныхъ именъ я долженъ признать своимъ недосмотромъ и прошу мнѣ ее извинить.

Валерій Брюсовъ.

Іюнь, 1913.

АЛТАРЬ ПОБѢДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Нашъ корабль уже былъ въ виду береговъ Италіи, и я весь былъ занятъ одной мыслью, что скоро увижу Римъ, „золотой", какъ его называютъ поэты, по улицамъ котораго выступали Фабіи, Сципіоны, Суллы и самъ божественный Юлій. Скромному провинціалу, сыну удаленной Аквитаніи, мнѣ тогда казались трижды-четырежды блаженными тѣ, кому Рокъ судилъ родиться у подножія Капитолія, куда, по священной дорогѣ, восходило, чтобы принести тріумфальныя жертвы, столько славныхъ, незабвенныхъ мужей, память о которыхъ не исчезнетъ, пока „Римлянинъ власть отцовъ сохраняетъ". Въ тотъ часъ я не думалъ о жестокихъ униженіяхъ, нанесенныхъ древней столицѣ нашимъ временемъ, о пренебреженіи императоровъ къ городу, вскормившему ихъ власть, на подобіе волчицы—кормилицы двухъ первыхъ царей, о печальномъ состояніи многихъ прославленнѣйшихъ памятниковъ старины, на что такъ жалуются всѣ путешественники, о Новомъ Римѣ, гордо вставшемъ на берегахъ Боспора Ѳракійскаго,— и жаждалъ лишь одного: слушать разсказы о „вѣчномъ городѣ", этомъ средоточіи, какъ мнѣ казалось, величія, доблести, мудрости и вкуса.

Я и мой новый другъ, Публій Ремигій, съ которымъ я познакомился во время морского переѣзда,—мы сидѣли на носу корабля на сложенномъ канатѣ, подставляя свое лицо свѣжему вѣтру, и мой собесѣдникъ долженъ былъ неустанно

удовлетворять мое любопытство. Впрочемъ, онъ дѣлалъ это охотно, такъ какъ ему, проведшему въ Римѣ всего одну зиму, нравилось выставлять себя жителемъ столицы и похваляться своимъ знаніемъ ея передъ столь внимательнымъ и довѣрчивымъ слушателемъ, какимъ я тогда былъ. Любившій болтать и не стѣснявшійся примѣшивать вымыслы къ правдѣ, Ремигій покровительственнымъ голосомъ объяснялъ мнѣ, что̀ представляетъ собою современный Римъ, разсказывалъ о старинныхъ театрахъ, постановки которыхъ соперничаютъ съ самой природой, о циркахъ и амфитеатрахъ, гдѣ можно видѣть самыхъ диковинныхъ животныхъ, о красотѣ дворцовъ и храмовъ, покрытыхъ золотомъ, величественности безсчетныхъ форумовъ, переливающихся одинъ въ другой, роскоши необъятныхъ термъ, гдѣ есть все, что̀ можетъ пожелать человѣкъ: писцины для плаванія, библіотеки для услажденія ума, толпа красивыхъ мальчиковъ для сладкаго времяпровожденія, о всей многообразности жизни столицы, гдѣ рядомъ соприкасаются великія богатства и нищета, гдѣ мудрецы и консулы сталкиваются на площади съ разбойниками и проститутами, куда весь міръ шлетъ все самое замѣчательное, что̀ имѣетъ, о томъ Римѣ, который, словно тысячелѣтнее дерево, каждый годъ даетъ новые побѣги. Съ наибольшимъ же увлеченіемъ Ремигій говорилъ о вещахъ ему, повидимому, особенно близкихъ: толковалъ мнѣ, въ какой таберн̀ѣ какое можно получить вино, гдѣ на сценѣ можно видѣть Арабійскихъ танцовщицъ или Кастабальскихъ кулачныхъ бойцовъ, а гдѣ можно слушать Геліопольскихъ флейтистокъ или любоваться Цезарейскими пантомимами, а также, какъ устроены и гдѣ расположены въ городѣ тѣ веселые дома, въ которыхъ молодежь ищетъ дешевой любви и гдѣ на дверяхъ комнатъ, занятыхъ дѣвушками всѣхъ странъ, читаются милыя имена: Лидія, Мирра или Психея.

— Римъ, мой дорогой,—говорилъ мнѣ Ремигій, словно изъясняя урокъ непонятливому ученику, — средоточіе міра. Римъ такъ великъ, что взоромъ обнять его нельзя. Въ Городѣ,

гдѣ бы ты ни былъ, ты всегда оказываешься въ серединѣ. Что̀ въ другихъ странахъ находится по частямъ, въ немъ одномъ соединено вмѣстѣ. Ты въ Римѣ найдешь и утонченность Востока, и просвѣщенность Греціи, и причудливость далекихъ земель за Океаномъ, и все то, что̀ есть въ нашей родной Галліи. Жители всѣхъ провинцій и народы всѣхъ другихъ странъ смѣшиваются здѣсь въ одну толпу. Римъ—это въ сокращеніи міръ. Это—океанъ красоты, описать который не въ силахъ человѣческое слово. Кто однажды побывалъ тамъ, не захочетъ никогда жить въ другомъ мѣстѣ.

Такъ какъ оба мы ѣхали въ Римъ, чтобы учиться, то я сталъ также разспрашивать Ремигія о разныхъ римскихъ профессорахъ и ихъ обыкновеніяхъ. Съ величайшей готовностью Ремигій поспѣшилъ мнѣ отвѣтить и на эти мои вопросы. Не безъ остроумія онъ началъ разсказывать о томъ, какъ риторы перебиваютъ другъ у друга учениковъ, заманивая ихъ всевозможными обѣщаніями; какъ иные изъ профессоровъ богатымъ ученикамъ прямо прислуживаютъ, словно ихъ рабы, устраиваютъ для нихъ обѣды, на которыхъ прислуживаютъ красивыя рабыни, и почтительно дожидаются у порога спальни, пока проснется юноша, прошлую ночь проведшій слишкомъ буйно; какъ состязаются между собой преподаватели реторики, стараясь сократить срокъ преподаванія и публично объявляя, что берутся обучить всѣмъ высшимъ наукамъ, одинъ—въ полтора года, другой—въ годъ, третій даже—въ шесть мѣсяцевъ.

— Что касается трудности ученія,—сказалъ мнѣ Ремигій,—этого ты не бойся. У тебя есть деньги, и этого одного достаточно, чтобы стать мудрымъ, какъ Цицеронъ. Нашъ вѣкъ—вѣкъ великой легкости. Что̀ было для нашихъ предковъ трудно и тягостно, нынѣ, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, стало просто и всѣмъ доступно. Для Цезаря подвигомъ было переправиться въ Британнію, а въ наше время изысканные люди ѣдутъ на острова Британнскаго океана, чтобы отдохнуть нѣсколько недѣль лѣтомъ въ пріятномъ, нежаркомъ климатѣ. Пирръ хотѣлъ испугать бѣднаго Фабриція невиданнымъ зрѣ-

лищемъ слона, а теперь всякій желающій за нѣсколько мѣдныхъ монетъ можетъ кататься на слонахъ, содержимыхъ при любомъ большомъ амфитеатрѣ. И всю ту науку, что́ двѣсти лѣтъ назадъ надо было добывать съ крайнимъ напряженіемъ, обливаясь по́томъ на лекціяхъ какихъ-нибудь Греческихъ обманщиковъ, или за которой надо было ѣхать въ Аѳины, въ наши дни преподаютъ шутя, для тебя самого незамѣтно, въ самые короткіе сроки. Клянусь Геркулесомъ, ты и не почувствуешь, какъ войдетъ въ тебя вся реторика, а тѣмъ временемъ мы успѣемъ съ тобой вдоволь насладиться всѣми пріятностями Города, и этого будетъ довольно, чтобы воспоминаній достало тебѣ на всю послѣдующую жизнь и чтобы жизнь свою ты не почиталъ потерянной.

Такіе разсказы въ меня вселили увѣренность, что въ Римѣ ждетъ меня не мало веселаго, да и я самъ ѣхалъ въ Городъ исполненный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, даже мечтая втайнѣ, что благопріятный случай позволитъ мнѣ тамъ чѣмъ-либо выдѣлиться изъ числа другихъ сверстниковъ: вѣдь юность всегда самонадѣянна, а я былъ еще очень молодъ. Въ пріятной бесѣдѣ съ Ремигіемъ, въ которой я, впрочемъ, игралъ больше роль слушателя, незамѣтно прошло время. Скоро уже стали отчетливы видны громадныя сооруженія Римскаго Порта, длинные молы, высокія стѣны домовъ, храмовъ, амфитеатровъ, бѣлыя колонны портиковъ и тихо покачивающійся лѣсъ мачтъ отъ безчисленныхъ кораблей, военныхъ и торговыхъ, стоявшихъ въ гавани. Кругомъ нашего корабля тоже виднѣлось не малое число другихъ судовъ, начиная съ громадной гептеры, опередившей насъ, до маленькихъ гребныхъ лодокъ, зыбко качавшихся на волнахъ, поднятыхъ нашимъ кораблемъ.

Раздались громкіе приказы магистра корабля, и матросы забѣгали по палубѣ, приготовляясь къ причалу. Всѣ другіе наши попутчики стали собирать свои вещи, и мы съ Ремигіемъ послѣдовали ихъ примѣру.

II.

Мы переночевали въ Портѣ, въ гостиницѣ, и утромъ нашли себѣ мѣста въ одной ладьѣ, отправлявшейся послѣ полудня въ Римъ. Время до отъѣзда мы рѣшили посвятить осмотру города, въ которомъ немало любопытныхъ зданій, несмотря на его сравнительно недавнее происхожденіе. Бродя безъ цѣли по улицамъ, зашли мы въ отдаленную часть города, около канала, соединяющаго Тибръ съ моремъ, пустынную въ тотъ часъ, отдаваемый обычно полуденному отдыху. Здѣсь одно происшествіе привлекло вниманіе не столько мое, сколько моего товарища.

На углу набережной и одной изъ поперечныхъ улицъ мы увидѣли двухъ скромно одѣтыхъ дѣвушекъ, которыхъ явно притѣснялъ человѣкъ высокаго роста, въ Сирійской шапкѣ. Дѣвушки пытались уйти отъ него, но онъ, загораживая имъ дорогу, чего-то настойчиво отъ нихъ добивался, видимо, къ большому ихъ замѣшательству. Если бы я былъ одинъ, я, конечно, не подумалъ бы вмѣшиваться въ уличную ссору, но Ремигій любилъ приключенія и былъ то, что̀ называется, забіяка. Не раздумывая, онъ бросился впередъ, и черезъ нѣсколько минутъ его споръ съ Сирійцемъ перешелъ въ ожесточенную брань.

Когда я отважился приблизиться, я услышалъ такія слова Ремигія:

— Если ты думаешь, пріятель, что Сирійскій колпакъ при-

далъ ума твоей головѣ, ты весьма ошибаешься: и святое писаніе говоритъ намъ, что въ гробахъ повапленныхъ бываетъ смрадъ и нечистота. И если ты полагаешь, что довольно нарумянить щеки и завить бороду, чтобы женщины всего міра побѣжали за тобой, то знай, что̀ говоритъ поэтъ о богѣ Любви: „лютый и дикій, злой, какъ ехидна!“ А что до твоихъ намековъ, будто ты толкаешься среди придворныхъ слугъ и что поэтому всякому твоему доносу данъ будетъ ходъ, то вспомни, какъ смотрѣли на сикофантовъ древніе Греки, наши учители во всяческой мудрости: они доносчиковъ почитали наравнѣ съ волками. Говорю тебѣ, если ты не оставишь тотчасъ этихъ двухъ дѣвушекъ въ покоѣ, я схвачу тебя поперекъ тѣла и сброшу въ воду, а ты уже оттуда выплывай, какъ знаешь. И если, проплывая, барка разобьетъ тебѣ въ это время черепъ, она только избавитъ Римъ отъ лишняго негодяя.

Сиріецъ оглянулся кругомъ и убѣдился, что поддержки ему ждать не откуда, такъ какъ набережная была совершенно пустынна, двери складовъ и сараевъ, тянувшихся вдоль нея, плотно заперты, и на судахъ, стоявшихъ въ каналѣ, не виднѣлось ни одного человѣка. Къ тому же и я, какъ ни были мнѣ всякіе уличные споры ненавистны, не поддержать товарища въ опасности считалъ нечестнымъ и всячески выражалъ готовность прійти къ нему на помощь. Поэтому Сиріецъ, не обладая, повидимому, особымъ мужествомъ и не желая одинъ имѣть дѣло съ двумя противниками, отъ своихъ притязаній предпочелъ уклониться и, отступая, сказалъ намъ:

— Напрасно, молодые люди, не въ свое дѣло вы вмѣшиваетесь. Я этихъ дѣвушекъ вовсе не обижалъ, но, напротивъ, желалъ имъ оказать нѣкоторую услугу! Я ихъ предупреждалъ, что кое въ чемъ онѣ поступаютъ неосмотрительно и это можетъ повести ихъ къ бѣдѣ. Если онѣ меня слушать не хотятъ, тѣмъ для нихъ хуже будетъ.

Двѣ дѣвушки были далеко не похожи другъ на друга. Одна, которая казалась моложе, была одѣта, хотя и бѣдно, не безъ нѣкотораго щегольства; у нея было милое лицо Гер-

манки, съ дѣтскими глазами и алыми губами; во время спора она какъ бы пряталась за свою подругу и, минутами, почти готова была заплакать. Другая дѣвушка, одѣтая въ паллу темнаго цвѣта и бывшая старше на видъ, съ лицомъ суровымъ и строгимъ, не отступала передъ угрозами Сирійца, но давала имъ рѣшительный отпоръ. Услышавъ его послѣднія слова, она сказала горячо:

— Лжешь, Сиріецъ! Думаешь, мы забыли, съ какими предложеніями ты къ намъ обращался! Женщинѣ повторять ихъ непристойно, но если эти благородные молодые люди избавятъ насъ отъ твоихъ притѣсненій, у насъ найдутся защитники, которые дадутъ тебѣ должный отвѣтъ.

— А ты забыла,—возразилъ Сиріецъ,—что̀ ты и твоя сестра прятали между своими вещами въ гостиницѣ!

— Гнусный соглядатай!—воскликнула дѣвушка.—Не знаю, что̀ тебѣ показалось, когда заглядывалъ ты въ какую-нибудь щель или замочную скважину, но, клянусь святымъ Крестомъ, ни въ чемъ предосудительномъ мы неповинны!

Тутъ Сиріецъ или утратилъ отъ раздраженія свою осторожность, или захотѣлъ устрашить насъ, только онъ произнесъ такія знаменательныя слова:

— Ни въ чемъ предосудительномъ! Или я не видѣлъ, какъ ты съ сестрой убирала въ ящикъ пурпуровый колобій? Развѣ это не значитъ злоумышлять на священную жизнь божественнаго императора! Знаешь ли ты, что этого одного достаточно, чтобы отправить васъ обѣихъ въ тюрьму, а также и тѣхъ, кто вступается за лицъ, виновныхъ въ такомъ злодѣяніи!

Признаюсь, послѣ такого заявленія словно холодъ Британніи пробѣжалъ по моимъ членамъ, такъ какъ я вовсе не хотѣлъ испытать участь Аполлинарія и Мараса, замученныхъ по сходному обвиненію на Востокѣ въ правленіе цезаря Галла. Подступивъ осторожно къ Ремигію, я потянулъ его за плащъ, давая ему понять, что самое благоразумное для насъ—отъ этого темнаго дѣла уклониться. Но безстрашный Ремигій, словно змѣй, раненый стрѣлой или камнемъ, бросился

на Сирійца, бывшаго головой выше его, подступилъ къ нему вплотную и такъ ему крикнулъ:

— Слушай, Сирійскій шутъ! Твоя родина славится канатными плясунами и скаковыми лошадьми. Такъ покажи намъ искусства твоей страны и уходи отсюда такъ скоро, какъ только можешь, приплясывая или нѣтъ, по своему выбору. Иначе, клянусь Юпитеромъ и пресвятой Дѣвой Маріей, придется тебѣ по опыту узнать, какова вода въ этомъ каналѣ, прѣсная или соленая!

Повадка моего друга была столь рѣшительна, что Сирiецъ не посмѣлъ болѣе медлить ни минуты. Бормоча угрозы и ругательства, онъ сталъ быстро отступать, пятясь задомъ, и, достигнувъ перваго поворота, почти бѣгомъ бросился прочь, вдоль низкихъ каменныхъ оградъ и скоро скрылся изъ виду. Мы на полѣ битвы остались какъ побѣдители.

Дѣвушки начали усердно благодарить насъ за заступничество, но Ремигій сказалъ имъ:

— Или я сильно ошибаюсь, или этотъ негодяй не кто иной, какъ императорскій соглядатай изъ корпуса agentes in rebus, одинъ изъ тѣхъ, кого называютъ curiosi. Они шныряютъ всюду, стараясь разыскать измѣну, такъ какъ только за измѣну, хотя бы самую маленькую, имъ и платятъ. Навѣрное побѣжалъ онъ сейчасъ къ одному изъ своихъ начальниковъ, чтобы на васъ сдѣлать доносъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ медлить здѣсь, но поспѣшилъ бы прочь изъ негостепріимнаго для васъ Троянова Порта, такъ какъ въ наши дни нельзя особенно разсчитывать на правосудіе. Я, Публій Ремигій изъ Массиліи, и мой другъ, Децимъ Юній Норбанъ, изъ Лакторы, племянникъ сенатора Авла Бебія Тибуртина, съ удовольствіемъ окажемъ вамъ свое покровительство и готовы сопровождать васъ, если послѣдуете вы тому совѣту, что̀ я даю вамъ, на подобіе богини Минервы, которая, во образѣ мудраго Ментеса, склонила юнаго Телемака къ путешествію.

Дѣвушки, однако, рѣшительно отказались отъ нашей

дальнѣйшей помощи, сказавъ, что путешествуютъ не однѣ, но со своей родственницей. Онѣ назвали свои имена, которыя оба оказались мало обычными: младшую звали Лета, старшую Реа; онѣ были сестры и, подобно намъ, направлялись въ Римъ, только не изъ Галліи, а изъ Испаніи, изъ Сагунта, гдѣ недавно умеръ ихъ отецъ. Ремигій сталъ предлагать, чтобы онѣ провели съ нами нѣкоторое время, говоря, что въ городѣ есть пріятный общественный садъ и подлѣ лавровая роща, но дѣвушки нашли такую прогулку неприличной, и намъ пришлось удовольствоваться съ ихъ стороны одной благодарностью за великодушное заступничество.

Впрочемъ, Лета, когда опасность миновала, была склонна шутить съ Ремигіемъ и какъ будто колебалась, не принять ли его предложеніе, но ея старшая сестра рѣзко ее остановила.

— Неужели ты не позволишь даже поцѣловать тебя въ награду за все, что̀ мы для васъ сдѣлали?—спросилъ Ремигій Лету, пытаясь обнять ее.

— Можетъ быть, мой поцѣлуй стоитъ дороже,—лукаво возразила та, уклоняясь отъ объятія.

Реа вмѣшалась и сказала:

— Если вы избавили насъ отъ однихъ оскорбленій, чтобы подвергнуть другимъ, вамъ трудиться не стоило.

Тогда Ремигій сталъ просить, чтобы дѣвушки, по крайней мѣрѣ, назначили намъ встрѣчу въ Римѣ, обѣщая показать имъ всѣ достопримѣчательности Города.

— Только,—возразила Лета,—не въ первые дни по нашемъ пріѣздѣ. Я не хочу, чтобы тебѣ было стыдно итти со мною рядомъ. Когда я научусь наряжаться, какъ Римлянки, и, какъ онѣ, заплетать волосы, я охотно позову тебя сопровождать меня.

Ремигій завѣрилъ ее, что она и теперь прекраснѣе всѣхъ другихъ дѣвушекъ всего міра, но опять Реа вступила въ разговоръ и сказала:

— Мы ѣдемъ въ Римъ не за тѣмъ, чтобы забавляться. Мы дѣвушки бѣдныя, и наши дни должны будемъ посвя-

щать работѣ. А въ свободные часы намъ останется время только посѣтить церковь или поклониться мощамъ святыхъ, что̀ врядъ ли для юношей, каковы вы двое, будетъ занимательно.

Мнѣ стало стыдно, и я началъ убѣждать своего друга прекратить его настоянія. Кончилось тѣмъ, что намъ не осталось другого, какъ мирно проводить дѣвушекъ до указанной ими гостиницы, причемъ Ремигій не переставалъ дѣлать весьма нескромные намеки понравившейся ему Летѣ, которые заставили бы краснѣть любую дѣвушку моего родного города. Но Лета, не смущаясь, отвѣчала ему, и обмѣнъ остротами продолжался во все время пути.

Когда мы уже прощались, Реа, почти не проронившая во всю дорогу ни слова, внезапно обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Твое имя точно Юній?

— Такъ, по крайней мѣрѣ, — отвѣтилъ я немного обидчиво,—зовутъ моего отца и звали дѣда и моихъ предковъ. Имя это не безславно въ исторіи. И каждому человѣку свойственно знать свое имя.

— А сколько тебѣ лѣтъ?—спросила дѣвушка.

Какъ всѣмъ юношамъ, мнѣ хотѣлось казаться старше своихъ лѣтъ, и я отвѣтилъ:

— Если ты это хочешь знать, мнѣ девятнадцать лѣтъ.

— Неправда! Навѣрное восемнадцать!—живо возразила Реа.

Смутившись, такъ какъ она была права, я сказалъ:

— Да, мнѣ будетъ девятнадцать лѣтъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но откуда ты это знаешь?

Она ничего мнѣ не отвѣтила, только загадочно улыбнулась и потомъ произнесла:

— Мы еще съ тобой увидимся, Юній.

Послѣ этого мы разстались у двери гостиницы, гдѣ жили дѣвушки. Ремигій былъ нѣсколько опечаленъ тѣмъ, что столь любопытное приключеніе не привело насъ ни къ чему, но вознаграждалъ себя насмѣшками надо мной за вниманіе,

оказанное мнѣ старшей изъ сестеръ, которую онъ упорно называлъ „старушкой“.

— Если ты такъ нравишься старымъ женщинамъ,—говорилъ онъ, — будь спокоенъ за свою участь: въ Римѣ у тебя не будетъ недостатка въ деньгахъ.

Я же въ глубинѣ души былъ обезпокоенъ всѣмъ этимъ происшествіемъ, въ которомъ участвовалъ противъ воли, и не безъ боязни помышлялъ о томъ доносѣ, который можетъ сдѣлать на насъ неизвѣстный Сиріецъ.

III.

Недолгая дорога отъ Римскаго Порта до города оказалась крайне утомительной. Кромѣ насъ въ редѣ ѣхали два купца, торопившіеся по своимъ дѣламъ, и Ремигій тотчасъ поспѣшилъ блеснуть передъ ними своими познаніями. Онъ объявилъ, что онъ также сынъ купца, и завелъ безконечный разговоръ о торговлѣ съ серами и синами шелкомъ и другими товарами, о преимуществахъ сухопутнаго пути черезъ Бактріану передъ морскимъ черезъ Египетъ и Индію, о Сирійскомъ холстѣ, Фригійскомъ сукнѣ, Галатской шерсти, золотошвейныхъ издѣліяхъ Атталійцевъ, о знаменитой ярмаркѣ въ Батнѣ, о налогахъ, порторіяхъ и разныхъ сборахъ. Воспользовавшись этимъ, я большую часть дороги мирно дремалъ, пока мимо мелькали огороженные виноградники, оливковыя рощи и ряды великолѣпныхъ виллъ. Сквозь сонъ я слышалъ еще рѣчи о Саксонскихъ пиратахъ, долгое время не пропускавшихъ купеческихъ кораблей въ Британнію, о разбояхъ Франковъ, прогнанныхъ Ѳеодосіемъ за Рейнъ, о торговлѣ съ берегами Понта Эвксинскаго, которая въ наши дни рѣшительно пришла въ упадокъ послѣ войнъ съ Готами и разрушенія ими многихъ городовъ, и мой Ремигій во время этого разговора, какъ изъ рога Фортуны, сыпалъ имена, названія, цифры, проявляя такое же знаніе торговаго дѣла, какъ раньше Рима и реторики. Я не могъ еще разъ не подивиться на разносторонность дарованій, какими одарили

боги этого юношу, готоваго то вести философскій споръ, то вмѣшаться въ уличную драку, и, подъ говоръ своихъ спутниковъ, заснулъ, наконецъ, крѣпкимъ сномъ.

Когда я проснулся, былъ уже вечеръ и мы приближались къ Городу. Дорога стала гораздо болѣе оживленной, поминутно то встрѣчались намъ, то обгоняли насъ всадники, колесницы, повозки, скакали вѣстники, везя какія-либо правительственныя распоряженія, быстро проѣзжали карпенты, въ которыхъ виднѣлись важныя лица, можетъ быть, какихъ-нибудь сановниковъ; медленно тащились плавстры, запряженныя мулами; шли пѣшеходы и порой мѣрнымъ шагомъ проходилъ отрядъ войска подъ предводительствомъ коннаго центуріона; съ краевъ дороги доносились жалобныя просьбы нищихъ, просившихъ милостыни, кто „ради Христа“, кто „во имя Юпитера“; вдоль дороги стояли теперь ряды мраморныхъ гробницъ и съ нихъ смотрѣли на насъ каменные лики мужчинъ и женщинъ, въ сумракѣ казавшіеся особенно важными, а вдали темной громадой уже вырисовывались огромныя очертанія Рима. Наша реда, запряженная парой добрыхъ лошадей, ѣхала быстро, и скоро мы приблизились къ Портуенскимъ воротамъ.

Почти тотчасъ за воротами наша реда остановилась около храма Фортуны Сильной, и здѣсь пришлось намъ испытать всѣ непріятности осмотра портитора. Затѣмъ мы попрощались съ нашими спутниками, и Ремигій, держа себя какъ человѣкъ опытный въ путешествіяхъ, выбралъ изъ толпы носильщиковъ, окружавшихъ насъ, двухъ дюжихъ молодцовъ, которымъ приказалъ нести наши вещи. Ремигію очень хотѣлось, чтобы я нѣкоторое время еще провелъ съ нимъ въ какой-либо транстиберинской копонѣ, чтобы „возліяніемъ богамъ“, какъ говорилъ онъ, отпраздновать мое прибытіе въ Римъ. Но я отговорился тѣмъ, что крайне усталъ, и мы, назначивъ другъ другу встрѣчу на слѣдующій день, разстались: Ремигій направился въ домъ вдовы Траги, гдѣ обычно находилъ себѣ въ Городѣ пристанище и кредитъ, а я приказалъ нести свой сундукъ и свой мѣшокъ

на Виминалъ, въ домъ моего дяди, сенатора Авла Бебія Тибуртина.

Странно мнѣ было впервые въ жизни итти по Риму, уже почти во мракѣ, переходить Тибръ по мосту Проба, видѣть молчаливыя стѣны высокихъ домовъ, слабо освѣщенныхъ кое-гдѣ фонарями передъ лараріями, угадывать торжественныя очертанія неизвѣстныхъ храмовъ и дворцовъ Палатина, нырять во мракъ портиковъ, которыми опоясано большинство улицъ, встрѣчать прохожихъ, за которыми шли ихъ рабы съ фонарями въ рукахъ, слышать пьяные голоса изъ шумныхъ копонъ, встрѣчавшихся по пути во множествѣ; порою, и нерѣдко, попадались мнѣ уличныя женщины съ густо набѣленными лицами, съ черными бровями, соединенными въ одну черту; эти женщины хватали меня за край плаща, называли „милымъ мальчикомъ“ и звали провести ночь съ ними; я вырывался изъ ихъ рукъ, думая, что у меня еще будетъ время повеселиться въ Римѣ, и упорно шелъ впередъ, пока носильщикъ не объявилъ мнѣ, что мы у цѣли.

Маленькая улица, на которой мы стояли, была безлюдна и темна, и въ домѣ моего дяди не было ни видно огней, ни слышно голосовъ. Поэтому не безъ смущенія я рѣшился постучать въ дверь, прочитавъ на порогѣ сдѣланную полуистершейся мозаикой старинную Римскую надпись: „берегись собаки“. Прошло довольно много времени, пока, произнося бранныя слова, подошелъ къ двери, громыхая цѣпью, которой онъ былъ прикованъ, рабъ-привратникъ и, пріоткрывъ входъ, спросилъ меня, кто я и что мнѣ нужно. Я объяснилъ, что я — племянникъ Тибуртина, что у меня есть къ нему письмо отъ его сестры, и послѣ долгихъ переговоровъ меня впустили, наконецъ, въ вестибулъ, слабо освѣщенный двойной висячей луцерной.

Привратникъ поручилъ меня другому, вызванному имъ рабу, дряхлому старику, Мильтіаду, который провелъ меня черезъ безмолвный и пустынный атрій въ таблинъ. Дядя еще не спалъ, и я увидѣлъ дороднаго человѣка въ домашней одеждѣ, сидѣвшаго въ глубокомъ креслѣ, съ украшеніями

изъ слоновой кости, передъ мозаичнымъ столомъ, на которомъ стоялъ золотой кубокъ и серебряный кувшинъ съ виномъ, издававшимъ сладостный запахъ, лежали на хрустальномъ блюдѣ кусочки дыни, исписанныя цифрами таблички и абакъ. Около, почтительно склонивъ голову, стоялъ какой-то человѣкъ, вѣроятно, рабъ-виликъ, съ которымъ дядя сводилъ счеты по одному изъ своихъ загородныхъ помѣстій. Мильтіадъ, исполняя назначеніе номенклатора, провозгласилъ мое имя и скрылся.

Первую минуту дядя былъ крайне раздосадованъ моимъ появленіемъ и мрачно нахмурилъ брови, но когда я объяснилъ ему, кто я, напомнилъ ему, что онъ самъ предложилъ мнѣ жить въ его домѣ, и передалъ ему письмо моей матери, онъ смягчился и заговорилъ со мной дружески.

— Такъ значитъ ты и есть Децимъ Юній, мой возлюбленный племянникъ, сынъ сестры моей Руфины и Тита Юнія Норбана, декуріона Лакторы, внукъ Децима Юнія Норбана, бывшаго пресидомъ Новемпопуланіи при божественномъ Константинѣ. Добро пожаловать, племянникъ, и да будутъ къ тебѣ благосклонны лары и пенаты этого дома, гдѣ еще ни разу не угасалъ священный огонь передъ семейнымъ алтаремъ съ того самаго времени, какъ Камиллъ возобновилъ Городъ. Вижу изъ письма, что сестра и твой отецъ—въ добромъ здравіи, и радуюсь этому, потому что хорошіе люди въ наши дни нужны имперіи. А ты прибылъ въ Римъ, чтобы продолжать свое ученіе, и хорошо сдѣлалъ, ибо каковъ же тотъ Римлянинъ,—а нынѣ, клянусь Юноной, Римляне всѣ жители имперіи,—кто никогда не былъ въ Городѣ, матери всѣхъ другихъ городовъ и провинцій. Но съ самаго перваго раза говорю тебѣ, и ты запомни мои слова хорошенько: если ты думаешь, что въ Римѣ ждутъ тебя прежде всего удовольствія, ты весьма въ значеніи слова Римлянинъ ошибаешься. Повторяй всегда слова нашего поэта: „Ты надъ народами властію править, Римлянинъ, помни! Вотъ искусства твои!“ И куда бы наши императоры ни переносили столицу республики, всегда средоточіемъ власти останется Римъ и отъ

Римскаго сената будутъ новые императоры получать утвержденіе своего сана. Въ вѣчномъ городѣ ты, мой сынъ, учись, раньше всего другого, вѣчной мудрости и древней доблести квиритовъ: не веселію праздношатающихся, но строгой нравственности, терпѣнію въ работѣ и мужеству во брани. Правильно ли я говорю, племянникъ?

Мнѣ, который стоялъ неподвижно, слушая поучительную рѣчь, только и оставалось отвѣтить, что я во всемъ съ ней согласенъ, и дядя, отпивъ изъ кубка широкими глотками и закусивъ дыней, продолжалъ съ новымъ вдохновеніемъ:

— Вспомни, чѣмъ были Римляне, когда мощь Города неоспоримо признавалась на всемъ кругѣ земномъ, отъ Океана до Индіи, отъ пустынь Сарматскихъ до Агизимбы, страны носороговъ. Римляне были первыми работниками въ своемъ государствѣ, и всѣ граждане не щадили силъ на пользу республики. Предки наши ложились спать съ пѣтухами, и утренняя Аврора заставала ихъ уже готовыми на дневной трудъ. Когда послы сената отправились искать Цинцината, чтобы предложить ему диктаторскія фаски, они нашли его обнаженнымъ, ведущимъ свой плугъ среди вспаханнаго имъ поля. Вдова славнаго Регула, по смерти мужа, должна была жить на пособія отъ друзей, а дочери Сципіона приданое было выдано изъ государственной казны, ибо мужи древности всю свою жизнь посвящали на служеніе республикѣ, а не на свое обогащеніе. Подражай имъ, мой сынъ, ибо только такимъ способомъ можетъ и въ наши дни Римъ сохранить свое величіе и свою славу.

Тутъ дядя обратилъ вниманіе, что нашу бесѣду, или, точнѣе, его страстные монологи, слушаетъ находившійся въ таблинѣ рабъ, и грозно закричалъ на него:

— А ты, Пицентъ, ступай пока прочь, мы завтра еще посчитаемся съ тобой! И если десятая доля моихъ подозрѣній оправдается, смотри, какъ бы не поступилъ я съ тобою, какъ доблестный Лукуллъ съ лишними рабами,—я съ тобой сумѣю управиться. Вы всѣ тамъ мошенники и воры, пользуетесь

тѣмъ, что я живу въ Городѣ, и хотите меня увѣрить, что поля не приносятъ никакихъ доходовъ. Убирайся!

Когда рабъ изъ комнаты вышелъ, дядя пригласилъ меня сѣсть и, снова отпивъ изъ своего кубка, продолжалъ:

— Говорю тебѣ, что прежняя простота жизни Римлянъ погибаетъ! Еще во времена второй Пунической войны въ Римѣ былъ лишь одинъ приборъ серебряной посуды, переходившій изъ дома въ домъ къ тому сенатору, который долженъ былъ угощать иностранныхъ пословъ! Божественный Августъ не стѣснялся ходить по улицамъ, какъ простой гражданинъ. Императоръ Неронъ покорно исполнялъ древній обычай, перешедшій къ консуламъ отъ царей, и самолично присутствовалъ на пожарѣ. И еще Александръ Северъ стыдился угощать своихъ гостей на золотѣ. Нынѣ же вольноотпущенники убираютъ себѣ дома разноцвѣтнымъ мраморомъ и стѣны украшаютъ перлами и Вавилонскими коврами, женщины наши одѣваются въ шелкъ и въ туники, шитыя серебромъ и золотомъ, а въ серьгахъ своихъ носятъ камни, по цѣнѣ равные пяти помѣстьямъ, мужчины же проживаютъ скопленное ихъ предками на закладахъ при бѣгѣ колесницъ, на пирахъ, во время которыхъ угощаютъ всякихъ проходимцевъ, и на дорогое вино, которое пьютъ съ утра до утра... Но, постой, почему же ты не пьешь со мной?

Дядя позвонилъ въ колокольчикъ, стоявшій на столѣ, и, когда рабъ принесъ мнѣ кубокъ, наполнилъ его виномъ, судя по вкусу Фалернскимъ, и продолжалъ:

— Предки наши, любезный племянникъ, ѣли горохъ и маслины, запивая ихъ мѣстнымъ деревенскимъ виномъ,—и завоевали весь міръ. А въ наши дни пьютъ вина, привезенныя изъ Греціи и Малой Азіи, ѣдятъ рѣдкостныхъ морскихъ рыбъ и заморскіе плоды,—и терпятъ пораженія на Рейнѣ и на Евфратѣ. Предки наши усердно приносили жертвы Юпитеру Капитолійскому и Марсу Градиву и провинцію за провинціей присоединяли къ области республики. А наши полководцы подымаютъ лабарумъ съ монограммой Іудейскаго Христа, и уже утратили мы Дакію, Германію, часть Британніи

и пять провинцій между Евфратомъ и Тигромъ. Если ты, племянникъ, пріѣхалъ въ городъ, чтобы научиться быть Римлянином, я тебѣ обѣщаю всяческое содѣйствіе, а слово Авла Бебія Тибуртина значитъ много, ибо какое званіе на землѣ выше сенаторскаго, и имя Бебіевъ извѣстно въ Римскихъ анналахъ. Но если ты хочешь измѣнить вѣрѣ отцовъ и доблести квиритовъ, ты напрасно стучался въ дверь этого дома, гдѣ жили когда-то мужи, бившіеся подъ Замой, и при Акціумѣ, и еще въ наши времена, отстаивая римскую свободу, у Мульвіева моста.

Дядя говорилъ еще много, пока я не замѣтилъ, что онъ изрядно пьянъ. Тогда я поднялся и началъ прощаться, объясняя это утомленіемъ послѣ труднаго пути. Дядя попытался было вновь наполнить наши кубки, но убѣдившись, что вино все выпито, грустно сказалъ:

— Ты правъ, племянникъ, время уже предаться покою (было далеко за полночь). Ключи отъ погреба у моей жены, и ее нельзя тревожить, послѣ того какъ она прочла свои молитвы Пресвятой Дѣвѣ передъ сномъ. Иди отдыхай, а завтра я познакомлю тебя съ моими дочерьми, которымъ постарался я внушить правила жизни строгой, тѣ, которыя вознесли Римскую матрону на такую высоту, что въ счастливыя времена Города каждый прохожій долгомъ почиталъ дать ей дорогу. Прощай.

Рабъ проводилъ меня въ назначенный мнѣ дормиторій, и хотя я и предпочиталъ бы, чтобы меня послѣ долгаго путешествія проводила въ бани хорошенькая служанка, подобная всѣмъ знакомой Фотидѣ изъ „Метаморфозъ" Африканскаго поэта, однако, мнѣ скоро пришлось, вздыхая, остаться наединѣ въ неуютной комнатѣ. Впрочемъ, утомленный приключеніями послѣднихъ дней, едва успѣлъ я разсмотрѣть при слабомъ свѣтѣ лампады нескромныя изображенія, которыми расписаны были стѣны, какъ бросился на ложе и тотчасъ уснулъ крѣпкимъ сномъ путешественника.

IV.

На утро, по привычкѣ, пріобрѣтенной съ дѣтства, я всталъ рано и, одѣвшись, вышелъ въ атрій, думая, что найду тамъ толпу кліентовъ, которые ожидаютъ выхода къ нимъ своего патрона. Но атрій былъ пустъ, и только двое или трое рабовъ лѣниво занимались утренней уборкой, которые и объяснили мнѣ, что дядя еще спитъ, а жена его молится въ часовнѣ, устроенной при домѣ. Они же посовѣтывали мнѣ итти въ перистилій, гдѣ я могу увидѣть младшую изъ дочерей дяди, Намію.

Я послѣдовалъ совѣту и, проходя, успѣлъ замѣтить, что на всемъ вокругъ лежали слѣды явнаго упадка: живопись стѣнъ во многихъ мѣстахъ была попорчена, мозаика частью разрушилась, позолота съ колоннъ слѣзла; статуи были давно не чищены и даже нѣкоторыя изъ восковыхъ масокъ предковъ, висѣвшихъ въ крыльяхъ атрія, были въ плохомъ состояніи; столы, кресла, свѣтильники, стоявшіе тутъ и бывшіе, повидимому, когда-то роскошными, давно обветшали и при дневномъ свѣтѣ казались убогими.

Въ перистиліи, дѣйствительно, увидѣлъ я дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, въ простой льняной туникѣ, которая забавлялась тѣмъ, что около писцины дразнила павлина, то раскрывавшаго, съ хриплымъ крикомъ, то закрывавшаго свой пышный хвостъ, усѣянный очами Аргуса.

Подойдя, я назвалъ себя и спросилъ, не говорю ли я съ Намією, моей двоюродной сестрой. Дѣвочка подняла на меня

глаза, такъ что я увидѣлъ прямо передъ собой ея выразительное лицо маленькой Гречанки (ибо мать ея была происхожденіемъ изъ Ѳессаліи), и, прищуривъ глаза, стала меня беззастѣнчиво разсматривать, потомъ сказала:

— А ты хорошенькій мальчикъ!

Что я красивъ, это мнѣ приходилось слышать и раньше, поэтому я не очень удивился на слова дѣвочки, но ея свободное со мной обращеніе смутило меня, и, стараясь не выдать въ себѣ застѣнчиваго провинціала, я возразилъ:

— Ты мнѣ тоже очень нравишься; у тебя красивые глаза и красивый носъ.

Дѣвочка засмѣялась.

— О, погоди! я буду гораздо лучше! Пока я еще только дѣвочка и играю въ куклы. Но я хочу быть красивѣе всѣхъ въ Римѣ. А ты похожъ на молодого Меркурія, какъ его изображаютъ статуи. Вотъ ты пріѣхалъ изъ Галліи, что же, ты оставилъ тамъ невѣсту или возлюбленную?

Продолжая шутить, я отвѣтилъ:

— Что ты! я вѣдь тоже мальчикъ и пріѣхалъ сюда учиться. Мнѣ о невѣстѣ еще рано думать.

Намія, отойдя къ стѣнѣ, сѣла на мраморную скамью и подозвала меня.

— Вотъ что,—сказала она мнѣ,—отецъ еще спитъ, мать и сестра Аттузія молятся. Это — мое время. Садись здѣсь, около меня, и разскажи мнѣ что-нибудь любопытное.

Она указала мнѣ мѣсто у своихъ ногъ на мозаичномъ полу. Мнѣ пришлось подчиниться и, помѣстившись у ногъ дѣвочки, я постарался, какъ умѣлъ лучше, выполнить возложенное на меня дѣло. Я сталъ разсказывать о Галліи, о городахъ, которые я тамъ видѣлъ, о нашей тихой Лакторѣ, на шумномъ Эгирціи, съ ея знаменитымъ храмомъ Матери Боговъ, о красивой Толозѣ съ ея башнями, о большой и людной Бурдигалѣ, куда приходятъ корабли съ Океана, о величинѣ рѣки Гарумны, о нравахъ жителей Пиренейскихъ горъ и о всемъ другомъ, что̀ мнѣ пришло на память.

Намія нѣкоторое время меня слушала, но потомъ прервала, нисколько не стѣсняясь, такими словами:

— Какъ все скучно, что̀ ты говоришь! Неужели ты не можешь придумать чего-нибудь болѣе занимательнаго?

Втайнѣ я былъ обиженъ, но не подалъ виду, и перемѣнивъ голосъ, попробовалъ повторить ей нѣкоторые разсказы изъ Апулея. Но она уже съ первыхъ словъ остановила меня, замахавъ руками и сообщивъ съ веселымъ смѣхомъ:

— Все это я давно читала, за кого ты меня считаешь?

И что̀ бы я ни начиналъ разсказывать: событія ли изъ своей жизни, вещи ли, вычитанныя изъ книгъ, — все казалось Наміи или скучнымъ, или извѣстнымъ, и я въ концѣ-концовъ не безъ злобы замолчалъ совсѣмъ. Тогда дѣвочка сказала:

— Ты, Юній, должно быть, болѣе красивъ, чѣмъ уменъ. Прекрати свои разсказы и лучше давай цѣловаться.

Предложеніе было столь неожиданно, что я одно время колебался, не принять ли его за шутку, но дѣвочка ждала моего отвѣта такъ увѣренно, что я, не колеблясь болѣе, сталъ на колѣни, обнялъ ее и нѣсколько разъ поцѣловалъ прямо въ губы. Вырвавшись изъ моихъ рукъ, Намія сказала:

— Ты сладко цѣлуешься. И вообще ты мнѣ нравишься. Хочешь, мы будемъ друзьями?

Я согласился, и нашъ союзъ былъ заключенъ.

Въ это время послышались голоса и шаги, и Намія мнѣ шепнула:

— Вотъ идутъ мать и сестра. Больше нельзя веселиться. Надо себя держать чинно.

Я ожидалъ увидѣть въ моей теткѣ, женѣ сенатора, мужа, имѣющаго титулъ clarissimus, почтенную матрону съ благороднымъ лицомъ и важной поступью, а въ ея старшей дочери — прелестную дѣвушку, напоминающую Намію, только съ болѣе зрѣлой красотой. Но ожиданія мои были обмануты, такъ какъ жена дяди была толстой и обрюзгшей Гречанкой, казавшейся много старше своихъ лѣтъ, одѣтой неряшливо, держащей въ рукѣ громадную связку ключей, а Аттузія—ху-

дой, высокой, некрасивой дѣвушкой, съ лицомъ, словно почернѣвшимъ, съ большимъ носомъ, съ унылыми глазами, какіе бываютъ у засыпающихъ рыбъ. Все это, разумѣется, не помѣшало мнѣ привѣтствовать вошедшихъ со всѣмъ должнымъ почтеніемъ.

— Мы тебя ждали, племянникъ, — сказала мнѣ тетка. — Твой отецъ поручилъ мнѣ наблюдать за тобой, какъ за сыномъ, и я надѣюсь, что тебѣ будетъ у насъ хорошо. Конечно, особой роскоши у насъ нѣтъ, но юношѣ она и не прилична. Въ Римѣ жить дорого, рабы въ помѣстьяхъ съ каждымъ годомъ становятся все вороватѣе, а на рынкахъ цѣны растутъ непомѣрно. Но никакого недостатка ты терпѣть ни въ чемъ не будешь.

Послѣ того, какъ я отвѣтилъ, что привыкъ къ жизни скромной, меня спросила Аттузія:

— Ты уже молился сегодня, Юній?

Вопросъ этотъ поставилъ меня въ крайнее затрудненіе, и я сталъ бормотать что-то невнятное, и тогда Аттузія спросила меня уже прямо:

— Да ты христіанинъ?

Я долженъ былъ признаться, что воспитанъ въ вѣрѣ отцовъ.

Аттузія заломила руки и подняла глаза вверхъ.

— Неужели есть еще въ Аквитаніи семьи,— воскликнула она,—не просвѣщенныя свѣтомъ Христовымъ!—Потомъ добавила:—Я сама займусь твоимъ духовнымъ просвѣщеніемъ и попрошу отца Никодима: его рѣчи расплавятъ тебѣ сердце, какъ огонь желѣзо.

Такъ бесѣдуя, мы вышли въ атрій, гдѣ къ тому времени уже собралась маленькая толпа кліентовъ и друзей дома, пришедшихъ принести утреннее привѣтствіе сенатору. Но дядя все еще продолжалъ спать, и вмѣсто него привѣтствія принимала тетка, обращавшаяся съ посѣтителями весьма сурово и безъ всякаго стѣсненія. Исключеніе было сдѣлано только для того отца Никодима, о которомъ мнѣ уже говорила Аттузія и который тоже оказался въ числѣ кліентовъ. Его одного тетка позвала завтракать съ нами, а остальные

вскорѣ должны были покинуть домъ, причемъ послѣ ихъ ухода тетка обозвала ихъ всѣхъ „бездѣльниками".

Завтракали мы въ маленькомъ триклиніи, и я съ перваго же раза убѣдился, что роскошью стола домъ дяди не отличался; подавали остатки вчерашняго обѣда, сыръ, яйца, плохое вино. Говорилъ за столомъ едва ли не одинъ отецъ Никодимъ, который, замѣняя для женщинъ acta diurna, сообщалъ всѣ происшествія за день: какія есть вѣсти объ императорскомъ дворѣ, гдѣ былъ пожаръ, въ чьемъ домѣ готовится свадьба, кто захворалъ, кто изъ видныхъ женщинъ поссорились со своими любовниками. Послѣднія извѣстія отецъ сопровождалъ жалобами на развращенность нашего вѣка. Аттузія не преминула пожаловаться на то, что мои родители оставили меня во власти старыхъ суевѣрій, но отецъ Никодимъ на этотъ разъ не пожелалъ проявить огненности своихъ поученій: онъ только укоряюще покачалъ головой и еще усерднѣе принялся наливать себѣ вино.

Я былъ радъ, когда завтракъ окончился и мнѣ можно было поспѣшить на свиданіе, назначенное у насъ съ Ремигіемъ.

V.

Въ тотъ день въ первый разъ видѣлъ я Римъ при дневномъ свѣтѣ.

Потому ли, что утреннія впечатлѣнія отъ завтрака съ отцомъ Никодимомъ такъ на меня повліяли, или потому, что я ожидалъ подъ вліяніемъ разсказовъ Ремигія и другихъ слишкомъ многаго, только Городъ рѣшительно разочаровалъ меня. Улицы мнѣ показались узкими и грязными, дома безобразными и старыми, а толпа не нарядной: въ ней, правда, попадались представители всѣхъ странъ, не только жители Эѳіопіи и германцы, но даже Персы, Сарматы и Индійцы, однако по большей части то были ремесленники, торговцы мелкимъ товаромъ или просто нищіе, которые толкались, кричали на разныхъ языкахъ и въ общемъ производили такое впечатлѣніе, что хотѣлось куда-нибудь отъ нихъ укрыться. Послѣ безмолвныхъ улицъ нашей священной Лакторы эта уличная давка была мнѣ нестерпима. Подъ аркадами вездѣ были лавки и таберны, лежали груды сушеной рыбы, овощей, плодовъ, и запахъ ото всего этого былъ въ общемъ крайне непріятенъ. Порой по улицѣ стремглавъ пролетала колесница съ какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, давя народъ, а за ней съ криками бѣжала цѣлая толпа рабовъ, словно шайка разбойниковъ; или, напротивъ, дюжіе рабы, крича еще сильнѣе, бѣгомъ налетали на людей, расталкивали ихъ и разгоняли палками, чтобы дать дорогу позолоченнымъ носилкамъ,

въ которыхъ лежала какая-нибудь знаменитая Римская гетера, а за носилками, припрыгивая, бѣжали отвратительные евнухи.

Когда я выбрался на форумы, тамъ мнѣ показалось нѣсколько легче, и я уже могъ наслаждаться видомъ старинныхъ храмовъ, великолѣпныхъ колоннъ, гордыхъ статуй и пышныхъ тріумфальныхъ арокъ, вѣщающихъ о славномъ прошломъ Рима; стоя на старомъ форумѣ близъ дома таинственныхъ весталокъ, я долженъ былъ признать, что единственное въ мірѣ зрѣлище представляетъ это сочетаніе безсчетныхъ великолѣпныхъ зданій, колоннъ, арокъ, статуй, блескъ мрамора, мѣди, золота, и видъ на великолѣпный храмъ Отца Боговъ, сверкающій золотой кровлей и золотыми вратами, что̀ царитъ на высотѣ, упираясь въ незыблемую скалу. Но я не могъ не замѣтить, что многія зданія, даже тѣ, что̀ всего столѣтіе назадъ возобновлены были при Діоклеціанѣ, уже пришли въ упадокъ, что мраморъ многихъ стѣнъ потемнѣлъ, что ступени лѣстницъ были обтерты и обломаны, что вездѣ была грязь и нечистота и что всюду на роскоши строеній, словно пятна на тѣлѣ больного, виднѣлись нищіе въ грязныхъ лохмотьяхъ. Лавки вокругъ форумовъ были заняты болѣе благородными товарами и здѣсь были выложены на прилавки и висѣли надъ нами то золото и драгоцѣнные камни, то дорогія матеріи, то серебряные кубки, то шитые золотомъ пояса и ленты, то красивые плоды, то груды цвѣтовъ. Но и на форумѣ толкалась почти та же толпа, какъ на удаленныхъ улицахъ, и рѣдко приходилось встрѣтить щеголя въ цвѣтномъ плащѣ, застегнутомъ у шеи и прихваченномъ у пояса, ловко распахивающаго полы, чтобы обнаружить тунику, вышитую изображеніями разныхъ звѣрей, или важнаго сановника въ плащѣ, тоже шитомъ золотомъ, тяжеломъ и неудобномъ, сопровождаемаго толпой друзей. Я вспомнилъ слова Персидскаго царевича, сказанныя императору Констанцію, будто въ Римѣ лишь одно ему не нравится: что и здѣсь люди смертны,—и думалъ, что царевичъ требовалъ отъ жизни не слишкомъ многаго.

Отыскивая дорогу къ той копонѣ, которую мнѣ назначилъ Ремигій, вдругъ увидѣлъ я его самого въ небольшой толпѣ, слушавшей оратора, который по древнему обычаю произносилъ рѣчь около ростры. Слушатели, повидимому, относились къ этому оратору, какъ къ потѣшнику, громко высказывая неодобрительныя замѣчанія, и порой громко смѣясь. Но произносившій рѣчь какъ будто не замѣчалъ этого и продолжалъ что-то говорить о величіи древняго Рима и о мудрости первыхъ Римскихъ царей.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, когда я тебя ищу,—спросилъ я Ремигія.

— Молчи,—возразилъ Ремигій,—и слушай: это очень забавно.

Ораторъ продолжалъ рѣчь:

— Итакъ, квириты! помыслите, сколько много мы теряемъ, не вѣдая, отколь вышелъ нашъ славный родъ и подъ какими предзнаменованіями создались наши безсмертныя учрежденія! Кто изъ васъ сумѣетъ отвѣтить, какіе законы даровалъ Атисъ? какіе Каписъ? какіе Капетъ? Кто изъ васъ вникалъ въ прорицанія Пика, священной птицы бога? Кто не смѣшиваетъ лемуровъ съ ларвами, свершая тѣмъ великій грѣхъ и оскверняя священные майскіе обряды! Квириты! жизнь наша теряетъ свой смыслъ, если не вникаемъ мы въ наше прошлое, и имперіи грозитъ гибель, если камень древности, на которомъ стоитъ она, будетъ подточенъ червемъ невѣжества! Здѣсь, передъ алтаремъ Зулкана, воздвигнутаго Ромуломъ, передъ этимъ алтаремъ, куда мы ежегодно приносимъ памятную жертву рыбъ, у золотого столба, гдѣ сходятся всѣ дороги Италіи и, слѣдовательно, міра,—я хочу указать единственный вѣрный путь спасенія Риму и черезъ него всему человѣчеству!

При этихъ словахъ почти всѣ слушатели принялись неистово хохотать, а большинство стало расходиться. Тогда Ремигій подступилъ къ оратору и сказалъ ему съ преувеличенной почтительностью:

— Славный Фестинъ! Ты, вѣроятно, вспомнишь меня, Ре-

мигія, ибо прошлой зимой мы не разъ вмѣстѣ осушали кубки во славу божества Квирина. Я и мой другъ, Юній изъ Лакторы, только-что наслаждались мудростью, истекавшей изъ твоихъ устъ, какъ нѣкогда рѣчи слаще меда текли изъ устъ Нестора. Не захочешь ли ты сегодня также раздѣлить съ нами нашъ скромный завтракъ въ одной изъ копонъ за базиликой Константина?

Одежда оратора состояла изъ рванаго плаща, кожа лица его едва обтягивала кости, борода была всклокочена и все въ немъ обличало большую нужду. Не удивительно, что онъ тотчасъ съ готовностью принялъ зовъ Ремигія, что, однако, не помѣшало ему держать себя съ величіемъ истиннаго философа.

По дорогѣ Ремигій сказалъ мнѣ:

— Ты, Юній, находишься сейчасъ въ обществѣ одного изъ величайшихъ ученыхъ, какихъ когда-либо производилъ Римъ. Міръ еще не знаетъ Фестина, но многіе великіе мужи при своей жизни раздѣляли съ нимъ ту же участь. Увѣряю тебя: это—кладезь мудрости, библіотека, изъ которой ты можешь черпать всѣ свѣдѣнія, соперникъ Варрона и Авла Геллія по многообразію своей ученост:, и для будущихъ поколѣній, изваянный изъ мрамора или отлитый изъ бронзы, предметъ поклоненія.

Мнѣ пришлось сдѣлать усиліе, чтобы не разсмѣяться, когда я представилъ себѣ лицо нашего спутника въ мраморѣ. Но Фестинъ принялъ серьезно слова моего друга и со скромностью отвѣтилъ:

— Я не дерзаю равнять себя съ Варрономъ, этимъ Аристотелемъ Рима, ни даже съ Авломъ Гелліемъ, подобно пчелѣ собиравшимъ свой медъ со всѣхъ цвѣтовъ. Малая моя заслуга лишь въ томъ, что я приверженъ къ сѣдинамъ вѣчнаго города. Въ то время, какъ другіе всего охотнѣе пишутъ исторію своего времени, т.-е. просто пересказываютъ,—часто плохимъ Латинскимъ языкомъ,—что видѣли своими глазами, я посвятилъ свой трудъ на изученіе нашей старины, колыбели, такъ сказать, Римской славы. Подумать только, что мы много

знаемъ о побоищахъ съ такими низменными непріятелями, какъ Готы или Сарматы, но никто не вникъ подробно въ героическую осаду Вей; и тогда какъ эдикты новаго времени у всѣхъ на памяти, мы почти забыли о мудрыхъ установленіяхъ царя Нумы Помпилія!

Придя въ копону подъ вывѣской „Слонъ", мы спросили вина, и Ремигій все время побуждалъ Фестина говорить, дѣлая изъ него шута и глазами подавая мнѣ знаки. Фестинъ же, ничего этого не замѣчая, съ увлеченіемъ говорилъ о древнихъ договорахъ, языка которыхъ никто не понимаетъ, о надписяхъ на старыхъ статуяхъ, изъ словъ которыхъ нельзя заключить, кто изображенъ, мужчина или женщина, о правѣ понтификовъ, о изслѣдованіяхъ Кастора и Родопея, о злоключеніяхъ, какія испытывалъ онъ самъ, пытаясь проникнуть въ хранилище древнихъ актовъ при Храмѣ Священнаго Города, о радости, какую извѣдалъ, найдя одинъ договоръ, предшествующій Пуническимъ войнамъ, въ смыслъ котораго, впрочемъ, ему проникнуть не удалось.

Мнѣ этотъ бѣдняга былъ жалокъ, но Ремигій съ жестокостью вызывалъ его все на новые разсказы и даже приглашалъ слушать другихъ посѣтителей копоны, такъ что понемногу вокругъ насъ составился кругъ людей, потѣшавшихся надъ тѣмъ умиленіемъ, съ какимъ Фестинъ говорилъ объ установленіяхъ Ромула и Тита Тація.

Когда кубки наши были уже пусты, Фестинъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Твой другъ мнѣ говорилъ, что ты племянникъ свѣтлѣйшаго мужа сенатора Бебія Тибуртина. Ахъ, юноша, это— человѣкъ, подобно мнѣ преданный нашей старинѣ и презирающій пестроту и пустоту новыхъ дней. Что если бы ты уговорилъ своего дядю издать мои сочиненія, которыхъ набралось пока сорокъ восемь томовъ! Увѣряю тебя, что книги эти весьма нужны для будущихъ поколѣній, ибо Римская наука все болѣе и болѣе погружается во тьму и мы, Римляне, съ каждымъ десятилѣтіемъ теряемъ познаніе, чѣмъ мы были и откуда пришли. Скажи своему дядѣ, что я даже со-

гласенъ, чтобы онъ выставилъ свое имя рядомъ съ моимъ, и, такимъ образомъ, я дамъ ему вѣчную славу въ грядущихъ вѣкахъ,

> Домъ Энея пока на скалѣ Капитолія твердой
> Будетъ стоять.

Я отдѣлался какими-то неопредѣленными обѣщаніями и сдѣлалъ знакъ Ремигію, что хочу покинуть эту копону, такъ какъ мнѣ тяжело было видѣть униженіе все же достойнаго человѣка. Мы попрощались съ Фестиномъ, и Ремигій, несмотря на мои увѣренія, что я еще буду имѣть достаточно къ тому случаевъ, повелъ меня осматривать форумы.

То была не легкая прогулка, принимая во вниманіе, что и здѣсь Ремигій оказался знатокомъ всего и о каждомъ храмѣ, о каждой аркѣ, колоннѣ, статуѣ могъ говорить длинныя рѣчи, изъясняя ихъ происхожденіе и выхваляя ихъ красоты. Я долженъ былъ любоваться покрытыми бронзовыми украшеніями колоннами Константина, хвалить Коринѳскія колонны храма Венеры Родительницы и картины, изображающія Александра на колесницѣ, въ храмѣ Марса Мстителя, удивляться на старинныя статуи форума Августа, заглянуть на маленькій проходной форумъ Нервы, откуда взглянули на насъ громадныя фигуры императоровъ, и обливаться потомъ на величественномъ форумѣ Траяна, гдѣ неподражаемая арка, базилика Ульпія, выложенная драгоцѣннымъ мраморомъ, можетъ быть, самое роскошное зданіе Рима, и, наконецъ, изумительная колонна, несравненная по высотѣ и изяществу, заключенная между таинственными библіотеками,—подали поводъ Ремигію къ длиннымъ панегирикамъ. Правду сказать, все это въ тотъ первый день перемѣшалось въ моей головѣ, образовавъ какой-то комъ разноцвѣтныхъ, спутанныхъ между собою нитокъ. Когда я совсѣмъ изнемогъ отъ ходьбы и осмотра, а Ремигію наскучило исполнять должность проводника, онъ воскликнулъ Гораціевское: „Теперь время пить!“ и повелъ меня снова въ копону подкрѣпить наши упавшія силы.

Послѣ обильныхъ возліяній въ честь бога Либера мы

закончили тотъ день въ одномъ изъ тѣхъ веселыхъ домовъ, которые такъ восхвалялъ мой другъ и гдѣ я могъ насладиться любовью въ объятіяхъ толстой поселянки изъ Тибура, кажется, давно не бывшей въ баняхъ и пахнувшей лукомъ, но на дверяхъ своей спальни поставившей громкое имя: Цитерея.

VI.

Черезъ нѣсколько дней я вполнѣ освоился съ условіями моей новой жизни.

Въ домѣ дяди одинъ день походилъ на другой, какъ два кирпича съ одного завода. Тетка цѣлые дни бранила рабовъ; Аттузія цѣлые дни молилась или посѣщала святыни; дядя, такъ какъ собранія въ Куріи не начинались, большую часть своего времени проводилъ за кубкомъ вина, а иногда дѣлалъ видъ, что читаетъ въ библіотекѣ, хотя просто дремалъ за рѣдкимъ свиткомъ Кремуція Корда. Каждый день являлся въ домъ отецъ Никодимъ, передавалъ новости городской молвы и порой произносилъ похвальныя рѣчи императору, который, соревнуя Іисусу Навину, стремится сокрушить выю идолопоклонниковъ. Единственнымъ утѣшеніемъ были мнѣ краткія встрѣчи наединѣ съ Наміей, утромъ, пока всѣ спали, или вечеромъ, въ какомъ-нибудь темномъ уголкѣ, когда мы усердно обнимались и цѣловались, что̀ дѣвочкѣ, какъ кажется, доставляло великое удовольствіе.

Привыкъ я также къ городу, осмотрѣлъ его памятники, скопленные тысячелѣтіемъ, узналъ всѣ семь холмовъ и даже полюбилъ своеобразную красоту его одноцвѣтныхъ старыхъ домовъ, почтенныхъ своей старостью, и сталъ находить особую прелесть въ немолчномъ шумѣ и непрерывномъ движеніи его улицъ. Я уже представилъ магистру ценза удостовѣреніе, данное мнѣ изъ родного города, о томъ, кто я такой

и зачѣмъ прибылъ въ Римъ, и послѣ того, получивъ надлежащее разрѣшеніе, усердно выбиралъ среди римскихъ риторовъ того, школа котораго могла бы быть мнѣ наиболѣе полезной. Въ моихъ поискахъ вызвался мнѣ помогать Ремигій, однако чаще онъ уводилъ меня въ одну изъ копонъ и, познакомивъ съ своими товарищами, юношами, привыкшими искать въ жизни только веселія, пытался и меня привлечь къ такому же времяпровожденію. Но постоянныя скитанія изъ одной винной лавки въ другую, отъ плясуній къ флейтисткамъ, отъ дѣвушекъ одного веселаго дома къ такимъ же дѣвушкамъ другого, или безцѣльное бродяжничество по полю Агриппы, скоро мнѣ наскучили, какъ и всѣ безобразныя проказы, которыми часто сопровождались наши ночныя похожденія, тѣмъ болѣе, что и Ремигій и другіе его пріятели, пользуясь тѣмъ, что отецъ далъ мнѣ достаточную сумму денегъ, любили забавляться не иначе какъ на мой счетъ.

Я уже думалъ о томъ, чтобы прекратить такую безпутную жизнь, за которую мнѣ сурово выговаривала тетка, постоянно заявлявшая, что смотритъ на меня какъ на сына, когда вдругъ одно событіе направило меня на новый путь.

Какъ-то послѣ полудня, возвращаясь въ домъ дяди, увидѣлъ я у нашихъ дверей особое оживленіе, на нашей уличкѣ необычное. Здѣсь стояли роскошныя, украшенныя золотомъ носилки и толпилось множество чужихъ рабовъ. Едва вошелъ я въ остій, какъ меня остановила Намія, вѣроятно, поджидавшая меня, и сказала мнѣ шопотомъ:

— Слушай, братикъ (такъ она меня называла), сегодня у насъ обѣдаетъ моя сестра Гесперія со своимъ новымъ мужемъ. Она—противная, я ее не люблю. У нея уже третій мужъ и было множество любовниковъ. Всѣ въ нее влюбляются, но ты не смѣй. А то я тебя возненавижу. Я не могу терпѣть любовниковъ моей сестры.

Я уже слышалъ о Гесперіи, дочери моей тетки отъ перваго мужа,—дядя былъ ея вторымъ мужемъ,—и зналъ, что эта Гесперія славилась на весь Римъ своей роскошью и своимъ безпутствомъ, причемъ молва называла въ числѣ

ея возлюбленныхъ не только мимовъ и наѣзниковъ изъ цирка, но даже рабовъ. Поэтому я отвѣтилъ:

— Будь увѣрена, милая дѣвочка, что я не влюблюсь въ твою сестру: въ нее слишкомъ многіе были влюблены, и она была влюблена слишкомъ во многихъ.

Говоря такъ, я хотѣлъ обнять маленькую Намію, но она вырвалась отъ меня и, надувъ губы, смотря злыми глазами, повторила: „Не смѣй", и скрылась.

Перемѣнивъ одежду на болѣе подходящую къ торжественному случаю, я прошелъ въ oecus, гдѣ на этотъ разъ былъ приготовленъ обѣдъ, при чемъ стѣны были убраны вѣнками, рабы и рабыни одѣты по-праздничному, а на столъ подана лучшая серебряная посуда, какая была въ домѣ. Войдя въ залу, я началъ извиняться за свое опозданіе, но вдругъ слова остановились у меня въ горлѣ, потому что я увидѣлъ то, чего не ожидалъ вовсе.

Вся наша семья уже возлежала за столомъ, и между дядей и Аттузіей помѣщалась женщина, описать которую все равно нельзя и изобразить которую врядъ ли сумѣлъ бы Зевксисъ или кто другой изъ древнихъ. Возрастъ ея опредѣлить было невозможно, такъ какъ лицо ея сіяло неувядаемой красотой богинь. Кожа ея шеи была столь розовой и прозрачной, что невѣроятной казалась ея принадлежность земному существу. А роскошный нарядъ этой женщины, стола изъ чистаго шелка, золото и смарагды украшеній, кораллы ожерелья, алмазы серегъ и перлы на туфляхъ придавали ей обликъ царственный. Можетъ быть, только стихи Вергилія о божественной матери Энея могутъ передать то впечатлѣніе, которое она производила:

какой ей явиться
И сколь прекрасной обычно богамъ.

— Это племянникъ Авла,—сказала между тѣмъ тетка,— Децимъ Юній Норбанъ, сынъ Юнія изъ Лакторы, котораго ты, Гесперія, знаешь. Онъ пріѣхалъ въ Римъ, чтобы учиться, и живетъ въ нашемъ домѣ.

Въ полномъ смущеніи занялъ я мѣсто за столомъ и долгое время не могъ даже понимать, о чемъ говорятъ вокругъ меня: такъ были мои взоры, и черезъ нихъ все вниманіе, поглощены чудеснымъ видѣніемъ. То взгляды мои останавливались на волосахъ Гесперіи, заплетенныхъ въ тугія косы, которыя кругами окружали голову ея, то — на ея тонкихъ пальцахъ, украшенныхъ кольцами съ драгоцѣнными алмазами и опалами, то вновь подымались къ самому прекрасному, что въ ней было,—къ ея лицу. Только позже примѣтилъ я нашего другого гостя, мужа Гесперіи, Тита Эліана Мецію, возлежавшаго противъ меня. Это былъ человѣкъ съ лицомъ угловатымъ, съ косыми глазами, который не понравился мнѣ сразу. Одѣтъ онъ былъ также весьма богато, и по каймѣ его аболлы было вышито золотомъ изображеніе борьбы кентавровъ съ лапиѳами.

Именно Эліанъ велъ всю бесѣду, и всѣ слушали его съ явной почтительностью.

Дядя упрекнулъ его, что тотъ давно не былъ у него въ домѣ.

— Ахъ, дорогой тесть,—возразилъ тотъ,—ты живешь уединенно и не представляешь, что такое жизнь въ обществѣ. Сегодня надо присутствовать на подписаніи брачнаго условія, завтра праздникъ у одного сенатора по тому поводу, что его сынъ надѣваетъ мужскую тогу, тамъ приглашенъ я подписывать завѣщаніе, тамъ на обѣдъ, отъ котораго нельзя отказаться; недавно пришлось мнѣ три дня провести взаперти, дома, въ знакъ скорби, по случаю смерти всѣмъ намъ любезнаго Марка Акона Катуллина. Потомъ не забывай, что я состою въ коллегіи луперковъ, а это тоже отнимаетъ много времени.

Гесперія, слушая слова мужа, засмѣялась, и голосомъ, который мнѣ показался божественнымъ, сказала:

— Это мы уже читали у Плинія: каждое дневное дѣло кажется необычайно важнымъ, а когда потомъ посмотришь назадъ на прожитый годъ, говоришь себѣ: сколько времени потратилъ я на пустяки!

Всѣ засмѣялись, и Эліанъ первымъ. Дядя не упустилъ случая замѣтить:

— Въ старину Римляне жили не такъ. Каждый вставалъ до зари и шелъ въ поле работать наравнѣ со своими рабами, а жажду утоляли водой изъ ручья.

— Да, это хорошо было, — замѣтила Гесперія, — когда Римъ былъ квадратный. А теперь, пока, напримѣръ, отъ твоего дома дойдешь до перваго поля, такъ устанешь, что и работать не будешь въ силахъ. Да и ручьевъ подъ Римомъ не осталось: поневолѣ мы всѣ пьемъ вино.

— Нѣтъ,—возразилъ Эліанъ,— я понимаю, что говоритъ Тибуртинъ. Поистинѣ, хорошо бы бросить всю эту суету Города, гдѣ мы только и дѣла дѣлаемъ, что злословимъ другъ на друга. Какъ было бы пріятно жить въ маленькой виллѣ, подобно Горацію, наслаждаться тишиной сельской жизни, воздухомъ свѣжимъ, зеленью полей и подолгу гулять по тѣнистому лѣсу. Не думать о томъ, что кто-то на тебя обидѣлся за то, что ты забылъ его поздравить съ новымъ назначеніемъ или не полно произнесъ его титулъ, и не мучиться злобой на другого за то, что онъ не позвалъ тебя на обѣдъ, гдѣ ты все равно скучалъ бы. Ахъ, деревня часто представляется мнѣ блаженнымъ Элисіемъ.

Вскорѣ послѣ разговоръ перешелъ на готовящіяся большія игры въ амфитеатрѣ, и Эліанъ, какъ истинный знатокъ, сталъ выхвалять необыкновенныхъ испанскихъ лошадей, которыхъ уже везутъ въ Римъ на особомъ кораблѣ, злыхъ Иберійскихъ медвѣдей, лосей, львовъ, леопардовъ и крокодиловъ, приготовленныхъ для травли, Шотландскихъ собакъ, силы и лютости непомѣрной, и особенно страусовъ, которыхъ уже давно не видали въ Городѣ. Дядя охотно поддерживалъ эту бесѣду, вникая во всѣ подробности, разспрашивая о ловкости разныхъ наѣздниковъ и, конечно, скорбя о томъ, что и игры въ амфитеатрахъ выродились и все рѣже даются гладіаторскіе бои, пріучающіе зрителей-Римлянъ презирать смерть.

Тѣмъ временемъ мальчики наполняли опорожненные кубки

и подавали кушанья, которыя для торжественнаго случая были сравнительно изысканны и разнообразны, такъ какъ была тутъ тонна, фазанъ, кабаній бокъ и другія такія же блюда, считающіяся тонкими въ семьяхъ не очень богатыхъ. Разумѣется, всѣмъ этимъ нельзя было изумить нашихъ гостей, роскошь пировъ въ домѣ которыхъ была извѣстна всему Городу; мнѣ уже говорили, что они подавали иногда среди пятидесяти разныхъ перемѣнъ такія снѣди, о которыхъ ни одинъ изъ гостей не могъ догадаться, изъ чего они приготовлены. Нечего уже и говорить о томъ, что нашъ семейный обѣдъ не сопровождался ни музыкой, ни пѣніемъ, ни плясками танцовщицъ.

Когда подали намъ плоды и, по древнему обычаю, яблоки, означавшія конецъ обѣда, Эліанъ объявилъ, что у него есть важное дѣло къ дядѣ, и они удалились вдвоемъ въ таблинъ. Намъ же рабы принесли въ перистилій плетеныя кресла, въ которыя женщины и сѣли отдохнуть. Я также послѣдовалъ за женщинами, такъ какъ мнѣ хотѣлось насколько можно дольше оставаться въ обществѣ нашей гостьи.

Аттузія, которая, повидимому, Гесперію ненавидѣла не меньше, чѣмъ Намія, поспѣшила навести разговоръ на начавшіяся повсюду преслѣдованія сторонниковъ вѣры отцовъ, восхваляя безъ мѣры усердіе императора Граціана, захватившаго въ свою казну земли храмовъ и лишившаго коллегіи жрецовъ и самихъ весталокъ ихъ обычнаго содержанія отъ государства. Это должно было живо затронуть Гесперію, ибо—какъ я зналъ—она и ея мужъ были ревностными противниками христіанства, но она долгое время отвѣчала на всѣ нападки уклончиво. Наконецъ она сказала:

— Не хочу дурно говорить о божественномъ императорѣ, но, конечно, онъ введенъ въ заблужденіе лживыми совѣтчиками. Его новые эдикты равняются просто грабежу, такъ какъ онъ отнимаетъ у храмовъ то, что̀ имъ принадлежало цѣлыя столѣтія. Законъ признаетъ право на вещь того, кто владѣлъ ею нѣкоторое время: почему же боги лишены этого права?

— Боги!—повторила Аттузія въ негодованіи, и съ пылкостью начала длинную обличительную рѣчь о призрачности ложныхъ боговъ, подобную одной изъ тѣхъ проповѣдей, что̀ можно слышать въ христіанскихъ храмахъ. Гесперія слушала со скучающимъ лицомъ, такъ какъ ей, вѣроятно, не разъ приходилось выслушивать такія поученія отъ своей сестры. Въ концѣ рѣчи, указывая на меня, Аттузія сказала гнѣвно:

— Кстати можешь порадоваться, Гесперія! Вотъ тебѣ союзникъ. У нихъ въ дикой Аквитаніи тоже еще молятся идоламъ. Но скоро всѣмъ поклонникамъ Юпитера придется переселиться въ какіе-нибудь дикіе края, потому что въ просвѣщенныхъ городахъ для этихъ старыхъ суевѣрій мѣста не останется!

Тетка постаралась успокоить споръ двухъ сестеръ, но Гесперія, нисколько не обидѣвшаяся на рѣзкое обличеніе, подняла, послѣ словъ Аттузіи, на меня свои глаза, показавшіеся мнѣ пламенными звѣздами, и, впервые за весь день, заговорила со мной.

— Такъ ты, Юній, — сказала она, — держишь въ этомъ домѣ сторону своего дяди? Неужели не склонили тебя ни убѣдительные уговоры сестры, ни мудрыя поученія почтеннаго отца Никодима?

Я весь покраснѣлъ и меня охватила дрожь при мысли, что я долженъ говорить съ Гесперіей, и только съ трудомъ я могъ пробормотать:

— Domina! Я не хочу измѣнять тому, чему меня учили отецъ и мать...

— Ты, значитъ, ихъ огорчить не хочешь?—спросила съ лукавствомъ Гесперія.

— Нѣтъ, — возразилъ я, собравшись съ духомъ, — я не вѣрю, чтобы то, что создало Римскую мощь, чѣмъ республика и имперія, и тысячи ея гражданъ жили долгіе вѣка, что̀ почитали Гомеръ и Аполлодоръ, Платонъ и Цицеронъ, Вергилій и Луканъ, было предразсудкомъ! Я еще молодъ и не рѣшаюсь судить самъ, но я довѣряюсь великимъ мужамъ древности и ихъ умы служатъ мнѣ путеводными звѣздами.

— Ты бы поменьше слушалъ своего дядю,— въ сердцахъ сказала тетка,—онъ съ своими убѣжденіями сумѣлъ только разорить насъ! До добра не доводятъ бредни о старинѣ!

Но Гесперія, продолжая пристально смотрѣть на меня, сказала протяжно:

— Вотъ ты какой! Ну, видно, намъ, дѣйствительно, быть съ тобой друзьями. Приходи ко мнѣ: мы живемъ теперь въ нашей виллѣ на Холмѣ Садовъ.

Тѣмъ временемъ вернулись дядя и Эліанъ, продолжая говорить оживленно, и я разслышалъ, какъ они поминали всѣмъ извѣстныя имена Претекстата, Флавіана, Симмаха. Скоро наши гости собрались домой. Гесперія, надѣвъ роскошную паллу, сѣла въ свои носилки, и рабы съ крикомъ ринулись впередъ расчищать ей дорогу въ толпѣ.

Когда я вернулся въ домъ, меня опять поджидала Намія, которая на обѣдѣ, по своему возрасту, не участвовала. Опять смотря на меня злыми глазами, она спросила:

— Ну, что же? ты уже влюбился?

— Что ты!—возразилъ я лицемѣрно,—я съ твоей сестрой едва сказалъ два слова.

— Нѣтъ! я все видѣла! ты влюбился!—совсѣмъ плача, говорила дѣвочка.—Въ нее всѣ влюбляются съ перваго взгляда. Ну, слушай, мой братикъ, милый. Не люби ее. Хочешь, я тебя поцѣлую? Хочешь, я приду къ тебѣ сегодня ночью въ спальню, какъ дѣлаютъ женщины? Только откажись отъ противной Гесперіи.

Какъ умѣлъ, я успокоилъ дѣвочку, поклявшись ей Юпитеромъ, что не влюбленъ въ Гесперію. Но я лгалъ, ибо образъ этой женщины неотступно стоялъ предъ моимъ внутреннимъ взоромъ. Юное сердце было уже пробито стрѣлой сына Киприды.

VII.

Признаюсь, что въ ту ночь мои мечты были полны одной Гесперіей. Я вспоминалъ каждое слово, сказанное ею, находя всѣ прекрасными, восхищался каждымъ сдѣланнымъ ею движеніемъ и мысленно сравнивалъ ее съ Клеопатрою, предъ которой преклонялись Помпей, Антоній, Цезарь, Августъ. Разсужденія, конечно, указывали мнѣ, что во мнѣ не могла она видѣть ничего другого, какъ скромнаго юношу, скорѣе мальчика, получившаго право говорить съ ней лишь потому, что живетъ у ея родственниковъ; что она, привыкшая къ любовнымъ признаніямъ префектовъ и консуловъ, поэтовъ и ораторовъ, красивѣйшихъ изъ Римской молодежи и знаменитѣйшихъ среди Римскихъ акторовъ, должна была забыть обо мнѣ, едва переступивъ порогъ нашего дома. Но чувству нельзя приказывать, и я, вопреки разсудку, мечталъ до глубокой ночи, какъ мнѣ завоевать ея любовь, составлялъ въ головѣ безумные замыслы, похожіе на запутанныя исторіи, сочиняемыя поэтами, и, когда уснулъ, видѣлъ въ грезахъ, что цѣлую ея губы, напоминающія раздавленныя вишни, и что въ отвѣтъ она сама меня ласково обнимаетъ своими прекрасными и горячими руками.

Когда на утро я выходилъ изъ дома, привратникъ подалъ мнѣ письмо, говоря, что его только-что принесла какая-то дѣвочка. Не знаю почему, но мнѣ тотчасъ представилось, что это письмо отъ Гесперіи, что мои ночныя мечтанія во-

площаются, и, поблѣднѣвъ, съ бьющимся сердцемъ, я сломалъ печать. На дощечкахъ неправильнымъ женскимъ почеркомъ было написано:

„Децима Юнія просятъ сегодня, съ наступленіемъ сумерекъ, прійти на Аппіеву дорогу и итти по правой сторонѣ до моста черезъ Альмонъ. Онъ узнаетъ нѣчто, для него крайне важное, и выполнитъ то, что̀ предназначено Судьбой. Это письмо должно быть сохранено въ тайнѣ."

Подписи не было никакой, но я ни минуты не сомнѣвался, что письмо отъ Гесперіи или писано по ея порученію. Отъ избытка счастія я сдѣлался словно пьяный и, шагая подъ портиками улицъ, разговаривалъ самъ съ собой, какъ безумный. Остатокъ благоразумія говорилъ мнѣ, какъ страненъ такой вызовъ со стороны женщины богатой, знатной и видной, обращенный послѣ первой встрѣчи къ ничѣмъ незамѣчательному юношѣ. Но я напоминалъ себѣ разсказы о томъ, какъ причуды даже царицъ заставляли ихъ похищать незнакомыхъ прохожихъ, которые имъ понравились, и повторялъ изреченіе моего любимаго Вергилія:

Измѣнчива женщина и многолика.

Въ тотъ день я не въ силахъ былъ ничего дѣлать, но, побродивъ безъ цѣли и въ одиночествѣ по Городу, я вернулся домой и съ томленіемъ ждалъ, когда же приблизится вечеръ, безсчетное число разъ приходя посмотрѣть на клепсидру.

Еще солнце не совсѣмъ зашло за стѣны города и кровля Юпитера Капитолійскаго еще горѣла, какъ громадный золотой костеръ, когда я уже былъ на Аппіевой дорогѣ. Обычное оживленіе царило на ней и непрерывными вереницами стремились въ обоихъ направленіяхъ пѣшеходы, всадники, колесницы и повозки. Съ двухъ сторонъ, съ великолѣпныхъ древнихъ гробницъ, смотрѣли лики давно умершихъ мужей, суровые и строгіе, и часто рядомъ съ мужской головой высилась и женская, столь же величественная, и казалось, что времена свободной республики еще живы здѣсь. Торговцы

всякаго рода товарами, со своими корзинами и лотками, шныряли между прохожими и выкрики разносчиковъ вмѣшивались въ общій говоръ, въ стукъ копытъ, въ скрипѣніе осей.

Я медленно прошелъ до того мѣста, гдѣ Аппіева дорога пересѣкаетъ маленькій ручей и сталъ ждать. Я зналъ, что пришелъ слишкомъ рано, и приготовился къ терпѣнію, но сладостное волненіе потрясало меня. Толпы народа проходили и проѣзжали мимо, а я стоялъ, прислонившись спиной къ мраморному подножію гробницы. Солнце совсѣмъ закатилось, все кругомъ стало покрываться тѣнью и предметы терять опредѣленныя очертанія: повѣяла вечерняя сырость; я какъ бы изнемогалъ.

Тогда женскій голосъ произнесъ около меня:

— Ты хорошо сдѣлалъ, Децимъ Юній, что пришелъ.

Затрепетавъ, я обернулся. Рядомъ стояла женщина, такъ закутанная въ плащъ, что лица ея разсмотрѣть было нельзя. Но я безъ промедленія одного мига узналъ, что это не та, о которой я мечталъ. Женщина сказала кратко:

— Слѣдуй за мной.

Она быстро устремилась впередъ, и я покорно шелъ слѣдомъ, мучимый догадками и разочарованіемъ. Мы долго подвигались молча, пока женщина не сошла съ дороги около какой-то высокой гробницы и, найдя мѣсто, закрытое стоявшимъ подлѣ кипарисомъ, сѣла сама на каменную ступень и указала мнѣ сѣсть. Я вновь повиновался.

Тогда женщина открыла лицо. Въ слабомъ свѣтѣ сумерекъ оно мнѣ сначала показалось незнакомымъ, но тотчасъ я вспомнилъ, что однажды видѣлъ его. То была Реа.

Должно быть, глаза мои выражали недоумѣніе и разочарованіе, потому что, не дожидаясь вопроса, Реа заговорила:

— Я тебѣ сказала, что мы еще увидимся. Наша встрѣча не была случайной. Я поняла, что это судьба привела ко мнѣ тебя, хотя бы противъ твоей воли. Пути Господни неисповѣдимы и часто пользуется онъ зломъ, чтобы изъ него сотворить благо. Вспомни Іону, котораго долженъ былъ про-

глотить китъ, чтобы была спасена Ниневія. Ты думалъ, что твой пріятель завлекъ тебя въ уличную ссору, а это самъ Богъ направлялъ твои шаги ко мнѣ.

Реа говорила это голосомъ глухимъ и торжественнымъ, словно Дельфійская дѣва, и такъ неожиданны были ея слова, что я не находилъ никакого отвтѣа. Наконецъ, совсѣмъ некстати я спросилъ:

— А гдѣ же твоя сестра, Лета?

— Она мнѣ вовсе не сестра,—сурово сказала Реа,—оставь ее. Намъ надо говорить о болѣе важномъ. Прежде всего ты долженъ узнать, что и въ Римъ ты прибылъ не безъ тайнаго указанія Бога. Ты почитаешь себя малымъ и незначительнымъ, но ты предназначенъ для великаго.

Такъ какъ неясное волненіе стало овладѣвать мной съ самыхъ первыхъ словъ, произнесенныхъ Реей, то я постарался отъ него освободиться и сказалъ рѣзко:

— Откуда тебѣ знать, чѣмъ я почитаю себя и что мнѣ предназначила судьба? Кто ты? пророчица?

Мнѣ былъ такой отвѣтъ:

— Часто Господь скрываетъ отъ сильныхъ и мудрыхъ и открываетъ свои тайны малымъ и неразумнымъ. Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, и огненные языки пророчества избираютъ сами чело, чтобы опочить на немъ. Кто мы, чтобы противостоять Его святой волѣ? Горшечникъ не властенъ ли надъ глиной, и можетъ ли рабъ сказать господину: не пойду, куда ты посылаешь! Ты, изъ рода Юніевъ, юноша, которому восемнадцать лѣтъ, въ правленіе императора Граціана, призванъ уготовать пути тому, кто грядетъ.

Тишина часа и уединенность мѣста, сумракъ, обволакивавшій насъ, странныя слова женщины, говорившей со мной, и даже постепенно стихавшій ропотъ Аппіевой дороги,—все производило на меня впечатлѣніе чего-то таинственнаго и страшнаго. Или, можетъ быть, въ самомъ голосѣ Реи было особое вліяніе, подчинявшее себѣ волю, только я чувствовалъ, что теряю власть надъ собой, и казалось мнѣ, что душа моя захвачена въ незримую сѣть, словно рыба рыба-

ремъ. Все же у меня мелькнула мысль, что со мной говоритъ помѣшанная, и я произнесъ неувѣренно:

— Мнѣ твои рѣчи непонятны. Оставь меня. Я ухожу.

Но повелительно Реа сказала мнѣ:

— Юноша, останься и слушай. Пойми дни, въ которые ты живешь. Исполнились сроки и приблизилось время. Gratianus imperator! тотъ, котораго именуютъ покровителемъ церкви. Сочти число буквъ имени его. Не восемнадцать ли оно? трижды шесть—число звѣря. Открой очи ума своего и смотри. Не за восемнадцать ли дней до календъ встрѣтились мы съ тобой? Не восемнадцать ли тебѣ лѣтъ, юноша? Не изъ рода ли ты Юніевъ. Признай же, что о тебѣ гласитъ давнее пророчество: Magnus et potens erit, sed iunioris robure accrescet?

Слабо, но я пытался возражать.

— Помилуй! — сказалъ я. — Развѣ мало Юніевъ помимо меня: ихъ тысячи. И многимъ изъ нихъ, какъ мнѣ, восемнадцать лѣтъ. И пройдетъ немного времени, и я уже буду старше. Что же станется съ твоими пророчествами?

— Не богохульствуй!—воскликнула Реа все такъ же повелительно.—Сейчасъ не время говорить все. Ты еще многое узнаешь. Ты узнаешь великое и страшное. Мнѣ было видѣніе. Я видѣла твой ликъ раньше, чѣмъ ты повстрѣчался мнѣ. Я узнала тебя, потому что ты былъ мнѣ указанъ. И не возражай, что осталось мало сроку. Говорю тебѣ: прежде чѣмъ истекутъ названные тобой мѣсяцы, Онъ явится.

— Кто? — вопросилъ я, почему-то охваченный страхомъ.

Реа шопотомъ, какъ сибилла, сказала мнѣ:

— Тотъ, кого люди предыменуютъ Антихристомъ.

— Ты не въ своемъ умѣ, дѣвушка, — сказалъ я, собирая всѣ силы своей воли. — Божественнаго Августа, благочестивѣйшаго императора Граціана, покровителя церкви, ты называешь Антихристомъ!

— Ошибаешься, юноша! — все такъ же тихо, но торжественно возразила Реа.—Истинная церковь Христова не та, которая взяла мечъ Цезарей. Поднявшій мечъ отъ меча и

погибнетъ. Но и Граціанъ — не грядущій. Онъ еще не открылся. Но уже при дверяхъ стоитъ Онъ. Женихъ грядетъ и скоро ударитъ въ ворота. Горе, кого онъ застанетъ спящимъ.

Разсказываютъ физики, что иныя змѣи околдовываютъ свою добычу взглядомъ. Въ тотъ часъ я похожъ былъ на такого звѣря, такъ какъ члены мои были словно связаны магическими чарами. Опять собравъ всѣ силы, я всталъ со ступени и сказалъ рѣшительно:

— Выслушай меня, Реа. Мнѣ нѣтъ дѣла до твоихъ бредней. Я не христіанинъ. Я вѣренъ религіи моихъ предковъ. Но, если бы и былъ я послѣдователь Христа, какъ пошелъ бы я за тѣмъ, кто меня зоветъ служить Антихристу?

Реа, стремительно вставъ, загородила мнѣ дорогу. Въ темнотѣ, облеченная въ свои бѣлыя одежды, она похожа была на призракъ, вызванный некромантомъ изъ могилы. Опустивъ мнѣ свои руки на плечи, наклонивъ близко лицо, которое теперь показалось мнѣ красивымъ, она стала говорить страшнымъ голосомъ, напоминавшимъ шипъ змѣи:

— Савлъ гналъ христіанъ и сталъ великимъ апостоломъ Христа. Се нынѣ ты на своемъ пути въ Дамаскъ. Но не можетъ Добро прійти въ міръ иначе, какъ черезъ Зло. Не было бы заслугъ человѣка передъ Богомъ, если бы Змій не соблазнилъ Еву. Не родились бы патріархи, пророки, цари и святые, если бы въ міръ Каинъ не ввелъ смерть. И не совершалась бы жертва Искупленія, если бы Іуда не предалъ на пропятіе Учителя. Блаженны всѣ, исполнившіе волю Создателя. Я—Реа, виновная, пріемлю на себя грѣхъ пророчествовать объ Антихристѣ. Ты—Децимъ, десятый, и будешь убитъ, когда десятаго постигнетъ казнь небесная.

Воля и силы меня окончательно оставили. Изнеможенный, самъ не понимая, что со мной происходитъ, я прислонился вновь къ гробницѣ. А Реа, вдругъ доставъ изъ-подъ одежды какой-то свертокъ, подала его мнѣ съ грознымъ приказаніемъ.

— Теперь ты долженъ это хранить. Возьми его и сбереги до часа, когда отъ тебя его потребуютъ.

Она скрылась между гробницъ такъ быстро, словно бы унеслась прочь на драконахъ Медеи. Когда же я остался одинъ въ сумракѣ ночи, сознаніе вернулось ко мнѣ. Восходившая луна бросала свои первые красноватые лучи.

Я развернулъ бывшій у меня въ рукахъ свертокъ.

Пурпуровый колобій, императорская одежда, выпалъ изъ него.

Тутъ дикій страхъ, какого никогда еще до той поры я не испытывалъ, охватилъ меня. Я хотѣлъ тотчасъ бросить опасный даръ и скрыться поспѣшно. Но я разслышалъ шаги какихъ-то запоздалыхъ путниковъ. Боясь, что они увидятъ брошенную мною вещь и тотчасъ же повлекутъ меня къ отвѣту, я трепетными руками вновь скрутилъ свертокъ и бросился бѣжать.

Я опомнился только въ своей комнатѣ, въ домѣ дяди. Озираясь, не подглядываетъ ли кто, я запряталъ пурпуровый колобій на самое дно моего дорожнаго ларя. Мои зубы стучали. Я былъ словно боленъ лихорадкой. Въ постели я спряталъ голову въ подушки. Но передо мной, вытѣсняя всѣ другія мечты, все стоялъ обликъ изступленной дѣвушки, безумной или пророчицы, указавшей мнѣ таинственную судьбу.

VIII.

Цѣлый день послѣ встрѣчи съ Реей я провелъ въ постоянной тревогѣ, и ни на минуту мысль о пурпурномъ колобіи меня не покидала. Утромъ у меня было намѣреніе осторожно унести опасный даръ и гдѣ-нибудь, внѣ Города, тайно его бросить. Потомъ мнѣ стало казаться, что такой поступокъ былъ бы нечестнымъ по отношенію къ дѣвушкѣ, довѣрившей мнѣ вещь драгоцѣнную, такъ какъ не легко побудить какую-либо мастерскую въ имперіи выткать императорское одѣяніе. Я говорилъ себѣ и то, что мнѣ опасаться нечего, такъ какъ врядъ ли императорскіе соглядатаи посмѣютъ проникнуть въ домъ сенатора. Послѣ немалыхъ колебаній я остановился на томъ, что постараюсь разыскать эту Рею и тогда верну ей свертокъ, а до того времени оставлю его на днѣ моего ларя, гдѣ никому не придетъ въ голову его искать. Можетъ быть, это послѣднее рѣшеніе я принялъ не безъ тайнаго вліянія странной дѣвушки, которая, и отсутствуя, продолжала подчинять мою волю своимъ хотѣніямъ.

Какъ только моя душа успокоилась, подобно морю послѣ бури, тотчасъ изъ волнъ, какъ пѣннорожденная богиня, всталъ образъ прекрасной Гесперіи. При одной мысли, что я могу вновь увидѣть ея божественный ликъ, вновь услышать ея царственный, но ласкающій голосъ, мое сердце сжималось, словно въ нѣжныхъ тискахъ. Съ такимъ искушеніемъ бороться у меня не было силъ, и, наконецъ, я себѣ

сказалъ, что пойду завтра къ ней, такъ какъ она сама звала меня ее посѣтить, хотя, можетъ быть, только изъ любезности.

Мнѣ стоило большого труда на другой день дождаться часа, приличествующаго посѣщенію, и даже, подойдя уже къ дому Эліана Меція, на Холмѣ Садовъ, я долго не осмѣливался постучаться дверным молоткомъ въ ворота, думая, что еще слишкомъ рано. Этотъ домъ находился на самой высотѣ Холма, уже неподалеку отъ Пинцеанскихъ воротъ, и уединенно стоялъ, за высокой каменной оградой, въ обширномъ саду. Изъ темной зелени кипарисовъ, смуглой—лавровъ и нѣжной—платановъ мнѣ были видны его благородныя старинныя формы, и долго я имъ любовался, находя какое-то сходство въ стройности его линій съ самой Гесперіей. Наконецъ, преодолѣвъ свое волненіе, я постучался.

Мнѣ пришлось настойчиво повторять привратнику, что я родственникъ Гесперіи и что она пригласила меня къ себѣ, прежде чѣмъ онъ впустилъ меня въ садъ. И здѣсь только я началъ убѣждаться, что та роскошь Рима, о которой столько говорятъ сатирики, не выдумка, потому что садъ, разбитый какимъ-нибудь знаменитымъ садоводомъ, уже былъ созданіемъ истиннаго искусства. Я шелъ дорогой, усыпанной разноцвѣтными камешками, среди деревьевъ, подстриженныхъ въ видѣ то дракона, то лодки, то птицы, и тутъ же были разбросаны кусты розмарина и барбариса; рѣдкіе осенніе цвѣты были соединены въ красивыя сочетанія, образуя хитрые узоры, и цѣлыми рядами подымали свои пышныя головы розы; тамъ и здѣсь изъ зелени кустарника бѣлѣлъ мраморъ статуй, хотя и вѣчно безмолвныхъ, но и вѣчно живыхъ обитателей этого острова блаженныхъ; въ маленькихъ, выложенныхъ мраморомъ водоемахъ дремали лебеди и при моемъ приближеніи повертывали шею и, открывъ одинъ глазъ, провожали меня пристальнымъ взглядомъ.

У дверей дома я долженъ былъ выдержать споръ съ другимъ привратникомъ и тотъ передалъ меня номенклатору, который меня повелъ по безконечнымъ заламъ, похожимъ на отдѣльные дома цѣлаго города. Стѣны то были выло-

жены цвѣтнымъ мраморомъ, подобраннымъ такъ, чтобы составлять какъ бы причудливыя картины, то расписаны искусной рукой художника, изобразившаго сцены изъ жизни боговъ, героевъ и людей, то украшены мозаикой изъ разноцвѣтнаго стекла, то сверху до низу украшены перламутромъ. Драгоцѣнные столы изъ малахита, рѣзныя скамьи и кресла, золоченые свѣтильники, Вавилонскіе ковры и вся пышность убранства — пропадали для взора случайнаго пришельца, привлекаемаго удивительными статуями и картинами, въ которыхъ не трудно было угадать созданія древнихъ великихъ художниковъ. И особенную жизнь этимъ пустыннымъ покоямъ придавали цвѣты и цѣлыя деревья, во множествѣ разставленныя вездѣ въ особыхъ дорогихъ сосудахъ.

Проведя меня едва ли не черезъ весь домъ, номенклаторъ возгласилъ мое имя около маленькой комнатки, и я, отдернувъ тяжелый занавѣсъ, съ бьющимся сердцемъ, переступилъ ея порогъ.

Комната, въ которой я оказался, освѣщалась окномъ со стеклами, что обычно у насъ въ Галліи, но считается роскошью въ Римѣ. Я думаю, что убранство этой комнаты было единственное въ Городѣ, такъ какъ вся она была уставлена вещами, привезенными изъ далекой страны Синовъ и Серовъ. Здѣсь были чудовищные драконы изъ слоновой кости, металла и дерева, выдѣланные съ варварскимъ, но изумительнымъ искусствомъ, образы чужихъ боговъ, безобразные и устрашающіе, изображенія невѣроятныхъ зданій съ остроконечными крышами, фигуры отвратительныхъ бородатыхъ мужей и невѣдомыхъ разъяренныхъ животныхъ, какіе-то колокольчики, шары, странные музыкальные инструменты и много другихъ созданій таинственнаго народа, живущаго за предѣлами За-Имайской Скиѳіи и За-Гангійской Индіи. Но въ ту минуту я не могъ разсматривать всѣхъ этихъ диковинокъ, ибо мои глаза тотчасъ устремились на то божественное видѣніе, которое поразило меня въ домѣ дяди и здѣсь вновь предстало въ томъ же величіи и той же прелести.

Подъ пастью громаднаго усатаго дракона съ хвостомъ

Сциллы, на мягкомъ ложѣ, устланномъ тигровой шкурой, въ легкой шерстяной циклѣ, возлежала Гесперія, и ея лицо въ полусвѣтѣ комнаты казалось лицомъ Цирцеи, царящей среди своихъ, обращенныхъ въ чудовищъ, поклонниковъ. Рядомъ съ ней, на креслѣ, сидѣлъ юноша моихъ лѣтъ или немного старше, съ характерными Сирійскими чертами лица, тонкій, изнѣженный, блѣдный, одѣтый изысканно, но въ одежду тоже восточнаго покроя, вродѣ гальбана, изъ ткани желтаго цвѣта. Мнѣ показалось, что мое появленіе заставило Гесперію и ея гостя отодвинуться другъ отъ друга, но тотчасъ Гесперія произнесла привѣтливо:

— Ахъ, это ты, милый Юній. Ты хорошо сдѣлалъ, что ко мнѣ пришелъ: я тебя эти дни ждала. Это, — добавила она, знакомя меня съ своимъ посѣтителемъ,—Юліаній Азіатикъ, мой лучшій другъ, а это—Юній Норбанъ, племянникъ Тибуртина.

Я сѣлъ неподалеку отъ ложа Гесперіи, и вновь мною овладѣло то юношеское смущеніе, какое ея присутствіе мнѣ внушало. Въ первыя минуты я не способенъ былъ промолвить ни одного слова, и Гесперія, желая меня ободрить, стала разспрашивать, что я дѣлаю въ Городѣ и началъ ли свое ученіе. Узнавъ, что я еще не выбралъ, къ какому профессору пойти, она сказала:

— Тебѣ въ этомъ поможетъ Юліаній. Онъ слушалъ чтенія всѣхъ лучшихъ реторовъ въ Римѣ и дастъ тебѣ хорошій совѣтъ.

— О, насчетъ этого колебаться нечего,—вставилъ Юліаній голосомъ очень мягкимъ, не то вкрадчивымъ, не то покровительственнымъ, — конечно, надо итти къ Энделехію; это единственный реторъ въ Городѣ, который, дѣйствительно, знаетъ древнихъ. Въ наши дни обыкновенно знаютъ только схоліи къ нимъ. Энделехій — достойный преемникъ великаго Минервія. Пусть Юній придетъ ко мнѣ, и я его представлю профессору, такъ какъ тотъ неохотно принимаетъ незнакомыхъ учениковъ.

Когда я поблагодарилъ юношу за усердіе, Гесперія добавила еще:

— Вообще, милый Юній, ты многому можешь у Юліанія научиться. Смѣло съ него бери примѣръ, какъ одѣваться и причесываться, какъ кланяться и вести рѣчь. Онъ истинный судья изящества нашихъ дней, только не при дворѣ Цезаря, а при моемъ.

— Это дѣлаетъ меня болѣе счастливымъ,—сказалъ Юліаній съ улыбкой, которая мнѣ показалась противной.

Такъ какъ я не продолжалъ разговора, то Гесперія и Юліаній возвратились къ той бесѣдѣ, которую вели до моего прихода, и стали говорить о нѣкоемъ Тамезіи Олимпіи Агенціи, рѣшившемъ на свой счетъ воздвигнуть новый храмъ Митрѣ. Гесперія разспрашивала о подробностяхъ этого дѣла, а Юліаній давалъ ей объясненія и въ концѣ сказалъ:

— Это—благородный отвѣтъ на тѣ гоненія, какія воздвигъ императоръ на насъ, хранящихъ религію отцовъ. Онъ думаетъ, что довольно отнять у храмовъ земли, и жрецовъ лишить содержанія, чтобы прекратились тысячелѣтнія служенія богамъ и всѣ мы пошли поклоняться Іудейскому Христу. Но вотъ находится истинный Римлянинъ и говоритъ: „Имперія не хочетъ строить храмовъ, я самъ построю храмъ божественному Митрѣ, безъ содѣйствія императорской казны! Я отдамъ на это все свое состояніе, ибо кто можетъ назвать себя богаче человѣка, дѣлящагося своимъ имуществомъ съ богами!“ Найдется другой, который столь же охотно отдастъ свои деньги на поддержку храмовъ, уже существующихъ. Третій, — который будетъ выдавать жрецамъ содержаніе, болѣе богатое, чѣмъ они получали раньше. Четвертый, — который приметъ на себя устройство торжественныхъ празднествъ въ честь боговъ. Римляне не станутъ жалѣть денегъ, если дѣло идетъ о вѣрѣ ихъ отцовъ. Что значитъ нѣсколько милліоновъ сестерцій, когда надо воздать честь богамъ! Граціанъ думаетъ, что онъ всесиленъ, но онъ забываетъ о народѣ Римскомъ.

Тутъ Гесперія прервала Юліанія и такъ сказала мнѣ:

— Милый Юній, я должна тебя предупредить, что въ моемъ домѣ ты можешь услышать слова, которыхъ никто не долженъ знать за его стѣнами. Если ты хочешь быть

моимъ другомъ, ты долженъ поклясться мнѣ въ постоянной скромности.

Я вскочилъ порывисто, ища глазами какого-нибудь изображенія божества, чтобы произнести требуемую клятву, но вездѣ встрѣчалъ лишь чудовищные образы варварскихъ чудовищъ. Юліаній, угадавъ мое намѣреніе, снялъ съ своего пальца перстень и передалъ его мнѣ со словами:

— Вотъ перстень моего отца.

На широкомъ золотомъ кольцѣ была гемма изъ сердолика тонкой греческой работы, съ изображеніемъ Геліоса лучезарнаго. Держа въ рукахъ этотъ перстень и обернувшись къ востоку, я произнесъ:

— Солнцемъ божественнымъ, видящимъ все, днемъ проходящимъ надъ землею, ночью нисходящимъ въ царство мертвыхъ, клянусь: этому дому принадлежитъ моя вѣрность. Все, что мнѣ прикажетъ его повелительница, я съ покорностью исполню, и отъ всего, что она воспретитъ, остерегусь. И если я нарушу эту клятву, да буду я отвергнутъ всевидящимъ сыномъ Титана, да буду проклятъ и лишенъ дневного свѣта!

Гесперія послѣ моей клятвы засмѣялась.

— Ты слишкомъ легко увлекаешься, Юній,—сказала она,—твоя страстность можетъ тебѣ повредить. Ты ни въ чемъ не знаешь мѣры. Но я тебѣ вѣрю. Пойдемте въ садъ, — добавила она,—я хочу подышать свѣжимъ воздухомъ.

Я возвратилъ перстень Юліанію, а тотъ поспѣшилъ къ Гесперіи, чтобы ей помочь встать съ ложа. Въ ея движеніяхъ не было той упругости, какую замѣтилъ я у нея при первой встрѣчѣ: напротивъ, она двигалась съ какимъ-то усиліемъ, съ той нѣжной истомой и съ той медлительной слабостью, какія свойственны женщинамъ утомленнымъ. И видя, какъ она спокойно опирается, вставая, на плечо Юліанія и какъ тотъ безъ волненія принимаетъ это прикосновеніе, не могъ я не подумать, что такое сближеніе было для нихъ обычнымъ. И вдругъ страшная мысль пришла мнѣ въ голову: что если эта плѣнительная слабость Гесперіи происхо-

дитъ отъ того, что до моего прихода она и Юліаній предавались утѣхамъ ласкъ? Судя по тому, что̀ я зналъ о Гесперіи, мысль эта не таила въ себѣ ничего невѣроятнаго, и я почувствовалъ себя уязвленнымъ въ сердце словно ядовитымъ жаломъ виперы.

Мы вышли въ садъ, гдѣ все было тихо и безмятежно, какъ если бы за стѣной не бушевали мутныя волны великаго города; Гесперія шла, опираясь на руку Юліанія, а я, мучимый своими жестокими подозрѣніями, рядомъ съ ними, и тамъ, бродя по цвѣтнымъ тропинкамъ, мы продолжали разговоръ о богахъ и судьбѣ религіи отцовъ. Юліаній осыпалъ дерзновенными упреками императора и его коварныхъ совѣтниковъ, отвратившихъ его отъ того пути, на который его направилъ его знаменитый учитель, мой соотечественникъ, славный Авсоній; я рѣдко находилъ возможность вставить нѣсколько своихъ словъ, а Гесперія, отказавшись на этотъ разъ отъ того оттѣнка шутки, которымъ обычно сопровождала свою рѣчь, сказала намъ обоимъ голосомъ немного печальнымъ, но меня чаровавшимъ, какъ музыка:

— Мои юные друзья! Вижу, что вы преданы богамъ, и радуюсь этому, такъ какъ въ нашъ вѣкъ это тернистая дорога. Но не падайте духомъ, потому что на нашей сторонѣ сама истина, явная для всѣхъ, кто открытыми глазами смотритъ на міръ. Даже здѣсь, въ этомъ саду, развѣ не чувствуете вы присутствія тѣхъ боговъ, которымъ мы поклоняемся? Развѣ не чувствуете, что есть божественное въ этихъ деревьяхъ, что̀ дрожатъ передъ нами своей листвой, въ этихъ живыхъ водахъ, въ этомъ синемъ небѣ, въ насъ самихъ и въ каждомъ нашемъ шагѣ? что есть высшія существа, которыя обо всемъ этомъ заботятся? Для насъ, сохраняющихъ преданія предковъ, весь міръ живъ, и мы не одиноки на землѣ, каждую минуту жизни соприкасаясь съ безсмертными. Высшіе, чѣмъ мы, но подобные намъ, они видятъ наши горести и радости, они понимаютъ ихъ, и у насъ есть надежда на ихъ помощь. Какъ сладостно бываетъ невѣстѣ приносить свои дѣтскія игрушки въ даръ богинѣ Венерѣ, извѣдавшей всѣ радости любви; или

воину молить могучаго Марса, любящаго сраженія и кровопролитія; или пѣвцу призывать помощь Каменъ, поющихъ и пляшущихъ, съ лироноснымъ предводителемъ своего хора! Какъ просто и какъ понятно думать, что міромъ правятъ божества, сходныя съ нами, съ божественнымъ ихоромъ въ жилахъ, но увлекаемыя тѣми же страстями, какъ мы. Съ ихъ, враждебной намъ, волей мы можемъ бороться; ихъ дружескаго содѣйствія искать. Намъ легко умирать, такъ какъ мы знаемъ, что въ поляхъ Елисейскихъ мы обрѣтаемъ все то же, что оставили здѣсь. И задолго до христіанъ мы сказали, что истинная жизнь начинается лишь за вратами смерти.

Помолчавъ, Гесперія тихимъ голосомъ произнесла двустишіе какой-то надгробной надписи:

Истинно лишь теперь ты живешь и счастливѣе время
Провождаешь теперь, чуждый условій земныхъ...

Юліаній, видимо стараясь говорить угодное Гесперіи, добавилъ:

— Христіане только увѣряютъ, что поклоняются единому Богу. Они уже сотворили вмѣсто одного трехъ Боговъ. Подобіемъ нашихъ олимпійцевъ они сдѣлали своихъ высшихъ ангеловъ, причемъ одинъ изъ нихъ, какъ Марсъ, печется о войнахъ. На мѣсто низшихъ божествъ поставили ангеловъ, чтобы заполнить пустоту между божествомъ и человѣкомъ. А наше поклоненіе героямъ замѣнили поклоненіемъ мученикамъ и святымъ. Они во всемъ подражаютъ намъ, чтобы скрыть несообразности своего ученія.

— Иначе,—продолжала Гесперія,—развѣ могли бы они соблазнить народъ, знающій о богахъ? Мать, привыкшая просить Интерцидону, Пилумна и Деверру, чтобы они охранили новорожденнаго отъ гнѣва Сильвана, развѣ стала бы молиться какому-то одному далекому Богу, ей непонятному, притомъ Богу мужчинъ, а не женщинъ, не боясь погубить своего ребенка? Или развѣ отказался бы колонъ отъ призыванія на свои поля милостей Цереры, если бы и ему не оставили близкихъ покровителей, въ какихъ-то святыхъ, заботящихся

объ урожаѣ. И больной, конечно, пошелъ бы въ храмъ Эскулапа, если бы его не обманули, что онъ можетъ получить исцѣленіе на могилѣ прославленаго мученика. Христіане любятъ говорить, что они мудры, какъ зміи, и эту змѣиную мудрость употребили они на то, чтобы незамѣтно обмануть людей простыхъ и невѣжественныхъ, не умѣющихъ разобраться въ ихъ хитросплетеніяхъ.

— Мы разоблачимъ этотъ обманъ передъ всѣми! — воскликнулъ Юліаній, дѣлая красивое движеніе лѣвой рукой, словно акторъ на сценѣ.

Что касается меня, то я съ изумленіемъ слушалъ проникновенныя рѣчи Гесперіи, и она представлялась мнѣ не только воплощеніемъ красоты, но и воплощеніемъ мудрости. И я безъ конца былъ готовъ учиться этой мудрости, бродя за Гесперіей среди благоухающихъ розъ, мимо искусственныхъ ручьевъ, подъ тѣнью широкихъ платановъ. Мнѣ казалось, что я въ саду Гесперидъ слушаю поученія мудрой дочери Атланта.

Однако, Юліаній вдругъ началъ прощаться, и я, не рѣшаясь остаться въ домѣ безъ него, сдѣлалъ то же. Но такъ какъ Гесперія привѣтливо сказала мнѣ:

— Приходи опять, Юній, ты мнѣ понравился,—

то, выходя изъ воротъ сада, я чувствовалъ себя почти вполнѣ счастливымъ.

IX.

Пока мы шли по Старой Саларійской улицѣ, пересѣкая сады Лукулла, Юліаній съ чисто городской любезностью сталъ меня разспрашивать, понравился ли мнѣ Римъ. При этомъ Юліаній сразу перемѣнилъ и голосъ, и самый складъ своей рѣчи и, оставивъ въ сторонѣ вопросы важные, всего больше домогался узнать, понравились ли мнѣ Римскія копоны и лупанары, загородныя диверсоріи и другія увеселенія Города. Когда я не безъ смущенія отвѣтилъ, что я, хотя познакомиться съ этими мѣстами уже имѣлъ случай, нашелъ ихъ ничѣмъ не лучше, чѣмъ у насъ, въ Аквитаніи, и несоотвѣтствующими славѣ Рима, Юліаній гордо возразилъ мнѣ:

— Видно, съ тобой не было человѣка, который показалъ бы тебѣ, что есть въ Городѣ замѣчательнаго. Если ты хочешь, я охотно когда-нибудь поведу тебя въ винаріи, роскошью не уступающія дворцамъ, такъ какъ могу сказать, что знаю Римъ, какъ свою ладонь.

До того дня я никогда не дѣйствовалъ хитростью, и всѣ военныя уловки, къ которымъ такъ успѣшно прибѣгаютъ соглядатаи, были мнѣ чужды. Но въ ту минуту у меня мелькнула мысль, что, можетъ быть, мнѣ удастся что-нибудь вывѣдать у моего спутника, и, тотчасъ принявъ рѣшеніе, я ему сказалъ:

— Если ты, Юліаній, не пренебрегаешь моимъ обществомъ и если у тебя еще часъ свободный, почему бы намъ теперь

же не познакомиться съ одной изъ этихъ роскошныхъ табернъ? Ты мнѣ обѣщалъ столько значительныхъ услугъ, что нехорошо было бы, если бы я не предложилъ тебѣ выпить со мной по кубку хорошаго вина.

Юліаній очень охотно согласился, и мы, измѣнивъ путь, направились къ храму Флоры и оттуда по Верхне-Семитской улицѣ къ величественнымъ термамъ Діоклеціана, громада которыхъ выступала изъ-за крышъ домовъ, хотя онѣ и стояли на низменномъ мѣстѣ. Неподалеку отъ термъ, въ небольшомъ переулкѣ Юліаній подвелъ меня къ невзрачному дому, въ нижней части котораго былъ входъ въ копону, не болѣе пышную, чѣмъ посѣщавшіяся мною съ Ремигіемъ, съ надписью надъ дверью: „Для всѣхъ есть вино". Въ первой комнатѣ за грязными столами сидѣли и утѣшались дарами Либера люди въ однѣхъ туникахъ или въ грубыхъ биррахъ. Но какъ только Юліанія замѣтилъ копонъ, онъ къ намъ бросился съ низкими поклонами и провелъ насъ въ заднюю часть дома, гдѣ оказалась комната, если и не роскошная, то все же убранная съ притязаніями на пышность. Стѣны были расписаны, хотя и неискусно, дверь завѣшана ковромъ, середину занималъ триклиній, причемъ столъ былъ покрытъ скатертью, а ложа плохими коврами. Когда мы тамъ усѣлись, копонъ, продолжая перегибаться, спросилъ, чѣмъ онъ намъ можетъ услужить.

Я предложилъ Юліанію распорядиться.

— Послушай, негодяй,—сказалъ тотъ хозяину,—у тебя, я знаю, есть порядочное Цекубское, въ такихъ низенькихъ амфорахъ, съ надписью, будто это вино временъ Діоклеціана. Ты, конечно, мошенникъ, и надпись эта подложная, но вино твое пить можно. Откупори же намъ одну изъ этихъ амфоръ и пришли сюда его полный ціатъ: только берегись сплутовать, я узнаю по вкусу, то ли это вино, и если нѣтъ, изобью тебя немилосердно. Да еще пришли двухъ флейтистокъ получше, хотя бы Делію и Гликерію.

Копонъ сдѣлалъ видъ, что опрометью бѣжитъ исполнять приказаніе, и скоро два красивыхъ мальчика уставили на

отдѣльномъ столѣ большой кратеръ съ виномъ, подали намъ неглубокія серебряныя чаши и блюдо съ фигами. Затѣмъ появились и двѣ дѣвушки, изъ числа тѣхъ, которыхъ Римляне называютъ ambubaiae, въ прозрачныхъ восточныхъ коахъ, позволявшихъ видѣть всю красоту ихъ сложенія. Обѣ онѣ привѣтствовали Юліанія, какъ давняго знакомаго.

Первое время я ни о чемъ не могъ Юліанія разспрашивать, такъ какъ дѣвушки пѣли и играли на своихъ причудливыхъ флейтахъ, вертѣлись около прислуживающіе мальчики и ежеминутно забѣгалъ хозяинъ спросить, не нужно ли намъ еще чего-нибудь. Юліаній, распахнувъ свою гальбану и разлегшись на ложѣ, то нескромно шутилъ съ флейтистками, то мучилъ меня длинными разсказами о томъ, какъ хорошо онъ знаетъ Римъ.

— Я родился на Востокѣ,—говорилъ онъ,—но мнѣ было два года, когда меня привезли въ Городъ, и я считаю себя истиннымъ Римляниномъ. Да и кровь во мнѣ Римлянина, иначе я не могъ бы стать тѣмъ, что̀ я, такъ какъ провинціала всегда можно узнать, сколько бы онъ ни жилъ въ Городѣ. Настоящее изящество дается только рожденіемъ, все остальное—подражаніе, которое можетъ обмануть лишь невѣжду. Ты мнѣ довѣрься, Юній, я научу тебя носить тогу, я тебя поведу въ лучшую тонстрину, гдѣ тебѣ сдѣлаютъ прическу, какая сейчасъ принята. Я тебя введу въ самое лучшее общество, потому что меня всѣ знаютъ въ Римѣ и дверей закрытыхъ для меня нѣтъ.

Слушая пустую болтовню Юліанія, я ему усердно подливалъ вина, а самъ старался пить какъ можно меньше, и когда замѣтилъ, что онъ уже опьянѣлъ, сдѣлалъ знакъ мальчикамъ и дѣвушкамъ удалиться, подаривъ имъ по монетѣ. Юліаній замѣтилъ исчезновеніе флейтистокъ, но тотчасъ успокоился, сказавъ мнѣ:

— Это все равно. Я радъ побыть съ тобой вдвоемъ. Потому что ты мнѣ по сердцу, милый Юній.

Я продолжалъ слушать самохвальство пьянѣвшаго Юліанія, подстрекая его самой грубой лестью, и онъ уже безъ

удержу сталъ говорить о томъ, что знакомъ со всѣми сенаторами, что они все рѣшаютъ въ Куріи по его совѣтамъ, хвалился громадными расходами, которые онъ дѣлаетъ, и богатствами своихъ помѣстій, находящихся гдѣ-то въ Луканіи. Гораздо скорѣе, нежели я того ожидалъ, Юліаній опьянѣлъ совершенно и перешелъ къ полной со мной откровенности.

— Такъ какъ ты нашъ, милый Юній,—говорилъ онъ,—то нечего отъ тебя скрывать, что мы готовимся къ борьбѣ. Имперія погибнетъ, если останется въ рукахъ христіанъ. Въ войскѣ падаетъ древняя доблесть; императоръ думаетъ о Богѣ, а не о врагахъ. Но мы спасемъ имперію. За насъ всѣ Римляне, которые только боятся высказать свою волю. Довольно кликнуть кличъ: „Кто за Юпитера Статора и за боговъ?" и всѣ страны отъ Британніи до пустынь Африканскихъ встанутъ и пойдутъ за нами. Я за древній Римъ, нынѣ униженный, и ты съ нами. Поэтому ты мой другъ.

— Кто же кликнетъ этотъ кличъ?—спросилъ я лицемѣрно.

— Мы!—отвѣтилъ Юліаній.—Ты думаешь, мы ничего не дѣлаемъ. Это у васъ, въ провинціи, молчатъ и покоряются. Но мы, Римляне, мы готовимъ войну. У насъ союзники вездѣ—въ Галліяхъ и въ Испаніи, въ Мавританіи и въ Азіи. За насъ боги. Энея вела къ берегамъ Италіи сама богиня Венера. Кто противъ насъ? Сбродъ трусовъ, поучающихъ: „не противься злому". Истинные Римляне во всѣхъ легіонахъ за насъ. У насъ есть клятвы вѣрности уже отъ пяти легіоновъ. Нѣтъ, отъ десяти. Стоитъ намъ подать знакъ, и Граціанъ исчезнетъ, какъ призракъ отъ словъ заклинателя.

— Что же, вы хотите возстановить свободную республику?—спросилъ я.

Юліанъ наклонился ко мнѣ и, схвативъ меня за руку, сталъ шептать.

— Слушай. Я тебѣ открою тайну. Я вовсе не Юліаній Азіатикъ. Я пока скрываюсь. Ты знаешь, кто я? Помнишь перстень моего отца съ изображеніемъ Геліоса? Я—сынъ божественнаго августа Юліана. Я—законный императоръ Юліанъ Констанцій Хлоръ.

Признаюсь, что при такомъ признаніи почувствовалъ я глубокое презрѣніе къ юношѣ, выдававшему свою тайну такъ легкомысленно, подчиняясь лишней чашѣ вина. Юліаній же съ глупой улыбкой, которой старался придать торжественность, откинулъ голову назадъ и смотрѣлъ, какое впечатлѣніе произвели на меня его слова. Какъ умѣлъ, постарался я изобразить смущеніе и испугъ и проговорилъ нѣсколько подобострастныхъ словъ, но, какъ ни плохо я сыгралъ свою роль, для пьянаго Юліанія этого оказалось достаточно, и онъ продолжалъ:

— Да, здѣсь передъ тобой твой императоръ. Когда великій Юліанъ, котораго христіане называютъ Отступникомъ за то, что онъ возстановилъ древнія вѣрованія, былъ въ Антіохіи, его узнала моя мать, жрица Аполлона, изъ Дафны. Императоръ ей оставилъ этотъ перстень, но скоро погибъ отъ стрѣлы измѣнника. Я послѣдній изъ рода Констанція Хлора и я верну себѣ, что̀ у меня отнято. Вся земля моя, вся имперія. Тогда я возстановлю, что̀ пытались сокрушить Константинъ Отступникъ и его послѣдователи. Я покажу имъ, что такое воля Римскаго августа. Ко львамъ христіанъ! Христіанъ ко львамъ!

Послѣднія слова онъ закричалъ такъ громко, стуча кулакомъ по столу, что я испугался, какъ бы ихъ кто-нибудь не услышалъ, и поспѣшилъ, вновь наполнивъ чаши, провозгласить:

— Пью за твой успѣхъ, божественный августъ!

— Благодарю,—сказалъ благосклонно Юліаній.—Ты мнѣ по сердцу, Юній. Когда я надѣну діадему, я построю себѣ золотой дворецъ на Палатинѣ. Прекраснѣе золотого дома Нерона. Тебя, Юній, я сдѣлаю префектомъ. Ты хочешь? Это скоро. Мы только ждемъ дня. И мы устроимъ игры въ амфитеатрѣ Флавіевъ. Ко львамъ христіанъ! Еще я тебѣ подарю виллу въ Сициліи. Ты добрый малый. Можетъ быть, хочешь быть верховнымъ жрецомъ? „Пока въ Капитоліи ходитъ съ безмолвною дѣвой...“ сказалъ Горацій. Какъ это дальше?

Видя, что Юліаній скоро опьянѣетъ совсѣмъ, я поспѣшилъ вырвать у него еще нѣсколько признаній.

— Но гдѣ же вы готовитесь къ великому дню?—спросилъ я.—Вѣдь надо все обдумать, заручиться помощью легіоновъ...

— Гдѣ?—переспросилъ Юліаній.—Да у нея. У Гесперіи. Развѣ ты не понялъ. Но ты далъ клятву. Помнишь? Перстень моего отца. Онъ его подарилъ матери въ Антохіи. Его убили измѣнники. Но я отомщу. Я всю Персію присоединю къ имперіи. Какъ Александръ Великій. Я на него похожъ лицомъ. Да, милый Юній, у Гесперіи. Съ нами всѣ. Симмахъ, Претекстъ, Флавіанъ. Они меня признали. Я имъ всѣмъ дамъ префектуры. Мы собираемся по ночамъ. Надо постучать четыре раза, и когда спросятъ: „кто?" отвѣчать: „Іисусъ распятый". Хорошо придумано? а?

Онъ началъ хохотать пьянымъ смѣхомъ и залпомъ выпилъ еще чашу, сказавъ:

— Хорошее вино. Но у меня тамъ, въ Луканіи, есть лучше. Знаешь, Юній, вина временъ царей. Амфоры старыя, какъ корабль Энея. И золотыя дощечки съ надписями на нихъ. Я тебѣ покажу, если ты не вѣришь. Но вотъ что, надо позвать флейтистокъ. Знаешь, Делія въ меня влюблена, бѣдняжка.

Я всячески постарался воспротивиться такому желанію и, чтобы вернуть мысли Юліанія на прежнюю дорогу, задалъ вопросъ:

— Неужели и Гесперія участвуетъ въ вашемъ заговорѣ?

— Гесперія!—воскликнулъ Юліаній.—Она во главѣ всего. Это удивительная женщина. И какой красоты! Она страстная, такъ что могла бы свести съ ума Пріапа. И божественная, какъ Діана. Но и у Діаны былъ Эндиміонъ. Какъ это у Катулла:

О Латонія, вышняго
Дочерь Іова великая...

При послѣднихъ словахъ Юліанія, говорившаго такъ непочтительно о Гесперіи, ярость зажгла мою кровь, и я способенъ былъ разбить юношѣ голову серебряной чашей, но удержался и сказалъ только:

— Все же ты ошибаешься. Не можетъ у Гесперіи быть своего Эндиміона. Никого не можетъ она признать достойнымъ себя.

— Ты думаешь?—спросилъ Юліаній, улыбаясь лукаво и щуря глаза,—я бы могъ тебѣ сказать... Но вотъ что, позови флейтистокъ... Делія умираетъ отъ любви ко мнѣ... Ахъ, женщины всѣ однѣ и тѣ же. И знатныя и простыя. Я ихъ знаю. Я вѣдь похожъ на Александра Великаго.—(Онъ склонилъ голову къ лѣвому плечу).—Я прикажу сдѣлать свою статую, изъ золота, во образѣ Геліоса. Мой божественный отецъ...

Рѣчь Юліанія становилась все болѣе и болѣе несвязной, и я, видя, что больше ничего отъ него не узнаю, пошелъ расплатиться съ хозяиномъ таберны, запросившимъ за свое вино такую цѣну, что за нее можно было купить цѣлый culeus. Сторговавшись, наконецъ, я вернулся къ Юліанію и засталъ его въ самомъ несчастномъ состояніи, такъ что мнѣ стоило много труда привести его одежду въ порядокъ, а самого его вывести на улицу. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы мы пошли еще въ лупанаръ.

— У меня сейчасъ нѣтъ денегъ,—говорилъ онъ.—Но это ничего. Я проигралъ громадный закладъ на послѣднихъ бѣгахъ. Но я тебя сдѣлаю профекторомъ Города. Пойдемъ со мной. Я покажу тебѣ такихъ женщинъ... Тамъ есть одна мавританка... Я знаю Городъ, какъ свою ладонь... Это—отъ рожденія...

Я, однако, добившись отъ Юліанія указанія, гдѣ онъ живетъ, повелъ его домой, причемъ на улицахъ онъ продолжалъ говорить такія вещи, что мнѣ становилось страшно, не подслушиваютъ ли насъ, заговаривалъ съ прохожими, особенно съ женщинами, и все старался спѣть пѣсенку во славу Пріапа, только не могъ вспомнить дальше перваго стиха:

•Впередъ, квириты! что еще стѣсняться...

Доведя Юліанія до дома, гдѣ онъ жилъ, оказавшагося старымъ и грязнымъ строеніемъ, неподалеку отъ Субурры, я втащилъ юношу на лѣстницу, помогъ ему отпереть его комнату, и онъ сейчасъ же, повалившись на свою постель, захрапѣлъ.

X.

На другой день я посѣтилъ Юліанія, такъ какъ опасался, что, открывъ мнѣ свою тайну, онъ будетъ мнѣ мстить и помѣшаетъ посѣщать Гесперію. Юліаній меня встрѣтилъ въ своей убогой комнатѣ, все убранство которой состояло изъ постели, стола и двухъ скамей, хмурый и смущенный.

— Милый Юній,—сказалъ онъ мнѣ,—хорошо мы напились съ тобой вчера. Крѣпкое вино у этого негодяя.

Потомъ, послѣ молчанія, онъ добавилъ, смотря въ сторону:

— Не говорилъ ли я чего-нибудь лишняго? Когда я выпью, я иногда воображаю разныя нелѣпости.

Придавъ своему лицу самое беззаботное выраженіе, я отвѣтилъ:

— Плохо помню твои слова, Юліаній. Если вино такъ подѣйствовало на тебя, человѣка привычнаго, подумай, что было со мной. Не знаю даже, гдѣ я провелъ полъ-ночи, потому что въ домъ дяди я вернулся только подъ утро.

— А что ты все-таки помнишь?—продолжалъ допытываться Юліаній.

— Ты, кажется, говорилъ,—сказалъ я со смѣхомъ,—что построишь себѣ домъ прекраснѣе золотого дома Нерона. Но, судя по твоему жилью, это будетъ не скоро. А больше, клянусь Геркулесомъ, ничего не припомню.

— Я здѣсь живу временно,—возразилъ мнѣ Юліаній.— Всѣ мои вещи, и библіотека, и статуи—въ моей виллѣ, въ

Луканіи. Пріѣзжай ко мнѣ, и я угощу тебя виномъ много лучшимъ, чѣмъ то, что мы пили вчера.

Я притворился, что вѣрю, а Юліаній тотчасъ обрѣлъ свою обычную безпечность и предложилъ проводить меня къ тому ретору, о которомъ вчера сообщалъ, на что я согласился.

Доставъ зеркало, Юліаній сталъ готовиться къ выходу, подправилъ свои завитые волосы, положилъ румяна не только на губы, но на щеки и кое-гдѣ на шею, подвелъ чернымъ свои брови и полилъ на свою одежду благоуханій.

— Эти благовонія мнѣ недавно прислалъ въ подарокъ пресидъ Виѳиній,—сказалъ онъ при этомъ небрежно.

Мы вышли на улицу, и Юліаній предупредилъ меня:

— Пожалуйста, говори у Энделехія какъ можно меньше. Онъ не любитъ болтуновъ. Потому онъ и считалъ меня своимъ лучшимъ ученикомъ, что я умѣю молчать. Онъ меня очень любитъ, и я его очень люблю, и если бы хотѣлъ стать реторомъ, непремѣнно согласился бы на его просьбу стать въ Римѣ его замѣстителемъ послѣ его смерти. Но у меня иныя намѣренія. Знаешь, какъ говоритъ Горацій:

> Есть такіе, кому пыль Олимпійскую
> Любо въ бѣгѣ вздымать...

Я въ жизни ищу другого, — не вѣнковъ на бѣгѣ колесницъ и не славы ретора, но, можетъ быть, не меньшаго, чѣмъ то и другое.

Идя по крикливымъ и пыльнымъ улицамъ Рима рядомъ съ Юліаніемъ и слушая его хвастливые намеки, я думалъ о томъ, что, можетъ быть, каждую его щеку сотни разъ цѣловала Гесперія, и втайнѣ давалъ себѣ обѣщаніе при первомъ удобномъ случаѣ унизить этого щеголя. Однако, продолжая чувствовать въ себѣ неожиданно открывшуюся способность къ притворству и лукавству, я выслушивалъ его рѣчи почтительно и дѣлалъ видъ, что восхищенъ его изяществомъ и его положеніемъ въ свѣтѣ. Такъ прошли мы полъ-Рима, до Авентина, и за Большимъ Циркомъ Юліаній остановился около небольшого дома старой стройки.

— Это здѣсь,—сказалъ онъ. — Какъ старикъ обрадуется, увидѣвъ меня. Давно я къ нему не приходилъ: все не было времени.

Старый рабъ-привратникъ, однако, не узналъ Юліанія и ему долго пришлось вести съ нимъ споръ, словно съ Хароном̀ъ передъ перевозомъ, пока тотъ согласился извѣстить о нашемъ приходѣ хозяина, который въ это время былъ занятъ съ своими учениками.

Мы вошли въ атрій, обставленный съ простотой, приличествующей дому мудреца. Здѣсь стояли статуи великихъ философовъ, отъ Ѳалеса и Пиѳагора до Плотина и Порфирія. Стѣны не были покрыты никакими изображеніями и здѣсь же, въ атріи, по древнему обычаю, былъ поставленъ ларарій, передъ которымъ еще курился ѳиміамъ лару и пенатамъ дома.

Черезъ нѣкоторое время къ намъ вышелъ Энделехій, человѣкъ уже не молодой, но безъ бороды, съ бритыми щеками, одѣтый, по обыкновенію философовъ, въ большую аболлу; глаза его смотрѣли пронзительно изъ-подъ густыхъ бровей. Къ моему удивленію,—впрочемъ, не очень большому,— онъ тоже не узналъ Юліанія, и тотъ долженъ былъ упорно напоминать, кто онъ, и пространно объяснять, зачѣмъ мы пришли. Выслушавъ Юліанія, Энделехій мнѣ сказалъ:

— Итакъ, ты хочешь быть моимъ ученикомъ. У меня такъ мало времени, что я неохотно принимаю въ свою школу новыхъ учениковъ. Я становлюсь старъ для занятій и, подобно Вергилію, мечтаю посвятить остатокъ жизни одной философіи. Поэтому я прежде всего хочу узнать, ищешь ли ты, дѣйствительно, знанія, или только желаешь научиться хорошо говорить, чтобы выступать на форумахъ. Истинная наука не имѣетъ ничего общаго съ нуждами повседневной жизни. Истинная наука имѣетъ одну цѣль — возвысить душу до созерцанія божественнаго. Еще я у тебя спрошу, чувствуешь ли ты въ себѣ рвеніе не останавливаться на полпути. Конечно, ты преодолѣлъ трудности первыхъ наукъ и грамматики, и легко найдешь въ Римѣ реторовъ, которые возьмутъ на себя

расширить твои познанія. Но я хочу, чтобы мои ученики со второй ступени переходили на высшую. Уча реторикѣ, я готовлю къ философіи, и ты долженъ мнѣ сказать, къ этому ли ты стремишься.

— Да, не изъ всякаго дерева слѣдуетъ вырѣзать Меркурія, — вставилъ здѣсь совсѣмъ неумѣстно Юліаній, сохранившій и въ присутствіи философа свою самоувѣренность.

Что касается меня, то, по мѣрѣ того какъ говорилъ Энделехій, мнѣ казалось, что я какъ бы оживаю. Мнѣ вспомнились тѣ мечты, съ какими я ѣхалъ въ Римъ, надѣясь прильнуть къ самому источнику мудрости, вспомнилось, какъ въ родной Лакторѣ я усердно вникалъ въ уроки моихъ грамматиковъ, Романа и Кратила, стараясь понять „Начала" Эвклида и вполнѣ овладѣть труднымъ для меня Греческимъ языкомъ, какъ надѣялся я впослѣдствіи носить такую же большую аболлу, какая была на Энделехіи. Все, пережитое мною въ Городѣ, всѣ мои любовныя страданія вдругъ показались мнѣ неважными и ничтожными, и съ полной искренностью я отвѣтилъ:

— Учитель! Какъ смѣю я себя назвать достойнымъ, постучавшись въ эту дверь. Никто не можетъ быть вполнѣ подготовленъ, чтобы слушать твои рѣчи. Скажу только, что учился я всегда съ прилежаніемъ и ревностью. Если довольно того, скажу тебѣ, что грамматики Лакторы, откуда я родомъ, признали меня въ числѣ лучшихъ учениковъ, и я передамъ тебѣ письма, въ которыхъ они говорятъ обо мнѣ. Обѣщаю тебѣ, если ты примешь меня въ свою школу, что приложу всѣ старанія, чтобы заслужить и твое одобреніе, и если въ томъ не успѣю, то будетъ вина не моего прилежанія, но моихъ дарованій.

Моя скромная рѣчь, кажется, понравилась ретору, и онъ мнѣ сказалъ болѣе привѣтливо:

— Если такъ, приходи ко мнѣ завтра, и я укажу тебѣ, съ какими учениками ты будешь меня слушать. Тебя зовутъ Юній Норбанъ — (добавилъ онъ), — это — славное имя, и ты долженъ стараться быть его достойнымъ. Я знаю также тво-

его дядю и очень чту его воззрѣнія: будь въ нихъ на него похожимъ.

Я было заговорилъ о платѣ за ученіе, но реторъ меня сурово прервалъ, сказавъ, что объ этомъ я условлюсь съ писцомъ. Послѣ того Энделехій удалился, такъ какъ его ждали. Все его поведеніе крайне было не похоже на то, что Ремигій мнѣ разсказывалъ о Римскихъ реторахъ, и я былъ этимъ весьма удивленъ, Юліаній же воскликнулъ:

— Онъ остался все тотъ же! Забавный чудакъ и такъ разсѣянъ, что едва меня узналъ, хотя самъ меня всегда называлъ надеждой своей школы. Впрочемъ, ты знаешь, что всѣ философы—чудаки и разсѣянны.

Мы прошли въ особую комнату, гдѣ я передалъ писцу ретора бывшее со мной разрѣшеніе отъ магистра ценса на пребываніе въ Городѣ и объяснительныя письма Лакторскихъ грамматиковъ. У того же писца узналъ я, какую плату взимаетъ Энделехій за преподаваніе, при чемъ она оказалась много выше, чѣмъ я ожидалъ. Впрочемъ, будучи въ восторгѣ отъ философа, я объ этомъ тогда не жалѣлъ.

Когда мы вновь вышли на улицу, Юліаній, по поводу какого-то промелькнувшаго мимо негодяя, началъ длинное объясненіе о забытыхъ способахъ носить тогу, о древнемъ Габинскомъ способѣ и о новомъ, чисто Римскомъ, объ умѣніи располагать складки вдоль тѣла и на груди, о томъ, какъ нужно подготовлять тогу, прежде чѣмъ надѣть ее, и о многомъ другомъ. Но мнѣ Юліаній сталъ такъ несносенъ, что я предпочелъ дать ему взаймы золотой солидъ, который онъ у меня попросилъ, и поскорѣе съ нимъ разстаться.

XI.

Послѣ того дня я началъ посѣщать школу Энделехія.

Ученики у Энделехія собирались два раза въ день: утромъ, отъ четвертаго часа до полдня онъ преподавалъ реторику, вечеромъ—философію. Меня онъ допустилъ къ себѣ только на утренніе уроки въ число своихъ младшихъ учениковъ, среди которыхъ иные были много моложе меня, и когда я просилъ его позволить мнѣ слушать и его чтенія по философіи, всегда отвѣчалъ своей любимой поговоркой, что на слѣдующую ступень можно взойти, лишь миновавъ предыдущую.

Не понимаю, чѣмъ Энделехій могъ плѣнить именно Юліанія, такъ какъ реторъ онъ былъ странный. Я увѣренъ, что въ любой другой Римской школѣ лучше можно было изучить и декламацію, и поэтику, потому что обычно учителя даютъ прямыя указанія ученикамъ, заставляютъ ихъ произносить рѣчи, поправляютъ ихъ голосъ и движенія. Энделехій же всегда довольствовался только общими разсужденіями, и въ то время какъ ученики торопливо записывали его слова въ свои пугиллары, неутомимо, по обычаю перипатетиковъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, непрерывно говоря словно съ самимъ собой.

Много было въ этой старческой болтовнѣ лишняго и ненужнаго, но не мало встрѣчалось и мыслей неожиданныхъ, приводившихъ меня въ восхищеніе. Энделехій толковалъ

намъ своего любимаго поэта, Овидія, и каждый стихъ давалъ ему поводъ для длинныхъ разсужденій, преимущественно о природѣ боговъ. Довольно ему было встрѣтить въ „Метаморфозахъ" выраженіе „Солнца дворецъ", чтобы заговорить о таинственномъ и первичномъ значеніи Геліоса, о тожествѣ его съ божествомъ Юпитера, о томъ, что Фебъ и Минерва — лишь его проявленія, а Венера — служительница. Стихи о Хаосѣ, бывшемъ „раньше моря и земли", вызывали Энделехія на длинныя разсужденія о богахъ сверхъ-міровыхъ и богахъ міровыхъ, посредникахъ между первыми и человѣкомъ, и о послѣдней тайнѣ троичности, — тайнѣ, которую христіане похитили у философіи,—о раздѣленіи всего мыслимаго на Бытіе, Умъ и Движеніе. Во всѣхъ древнихъ миѳахъ, подъ формой поэтической басни, открывалъ Энделехій глубокій смыслъ и показывалъ, какая мудрость и какія откровенія заключены въ разсказахъ о превращеніяхъ боговъ и героевъ. Мы узнавали, что несчастная Іо есть прообразъ человѣческой души, преждевременно сочетавшейся съ божественнымъ и получившей свое исцѣленіе лишь черезъ Египетскія мистеріи; что отважный Фаэтонъ есть образъ земной мысли, жаждущей досягнуть до небесныхъ сферъ силами чаръ и заклинаній и потому осужденный на паденіе; что Бакхъ, растерзанный и возвращенный къ жизни, знаменуетъ воскресеніе души послѣ смерти, мысль, извѣчно присущую религіи отцовъ,—и много другого, столь же значительнаго.

— Боги, — говорилъ намъ Энделехій, — суть основныя и высшія воплощенія всѣхъ явленій и всѣхъ дѣйствій. Все, что совершается и что можетъ совершиться, должно имѣть своего бога, какъ бы свой вѣчный образецъ, пребывающій всегда. Если бы не было боговъ, то ничего нельзя было бы мыслить, ибо все стало бы безпрерывно смѣняющимся хаосомъ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою явленій. Признаніе боговъ безсмертныхъ необходимо человѣческому уму, чтобы внести порядокъ и стройность во вселенную.

Думаю, что для большинства учениковъ Энделехія, несмотря на ту предусмотрительность, съ какой онъ выбиралъ

ихъ, его поученія пропадали напрасно, такъ какъ нерѣдко я замѣчалъ на урокахъ лица скучающія. Впрочемъ, никто изъ моихъ новыхъ товарищей не пришелся мнѣ по душѣ, и я ни съ однимъ изъ нихъ не сблизился, такъ что даже намѣренно отлагалъ свое вступленіе въ то маленькое общество, которое образовали они между собой подъ названіемъ „Общества пловцовъ". Самъ же я, вернувшись въ домъ дяди, всегда внимательно перечитывалъ все, записанное въ школѣ со словъ Энделехія на мягкомъ воскѣ, старался угадать недоговоренное имъ и тщательно переписывалъ его слова въ особую книгу чернилами черными и красными.

Однако мое пристрастіе къ философіи не излѣчило раны въ сердцѣ, нанесенной мнѣ крылатымъ богомъ, и скоро ко мнѣ вернулись неотступныя мысли о Гесперіи: я то томился отъ несбыточныхъ желаній, то мучился безправой ревностью. Два раза отваживался я вновь посѣтить Гесперію. Первый разъ я ее засталъ дома вмѣстѣ съ ея мужемъ Эліаномъ, и мнѣ пришлось въ полукруглой экседрѣ долгій часъ вести скучный разговоръ о разныхъ городскихъ новостяхъ, о какомъ-то письмѣ сына Симмаха, присланномъ изъ Азіи, о дѣлахъ въ Сардиніи, объ искусствѣ медика Эвсебія. Второй разъ мнѣ отвѣтили, что Гесперія въ тотъ день не можетъ никого видѣть, и, разспросивъ раба, я узналъ, что иногда овладѣваетъ ею, словно болѣзнь или насланіе бога, неожиданная и неодолимая тоска, такъ что Гесперія по два и по три дня остается въ своей комнатѣ, отказываясь даже отъ пищи.

Послѣ того я не посмѣлъ снова итти къ Гесперіи, но желаніе быть близко отъ нея было во мнѣ такъ сильно, что я сначала часто, а потомъ каждый день сталъ приходить къ ея дому и цѣлые часы проводить тамъ на улицѣ. Обычно я выбиралъ время вечера, когда въ сумеркахъ легче остаться незамѣченнымъ, помѣщался за выступомъ стѣны, окружавшей садъ противъ дома Эліана, и глазами Тантала смотрѣлъ на тѣ бѣлыя стѣны среди разноцвѣтной зелени, за которыми была Гесперія. Небольшая улица, гдѣ я стоялъ, была почти всегда пустынной, но съ сосѣдней Старой Саларійской до-

роги до самой тьмы слышался шумъ шаговъ, стукъ копытъ, грохотъ телѣжекъ, крики на разныхъ языкахъ. Изрѣдка проходилъ мимо меня торговецъ съ лоткомъ, или заѣзжій фокусникъ съ Востока, или съ толпой рабовъ кто-либо изъ живущихъ поблизости. Понемногу все стихало, и я въ сумрачной тишинѣ вволю могъ предаваться своимъ печальнымъ мечтамъ.

Въ эти ночныя вигиліи я успѣлъ узнать всѣхъ, посѣщавшихъ домъ Эліана. Я наблюдалъ, какъ выходилъ изъ дома, то въ сопровожденіи рабовъ, то одинъ, самъ его хозяинъ Титъ Эліанъ Меція, всегда возбуждавшій мое отвращеніе надменностью своей осанки и рѣзкостью своего непріятнаго голоса. Раза два я видѣлъ, какъ прибывалъ къ дому, тоже въ толпѣ служителей, высокій и стройный человѣкъ, съ движеніями благородными и величественными, о которомъ позднѣе я узналъ, что это—Квинтъ Аврелій Симмахъ. Но чаще другихъ, безъ всякаго противодѣйствія со стороны привратника, входила въ домъ какая-то старуха, плохо одѣтая и страшная, съ головой, всегда прикрытой Иллирійскимъ куккулемъ, и больше всего похожая на торговокъ разными снадобьями и ядами, такъ что нельзя было, на нее глядя, не вспомнить Локусты. Обыкновенно, дождавшись ночи, я возвращался въ домъ дяди по темнымъ улицамъ Города, среди шатающихся гулякъ и навязчивыхъ меретрикъ, думая о засыпающей на своемъ пышномъ ложѣ Гесперіи. Утромъ я стыдился своего ночного путешествія, и въ школѣ Энделехія, слушая умныя рѣчи ретора, давалъ себѣ обѣщаніе, что сумѣю побѣдить въ себѣ слабость недостойную мужчины, отрекусь отъ недоступной мнѣ Гесперіи, которая, въ концѣ концовъ, только женщина, подобная многимъ, и найду свое утѣшеніе въ философіи; но едва лучи Феба погасали за домами, я, словно подчиняясь чарамъ страшной Гекаты или чьимъ-то тайнымъ заклинаніямъ, снова, съ безнадежной тоской, пробирался на Холмъ Садовъ.

Такъ продолжалось до того дня, когда, наконецъ, я сталъ свидѣтелемъ того именно, ради чего я, хотя, можетъ быть,

и не отдавая себѣ отчета, каждодневно совершалъ свое безплодное странствіе. Въ тотъ день, подчиняясь неизмѣнному влеченію, я еще до заката солнца пришелъ на полюбившееся мѣсто моихъ мечтаній и моей пытки и увидѣлъ, что у воротъ стоитъ запряженная парой коней карпента и толпятся рабы. Скоро появился Эліанъ, вмѣстѣ съ какимъ-то незнакомымъ юношей; они сѣли въ карпенту и среди криковъ и шума быстро умчались, уѣзжая, повидимому, изъ Города. Послѣ того не прошло и получаса, какъ на улицѣ показалась фигура Юліанія, какъ всегда одѣтаго щегольски, съ пышной аликулой на плечахъ, развѣвавшейся, какъ крылья; мое сердце забилось, и я поспѣшилъ спрятаться за угломъ, а Юліаній увѣренно стукнулъ молоткомъ у воротъ, дверь открылась, и онъ вошелъ. Это совпаденіе—отъѣзда мужа Гесперіи и прихода Юліанія — заставило меня вспомнить всѣ свои самыя жестокія подозрѣнія, свѣтъ заката показался менѣе яркимъ для моихъ глазъ, я присѣлъ на маленькую каменную скамью, бывшую поблизости, потому что не въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Я, стиснувъ зубы, сказалъ себѣ, что буду ждать, когда Юліаній уйдетъ, хотя бы пришлось мнѣ сторожить до новаго пробужденія Авроры.

Потекли часы, которые были для меня столь же тягостны, какъ для раба, котораго бичуютъ, заключивъ ему голову и руки въ патибулъ. Я воображалъ, какъ Юліаній входитъ въ комнату Гесперіи, какъ она его встрѣчаетъ радостными словами и поцѣлуями, какъ они обмѣниваются словами любви и страсти. Я видѣлъ передъ собою изнѣженное и сладострастное лицо юноши, его обдуманныя и дерзкія движенія, думалъ о томъ, что его расчетливыя ласки безъ негодованія принимаетъ та самая Гесперія, у которой мнѣ хотѣлось бы благоговѣйно цѣловать края одежды. Какъ нарисованныхъ искусной кистью художника видѣлъ я двухъ любовниковъ въ полутьмѣ покоя, слабо освѣщеннаго одной лампадой, видѣлъ ихъ сброшенные плащи, лежащіе рядомъ, и словно слышалъ, какъ перемѣшиваются ихъ два голоса: вкрадчивый голосъ Юліанія и пѣвучій—Гесперіи, произносящіе одни и тѣ же

нѣжныя слова. Въ тѣ часы то несказанная горесть, то нестерпимая ярость, то холодное отчаяніе поперемѣнно владѣли мною. Иногда мнѣ казалось, что я, какъ Ніоба, каменѣю, иногда я готовъ былъ какъ неистовый Аянтъ, все ломать вокругъ себя, иногда я придумывалъ жестокіе способы мести, какъ Атрей, иногда припадалъ лицомъ къ камню ограды и плакалъ, не стыдясь слезъ, такъ какъ ихъ проливали и герои Улиссъ и Эней.

Взошла неполная луна; платаны и тополи стали похожи на таинственныя деревья, обрызганныя серебромъ; камни ограды побѣлѣли, и тѣни сдѣлались болѣе черными. Медленно старый убійца, Сатурнъ, влачилъ ночные часы; медленно вращалось звѣздное небо вокругъ недвижимаго полюса и передвигалась Большая Медвѣдица. Городъ смолкъ, и далекій лай собаки или звукъ шаговъ случайнаго прохожаго казались чѣмъ-то рѣзкимъ и громкимъ въ тишинѣ. Волненіе мое стихло тоже, его смѣнило уныніе, какое вѣдаютъ лишь тѣни у береговъ Леты, и я сказалъ себѣ:

— Какое право ты, Юній, имѣешь гнѣваться или мстить? Не вольна ли Гесперія въ своихъ поступкахъ, и какое ей дѣло до того, что ты здѣсь, у ея воротъ, плачешь? Она и не подозрѣваетъ, что въ мечтахъ ты связалъ свою жизнь съ ея и, словно поэтъ, сплелъ хитрую басню, въ которой все— только воображеніе? Что ты такое? мальчикъ безъ имени, безъ славы, провинціалъ, не умѣющій ни красиво говорить, ни ловко себя держать въ обществѣ. Тысячи и сотни такихъ, какъ ты, проходятъ по тѣмъ же улицамъ Города, встрѣчаютъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, у почернѣлаго компита, въ раззолоченныхъ носилкахъ Гесперію, удивляются ея красотѣ и, можетъ быть, тоже, какъ ты, мечтаютъ о ней. Неужели она должна думать обо всѣхъ и заботиться, чтобы ихъ не мучила безжалостная ревность? Гесперію окружаютъ безсчетніе поклонники, и изъ всего Города она можетъ выбрать того, кто ей нравится, и, конечно, этимъ избранникомъ не будешь ты. Довольно ей сказать кому угодно, самому великому и самому славному: приди ко мнѣ, и каждый сочтетъ

себя счастливымъ ея призывомъ. Какое же безуміе, что ты ее любишь, воображая себя Эндиміономъ, къ которому снизойдетъ съ небосвода сама богиня ночи; нѣтъ, ты можешь ожидать лишь бѣдственнаго конца Актеона.

Но, такъ говоря себѣ, стоя передъ тѣми стѣнами, за которыми Гесперія обнимала моего счастливаго соперника, я впервые понялъ, какъ глубоко проникло въ мою душу жало любви, побѣждающей и олимпійцевъ, и что напрасно я надѣялся забыть ее среди возвышенныхъ раздумій о сущности міра и природѣ боговъ. Я на своемъ опытѣ въ тѣ минуты чувствовалъ, какъ правы были поэты, говорившіе, что любовь проникаетъ въ кости, какъ пламя, и неотступно вспоминался мнѣ стихъ изъ какой-то поэмы, названіе которой я позабылъ: „Не оставляетъ надежды любовь!“ И тогда я, въ первый разъ ставъ поэтомъ, сложилъ нѣсколько элегическихъ дистиховъ:

Къ свѣтлой Діанѣ, плывущей среди чудовищъ небесныхъ,
Смертный, я посмѣлъ взоръ восхищенный поднять.
Какъ Актеонъ, подсмотрѣвшій купанье безсмертной богини,
За наслажденье очей вѣчную казнь я несу.
Буду, какъ бѣдный олень, скитаться въ лѣсахъ Киѳерона,
Долъ оглушая и высь жалобнымъ стономъ своимъ.
Но во вѣкъ не узнаетъ о томъ царица Діана,—
Съ замка высокихъ небесъ скорби не видны людей.

Занятый сочиненіемъ этихъ стиховъ, я на время забылъ наблюдать за воротами, но вдругъ дверь стукнула. Сразу вся кровь отлила у меня отъ лица, я вскочилъ и явственно, въ предутренней мглѣ, разсмотрѣлъ фигуру Юліанія, неспѣшно удалявшагося отъ дома. Онъ тихо напѣвалъ какую-то пѣсню, и мнѣ показалось, что его походка нетверда, какъ у человѣка пьянаго или пресыщеннаго утѣхами любви. Снова неодолимая ярость овладѣла мною, и я готовъ былъ кинуться на него, какъ ночной грабитель, повалить на землю этого тщедушнаго Сирійца, задушить и истоптать его. Но тотчасъ всѣ мои разсужденія предстали мнѣ такъ ясно, какъ если бы мнѣ ихъ прошептала сама богиня мудрости. Ми-

нерва, и я понялъ, что нѣтъ у меня права ни мстить ему, ни наказывать его. Я остался у чужой ограды, какъ голодный нищій, которому сказали обычное: „проси завтра, сегодня уходи“, тогда какъ счастливый любовникъ Гесперіи медленно скрылся за поворотомъ.

И я упалъ лицомъ, плача, на грязные камни мостовой.

XII.

Никогда въ жизни мнѣ не было такъ тяжело, какъ послѣ этой ночи. Вся моя будущая жизнь мнѣ представлялась такой же безвкусной, какъ прѣсная вода, къ которой не примѣшано ни капли вина, и я раздумывалъ, не лучше ли мнѣ пойти на берегъ Тибра и впередъ головой броситься въ его мутныя воды. „Пусть старый Тиберинъ,—говорилъ я себѣ, — приметъ еще одну жертву въ число безсчетныхъ гекатомбъ человѣческихъ жизней, ежегодно обрекаемыхъ ему Страданіемъ, Горемъ и Нищетой".

На другой день я даже не пошелъ въ школу къ Энделехію,—такъ нестерпимо мнѣ казалось не только думать и говорить, но просто видѣть лица людей. Я остался въ своей комнатѣ, въ полутьмѣ, распростертый на ложѣ, предаваясь своимъ унылымъ размышленіямъ, и въ такомъ положеніи засталъ меня Ремигій, котораго я уже давно не видѣлъ, такъ какъ самъ его въ послѣдніе дни не посѣщалъ, а онъ избѣгалъ приходить въ домъ дяди, гдѣ его весьма недружелюбно встрѣчала тетка. Ремигій вбѣжалъ ко мнѣ стремительно, веселый, какъ всегда, вовсе не замѣтилъ моей грусти и сразу, какъ изъ рога Фортуны, высыпалъ на меня множество словъ:

— Милый Децій, что съ тобой сталось? Ты сталъ прилеженъ, какъ попугай. Ужъ не хочешь ли ты стать новымъ Цицерономъ? Клянусь Бакхомъ, я считалъ тебя болѣе ве-

селаго нрава. Не забывай Гораціевскаго: „Увы, о Постумъ, Постумъ, спѣшащіе уходятъ годы...“ или, какъ сказалъ современный поэтъ: „Дѣва, розы сбирай, пока новы, пока молода ты...“ Будетъ еще у тебя время сердиться на весь міръ и прятаться отъ людей!

— Милый Публій,—возразилъ я,—я отцу и матери обѣщалъ въ Римѣ учиться. Довольно мы съ тобой позабавились, пора и работать.

Не слушая меня, Ремигій сѣлъ подлѣ меня на ложѣ и сталъ разсказывать о своихъ послѣднихъ похожденіяхъ:

— Какое со мной вчера было приключеніе! Я нарочно пришелъ его тебѣ разсказать. Но ты, пожалуй, не повѣришь. Слушай. Вчера я, Гней и Гай, мы втроемъ выпили въ копонѣ „Храбраго воина“ конгій хорошаго вина. Случилось такъ, что у меня были деньги, и я ихъ угощалъ. Жаль, что тебя съ нами не было, но гдѣ же тебя искать! Потомъ пошли мы къ проклятой вѣдьмѣ, которую я зову Алекто, помнишь, въ Субуррѣ. Теперь угадай, кого я тамъ встрѣтилъ. Ставлю въ закладъ мой новый вышитый поясъ, что не угадаешь. Приходимъ, а старуха говоритъ намъ: „У насъ есть новенькая красивая дѣвушка, только за нее цѣна на десять сестерцій дороже“. Я отвѣчаю: „Покажи“. Она насъ ведетъ, и представь, кого я вижу? Лету! помнишь Лету, которую мы встрѣтили въ Римскомъ портѣ!

Я началъ слушать разсказъ Ремигія съ большой неохотой, только потому, что зналъ, какъ отъ него трудно отдѣлаться, но, услышавъ его слова, забылъ всю свою печаль, быстро сѣлъ на ложѣ и переспросилъ:

— Какъ Лету? ту самую Лету? Ты ошибся, Ремигій, этого не можетъ быть. Лета, сестра Реи, въ лупанарѣ? Ты просто былъ пьянъ.

— Что я былъ пьянъ, это вѣрно,—возразилъ Ремигій,—и желаю тебѣ почаще мнѣ въ этомъ подражать. Но что теперь въ домѣ проклятой Алекто живетъ Лета, это тоже вѣрно. И какъ было мнѣ ошибиться, когда я съ ней провелъ всю ночь, — прекрасную ночь! Лета не измѣнилась нисколько, и

встрѣтила меня съ такой гордостью, словно бы она была Алкмена, а я Юпитеръ.

Мой взглядъ невольно перешелъ на ларь, въ которомъ былъ спрятанъ пурпуровый колобій, и я сказалъ:

— Публій, ты долженъ меня сегодня же проводить къ ней.

— Охотно,—отвѣтилъ Ремигій,—туда входъ всѣмъ открытый. Только, во имя Геркулеса, ты не долженъ пока ее у меня отбивать. Послѣ, когда пройдетъ время, я самъ ее тебѣ уступлю.

— Клянусь богами,—сказалъ я,—ничего такого у меня въ мысляхъ нѣтъ. Я просто хочу ее разспросить о сестрѣ.

Услышавъ эти мои слова, Ремигій началъ хохотать и забросалъ меня насмѣшками за мое пристрастіе къ женщинамъ старымъ. Онъ даже привелъ стихи Овидія:

Юноши, не небрегите и возрастомъ женщины зрѣлымъ:
Сѣйте и въ эти поля, всходы дають и они!

Но мнѣ въ ту минуту было не до насмѣшекъ Ремигія, я постарался какъ можно скорѣе прекратить его болтовню и выпроводить его изъ дому, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ придетъ ко мнѣ вечеромъ и поведетъ меня къ Летѣ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ дожидался я вечера, и даже неотступная мысль о самоубійствѣ перестала меня мучить. Мнѣ казалось, что, узнавъ отъ Леты, гдѣ живетъ Реа, и возвративъ ей колобій, я исполню свою обязанность, раньше чего я не въ правѣ располагать и своей жизнью. И какъ только вновь появился Ремигій, я безъ малѣйшаго промедленія заставилъ его вести себя.

Мы спустились по Субурранской улицѣ и углубились въ самую середину Субурры. Въ узкихъ переулкахъ, обставленныхъ старыми, грязными домами, было темно и стояло тяжелое зловоніе отъ никогда не пересыхавшихъ лужъ подъ портиками и на срединѣ мостовой. Таберны были полны народомъ; крикъ пьяныхъ и брань игроковъ въ кости не смолкали ни на минуту. Сквозь многія окна, плохо закрытыя

ставнями, были видны комнаты меретрикъ, съ ихъ постелями, а иногда и женщины, полуодѣтыя или почти голыя. У растворенныхъ дверей иныхъ домовъ также сторожили женщины, съ ярко раскрашенными лицами и искусственными бровями, и, хватая насъ за одежду, влекли къ себѣ. Я вспомнилъ, что въ первые дни моей жизни въ Городѣ находилъ въ этомъ оживленіи что-то привлекательное, но въ тотъ день всѣ эти женщины были мнѣ противны.

Домъ старухи Алекто былъ однимъ изъ самыхъ грязныхъ и безобразныхъ домовъ, со стѣнами, покрытыми плѣсенью, не разъ подправленными, чтобы онѣ не развалились. Жила она со своими дѣвушками на четвертомъ этажѣ, и подниматься къ ней приходилось по узкой и шаткой темной лѣстницѣ, залитой помоями. Спотыкаясь, въ темнотѣ, мы съ Ремигіемъ добрались до двери, гостепріимно отпертой, и вошли въ комнату, плохо освѣщенную старымъ, поломаннымъ треножникомъ.

Когда я былъ здѣсь въ первый разъ съ Ремигіемъ и другими товарищами, моей головой владѣли дары Либера, и я провелъ здѣсь время не безъ удовольствія. Теперь же мнѣ показалась отвратительной эта закопченая комната, гдѣ на стѣнахъ были неумѣлой рукой нарисованы, на красномъ полѣ, Пріапы и фавны, въ возбужденіи преслѣдующіе нимфъ, и сдѣланы надписи, со множествомъ ошибокъ грамматики, приглашающія гостей веселиться и наслаждаться. Въ комнатѣ стояло нѣсколько грубыхъ столовъ, за однимъ изъ которыхъ сидѣли пьяные корабельщики съ Тибра, громко хохоча и переругиваясь. Тутъ же гуляли женщины, одѣтыя только въ туники изъ рыболовныхъ сѣтей, такъ что можно было видѣть все ихъ тѣло, не молодое и дряблое, съ дешевыми запястьями на рукахъ и безобразными серьгами въ ушахъ.

Едва мы вошли, эти женщины побѣжали къ намъ съ радостными криками, стали громко смѣяться, говорить непристойности и тащить насъ къ столу. Меня, разумѣется, не узнали, но Ремигія, который былъ здѣсь вчера, встрѣтили, какъ стараго пріятеля, и всѣ называли его своимъ братцемъ.

— Милый мальчикъ,—сказала ему одна изъ дѣвушекъ,— видно, что тебѣ у насъ понравилось. Только тебѣ придется подождать: твоя Галла занята сейчасъ.

— Ее здѣсь зовутъ Галла,—шепнулъ мнѣ Ремигій.

Мы сѣли за столъ, и намъ принесли прокислаго вина, а дѣвушки окружили насъ, осыпая самыми грубыми шутками и дѣлая всякія неприличныя движенія. И я никакъ не могъ преодолѣть отвращенія, когда иныя изъ нихъ пытались сѣсть ко мнѣ на колѣни или щипали, щекотали и всячески теребили меня. Одна, которая была старѣе другихъ и все хвасталась своимъ именемъ Рима, сказала громко хохоча:

— Оставьте его, онъ хочетъ сдѣлаться монахомъ, теперь это принято.

Всѣ начали смѣяться такому предположенію, и я нашелъ, что самое лучшее для меня здѣсь—играть роль христіанина.

Потомъ, когда черезъ комнату къ выходу прошелъ толстый купецъ, подозрительно оглядывавшійся по сторонамъ, словно опасаясь грабежа, намъ сказали, что Галла насъ ждетъ, и проводили до двери, на которой мѣломъ было написано ея имя.

Я все еще не вѣрилъ, что дѣйствительно увижу сестру Реи, но, распахнувъ низенькую дощатую дверь, долженъ былъ увѣриться, что Ремигій разсказывалъ правду. Въ крохотномъ, еле освѣщенномъ лампадой кубикулѣ, совершенно обнаженная, лежала на деревянномъ ложѣ, покрытомъ цыновкой, Лета. На скамьѣ около валялись ея туника, строфій, обувь. Въ углу былъ притиснутъ столъ, съ зеркаломъ и нѣсколькими банками притираній, и стояла глиняная амфора съ водой. Больше въ комнатѣ ничего не было, если не считать маленькаго распятія, прикрѣпленнаго къ стѣнѣ. Я сразу узналъ Лету, хотя ея лицо поблѣднѣло, и даже нашелъ, что она похорошѣла, или такъ мнѣ показалось потому, что видно было ея тѣло, молодое и красивое.

— Я къ тебѣ привелъ твоего стараго знакомаго, — воскликнулъ Ремигій, входя,—ты ему обрадуешься, какъ Лаодамія Протесилаю.

— Ты меня помнишь, Лета?—спросилъ я, садясь на ту же скамью, гдѣ лежала одежда дѣвушки, такъ какъ другой скамьи въ комнатѣ не было.

Противъ моего желанія голосъ мой прозвучалъ очень грустно, потому что мнѣ тяжело было видѣть въ такомъ положеніи эту дѣвушку, съ которой у меня были соединены другія воспоминанія. Но Лета отвѣчала мнѣ беззаботно:

— Никакой Леты здѣсь нѣтъ. Она умерла, хотя, можетъ быть, и воскреснетъ. Я — Галла, и Галла очень рада вновь увидѣть племянника сенатора Тибуртина. Приходи почаще, если только у тебя силъ достанетъ, а также денегъ.

Ремигій вышелъ, чтобы приказать принести и сюда вина, а я все-таки не могъ не спросить:

— Неужели ты не нашла въ Городѣ ничего лучшаго?

— Мнѣ здѣсь очень хорошо,—возразила Лета,—меня всѣ любятъ, и я могу пить вино съ вечера до утра. Ты думаешь, лучше мнѣ было бы съ утра до вечера шить туники для моряковъ и ждать, пока на мнѣ женится какой-нибудь бѣднякъ безъ аса за пазухой? Богъ вѣдалъ, что̀ дѣлалъ, когда далъ мнѣ красоту.

Я замолчалъ, но, когда вернулся Ремигій съ виномъ, опять спросилъ:

— Развѣ ты за этимъ ѣхала въ Римъ?

Лета вдругъ разсердилась, сѣла на своей постели и, скрестивъ руки, сказала мнѣ гнѣвно:

— Ты былъ глупъ и глупымъ остался. Или ты меня мало знаешь. Ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я въ этомъ домѣ проведу всю жизнь? Я и съ тобой и съ твоимъ Ремигіемъ только потому знаюсь, что еще не встрѣтила подходящаго человѣка. Съ такой грудью и съ такимъ тѣломъ развѣ я не найду кого-нибудь получше васъ? Ты еще увидишь меня въ золотыхъ носилкахъ, въ шелковомъ платьѣ, и будешь смотрѣть на меня, разинувъ ротъ, хотя ты и племянникъ сенатора. За мной будетъ бѣжать дюжина черныхъ рабовъ, а ты будешь стоять подъ портикомъ и смотрѣть вслѣдъ.

Она выпила вина и прибавила гордо:

— Клянусь Спасителемъ нашимъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, въ Субуррѣ, гдѣ стоитъ сейчасъ эта развалина, я прикажу себѣ построить дворецъ, какихъ еще не видали въ Городѣ!

Ремигій постарался перемѣнить разговоръ и сталъ спрашивать, какой гость былъ сейчасъ у Леты.

— Противный скряга,—отвѣтила она,—подарилъ мнѣ пять сестерцій, которыя мнѣ хотѣлось швырнуть ему въ его толстое лицо. Но ты, мальчикъ, не бойся, я послѣ него не буду менѣе ласковой.

— Я знаю, что ты добрая дѣвушка, — сказалъ Ремигій, садясь рядомъ съ Летой и ее обнимая.

Они начали говорить другъ другу грубыя похвалы, и я, понявъ, что мнѣ время уходить, поспѣшилъ спросить:

— Скажи мнѣ, Лета, или Галла, гдѣ теперь твоя сестра: мнѣ ее надо увидѣть.

— Если ты говоришь о Реѣ, — отвѣтила Лета, — то она мнѣ вовсе не сестра. И я тебѣ посовѣтую лучше связаться съ Лернейской гидрой, чѣмъ съ ней.

— Все равно, мнѣ надо ее увидѣть,—настаивалъ я.

— Должно быть, она все тамъ же, за Тибромъ, около самой улицы Тиберина, въ домѣ, гдѣ попина „Морской конь“. Поищи ее тамъ, только подъ именемъ Маріи, — можетъ быть, и найдешь. Но она и всѣ съ ней тамъ сумасшедшіе, словно ихъ искусалъ тарантулъ: съ ними ты и самъ помѣшаешься.

Я поблагодарилъ Лету и сталъ прощаться, но она безстыдно попросила у меня подарить ей что-нибудь на память о посѣщеніи. Я далъ ей два денара и, расталкивая другихъ дѣвушекъ, пытавшихся загородить мнѣ дорогу, выбрался на улицу.

XIII.

Я долго колебался, прямо ли мнѣ отнести Реѣ колобій, или сначала, посѣтивъ ее, предупредить, что я ей возвращу ея даръ. Послѣднее показалось мнѣ благоразумнѣе, такъ какъ я не былъ увѣренъ, что найду Рею въ домѣ, указанномъ Летой, а бродить по улицамъ Города съ подобной ношей было не безопасно. Кромѣ того, чувство смутной тревоги охватывало меня каждый разъ, когда я намѣревался раскрыть свой дорожный ларь, чтобы вынуть изъ него глубоко запрятанный страшный свертокъ, и я предпочиталъ эту минуту отсрочить сколько можно.

Былъ уже одиннадцатый часъ, когда я вышелъ изъ дому, такъ какъ я разсчиталъ, что вечеромъ Рея должна быть свободнѣе и мнѣ можно будетъ говорить съ нею безъ помѣхи. Во все время длиннаго пути, пересѣкая сначала мрачную Субурру, потомъ мраморные форумы, я не переставалъ колебаться и нѣсколько разъ готовъ былъ вернуться обратно. Выйдя на Тускую улицу, гдѣ около грязныхъ лавокъ всегда толпится всякій сбродъ, сводни, предлагающія дѣвушекъ, торговцы чудодѣйственными снадобьями, фокусники и просто воры, я замѣтилъ, около самой статуи Вортумна, расположившагося на мостовой Индійскаго гимнософиста. Несмотря на эдикты императоровъ, воспрещающіе всякаго рода гаданія, онъ открыто предлагалъ всѣмъ, за дешевую плату, открыть ихъ будущую судьбу, выкрикивая свои предложенія на пло-

хомъ Латинскомъ языкѣ. Я подошелъ къ гимнософисту, положилъ въ его худую, какъ трость, руку маленькую монету и спросилъ, что̀ меня сегодня ждетъ.

Тотчасъ меня окружила толпа любопытныхъ, а гадатель сначала пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, потомъ зажмурился, сталъ мѣрно раскачиваться и, наконецъ, снова взглянувъ на меня, произнесъ:

— Сегодня ты увидишь нежданное.

Я пожалѣлъ объ отданной монетѣ, протиснулся сквозь толпу, изъ которой чуть ли не каждый человѣкъ, крича, предлагалъ мнѣ свои услуги, выбрался на пустынный въ этотъ часъ Боарійскій рынокъ, который подметали городскіе рабы, и вошелъ на Эмиліевъ мостъ. Здѣсь я снова остановился, не слыша топота ногъ проходившихъ мимо людей, и долго смотрѣлъ на видное отсюда отверстіе Великой Клоаки, пѣннымъ потокомъ низвергавшее въ Тибръ отбросы Города. Снова мысли о самоубійствѣ пришли мнѣ въ голову, и я думалъ, какъ легко прервать мое неудачно начатое существованіе, перешагнувъ черезъ ограду моста, и какъ хорошо вдругъ освободиться и отъ волненій любви и отъ всѣхъ трудностей жизни.

Побѣдивъ въ себѣ такое малодушіе, я заставилъ себя итти дальше, перешелъ рѣку и углубился въ незнакомую еще мнѣ за-Тиберинскую часть Рима. Можно было подумать, что я попалъ въ другой городъ,—настолько здѣсь все отличалось отъ того, что можно видѣть на лѣвомъ берегу: не было здѣсь ни шумной толпы, ни изящныхъ щеголей, ни пышныхъ дворцовъ и храмовъ, улицы были узки и совершенно темны, такъ какъ выступающіе верхніе этажи закрывали свѣтъ неба, и только гулъ изъ многочисленныхъ тавернъ напоминалъ, что я еще въ Римѣ. Не безъ большого труда разыскалъ я попину, на дверяхъ которой была сдѣлана надпись „Ecus bipes“, и, разспросивъ какую-то женщину, узналъ, что въ домѣ дѣйствительно живетъ пріѣзжая дѣвушка, по имени Марія.

Домъ былъ заселенъ бѣднымъ людомъ, и я долго сту-

чался то въ одну дверь, то въ другую, пока, наконецъ, не дошелъ до самаго верхняго этажа, подъ самой крышей. Уже почти потерявъ надежду найти ту, которую я искалъ, я постучалъ и тамъ въ низенькую, незапертую дверь, но она тотчасъ отворилась, и на порогѣ оказалась сама Реа, уже одѣтая въ паллу съ куккулемъ. Ея лицо едва было видно изъподъ этого покрова, но оно вновь показалось мнѣ, какъ въ часъ на Аппіевой дорогѣ, молодымъ и прекраснымъ. Не давъ мнѣ времени произнести ни слова, ни даже заглянуть въ глубину комнаты, Реа сказала:

— Ты чуть не опоздалъ, Юній, я давно тебя жду.

— Какъ? — изумленно пролепеталъ я. — Ты меня ждала? Откуда ты могла знать, что я приду?

— Нельзя больше терять времени, — вмѣсто отвѣта сказала она.—Слѣдуй за мной.

Захлопнувъ дверь, она стала спускаться по лѣстницѣ, а я, снова поддавшись той странной власти, какую она имѣла надо мной, безвольно послѣдовалъ за ней.

Мы вновь вышли на улицу, и Реа такимъ быстрымъ шагомъ побѣжала впередъ, что я едва за ней поспѣвалъ. Она шла, направляясь къ окраинамъ Города, вышла на Тріумфальную улицу, потомъ свернула въ какой-то узкій переулокъ. Наконецъ, я настигъ ее и спросилъ:

— Куда ты ведешь меня? Я не пойду дальше. Я только хотѣлъ тебя видѣть, чтобы сказать...

— Ты меня хотѣлъ видѣть для одного,—возразила Реа,— но долженъ былъ прійти для другого. Пути Господни неисповѣдимы.

Она вновь устремилась впередъ, а я продолжалъ итти за ней, повторяя, себѣ въ утѣшеніе, слова Индійскаго гимнософиста: „Сегодня ты увидишь нежданное".

Уже стемнѣло, когда Реа остановилась около небольшого домика, одиноко стоявшаго неподалеку отъ городской стѣны, на уличкѣ совершенно безлюдной. Реа особеннымъ образомъ постучала въ дверь, произнесла какія-то, должно быть, условленныя слова, и входъ открылся. Когда мы оказались въ

темномъ вестибулѣ я, съ послѣднимъ усиліемъ воли, хотѣлъ было броситься назадъ, но Реа крѣпко схватила меня за руку и повлекла дальше. Миновавъ нѣсколько комнатъ, мы увидѣли свѣтъ, и, распахнувъ занавѣсъ, вошли въ обширный залъ, освѣщенный большимъ числомъ лампадъ, въ которомъ уже было собрано много людей, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлое.

— Вотъ, наконецъ, и Реа,—сказалъ кто-то.

Я неподвижно стоялъ у занавѣса, ослѣпленный неожиданнымъ свѣтомъ, смущенный всѣмъ происшедшимъ, но Реа, указавъ на меня, громко сказала всему собранію:

— Вотъ тотъ, о которомъ я вамъ говорила. Это — Юній, предназначенный судьбой уготовать пути Грядущаго.

Всѣ голоса воскликнули:

— Ave, Юній!

Я продолжалъ молчать, не зная, что мнѣ должно дѣлать, но кто-то опять спросилъ:

— Почему онъ не въ брачной одеждѣ?

Какой-то юноша подошелъ ко мнѣ, снялъ съ меня мой плащъ и надѣлъ на плечи другой, бѣлый, закрывшій меня до самыхъ пятъ, застегнулъ фибулу на груди и потомъ, взявъ меня за руку, провелъ на другой конецъ залы, гдѣ стояло два деревянныхъ кресла.

— Сегодня онъ долженъ сидѣть рядомъ со мной, — объявила Реа.

Я хотѣлъ было говорить, но та же Реа сурово сказала мнѣ: „Молчи!“ и заставила сѣсть рядомъ съ собой, причемъ мы были, словно женихъ и невѣста на свадьбѣ, на виду у всѣхъ. Я рѣшилъ подчиниться волѣ случая и, постепенно овладѣвая собою, сталъ разсматривать, что было у меня передъ глазами.

Покой, гдѣ мы находились, былъ широкъ и высокъ; домъ прежде принадлежалъ, вѣроятно, какому-нибудь богатому человѣку, потому что былъ устроенъ довольно роскошно: прекрасныя коринѳскія колонны африканскаго мрамора окружали насъ; но вся обстановка состояла изъ ряда скамей за ко-

лоннами, высокаго водяного органа, съ большими мѣдными трубами, помѣщеннаго въ углу, и разостланныхъ на мраморномъ полу ковровъ.

Когда мы съ Реей сѣли на наши кресла, всѣ, словно по знаку, размѣстились тоже по скамьямъ, а какой-то старикъ, съ длинной бѣлой бородой, похожій на Сатурна, вышелъ на середину, поклонился присутствующимъ и возгласилъ:

— Теперь всѣ въ сборѣ, время, братья и сестры, приступить къ служенію.

Тотчасъ послышались звуки органа, глухіе, но нѣжные, медленно возраставшіе, усиливавшіеся, постепенно заполнявшіе весь просторъ. Было такое впечатлѣніе, словно волны Океана заливаютъ душу, и всѣмъ моимъ существомъ начало овладѣвать сладкое оцѣпенѣніе, мучительная нѣга, и временами мнѣ казалось, что я не дышу вовсе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось, что какой-то таинственный, голубоватый или зеленоватый свѣтъ разливается вокругъ, подобный свѣту отъ свѣченія моря.

Сколько длилось это оцѣпенѣніе, я не знаю, но вдругъ Реа порывисто встала, выступила впередъ и воскликнула:

— Сестры, братья! духъ повелѣваетъ мнѣ говорить.

Всѣ обратились къ ней, органъ смолкъ, и Реа, стоя по серединѣ покоя, ко мнѣ спиной, начала свою рѣчь, голосомъ сначала тихимъ, потомъ окрѣпшимъ и обрѣтшимъ, наконецъ, необыкновенную силу.

— Сестры, братья!—сказала она.—Всѣмъ намъ были знаменія, что времена приблизились. Будемъ же бодрствовать, чтобы никого изъ насъ Женихъ пришедшій не засталъ спящимъ. Нѣтъ добродѣтели выше покорности волѣ Божіей. Всевѣдущій изначала предвидѣлъ грѣхопаденіе Адама, и всемірный потопъ, и крестную смерть Сына своего, и торжество Грядущаго, и послѣдній Судъ, — но сотворилъ небо и землю, допустилъ Каину поразить брата, людямъ до Ноя грѣшить, Іудѣ свершить предательство, послѣднему Соблазну прійти въ міръ. Какъ изъ сѣмени, брошеннаго въ землю, съ

необходимостью вырастаетъ опредѣленное растеніе, какъ нельзя маковому зерну сказать: будь дубомъ, такъ изъ сѣмени Творца долженъ произрасти нашъ міръ и принести свой плодъ. По плодамъ его узнаютъ его, и не должно до времени обрывать цвѣты его, дабы не уничтожить завязи. Добродѣтель человѣческая въ томъ состоитъ, чтобы согласовать свои дѣянія съ вѣяніемъ Духа Божія. Всѣ мы, водимые Духомъ Божіемъ, — сыны Божіи и обязаны Ему сыновьимъ повиновеніемъ. Одни изъ насъ предуставлены Богомъ, ибо предузналъ Онъ ихъ судьбу, на пути спасенія; другіе такъ же предуставлены на то, чтобы послужить Царю Погибели и уготовать ему путь. Можно ли итти противъ Бога? Дары и призванія Божіи непреложны. Кто Сына Своего единственнаго не пощадилъ, но предалъ за людей на муку, не властенъ ли насъ, сыновъ Своихъ, послать на погибель за другихъ? Апостолъ говоритъ: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти. Какъ же, соревнуя апостолу, не возжелаемъ мы всѣ представить себя въ жертву живую, святую, благоугодную Богу? А другой апостолъ, говоря о томъ, кому надлежитъ прійти и безъ котораго не свершится то, чему свершиться предустановлено, пророчествуетъ, что дано ему будетъ вести войну со святыми и побѣдить ихъ, что поклонятся ему всѣ живущіе на землѣ, имена которыхъ написаны въ книгѣ Агнца, запечатлѣнной отъ созданія міра. Всѣ, чьи имена написаны въ запечатлѣнной книгѣ, да не противятся волѣ Божіей, да не уклоняются поклониться Грядущему, ибо должно ему побѣдить! да не страшатся отлучиться отъ Христа за братьевъ своихъ, какъ того жаждалъ апостолъ! Помните: сберегающій душу свою погубитъ ее, а губящій душу свою спасетъ ее! И еще апостолъ сказалъ: всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать. Тайна сія велика, но вы радуйтесь и веселитесь о погибели своей. О бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его. Кто позналъ умъ Господенъ? Или кто былъ совѣтникомъ Ему? Или кто далъ ему напе-

редъ, чтобы онъ долженъ былъ воздать? Все изъ Него, Имъ и къ Нему, Ему слава во вѣки, аминь.

Все собраніе въ одномъ порывѣ повторило: амины!

Рея обратилась ко мнѣ, и я увидѣлъ, что лицо ея блѣдно и глаза расширены; она походила на статую Сибиллы Кумской; и, указуя на меня, она воскликнула надорваннымъ, но уже другимъ голосомъ:

— Здѣсь тотъ, кто укажетъ намъ путь. Вижу, вижу большой городъ за тысячу миль отсюда. Вижу высокія стѣны, дворцы, театры, термы, храмы. Во дворцѣ тотъ, кто именуетъ себя христіанскимъ императоромъ, и съ нимъ совѣтчики его, очи которыхъ закрыты тьмой и которые не чаютъ близости Грядущаго. Двое идутъ по улицѣ, и языки Духа Божія надъ головами ихъ. Да! да! вижу, это я и онъ! Вотъ мы входимъ въ двери большого дома, проходимъ пустые покои. Юноша, съ лицомъ ангела, насъ встрѣчаетъ; волосы у него, какъ разметавшееся пламя, уста, какъ кровавая рана, взоръ благостный, какъ у агнца. Счастіе, счастіе! Сестры, братія! мы двое первые преклоняемся передъ нимъ и его вѣнчаемъ діадемою власти. Духъ мой теряется въ веселіи великомъ и ужасѣ многомъ. Это скоро, это близко, это уже при дверяхъ!

Послѣднія слова Рея прокричала въ изнеможеніи и вдругъ упала на подстилки пола; я поднялся съ своего кресла, чтобы бѣжать къ ней и отречься отъ пророчества, относящагося ко мнѣ, но всѣ, тоже вскочивъ со скамей, окружили лежащую и въ возбужденіи восклицали:

— Литанію! литанію!

Вновь послышались звуки водяного органа и началась странная литанія,—чудовищное искаженіе того, что христіанами поется въ ихъ храмахъ.

— Дай намъ отлучиться отъ Христа, предать и возненавидѣть Его, послужить врагамъ Его!—возглашалъ чей-то голосъ.

— Подай, сильный!—отвѣчали хоромъ всѣ присутствующіе, мужчины и женщины, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, простирая руки.

— Возложи на насъ печать на правую руку нашу или

на чело наше, всѣмъ малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ!—возглашалъ голосъ.

— Возложи печать, сильный!—отвѣчали всѣ.

— Дай намъ быть грѣшными, впасть въ скверну, лгать и любодѣйствовать, убивать и богохульствовать, погубить души наши!—возглашалъ голосъ.

— Подай, сильный!—отвѣчали всѣ.

Всѣхъ воззваній я не припомню, но голоса становились все возбужденнѣе, и подъ звуки органа присутствующіе, все возглашая отвѣты, начинали двигаться, словно въ мѣрной пляскѣ. И я со всѣми другими, поддаваясь очарованію музыки и голосовъ, невольно двигался тоже и, можетъ быть, тоже присоединялъ свой голосъ къ общему хору. Незамѣтно для меня, подъ чьей-то невидимой рукой лампады стали гаснуть, и всѣхъ насъ окружать, сближая и разъединяя, мракъ. Въ темнотѣ сначала еще продолжалось пѣніе, но постепенно стихло, и только слышались звуки органа и странные шорохи отъ движенія людей.

Тогда кто-то приблизился ко мнѣ и меня обняли женскія руки. Кто-то своими губами прикоснулся къ моимъ и наложилъ на нихъ поцѣлуй. Я воскликнулъ:

— Реа, ты?

Ея голосъ мнѣ отвѣтилъ глухимъ шопотомъ:

— Здѣсь нѣтъ именъ, одни только вѣрные.

Одно время я сопротивлялся настояніямъ обнимавшей меня женщины, но въ какомъ-то опьяненіи былъ мой умъ послѣ всего испытаннаго, и тѣло мое—въ какомъ-то онѣмѣніи, словно въ смертельной усталости.

Я уступилъ, и такъ свершился мой брачный союзъ въ невѣдомомъ мнѣ домѣ, среди мнѣ невѣдомыхъ людей, со странной дѣвушкой, какимъ-то демономъ посланной мнѣ навстрѣчу на пути моемъ въ Римъ...

Когда снова зажглись лампады, сперва одна, слабо озарившая темноту, потомъ другія, я могъ видѣть, какъ поспѣшно покидали бѣлыя фигуры одна другую и торопливо расходились въ разныя стороны. Реи около меня не было.

Всѣ, въ яркомъ свѣтѣ, какъ будто избѣгали смотрѣть другъ на друга, и кто-то сказалъ:

— Пора расходиться.

Мнѣ вернули мой темный плащъ, и всѣ присутствующіе осторожно, поодиночкѣ начали удаляться изъ залы. Какой-то человѣкъ, судя по лицу, простой работникъ, подошелъ ко мнѣ и угрюмо сказалъ:

— Будь осмотрителенъ, юноша, не попадись ночнымъ стражамъ, и остерегись болтать лишнее...

Я молча наклонилъ голову въ знакъ утвержденія, потомъ меня проводили до двери, и, выйдя на улицу, я съ наслажденіемъ вдохнулъ послѣ душной комнаты свѣжій воздухъ и нетвердой поступью направился черезъ весь ночной Городъ къ дому дяди.

XIV.

Послѣ этой ночи я спалъ сномъ тяжелымъ и, проснувшись, увидѣлъ, что мнѣ надо торопиться къ началу занятій въ школу Энделехія. Я самъ не зналъ, зачѣмъ я тороплюсь къ нему, потому что мысль о самоубійствѣ еще не покидала меня, но все же, поспѣшно одѣвшись и подкрѣпивъ силы сыромъ и глоткомъ вина, направился къ выходу.

Проходя черезъ атрій, я увидѣлъ маленькую Намію, которая, укрывшись въ уголъ, около армаріевъ съ масками предковъ, горестно плакала. Послѣдніе дни, занятый разнообразными и тяжелыми событіями своей жизни, я съ ней мало встрѣчался, и мнѣ даже казалось, что дѣвочка меня избѣгала. Теперь я подошелъ къ ней и спросилъ:

— Что съ тобой, милая сестрица? Кто тебя обидѣлъ? Почему ты не хочешь больше со мной говорить? Или ты на меня разсердилась?

Намія вдругъ вскочила, тряхнула своей хорошенькой головкой, словно за тѣмъ, чтобы высушить слезы, и глаза ея сдѣлались злыми, какъ у раздраженной собачки. Она мнѣ отвѣтила:

— Какое тебѣ до меня дѣло? Уходи. Я тебя ненавижу. Ты думаешь, что я плачу изъ-за тебя? Что мнѣ въ тебѣ! Я о тебѣ давно перестала думать. Ты оказался такъ же глупъ и не занимателенъ, какъ всѣ другіе. А если я кого-нибудь люблю, кто получше тебя, и о немъ плачу, это тебя не касается.

Проговоривъ эти слова, дѣвочка, по своему обыкновенію, быстро выбѣжала изъ атрія, а я былъ тогда слишкомъ занятъ своими печалями, чтобы раздумывать надъ ея горемъ, и продолжалъ свой путь.

Въ тотъ день я былъ въ школѣ крайне невнимателенъ, и мои товарищи не разъ толкали меня, когда я, углубившись въ свои унылыя думы, переставалъ слушать учителя и оставался сидѣть неподвижно съ безполезнымъ стилемъ въ рукѣ. Одинъ изъ товарищей даже сказалъ мнѣ:

— Клянусь Геркулесомъ, Юній, ты, должно быть, влюбленъ.

Выйдя изъ школы, я пошелъ не домой, но на форумъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось въ шумѣ и движеніи, тамъ никогда не стихающихъ, успокоить свое волненіе. Я переходилъ изъ одного форума въ другой, входилъ въ различныя лавки, у торговца сосудами прицѣнивался къ бронзовому кубку, у книгопродавца разсматривалъ новоизданную книгу, смотрѣлъ, какъ ловко исполняетъ свое дѣло мѣняла, быстро отсчитывая монеты, вмѣшивался въ толпу бѣдняковъ, которая никогда не покидаетъ форумовъ, готовая предложить свои услуги любому наемщику для чего угодно: — рукоплескать его рѣчи или любимой имъ плясуньѣ, освистать его соперника или просто, въ одеждахъ, полученныхъ на время, изображать изъ себя кліентовъ,—слушалъ грубыя рѣчи и самъ вступалъ въ чужіе разговоры. Потомъ на Римскомъ форумѣ я сѣлъ подлѣ арки Тиберія и долго смотрѣлъ, какъ на священномъ мѣстѣ, тѣсно огороженномъ торжественными храмами, быстро смѣнялись разнообразныя картины, какъ прогуливались здѣсь завсегдатаи форума, по древнему закону приходящіе сюда лишь въ тогахъ, какъ изумленно оглядывались кругомъ недавно пріѣхавшіе провинціалы или чужеземцы, въ причудливыхъ одеждахъ, какъ то появлялся важный сановникъ, сопровождаемый толпой, то проходила кучка веселыхъ гулякъ. Все вокругъ было пестро и шумно, лучи солнца сверкали на старомъ мраморѣ и бронзѣ, голоса, смѣхъ и крики не смолкали ни на минуту, и можно было

думать, что попрежнему на этомъ мѣстѣ бьется сердце всего міра.

Нѣсколько развлеченный своей прогулкой, я пообѣдалъ въ какой-то попинѣ поблизости, гдѣ долго молча сидѣлъ одинокій за столомъ, потомъ еще побродилъ по улицамъ и по полю Агриппы и только на склонѣ дня вернулся домой.

Въ тотъ вечеръ тетки не было дома, и дядя, который скучалъ безъ слушателей, позвалъ меня къ себѣ выпить съ нимъ по кубку вина. Хотя разсужденія дяди мнѣ давно наскучили, я не уклонился отъ приглашенія, потому что мнѣ тягостно было оставаться одному. Какъ всегда, дядя скоро заговорилъ о древнемъ величіи Римскаго народа и о погибели, къ которой ведутъ Римъ послѣдніе христіанскіе императоры.

— Боги уже давали намъ предостереженія, племянникъ,— говорилъ мнѣ Тибуртинъ,—но мы имъ не внемлемъ. Всѣ продолжаютъ обычную жизнь, бездѣльничаютъ, пьянствуютъ и не думаютъ о благѣ республики. Варвары вездѣ переходятъ границу имперіи и селятся на Римскихъ земляхъ. Хуже того, тѣхъ же самыхъ варваровъ принимаютъ въ Римское войско, изъ нихъ образуютъ легіоны, оскорбляя тѣмъ священное имя: легіонъ! и имъ же поручаютъ защиту границъ! Вспомни мои слова: если не опомнятся граждане, не возьмутся за старый Римскій мечъ, въ самую Италію вторгнутся какія-нибудь племена изъ Германіи и Скиѳіи, и переживемъ мы новое нашествіе Галловъ!

Думая сдѣлать угодное сенатору, я сейчасъ же привелъ предсказаніе Горація:

> Варваръ, увы, побѣдитель, на прахи наступитъ, и всадникъ
> Копытомъ звонкимъ миръ встревожитъ Города,
> Тѣ, что отъ солнца и вѣтра таимъ мы, кости Квирина
> (Увидѣть страшно) онъ размечетъ дерзостно.

Но дядя живо возразилъ мнѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ! этого не будетъ никогда! До самыхъ стѣнъ Города можетъ дойти варваръ, но священной черты не

переступитъ. Еще стоятъ на своихъ мѣстахъ святилища аргеевъ, и весталки блюдутъ залоги незыблемости Рима, и въ Куріи еще паритъ статуя Побѣды. Знай, племянникъ, пока на эти святыни не посягнули,—нечего Риму бояться. А кто святотатственный, будь онъ даже христіанинъ, осмѣлится на нихъ посягнуть?

Не знаю, было ли то предчувствіе, ниспосланное нѣкіимъ богомъ, или случайное совпаденіе, которое нерѣдко наблюдается въ жизни, только послѣ этихъ словъ дядя сталъ говорить о алтарѣ и статуѣ Побѣды подробно и съ увлеченіемъ.

— Божественный Августъ,—говорилъ онъ,—былъ третьимъ основателемъ Рима, послѣ Ромула и Камилла. Помнишь богами подсказанныя слова центуріона: „стой, воинъ, здѣсь всего лучше останемся!“ Тогда рѣчь была только о Городѣ. Августъ сдѣлалъ Римъ средоточіемъ вселенной, повелителемъ міра. Августъ первый сказалъ, что внѣ имперіи, управляемой Римомъ, нѣтъ и быть не должно ничего, кромѣ варварства. Потому-то Августъ, нашедшій Городъ кирпичнымъ и оставившій его мраморнымъ, воздвигъ множество новыхъ храмовъ, съ великими священнодѣйствіями, какъ бы основывая новый Городъ, ибо старому было дано назначеніе новое. И, завершивъ новую Курію, откуда сенатъ долженъ былъ своей мудростью править міромъ, Августъ по ея серединѣ поставилъ алтарь и древнюю статую Побѣды, знакъ того, что Риму дано вовѣкъ торжествовать надъ врагами. Дважды пожаръ истреблялъ Курію Юлія—при Неронѣ и при Каринѣ, но дважды боги спасали крылатую статую Побѣды, и вновь сенаторы предъ ея алтаремъ приносили свои клятвы. Такъ и Римъ не разъ бывалъ охваченъ пламенемъ погибели, но всегда выходилъ изъ огня побѣдоноснымъ и крылатымъ. И такъ всегда будетъ, племянникъ, пока отцы Города собираются вкругъ этого священнаго алтаря.

Я тогда не очень внимательно слушалъ разсужденія Тибуртина, такъ какъ не придавалъ имъ цѣны. И самъ онъ скоро перешелъ къ соображеніямъ, кто будутъ назначены

консулами на слѣдующій годъ, намекая, что онъ, Тибуртинъ, былъ бы достоинъ этой чести предпочтительно передъ другими. Когда секстарій вина нами былъ допитъ, я попрощался и ушелъ въ свою комнату, чувствуя утомленіе послѣ дня, цѣликомъ проведеннаго въ ходьбѣ.

Скоро я задремалъ безпокойнымъ сномъ, но вдругъ мнѣ показалось, что въ комнатѣ кто-то есть. Я открылъ глаза и дѣйствительно, во мракѣ различилъ бѣлую женскую фигуру. Всмотрѣвшись, я убѣдился, что это—Намія, почти раздѣтая.

— Милая Намія, зачѣмъ ты здѣсь? — спросилъ я шопотомъ.

Мнѣ пришло въ голову, что Намія подвержена той священной болѣзни, въ которой люди, подчиняясь чарамъ луны, ходятъ по комнатамъ и даже по высокимъ крышамъ, во снѣ, съ закрытыми глазами. Но Намія не спала; она бросилась къ моему ложу, стала передъ нимъ на колѣни и, плача, сказала мнѣ:

— Братикъ! милый братикъ! Я тебѣ согала. Я тебя не ненавижу. Я плакала по тебѣ. Я тебя люблю, мой братикъ. А ты меня не любишь. Ты любишь эту противную Гесперію. Я все знаю, мнѣ передали. Ты у нея постоянно бываешь. Три послѣднихъ ночи ты провелъ у нея. Ты ея любовникъ. Я этого не могу перенести.

Я обнялъ худенькое тѣло маленькой Наміи, сталъ ее цѣловать и пытался успокоить.

— Полно, сестрица,—говорилъ я,—все это выдумки, неправда. Три послѣднихъ ночи я, можетъ быть, провелъ дурно, но, клянусь великими богами, не у твоей сестры. Я у нея бывалъ, это вѣрно, потому что она меня звала къ себѣ, но между нами о любви не было рѣчи. А что ты говоришь о своей любви, тоже неправда: ты еще маленькая дѣвочка и ничего не понимаешь. Время любить къ тебѣ придетъ позже, а пока будь умной, отри свои глаза, ступай спать и останься моимъ хорошимъ другомъ.

Намія на мои слова разсердилась и отвѣтила зло:

— Ты говоришь такъ умно, какъ учитель грамматики.

„Есть нѣкоторые глаголы безличные, напримѣръ, перваго порядка: „iuvat me, te, illum, restat, distat..." Все это вѣрно, а только я тебя люблю! Возражай мнѣ, что хочешь, а я тебя люблю!

Потомъ, снова заплакавъ, она продолжала:

— И я хочу, чтобы ты тоже меня любилъ. Милый, хорошій братикъ, на что тебѣ эта Гесперія, у которой, кромѣ тебя, десятки любовниковъ. Я сдѣлаю для тебя все, что женщины дѣлаютъ для мужчинъ. Я все понимаю, и я знаю, зачѣмъ отецъ Никодимъ потихоньку приходитъ къ матери. Я буду твоей самой хорошей любовницей. Только люби меня.

Въ какомъ-то изступленіи маленькая Намія непремѣнно хотѣла лечь рядомъ со мной на ложѣ и добивалась, чтобы я ласкалъ ее. А я не зналъ, что дѣлать, такъ какъ постыднымъ почиталъ нанести обиду дочери моего гостепріимнаго хозяина. Между мною и Намією началась борьба, во время которой она то рыдала, то царапала и кусала меня, то цѣловала безудержно.

— Насъ услышатъ, сюда придутъ,—молилъ я.

— Мнѣ все равно, мнѣ все равно,—возражала дѣвочка,— пусть всѣ узнаютъ. Я хочу, чтобы ты меня любилъ. А если нѣтъ, я пойду и утоплюсь въ Тибрѣ.

Не знаю, чѣмъ окончилась бы эта наша борьба, если бы вдругъ въ домѣ, несмотря на поздній часъ, не послышался неожиданный шумъ, торопливые шаги и голоса. Испуганный, я сказалъ Наміи:

— Это тебя ищутъ. Подумай, что я скажу твоему отцу, если онъ тебя застанетъ у меня. Уходи скорѣе, Намія, а завтра я тебѣ все объясню.

Намія упрямо спросила:

— Ты клянешься, что завтра мнѣ прямо отвѣтишь, будешь ли меня любить или нѣтъ?

— Клянусь Юпитеромъ,—сказалъ я.

Послѣ этой моей клятвы Намія, также смущенная, соскользнула съ ложа и скрылась въ темнотѣ. Но шумъ все продолжался и даже дѣлался болѣе громкимъ. Подумавъ, что не-

хорошо оставить дѣвочку безъ защиты, если мать грозитъ ей за ея ночное поведеніе, я нáскоро одѣлся и вышелъ въ атрій.

Тамъ была въ сборѣ вся семья. Два раба освѣщали атрій фонарями, которые держали въ рукахъ. Дядя былъ одѣтъ въ сенаторскую тогу и дрожащей рукой творилъ возліяніе передъ маленькимъ домашнимъ алтаремъ. Тетка и Аттузія, въ ночныхъ одеждахъ, перебивая другъ друга, въ чемъ-то его упрекали.

Увидя меня, дядя обратился ко мнѣ:

— Ну, милый Юній,—сказалъ онъ,—сегодняшнимъ разговоромъ накликали мы съ тобой бѣду, такую бѣду, что теперь дѣло идетъ о спасеніи республики.

— Что же случилось?—спросилъ я.

— Ночью прибылъ посолъ отъ императора, — отвѣтилъ дядя,—и привезъ повелѣніе: немедленно, слышишь ли, немедленно, ночью же, вынести изъ Куріи алтарь и статую Побѣды, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Это—конецъ, такъ какъ хотятъ лишить Римъ покровительства боговъ. Это—послѣдній ударъ, а затѣмъ закроютъ всѣ храмы, заставятъ всѣхъ Римлянъ поклоняться Христу, а непокорныхъ будутъ бросать на съѣденіе звѣрямъ. Боги отступятся отъ насъ, и совершится погибель имперіи.

— Куда же ты идешь?—спросилъ я.

— Куда?—гордо возразилъ дядя.—Въ Курію! Сенатъ соберется немедленно, и мы воспротивимся исполненію неправаго повелѣнія. Въ такую минуту Римляне должны показать себя Римлянами и спасти имперію. Граціанъ думаетъ, что онъ можетъ все, но сенатъ и Римскій народъ покажутъ ему, что онъ заблуждается. Подайте мнѣ плащъ.

Тогда яростнымъ голосомъ заговорила тетка:

— Остерегся бы такъ говорить о святости императора при рабахъ, бездѣльникъ! Однихъ этихъ словъ довольно, чтобы тебѣ голову отрубили, насъ всѣхъ бросили въ темницу, а имущество наше отобрали въ фискъ! Ты только и дѣлаешь, что пропиваешь добро, нажитое твоими предками, а теперь вовсе насъ погубить задумалъ!

Аттузія добавила:

— Христіаннѣйшій императоръ намѣренъ истребить идоловъ въ Куріи, гдѣ засѣдаютъ его сенаторы. Его благодарить нужно за искорененіе суевѣрій, а не противиться его божественной волѣ. Господи, благодарю Тебя, что Ты далъ мнѣ дожить до этого счастливаго часа.

— Молчите, женщины!—строго произнесъ дядя.—Эти вопросы должны рѣшать мужи.

— Мы тебя не пустимъ,—рѣшительно сказала тетка, загораживая дядѣ дорогу.—Завтра же всѣхъ сенаторовъ, которые скажутъ слово противъ императора, отправятъ въ ссылку. И куда ты-то спѣшишь. Думаешь, тамъ безъ тебя не обойдутся?

— Здѣсь отецъ семейства я,—такъ же сурово возразилъ дядя.—По Римскому праву я имѣю власть жизни и смерти надъ тобой.

— Да вѣдь тебя убьютъ! — уже со слезами закричала тетка, все закрывая своимъ тѣломъ выходъ.

— Прекрасно и сладко пасть за отечество,—отвѣтилъ ей Тибуртинъ стихомъ Горація.

Онъ неожиданно-сильной рукой отстранилъ свою жену и съ высоко поднятой головой направился въ вестибулъ. Но, сдѣлавъ два шага, остановился и нерѣшительно добавилъ:

— Только вотъ что, вели подать мнѣ кубокъ вина, а то на улицѣ холодно.

— Нѣтъ тебѣ вина, пьяница!—закричала тетка съ озлобленіемъ.—Хочешь итти, такъ иди трезвый.

— Да, я пойду и безъ вина,—сказалъ Тибуртинъ.

Онъ вышелъ изъ дому, и за нимъ послѣдовали рабы съ фонарями.

Тетка, рыдая, начала причитать, какъ плакальщица на похоронахъ.

— Погибли мы! Завтра же отберутъ у насъ и домъ, и земли, и рабовъ, и все имущество! Будемъ мы голодать и спать въ холодѣ! Господи Іисусе Христе, развѣ мало я Тебѣ молилась! Развѣ не дѣлала я вкладовъ въ церкви и не да-

вала обѣтовъ сдѣлать еще болѣе богатые! За что Ты меня такъ жестоко караешь!

— Успокойся,—уговаривала ее Аттузія, — никто не обратитъ вниманія на ихъ смѣхотворное засѣданіе. Да и сами они не посмѣютъ пойти противъ воли императора. Соберутся, посмотрятъ другъ на друга и разойдутся.

Пока женщины разговаривали, новая мысль пришла мнѣ въ голову: что Гесперія, мужъ которой не былъ сенаторомъ, не должна еще знать новости о императорскомъ эдиктѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что я долженъ немедленно извѣстить ее о немъ. Не раздумывая долго, я набросилъ плащъ на плечи и тоже бросился бѣгомъ на улицу.

XV.

Я ни о чемъ не думалъ, пока не достигъ воротъ дома Гесперіи. Только здѣсь, на пустынной и темной улицѣ, я спросилъ себя, какъ я войду въ домъ въ такой поздній часъ. Но тотчасъ мнѣ вспомнились тѣ условные знаки, о которыхъ говорилъ Юліаній, и я безъ колебанія постучалъ дверным молоткомъ четыре раза.

Скоро послышался голосъ раба, спросившаго меня:

— Кто тамъ?

Я отвѣтилъ:

— Іисусъ распятый.

Ворота открылись; я увѣренными шагами прошелъ по ночному саду. Въ дверь дома я тоже постучалъ четыре раза и далъ тотъ же отвѣтъ на вопросъ, кто стучитъ; меня впустили и въ домъ. Сонный привратникъ на меня смотрѣлъ недовѣрчиво, но я ему сказалъ:

— По важному дѣлу мнѣ нужно видѣть госпожу Гесперію.

Привратникъ вызвалъ молодую рабыню, которая проводила меня въ атрій и, сказавъ, что извѣститъ Гесперію, скрылась.

Только тогда мною въ первый разъ овладѣло смущеніе. Я стоялъ, одинокій, въ огромномъ полутемномъ атріи, слабо освѣщенномъ одной лампадой, которую рабыня поставила на подножьѣ статуи Флоры. Все кругомъ было тихо, и ми-

нуты шли съ медленностью необыкновенной. Та радость, съ какой я бѣжалъ къ дому Гесперіи, постепенно смѣнялась страхомъ ее увидѣть.

Мнѣ вдругъ показалось нелѣпымъ, что я ночью тревожу Гесперію, чтобы сообщить новость, о которой черезъ нѣсколько часовъ заговоритъ весь Городъ. Не будетъ ли Гесперія въ правѣ, если въ отвѣтъ на мои слова разсмѣется и гнѣвно мнѣ прикажетъ итти домой и не мѣшаться не въ свое дѣло? Я подумалъ также, что поступилъ неосторожно, воспользовавшись тайными знаками, о которыхъ узналъ случайно. Гесперія должна будетъ предположить, что я какими-то кривыми путями, подслушивая на перекресткахъ или разспрашивая рабовъ, стараюсь проникнуть въ ея тайны съ намѣреніями дурными. Она, можетъ быть, не позволитъ мнѣ больше никогда приходить къ ней и постарается избавиться отъ опаснаго соглядатая.

Такъ размышляя, я съ радостью убѣжалъ изъ дома Эліана, но уже было поздно отступать, и я съ тоской продолжалъ ждать Гесперію. Наконецъ, послышались шаги, замерцалъ свѣтъ лампадъ, и появилась Гесперія въ легкой столѣ, накинутой поверхъ туники, безъ всякихъ обычныхъ украшеній, сопровождаемая двумя рабынями, которымъ она сдѣлала знакъ удалиться. Гесперія направилась прямо ко мнѣ и спросила безъ гнѣва:

— Что тебя привело ко мнѣ, Юній? Не случилось ли чего дурного съ твоимъ дядей?

Привѣтливый голосъ Гесперіи привелъ меня въ еще большее смущеніе; я чувствовалъ, что мои ноги дрожатъ, и, собравъ всѣ силы, съ трудомъ произнесъ:

— Dominа! Прости, что я тебя потревожилъ. Этого, можетъ быть, не должно было дѣлать. Но ты ко мнѣ была такъ добра. Мнѣ показалось, что тебѣ важно это узнать. Сейчасъ въ домъ дяди принесли извѣстіе. Отъ императора прибылъ посолъ. Приказано вынести изъ Куріи алтарь и статую Побѣды. Дядя говоритъ, что это—погибель имперіи. Созвано ночное засѣданіе сената. Хотятъ принять рѣшенія важныя.

Я говорилъ запинаясь и безсвязно, и съ каждымъ словомъ мнѣ становилось все болѣе и болѣе стыдно за свой необдуманный поступокъ. Потомъ, совсѣмъ смутившись, я замолчалъ и стоялъ, опустивъ глаза, какъ провинившійся ученикъ передъ своимъ литераторомъ. Но Гесперія мнѣ отвѣтила съ прежней ласковостью:

— Ты — милый, и хорошо сдѣлалъ, что прибѣжалъ разсказать это мнѣ. Извѣстіе, конечно, важное, хотя судьба имперіи и не зависитъ отъ того, та или другая статуя стоитъ или нѣтъ въ такомъ-то храмѣ. Но эдиктъ Граціана можетъ взволновать тѣхъ простыхъ людей, которые на этотъ алтарь смотрятъ какъ на лучшій оплотъ Рима, и послѣдствія могутъ быть гибельны.

Я смотрѣлъ на Гесперію, и она, безъ блеска золотыхъ колецъ и запястій, драгоцѣнныхъ серегъ и жемчужныхъ ожерелій, съ обнаженными, словно мраморными руками, казалась мнѣ прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Я испытывалъ такое желаніе поклоняться ей, какъ никогда, и мнѣ казалось блаженствомъ даже умереть предъ ея очами. Я сжималъ губы, чтобы не закричать ей: „Я тебя люблю, Гесперія!“ но она вдругъ спросила:

— А какъ ты вошелъ сюда, Юній? Почему рабы тебя впустили въ такой поздній часъ?

Отъ стыда мои щеки покраснѣли, я отступилъ на шагъ, я не зналъ, что говорить, а Гесперія продолжала спрашивать безжалостно:

— Откуда ты узналъ тессеру? ты ее гдѣ-нибудь подслушалъ? тебѣ ее кто-нибудь сказалъ?

Что было мнѣ говорить? Слѣдовало лгать, придумывать объясненія, но передъ Гесперіей лгать я не смѣлъ. И, какъ бросаются въ самую середину битвы, я вдругъ упалъ на колѣни передъ Гесперіей, какъ передъ святыней божества, и воскликнулъ:

— Гесперія! я долженъ тебѣ сознаться во всемъ! Случай выдалъ мнѣ одну изъ твоихъ тайнъ. Я знаю, кто собирается въ твоемъ домѣ и зачѣмъ. Я знаю, что̀ ты, Симмахъ, Пре-

текстатъ и Флавіанъ замыслили. Я знаю, кого вы назначили преемникомъ Граціана. Но ты видишь, что, узнавъ эту тайну, я ее ото всѣхъ хранилъ, о ней ни передъ кѣмъ ни однимъ словомъ не обмолвился. И вѣрь мнѣ, что я ее буду хранить свято, хотя бы меня подвергли пыткѣ,—буду хранить не потому, что далъ тебѣ клятву въ этомъ, даже не потому, что ваше дѣло — это дѣло мое, это дѣло всѣхъ истинныхъ Римлянъ, но потому, что я тебя люблю, Гесперія, потому что для меня счастіе—служить тебѣ.

Я самъ не понималъ, какъ я рѣшился сдѣлать послѣднее признаніе, но мною тогда владѣло то отчаяніе побѣжденныхъ, о которомъ говоритъ Вергилій: „Побѣжденнымъ спасенье одно—не мечтать о спасеньи!" Я ждалъ, что Гесперія разсмѣется надъ словами безумнаго юноши или гнѣвно мнѣ прикажетъ замолчать, но когда я поднялъ на нее глаза, я увидѣлъ въ томъ полусвѣтѣ, который насъ окружалъ, что ея лицо кротко и печально. Она тихимъ голосомъ сказала:

— Ты также, бѣдный мальчикъ. Меня любить не должно. Я теперь все равно что мертвая статуя и болѣе не буду любить никого. У меня сердце стало твердымъ, какъ камень. Ты разобьешься о него, бѣдный, какъ маленькая лодка о скалы Пахина. Теперь я люблю лишь одно: ту цѣль жизни, къ которой я стремлюсь. Знай, что я болѣе не женщина, и отойди отъ меня. Ты—живой и ступай къ живымъ.

Но я, все стоя на колѣняхъ, продолжалъ говорить въ безуміи:

— Я не властенъ тебя не любить, Гесперія! Да, я — юноша, я—мальчикъ, и ты въ правѣ мнѣ сказать, что любовь юноши подобна зыби на рѣкѣ, смѣняющейся съ каждымъ вѣтромъ. Но развѣ не бываетъ такой любви, которая приходитъ лишь одинъ разъ въ жизни и узъ которой нельзя разорвать до самой смерти? Я тебя полюбилъ не потому, что ты всѣхъ прекраснѣе въ Римѣ, не потому, что ты была первая прекрасная женщина, которую я встрѣтилъ, но потому, что такъ рѣшили боги, и я тебя буду любить всегда, всѣ годы моей жизни,—все равно, буду ли я близъ тебя или

далеко. Я знаю, что я тебя недостоинъ, что тысячи другихъ, съ которыми я не смѣю соперничать, тебя молятъ о любви. Но вѣдь я у тебя ничего не прошу. Я хочу только, чтобы ты мнѣ позволила тебѣ поклоняться и тебѣ служить. Единственная награда, о которой я мечтаю, это — тебя видѣть, бо̀льшаго мнѣ не надо.

— Такъ всѣ говорятъ,—сказала Гесперія.

— Пусть же въ первый разъ,—воскликнулъ я,—эти слова станутъ правдой! Любятъ не за то, что получаютъ любовь, а потому, что такъ повелѣлъ въ бояхъ неодолимый Эросъ. Энона продолжала любить своего Парида, имъ отвергнутая. Гемонъ умеръ у могилы своей Антигоны, хотя уже ничего не могъ отъ нея ждать. И я буду тебя любить, хотя бы сердце твое и было, по твоимъ словамъ, каменнымъ, хотя бы мнѣ и предстояло умереть у твоихъ ногъ.

Тутъ Гесперія разсмѣялась и мнѣ отвѣтила:

— Ты, Юній, опять увлекаешься. Ты все бредишь героями древнихъ сказаній. Но уже пора тебѣ подумать, что мы живемъ не въ вѣкъ героевъ, но людей. Я не Лаконская Елена и ради меня умирать не стоитъ.

— Хорошо,—сказалъ я, вставая съ колѣнъ,—я болѣе не буду докучать тебѣ признаніями любви. Я понимаю, что они тебѣ не нужны. Но не отвергай меня. Подумай: гдѣ ты найдешь болѣе преданнаго служителя, нежели я? Ты говоришь, что любишь одно: далекую цѣль своей жизни. Позволь же мнѣ помогать тебѣ, служить тому же, чему ты служишь. Я—молодъ, но въ молодости есть сила. Я—неопытенъ, но отважусь на то, передъ чѣмъ отступятъ мужи. Я тебя люблю, и потому буду повиноваться каждому твоему слову, буду тебѣ вѣренъ, какъ самый честный рабъ. Довѣрься мнѣ.

Все время мы говорили, стоя посреди атрія. Послѣ же моихъ словъ Гесперія медленно отошла къ стѣнѣ, сѣла въ кресло и, опустивъ голову, задумалась. Я за ней послѣдовалъ, продолжая свои настоянія. Наконецъ, она покачала головой и произнесла рѣшительно:

— Нѣтъ, Юній, тебя я не могу вовлекать въ наше дѣло.

Мнѣ жаль твоей молодой жизни и жаль твоей матери, которую я знала.

— Гесперія! — съ отчаяніемъ отвѣтилъ я. — Я тебѣ признаюсь, какая мысль меня занимала эти послѣдніе дни. Понявъ, что я тебя люблю, что эта любовь окончится лишь съ моей жизнью и что счастія она мнѣ дать не можетъ, я хотѣлъ пойти на берегъ Тибра и броситься въ воду. Юпитеромъ клянусь, я такъ и сдѣлаю, если ты меня отвергнешь. Если я не могу тебѣ служить, мнѣ больше на этой землѣ нечего дѣлать—ни теперь, ни послѣ.

— Ты самъ не понимаешь, о чемъ просишь, — сказала Гесперія.—Служить мнѣ—значитъ отказаться отъ себя, отказаться отъ всѣхъ радостей и надеждъ, подчиняться мнѣ, безъ колебанія, хотя бы я приказывала тебѣ противное чести, служить тому, кому я повелю, хотя бы ты его презиралъ и ненавидѣлъ. Умереть за того, кого любишь, легко, но я потребую большаго. Этого ли ты хочешь?

— Этого я хочу,—сказалъ я.

— Поклянешься ли ты,—спросила Гесперія,—не только никому, ни въ дружеской бесѣдѣ, ни передъ палачомъ, не открывать того, что ты можешь узнать, но и никогда меня не спрашивать, зачѣмъ я что-либо дѣлаю или приказываю исполнить? Поклянешься ли, что никогда во мнѣ не усомнишься, не сдѣлаешь ни одного возраженія, не откажешься ни отъ какого дѣла, какъ бы страшнымъ и даже постыднымъ оно тебѣ ни показалось?

— Клянусь,—сказалъ я твердо.

— Клянешься ли ты, — спросила Гесперія, — ничего не скрывать отъ меня, сообщать мнѣ о себѣ все, даже свои самыя тайныя мысли, клянешься ли, по моему приказанію, притворствовать и лгать, и убить человѣка, если я потребую, и украсть, если это будетъ нужно, и не побояться быть позоромъ и посмѣшищемъ людей, если я этого захочу?

— Клянусь,—сказалъ я.

— Клянешься ли ты, — спросила Гесперія, — никогда не просить у меня награды, что бы ты для меня ни совершилъ,

никогда не добиваться моей любви и своей любви ко мнѣ не выражать ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ? Клянешься ли ты, если все-таки ты встрѣтишь женщину, которая тебѣ понравится, покинуть ее по одному моему знаку, отречься отъ нея, отвергнуть ее?

— Клянусь,—сказалъ я.

— Поклянись еще,—добавила Гесперія,—что ты, если я тебѣ прикажу прійти къ дверямъ моей спальни, когда я буду въ ней со своимъ возлюбленнымъ, и стать на стражѣ, будешь охранять входъ, какъ вѣрный воинъ, что въ тотъ часъ ты мой покой ничѣмъ не нарушишь и никому не позволишь переступить черезъ порогъ.

— Клянусь,—сказалъ я съ трудомъ.

— Клянись самой страшной клятвой, — потребовала Гесперія.

— Во всемъ, что ты отъ меня требуешь, — воскликнулъ я, — и во всемъ другомъ, что ты можешь потребовать, я тебѣ клянусь, Гесперія, клянусь Стиксомъ, — клятва, которой сами боги страшатся. И этой клятвой, снять которую не властны ни олимпійцы, ни подземные боги, я связываю себя на всю жизнь. Стиксомъ клянусь, Гесперія, тебѣ повиноваться, быть тебѣ вѣрнымъ и любить тебя до своей могилы и послѣ, за вратами смерти.

Такую страшную клятву я произнесъ въ пустынномъ и темномъ атріи не предъ какимъ-либо алтаремъ, но предъ ликомъ женщины, которая для меня была божествомъ. Выслушавъ мои слова, Гесперія тихо встала и мнѣ протянула руку, и когда я ее поцѣловалъ, сказала голосомъ строгимъ:

— Помни эту клятву, Юній. Я отъ тебя потребую ея исполненія отъ слова и до слова. Боги грозно отомстятъ тебѣ, если ты ее нарушишь. Но и я умѣю мстить тѣмъ, кто меня обманываетъ. Теперь уходи, уже поздно, и хотя ты мой родственникъ, но неприлично, что ты такъ долго остаешься въ моемъ домѣ ночью.

— И ты ничего мнѣ не прикажешь,—горестно спросилъ я,—ты не хочешь, чтобы я сейчасъ же началъ свое служеніе?

— Ты мнѣ поклялся ничего у меня не просить, — возразила Гесперія.—Когда будетъ надо, я тебя позову.

Я продолжалъ печально смотрѣть на Гесперію, но вдругъ она, словно неожиданная мысль пришла ей въ голову, быстро добавила:

— Впрочемъ, приди ко мнѣ завтра, въ полдень. Можетъ быть, я тебѣ дамъ одно порученіе.

Произнеся послѣднія слова, она тотчасъ повернулась и вышла изъ атрія, а меня охватила безудержная радость, какъ если бы самыя счастливыя обѣщанія мнѣ были даны.

Мнѣ хотѣлось цѣловать слѣдъ ногъ Гесперіи на мраморѣ пола, и казалось, что воздухъ атрія еще полонъ ея присутствіемъ. Опомнившись, я пошелъ къ выходу, растолкалъ соннаго привратника, бѣгомъ пробѣжалъ черезъ садъ и черезъ минуту уже былъ на улицѣ. Ночной, почти безмолвный Римъ, бѣлыя стѣны оградъ, смутные образы ближнихъ домовъ и бѣлыя громады отдаленныхъ храмовъ, и самое темное небо въ звѣздахъ,—все мнѣ представлялось прекраснымъ. Я простиралъ къ кому-то, можетъ быть, къ незримымъ богамъ, руки, невольно, словно пьяный, восклицалъ безсвязныя слова и вслухъ говорилъ самъ себѣ:

— У тебя опять есть жизнь, Юній! Ты счастливѣе всѣхъ смертныхъ, потому что можешь служить Гесперіи. Ты достигъ всего, о чемъ смѣлъ мечтать, потому что она теперь знаетъ о твоей любви. Какъ хорошо быть въ Римѣ, гдѣ живетъ она, какъ хорошо быть подъ тѣмъ же небомъ, которое покрываетъ ее! Какъ хорошо дышать, и жить, и чувствовать любовь! Благодарю васъ, безсмертные боги!

XVI.

Былъ ровно полдень, когда на слѣдующій день я подходилъ къ дому Гесперіи, такъ какъ не осмѣлился прійти раньше. У воротъ я сошелся съ Юліаніемъ, который на меня посмотрѣлъ удивленно и спросилъ:

— Тебя Гесперія звала къ себѣ сегодня?

— Да, звала,—отвѣтилъ я.

— Конечно, я очень радъ, милый Юній, — сказалъ Юліаній,—что ты сегодня будешь съ нами, но все-таки меня удивляетъ, что Гесперія не спросила моего совѣта. Я тебя знаю за человѣка надежнаго, но она еще съ тобой знакома мало.

Въ атріи намъ пришлось дожидаться Гесперіи, и Юліаній все время пытался отъ меня разузнать, почему я былъ позванъ сегодня, но я давалъ отвѣты уклончивые. Наконецъ появилась Гесперія, какъ всегда, одѣтая пышно, но при свѣтѣ дня вовсе не похожая на ту ночную женщину, которой еще недавно я давалъ свои клятвы. Гесперія сказала намъ:

— Вы оба будете нужны; я вамъ дамъ важныя порученія.

— Значитъ, — спросилъ Юліаній,—ты Юнія привлекла къ нашему дѣлу?

— Да,—строго отвѣтила Гесперія,—я ему вѣрю.

Не рѣшившись возражать, Юліаній спросилъ, какое рѣшеніе принято.

— Сенатъ вчера постановилъ, — отвѣтила Гесперія, — послать къ императору Симмаха съ тѣмъ, чтобы онъ просилъ

о возстановленіи алтаря Побѣды. Но сейчасъ у меня въ домѣ совѣщаются всѣ наши, должно ли этимъ ограничиться.

— Можетъ быть, мнѣ слѣдуетъ итти къ нимъ?—спросилъ Юліаній.

— Нѣтъ,—не безъ легкой насмѣшки отвѣтила Гесперія,—они все обсудятъ одни. Ты дожидайся здѣсь. А ты, Юній,—добавила она,—иди со мной: мнѣ надо съ тобой говорить.

Я видѣлъ, какъ такой отвѣтъ былъ Юліанію непріятенъ, самъ же я почувствовалъ себя опять счастливымъ, какъ увидѣвшій родную Итаку Улиссъ, когда услышалъ этотъ зовъ Гесперіи. Мнѣ было довольно того, что она отличила меня передъ Юліаніемъ и захотѣла со мной говорить наединѣ, и я даже не задумался, каково можетъ быть то порученіе, о которомъ говорила Гесперія. Словно на крыльяхъ Меркурія, я послѣдовалъ за ней въ уединенную комнату, полутемную, напоенную ароматомъ восточныхъ благовоній, гдѣ Гесперія, заставивъ меня сѣсть и убѣдившись, что рабы не подслушиваютъ, сказала мнѣ такъ:

— Юній! Я ничего не дѣлаю наполовину. Я тебѣ довѣрилась и хочу довѣрять вполнѣ. Я хочу, чтобы ты все узналъ, о чемъ только догадываешься. Я тебѣ открою всѣ наши замыслы, такъ что въ твоей волѣ будетъ погубить и меня, и многихъ другихъ. Не перебивай меня: я знаю, что ты этого не сдѣлаешь. Итакъ, слушай. Да, мы хотимъ спасти имперію отъ той погибели, которую ей готовятъ послѣдніе императоры; да, мы хотимъ вернуть Риму то значеніе въ мірѣ, какое ему по праву подобаетъ. Для этого мы должны взять власть въ свои руки, уничтоживъ того Граціана, который сдѣлался простой игрушкой въ рукахъ безумнаго Амбросія, ненавидящаго древнюю славу имперіи, завѣты отцовъ и самихъ боговъ безсмертныхъ. Да, съ нами лучшіе люди Рима; Претекстатъ, понтификъ Солнца, посвященный во всѣ сокровеннѣйшія мистеріи, Флавіанъ, который сейчасъ при Ѳеодосіи, квесторъ священнаго дворца, Симмахъ, знаменитый писатель нашего времени. Видишь, Юній, я разоблачаю передъ тобой наши тайны, я называю имена, я отдаю въ твои руки

нашу судьбу, — потому что, если наши замыслы станутъ извѣстны, насъ ожидаетъ одно: смерть! Отплати же и ты вѣрностью за довѣріе.

Я могъ бы возразить Гесперіи, что она не прибавила ничего новаго къ тому, что наканунѣ я самъ сказалъ ей, не упомянула ни одного имени, кромѣ тѣхъ, которыя я тоже называлъ. Но я подъ такимъ былъ очарованіемъ ея близости и ея голоса, что въ ту минуту мнѣ казалось, будто она, дѣйствительно, рѣшилась со мной быть до конца откровенной. И это сознаніе, что Гесперія смотритъ на меня, какъ на человѣка близкаго, наполнило меня такой радостью, что я воскликнулъ:

— Говори мнѣ все смѣло! Я—съ тобой, я—съ вами! Я готовъ на все, самое опасное, и никакая смерть меня не устрашитъ!

— Я въ этомъ увѣрена, Юній, — продолжала Гесперія,— но слушай внимательно. Изъ тѣхъ людей, которыхъ я назвала тебѣ, одинъ Флавіанъ человѣкъ рѣшительный. Подъ обличіемъ придворнаго онъ скрываетъ сердце истиннаго Римлянина, не боится опасности и согласенъ итти ей навстрѣчу. Его нѣтъ въ Римѣ, а другіе не таковы: они любятъ разсуждать и дѣйствовать съ увѣренностью въ успѣхѣ. Мы совѣщались сегодня утромъ, что̀ намъ должно предпринять послѣ того эдикта, о которомъ ты первый мнѣ сообщилъ ночью. Конечно, не въ томъ дѣло, что оскорбленъ еще одинъ изъ священныхъ алтарей боговъ: мы были свидѣтелями за эти годы слишкомъ многихъ такихъ оскорбленій. Но повелѣніе императора не можетъ не вызвать волненія среди всѣхъ, еще почитающихъ завѣты старины, и я прямо сказала, что должно этимъ волненіемъ воспользоваться. Я предлагала немедля овладѣть Городомъ, призвать вѣрные намъ легіоны, Граціана объявить врагомъ отечества и выбрать новаго императора. Присутствуй здѣсь Флавіанъ, онъ настоялъ бы на этомъ, но мои слова сочли за пустыя мечтанія женщины. Претекстатъ и Симмахъ повторяли, что мы не готовы къ открытой борьбѣ, что у Граціана пока больше силъ, чѣмъ у насъ, и что пре-

ступно вовлекать имперію въ новую гражданскую войну. Эти доводы одержали верхъ, потому что люди всегда предпочитаютъ согласиться съ тѣми, кто совѣтуетъ помедлить... Рѣшено удовольствоваться посольствомъ отъ сената къ императору, которое навѣрное будетъ безуспѣшнымъ... Однако я подчиниться такому рѣшенію не хочу. Долѣе медлить нельзя, потому что съ каждымъ годомъ насъ только крѣпче опутываютъ сѣти враговъ. Надо быть смѣлымъ и помнить, что только тотъ можетъ побѣдить, кто не боится пораженія. Одна противъ всѣхъ я хочу дѣйствовать, и ты въ этомъ долженъ мнѣ помочь, Юній!

Гесперія проговорила эту маленькую рѣчь, можетъ быть, заранѣе приготовленную, съ такимъ искусствомъ, какъораторъ въ судѣ, но я мало вникалъ въ ея доводы. Съ меня было довольно того, что Гесперія меня звала помочь ей, меня избирала изъ числа всѣхъ другихъ, чтобы мнѣ довѣрить свой замыселъ, и я сказалъ въ отвѣтъ:

— Это то, чего я хочу! Дай мнѣ служить тебѣ, и я буду счастливъ! Приказывай, я буду повиноваться.

Гесперія сѣла рядомъ со мной, ласково обняла меня одной рукой, а другой нѣжно стала гладить мое лицо и, наклонившись ко мнѣ близко, тихимъ шопотомъ продолжала:

— Они разсчитываютъ умомъ, а мы съ тобой хотимъ жить сердцемъ. Я люблю ту цѣль, къ которой стремлюсь, а ты клялся мнѣ, что любишь меня. Есть ли такое въ мірѣ, чего не могутъ сдѣлать двое, если ими движетъ любовь? Вдвоемъ мы можемъ больше, чѣмъ они съ помощью всѣхъ своихъ легіоновъ. Надо только вѣрить и не бояться смерти.

— Приказывай,—повторилъ я, почти изнемогая.

Запахъ ароматовъ и ласка Гесперіи опьяняли меня, какъ самое сильное вино, и я дрожалъ, какъ въ бреду. Въ тотъ мигъ я не отказался бы ни отъ чего, что̀ могла потребовать отъ меня Гесперія,—и она это знала.

— Милый Юній!—прошептала она мнѣ, словно нашептывая любовныя признанія,—я хочу, чтобы ты совершилъ дѣло трудное и страшное. Но послѣ всего, что ты мнѣ сказалъ,

я не хочу обижать тебя, требуя съ тебя малаго. Для той, кого любишь, сладостно исполнить лишь то, что угрожаетъ смертью.

— Умереть по твоему повелѣнію—это счастье,—прошепталъ я, задыхаясь отъ нѣжнаго прикосновенія руки Гесперіи.

Гесперія осторожно отодвинулась отъ меня, взяла что-то со стола и сказала мнѣ голосомъ болѣе спокойнымъ:

— Вотъ здѣсь двѣ вещи: возьми ихъ. Это кошелекъ съ деньгами, а это—кинжалъ.

— Деньги? — переспросилъ я, вставая изумленный. — Зачѣмъ мнѣ брать у тебя деньги. Онѣ мнѣ не нужны.

— Я тебѣ это приказываю,—сказала Гесперія, нахмуривъ брови. — Онѣ тебѣ будутъ нужны. Ты завтра поѣдешь съ Симмахомъ въ Медіоланъ.

Я растерянно смотрѣлъ на Гесперію, не понимая, какое отношеніе имѣютъ ея слова къ тому, что она говорила раньше, и слабо пробормоталъ:

— Неужели, послѣ всѣхъ клятвъ, которыя ты съ меня взяла, ты просто хочешь меня отъ себя отослать?

— Юній!—строго возразила Гесперія, опять приближаясь ко мнѣ.—Ты поклялся ни въ чемъ мнѣ не противорѣчить, ни о чемъ меня не спрашивать. Гдѣ же твои клятвы? Ты завтра поѣдешь въ Медіоланъ съ Симмахомъ.

— Я это сдѣлаю, если ты приказываешь,—печально сказалъ я.

Гесперія опять приблизилась ко мнѣ и опять шопотомъ добавила:

— Въ Медіоланѣ Симмахъ произнесетъ передъ Граціаномъ свою рѣчь. Императоръ, конечно, откажетъ ему, тогда... Тогда ты вспомнишь, что я тебѣ дала кинжалъ... Если Граціанъ умретъ, если вся имперія будетъ охвачена бурей,—а кто захочетъ признать его преемникомъ ребенка Валентиніана?—само собой придетъ время дѣйствовать, и никто уже не скажетъ, что надо еще медлить, еще выжидать... Ты меня понялъ?

Я, наконецъ, все понялъ, и странное чувство, смѣшанное

изъ радости и ужаса, наполнило мою душу. А Гесперія стояла предо мной со строгимъ выраженіемъ лица, прекрасная какъ Калипсо, и смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Я опять упалъ передъ ней на колѣни и произнесъ:

— Ты посылаешь меня на смерть!

— Да,—отвѣчала она,—можетъ быть, на смерть.

— Я исполню, что̀ буду въ силахъ, клянусь богами,—сказалъ я.

— Я знала, что ты согласишься,—произнесла Гесперія.

И вдругъ, ставъ, подобно мнѣ, на колѣни, она охватила обѣими руками мои плечи, быстро приблизила ко мнѣ свое лицо и свои губы наложила на мои. Былъ поцѣлуй, который, казалось, проникъ въ самую глубину моего существа, такой длительный и сладостный, что я почти потерялъ сознаніе. На одинъ мигъ я не зналъ, еще живу ли я среди людей, или уже отданъ тому послѣднему блаженству, которое, по ученію новыхъ философовъ, встрѣчаетъ достойныя души въ минуту смерти, въ минуту ихъ сліянія съ Вѣчнымъ...

Когда я очнулся, Гесперія вновь стояла предо мной такой же строгой, какой была, когда произносила свою искусную рѣчь. Она протягивала мнѣ кошелекъ и кинжалъ и говорила:

— Возьми и помни.

Я безвольно взялъ въ руки переданныя мнѣ вещи.

— Теперь ступай и пришли ко мнѣ Юліанія.

Я вышелъ, почти шатаясь, добрался до атрія и, не слушая, о чемъ меня спрашивалъ Юліаній, грубо сказалъ ему:

— Ступай къ Гесперіи!

Долгое время прошло, пока я вполнѣ оправился: все мое воображеніе было заполнено поцѣлуемъ Гесперіи, и мнѣ казалось, что я все еще чувствую напечатлѣніе ея губъ на моемъ лицѣ. Понемногу разсудокъ вернулся ко мнѣ, и я даже сталъ думать, что, вѣроятно, въ эту самую минуту она совершаетъ то же, что со мной, съ Юліаніемъ, а можетъ быть, и нѣчто большее...

Но тутъ послышался шумъ шаговъ, и въ атрій вошло все

общество, бывшее въ домѣ Гесперіи: она сама, ея мужъ, Юліаній и нѣсколько человѣкъ, раньше мнѣ незнакомыхъ, среди нихъ—Претекстатъ и Симмахъ, оба въ сенаторскихъ тогахъ.

Претекстатъ былъ уже дряхлый старикъ, съ лицомъ Катона, согбенный лѣтами, но казавшійся высокимъ и повелительнымъ. Нельзя было, видя его, не почувствовать къ нему уваженія. Въ Симмахѣ я узналъ того посѣтителя Гесперіи, котораго не разъ наблюдалъ во время своихъ ночныхъ вигилій передъ ея домомъ. Симмахъ былъ строенъ, высокъ, съ благороднымъ лицомъ, но было въ его движеніяхъ что-то женственное.

Первымъ ко мнѣ подошелъ Эліанъ, который сказалъ мнѣ:

— Итакъ, Юній, ты хочешь помогать намъ. Но ты долженъ знать, что мы не замышляемъ ничего дурного противъ божественнаго императора. Мы хотимъ только остеречь его отъ тѣхъ дурныхъ совѣтниковъ, которыми онъ окруженъ. И запомни еще, что мы умѣемъ наказывать тѣхъ, кто намъ измѣняетъ. У насъ, какъ и у императора, вездѣ есть очи и уши. И прежде всего ты долженъ въ домѣ дяди молчать обо всемъ, что здѣсь услышишь. Старикъ Тибуртинъ человѣкъ достойнѣйшій, но порой бываетъ откровененъ съ тѣми, съ кѣмъ не слѣдуетъ. Если же ты будешь намъ вѣренъ, мы твою судьбу устроить сумѣемъ.

Эліанъ мнѣ былъ давно ненавистенъ и выслушивать отъ него совѣты мнѣ было нестерпимо. Я постарался съ достоинствомъ отвѣтить, что хочу служить ихъ дѣлу только потому, что считаю его своимъ, чту боговъ и люблю вѣчный Римъ. Эліанъ мои слова принялъ какъ пустыя рѣчи ученика реторовъ, но старикъ Претекстатъ въ отвѣтъ одобрительно закивалъ головой.

— Вѣрно, вѣрно, юноша, — сказалъ онъ. — Прежде всего должно чтить боговъ безсмертныхъ. И не столько слѣдуетъ страшиться человѣческихъ угрозъ, сколько ихъ кары. На страшныя муки обрекаютъ подземные судьи оскорбителей святынь. Флегія и Иксіона вспомни, какія они испытываютъ

въ Тартарѣ мученія. Отъ всѣхъ грѣховъ очиститься можно достодолжными жертвами, только оскорбителя боговъ не очистятъ никакіе обряды.

Во время такого разговора я чувствовалъ себя маленькимъ мальчикомъ среди взрослыхъ, но по счастію обратился ко мнѣ Симмахъ, заговорившій дѣловымъ голосомъ:

— Мнѣ Гесперія сказала, что ты поѣдешь со мной, Юній. Приготовься же, такъ какъ мы выѣзжаемъ завтра утромъ. Приходи ко мнѣ, а я живу на Целіи, въ третьемъ часу и принеси свои вещи, а также захвати съ собой дощечки и стиль; я не беру съ собой писца, и ты будешь записывать, что́ я тебѣ буду диктовать.

Послѣ этого мужчины продолжали говорить о посольствѣ Симмаха, и меня изумляло, какъ мало вниманія они оказывали Юліанію, который постоянно старался вставлять и свои замѣчанія. Между тѣмъ Гесперія, отозвавъ меня въ сторону, сказала мнѣ:

— Тебѣ здѣсь больше нечего дѣлать, Юній, уходи. Ступай по улицамъ, на форумы, въ термы и вездѣ слушай, что́ говорятъ о эдиктѣ Граціана. Тебя никто не знаетъ, и при тебѣ остерегаться не будутъ. Все, что услышишь, ты передашь Симмаху. О томъ же, чтобы тебѣ дано было право выѣхать изъ Города, мы позаботимся. Прощай.

— И больше я тебя не увижу?—жалобно спросилъ я.

Гесперія посмотрѣла на меня взглядомъ, въ которомъ мнѣ хотѣлось прочесть обѣщаніе чего-то особеннаго, и отвѣтила:

— Если ты вернешься, исполнивъ мое порученіе, ты меня увидишь.

Она отвернулась и отошла отъ меня, а я незамѣтно для другихъ вышелъ изъ дома.

XVII.

Забѣжавъ къ себѣ домой, чтобы переодѣться и спрятать деньги и пугіонъ, данные мнѣ Гесперіей, я въ точности исполнилъ ея приказаніе.

Я опять бродилъ по улицамъ и толкался среди толпы на всѣхъ форумахъ, но къ моему удивленію, нигдѣ не было рѣчи о вчерашнемъ повелѣніи императора. Вся обычная жизнь Города шла своимъ порядкомъ. Мѣнялы отсчитывали деньги, покупатели торговались въ лавкахъ, щеголи показывали свое умѣніе носить тогу или разныя азіатскія одежды, въ углахъ форумовъ бѣдняки, сидя на мостовой, играли въ кости, таберны были полны и шумны. Говорили обо всемъ, что занимало Римъ и вчера, и третьяго дня, словно никто и не зналъ о эдиктѣ императора, о ночномъ засѣданіи сената, о негодованіи лучшихъ людей имперіи. Впрочемъ, я замѣтилъ среди народа не малое число подозрительныхъ лицъ, одѣтыхъ и богато и бѣдно, которыя, подобно мнѣ, прислушивались ко всѣмъ бесѣдамъ, охотно вмѣшивались въ чужіе разговоры, и думаю, что не ошибся, принявъ ихъ за императорскихъ соглядатаевъ.

Не узнавъ ничего на форумахъ, я пошелъ въ термы Діоклеціана, въ которыхъ еще ни разу не былъ. Въ другое время мое вниманіе привлекли бы поразительная роскошь ихъ убранства, великолѣпная мозаика половъ, строгость высокихъ колоннъ, роспись стѣнъ и дивныя созданія древняго

искусства, собранныя тамъ волею ихъ строителя. Но въ тотъ день мнѣ некогда было любоваться на мраморъ и на статуи, на хитрыя украшенія, которыми отличалась каждая изъ многихъ сотенъ комнатъ, образующихъ эти термы: я добивался одного—услышать что́ говорятъ граждане о судьбѣ алтаря Побѣды. Такъ какъ время года было уже холодное, то писцина была почти пуста, большинство посѣтителей, которые пришли не въ библіотеку, спѣшило перейти изъ фригидарія въ тепидарій, и его громадный залъ былъ полонъ распростертыми на мраморныхъ скамьяхъ голыми тѣлами, около которыхъ хлопотали прислужники, усердно растиравшіе ихъ руками и бронзовыми стригилями.

Я также позвалъ мальчика, чтобы онъ растеръ меня, и выбралъ мѣсто около двухъ тучныхъ мужчинъ, со сладострастіемъ предававшихся наслажденіямъ бани и неумолчно разговаривавшихъ другъ съ другомъ. На этотъ разъ я попалъ удачно, такъ какъ рѣчь точно шла объ алтарѣ Побѣды, хотя говорившіе и остерегались быть особенно откровенными въ общественномъ мѣстѣ.

— Слава Господу Іисусу Христу, — говорилъ одинъ изъ лежавшихъ, подставляя подъ стригиль свои плечи,—можетъ быть, теперь легче будетъ дышать въ Городѣ, не правда ли, Соллерсъ? Только въ одномъ Римѣ, во всей имперіи, и уцѣлѣли эти нечестія. Куда ни пойдешь, вездѣ встрѣчаешь соблазнъ: храмы идоламъ открыты, а въ носъ такъ и бьетъ проклятый дымъ отъ жертвоприношеній.

— Ну, нѣтъ, милый Меробавдъ, — возражалъ Соллерсъ, повертываясь толстымъ животомъ вверхъ,—зачѣмъ стѣснять вѣрованія другихъ? Пусть каждый молится, какъ ему угодно: Божество одно для всѣхъ, хотя бы его и почитали подъ обликомъ гнусныхъ идоловъ.

— Какъ бы не такъ, — отвѣтилъ Меробавдъ, черты лица котораго выдавали его Германское происхожденіе, — ты думаешь, грѣха нѣтъ кланяться ложнымъ богамъ? Это—ересь, мой милый, смертная ересь. За такія мысли и отъ церкви отлучатъ. А что же святые мученики, которые пострадали за

то, что не хотѣли поклоняться кумирамъ? Нѣтъ, мы воистину должны прославлять божественнаго императора за то, что онъ спасаетъ насъ отъ соблазновъ. Дома у себя молись хоть чурбану, если тебѣ этого хочется, а вѣдь это стыдъ и позоръ былъ, что въ самой Куріи курили ѳиміамъ бездушной статуѣ.

Меробавдъ послѣ своей рѣчи сѣлъ на скамьѣ и спросилъ служителя:

— А ты, любезный, что̀ думаешь объ императорскомъ эдиктѣ?

— Свѣтлѣйшій мужъ,—отвѣтилъ тотъ,—какъ мы можемъ разсуждать о святости императора! Скажу только, что давно пора всѣ эти богомерзкія статуи разбить молоткомъ да побросать въ Тибръ. По улицамъ стыдно ходить,—столько ихъ въ Городѣ наставлено.

— Хорошо разсуждаешь,—сказалъ Меробавдъ,—ну, разотри мнѣ теперь бока.

Нѣкоторое время слышался только звукъ стригиля, очищавшаго кожу почтеннаго Германца, и его довольное сопѣніе. Потомъ Соллерсъ, желавшій, вѣроятно, нѣсколько перемѣнить разговоръ, спросилъ:

— А правда ли, что сенатъ единогласно постановилъ послать посольство къ императору и просить о возстановленіи алтаря?

— Ужъ и единогласно!—возразилъ Меробавдъ,—вовсе не единогласно, а лишь малымъ большинствомъ голосовъ. Да и то потому, что сенаторы-христіане не пошли въ Курію. Прилично ли имъ было итти и обсуждать прямую волю императора, которой должно повиноваться. Кромѣ того ты знаешь, что за люди эти идолопоклонники: будешь имъ возражать, а они изобьютъ, хотя бы то было и въ Куріи. Ну, да кончились ихъ веселые дни, это ясно.

— Охъ, — произнесъ Соллерсъ, вставая, — пойдемъ попаримся въ калдаріи, натремся масломъ, да пора и обѣдать.

Охая отъ удовольствія, оба разговаривавшихъ направились въ другую комнату. Скоро и я послѣдовалъ за ними,

но уже не разыскалъ ихъ въ большой толпѣ. Служители не преминули сообщить мнѣ, что у нихъ есть красивые мальчики и отдѣльныя комнаты; я однако отъ такихъ услугъ отказался. Нàскоро закончивъ все, что̀ полагается дѣлать въ термахъ, умастивъ тѣло въ элеотезіи, что было не лишнее передъ предстоявшей мнѣ дорогой, я вышелъ на улицу.

Еще около часу я безуспѣшно ходилъ по Городу, наконецъ, вернулся въ домъ дяди.

Здѣсь меня ждало нѣсколько непріятныхъ встрѣчъ.

Прежде всего меня остановила тетка, видимо уже предупрежденная Гесперіей о моемъ отъѣздѣ.

— Ты что же это, Юній, задумалъ?—сказала она мнѣ.— Твои родители поручили мнѣ тебя, чтобы я наблюдала за тобой какъ мать, а ты со мной и посовѣтоваться не захотѣлъ? Тебѣ учиться нужно, чтобы послѣ деньги зарабатывать, а ты вмѣшиваешься въ дѣло, тебя не касающееся, да и не по своему уму. Что ты на дядю смотришь: онъ всегда былъ глупъ и только и умѣетъ, что проживать отцовскія имѣнія. Ну, да вѣдь онъ — сенаторъ, его тронуть, можетъ быть, и не посмѣютъ, а тебѣ свернутъ шею, какъ цыпленку. Что̀ захотѣлъ,—ѣхать къ императору!

Я возразилъ рѣшительно:

— Ты знаешь взгляды моего отца. Я увѣренъ, что онъ мой поступокъ одобрилъ бы. И нѣтъ ничего дурного въ томъ, что я ѣду писцомъ при такомъ знаменитомъ человѣкѣ, какъ Квинтъ Аврелій Симмахъ. Въ его обществѣ я только могу научиться хорошему.

— Тоже бездѣльникъ твой Симмахъ, — отвѣтила мнѣ тетка.—Послушай-ка, что о немъ говоритъ отецъ Никодимъ. Что Симмахъ сочиняетъ сладенькія письма, отъ которыхъ иныя женщины съ ума сходятъ, еще не значитъ, что онъ знаменитый человѣкъ. Просто—болтунъ, который до сѣдыхъ волосъ за женщинами бѣгаетъ, хотя у него своя семья, жена и дѣти. Доброму отъ него не научишься!

Освободившись кое-какъ отъ выговоровъ тетки, я наткнулся на поджидавшую меня Намію.

— Братикъ, — спросила она строго, — ты помнишь свое вчерашнее обѣщаніе?

— Милая сестрица, — отвѣтилъ я, — ты слышала, что̀ за это время случилось. Я ни о чемъ другомъ не могу думать. Вѣдь дѣло идетъ о благѣ всей имперіи. Когда я вернусь изъ Медіолана, я, клянусь Юпитеромъ, отвѣчу тебѣ на всѣ твои вопросы.

— Я понимаю, что это значитъ, — сказала мнѣ Намія. — Такъ всегда говорятъ, когда не хотятъ прямо отвѣтить. Но я теперь знаю, что̀ мнѣ должно дѣлать.

Не давъ мнѣ сказать ни слова болѣе, Намія скрылась, а я, постоявъ нѣсколько мгновеній въ нерѣшительности, должно ли слѣдовать за ней, рѣшилъ было пройти въ свою комнату, когда подбѣжалъ Мильтіадъ и сказалъ мнѣ, что меня зоветъ дядя.

Дядю я засталъ весьма разстроеннымъ,—видно было, что онъ выпилъ вина больше обыкновеннаго; меня онъ встрѣтилъ такими словами:

— Все погибло, племянникъ! Мы были Римляне, былъ Римъ и великая слава народа Римскаго. Увидѣлъ я вчера въ Куріи, что нѣтъ болѣе доблести въ Городѣ. Всѣ перепугались, какъ школьники; всѣ сенаторы оказались трусами. Я слышалъ, что ты ѣдешь съ Симмахомъ, но я тебѣ этого дѣлать не совѣтую. Все это посольство схватятъ и бросятъ въ темницу, и тебя въ томъ числѣ. И скажу тебѣ, что самъ я въ Римѣ оставаться не намѣренъ. Завтра же собираю свои вещи и ѣду куда-нибудь въ Малую Азію, чтобы обо мнѣ забыли. Я не хочу, чтобы мнѣ отрубили голову или сослали меня на какой-нибудь пустынный островъ.

— Что ты, дядя, — возразилъ я, — развѣ можно быть столь малодушнымъ. Тебѣ ничего не угрожаетъ. Не казнятъ же всѣхъ сенаторовъ сразу.

— Все возможно въ нашъ вѣкъ,—отвѣтилъ мнѣ Тибуртинъ. — Развѣ ты забылъ, какъ сто лѣтъ назадъ казнилъ Авреліанъ! Палачи устали рубить головы сенаторамъ и всадникамъ. А при Констанціи еще большее число нобилей

было тайно задушено въ тюрьмахъ. Да и Валентиніанъ не щадилъ насъ, хотя онъ былъ истинный Римлянинъ, несмотря на то, что христіанинъ. Доживу ли я еще до завтрашняго дня. Почему я знаю: можетъ быть, моимъ рабамъ уже приказано удавить меня ночью. Я къ себѣ въ спальню боюсь итти.

Долго я успокаивалъ почтеннаго сенатора, который былъ такъ напуганъ, что каждую минуту просилъ посмотрѣть, не подслушиваетъ ли кто-нибудь у двери. Наконецъ, когда нами былъ выпитъ еще секстарій Кипрскаго, я отвелъ дядю, совсѣмъ пьянаго, на ложе и съ помощью вѣрнаго Мильтіада уложилъ спать. Все же Тибуртинъ заплетающимся языкомъ еще попросилъ меня положить около него мечъ, которымъ владѣть онъ, вѣроятно, не умѣлъ.

— Если придутъ убійцы,—сказалъ онъ, засыпая,—я брошусь на свой мечъ... какъ Брутъ...

Только послѣ всѣхъ этихъ происшествій я добрался до своей комнаты. Мнѣ предстояло собраться въ путешествіе, и я долго раздумывалъ надъ тѣмъ, что мнѣ дѣлать съ пурпуровымъ колобіемъ, спрятаннымъ на днѣ моего дорожнаго ларя. Оставить его въ домѣ дяди мнѣ казалось неосторожнымъ, и я рѣшилъ, что всего лучше везти его съ собой, вмѣстѣ со всѣми другими вещами. Я захватилъ въ дорогу также всѣ свои деньги и лучшія одѣянія.

На другой день рано утромъ я приказалъ рабу нести свои вещи на Целій, въ домъ Симмаха. Проводить меня вышла только одна тетка, которая на прощаніе сказала мнѣ еще нѣсколько язвительныхъ упрековъ:

— Отецъ тебѣ деньги далъ на ученіе, а не на путешествія. Сначала наживи свои, а потомъ трать ихъ по своему желанію.

— Я не истрачу ни асса своихъ денегъ,—возразилъ я,—обо всемъ позаботится Симмахъ.

Это нѣсколько успокоило тетку, и она добавила:

— Ну, кто знаетъ, можетъ быть, это путешествіе тебѣ и на пользу будетъ. Тамъ при императорскомъ дворѣ про-

славленный Амбросій. Если только удостоишься ты того, чтобы его видѣть, навѣрное, ты обратишься къ истинѣ: это человѣкъ святой.

Въ домѣ Симмахъ на Целіи, одномъ изъ тѣхъ четырехъ домовъ, которыми владѣлъ онъ въ Городѣ, строеніи роскошномъ и замѣчательномъ, засталъ я уже все готовымъ къ отъѣзду. Симмахъ, въ дорожномъ плащѣ, прощался съ женой, Рустиціаной, женщиной уже не молодой, и дѣтьми, изъ которыхъ младшій сынъ былъ на рукахъ у кормилицы. Вся семья, кліенты и рабы столпились въ атріи и многіе плакали, словно провожая хозяина въ опасный военный походъ.

У дверей дома стояло нѣсколько каррукъ и повозка, нагруженная вещами, къ которымъ я присоединилъ и свой ларь. Симмахъ позвалъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ, въ послѣдній разъ сказалъ нѣсколько словъ домашнимъ, всѣ его спутники также размѣстились по мѣстамъ, и данъ былъ знакъ ѣхать. Лошади побѣжали по мостовой, рабы съ криками расталкивали впереди толпившійся народъ, провожая насъ до городскихъ воротъ. Быстро промелькнули уже знакомыя мнѣ улицы, дома, храмы, стѣны форумовъ и возвышавшіеся надъ ними дворцы Палатина. Еще разъ взглянулъ я въ ту сторону, гдѣ стоялъ домъ Гесперіи, и, миновавъ Фламиніевы ворота, мы выѣхали за городъ.

Я подъ плащомъ сжималъ рукоятку кинжала, даннаго мнѣ Гесперіей.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Нашъ маленькій поѣздъ состоялъ изъ двухъ каррукъ, одной простой реды и повозки съ вещами. Въ первой каррукѣ ѣхалъ со мной Симмахъ, во второй—два другихъ сенатора, согласившихся участвовать въ посольствѣ, Пробинъ и Оптатъ, въ редѣ—тѣ рабы и служители, которыхъ сочли нужнымъ взять съ собой въ дорогу.

Оказавшись рядомъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Симмахъ, я, разумѣется, первое время чувствовалъ себя крайне стѣсненнымъ. Мое смущеніе увеличивалось еще тѣмъ, что до того времени мнѣ не приходилось ничего читать изъ прославленныхъ сочиненій Симмаха. Онъ же сначала также держалъ себя со мной высокомѣрно, почти не удостаивая меня разговора, и мнѣ оставалось только молча наблюдать памятники, окаймляющіе Фламиніеву дорогу, а послѣ однообразные виды южной Этруріи.

Однако, понемногу Симмахъ убѣдился, что я не такъ недостоинъ его бесѣды, какъ ему первоначально казалось, и, когда я выказалъ нѣкоторое знаніе Римской литературы, онъ охотно сталъ со мной дѣлиться своими мыслями. Такъ мы заговорили о моемъ соотечественникѣ, уроженцѣ Галліи, славномъ поэтѣ Децимѣ Магнѣ Авсоніи, котораго Симмахъ зналъ лично, встрѣтившись съ нимъ при дворѣ Валентиніана въ Тревирахъ, и Симмахъ мнѣ сказалъ:

— Это прекрасный поэтъ, стихи котораго насыщены луч-

шими образцами древности, но послѣдній поэтъ Римскій. Камены, которыхъ приманилъ въ Лаціумъ геній Горація, покидаютъ страну, имъ негостепріимную. Умираетъ самый языкъ Латинскій, изъ котораго варвары, заполнившіе имперію вплоть до Сената, сдѣлали новое нарѣчіе, звучащее грубо и дико. Погибаетъ знаніе литературы древней, старыя рукописи гніютъ ненужныя въ библіотекахъ, и писцы заняты переписываніемъ нелѣпыхъ измышленій разныхъ христіанскихъ лжефилософовъ. Историческія сочиненія замѣнены краткими извлеченіями, вмѣсто новыхъ поэмъ намъ предлагаютъ центоны, составленные изъ стиховъ Вергилія, ораторамъ болѣе негдѣ произносить ихъ рѣчи, и поэты тратятъ свое время на сочиненіе гимновъ въ оправданіе божественности Христа. Мы—послѣднее поколѣніе Римлянъ, которымъ дано наслаждаться великими богатствами нашего прошлаго и принести послѣдніе камни, чтобы довершить великолѣпное зданіе нашей исторіи. Намъ на смѣну придутъ люди, которымъ рѣчь Ливія или Цицерона уже не будетъ понятна, которые надъ темными для нихъ преданіями предковъ будутъ смѣяться, и міръ вернется въ тотъ хаосъ, изъ котораго вывели его основатели имперіи—Цезарь, Августъ, Траянъ.

Эта безутѣшная рѣчь Симмаха крайне меня поразила, и я со всѣмъ должнымъ уваженіемъ спросилъ его:

— Свѣтлѣйшій мужъ! Почему же ты, думая такъ, предвидя близкое паденіе Рима, принимаешь на себя его защиту, ѣдешь сейчасъ къ императору просить о возстановленіи въ Куріи алтаря Побѣды? Не все ли равно, будетъ осуществленъ эдиктъ Граціана или нѣтъ, если въ концѣ-концовъ Римской славѣ суждено погибнуть? Стоитъ ли дѣлать какія-либо усилія, если по твоему мнѣнію въ лучшемъ случаѣ можно лишь на нѣсколько лѣтъ отсрочить гибель?

Симмахъ внимательно посмотрѣлъ на меня своими умными и добрыми глазами, откинулся въ глубь карруки и потомъ, словно нехотя, нѣсколько лѣнивымъ голосомъ отвѣтилъ мнѣ

— Видишь ли, Юній, если Риму и суждено погибнуть, онъ долженъ погибнуть съ достоинствомъ: слишкомъ прекрасно

и величественно было его прошлое, чтобы можно было допустить его до унизительнаго конца. То, что я сейчасъ говорю тебѣ, я обыкновенно таю отъ всѣхъ и считаю преступленіемъ разглашать. Наше дѣло—до послѣдней минуты оберегать величіе древняго Рима. Мы какъ бы хранители прекраснаго, но ветхаго храма; мы знаемъ, что балки въ немъ подгнили, что стѣны угрожаютъ паденіемъ; но мы не даемъ этого увидѣть непосвященнымъ. Пусть въ прежней красотѣ стоитъ передъ взорами всѣхъ славное зданіе, и пусть не распадется оно по частямъ, но сразу рухнетъ, погребая весь міръ подъ развалинами... Когда приходилось мнѣ стоять у власти, — а я былъ, какъ ты знаешь, корректоромъ Луканіи и Бруттія, проконсуломъ Африки и занималъ не мало другихъ важныхъ должностей,—я всегда требовалъ, чтобы всѣ обычаи старины исполнялись строго. Такъ, напримѣръ, когда я, будучи понтификомъ Весты, узналъ, что одна весталка въ Альбѣ нарушила свой обѣтъ, я настоялъ, чтобы, по древнему закону, ее живой опустили въ могилу. Я старался, чтобы все, что намъ завѣщали вѣка, было сбережено благоговѣйно, и не позволялъ дерзновенной рукѣ современности посягать на сѣдины обычая. Я буду до конца моихъ дней беречь святыню нашей древности и золотому Риму готовить красивую смерть.

Впервые мнѣ приходилось слышать такія рѣчи, и притомъ ихъ произносилъ тотъ, отъ кого я всего менѣе могъ ожидать подобныхъ предсказаній. Я привыкъ, напротивъ, когда заговаривали о судьбѣ имперіи, выслушивать горделивые панегирики ея мощи, ея новому расцвѣту, ея вѣчности. И, несмотря на все мое почтеніе передъ моимъ знаменитымъ собесѣдникомъ, я не могъ ему не отвѣтить:

— Нѣтъ, я не вѣрю въ твои печальныя пророчества! Римъ вѣченъ, и нѣтъ въ мірѣ такой силы, которая могла бы его сокрушить. Ужъ не германцы ли или не скиѳы ли придутъ въ Городъ, чтобы владѣть его землей,—тѣ самые, которые способны только на грабежи пограничныхъ областей и, едва увидѣвъ блескъ образованности Римской и силу имперіи, бываютъ счастливы вступить въ ряды легіонеровъ

или добиться званія гражданина? Ужъ не безуміе ли христіанъ, которое на время отуманило столько головъ, будетъ способно затмить въ Римлянахъ тотъ ихъ ясный умъ и тѣ ихъ способности, которые были вскормлены тысячелѣтіемъ? Тяжелые годы пройдутъ, какъ туча, подобно тому, какъ не разъ проходили жестокія бури надъ имперіей, и опять встанетъ нашъ древній Римъ въ неизмѣнномъ величіи, какъ глава вселенной. Не читаемъ ли мы даже на монетахъ надпись: вѣчный Городъ. Вѣчнымъ ему и судили быть безсмертные боги!

Такъ и подобнымъ образомъ разговаривая, мы подвигались впередъ по Фламиніевой дорогѣ, которая по своей прочности и прекрасному устройству можетъ быть причислена къ удивительнѣйшимъ сооруженіямъ древности. Сначала мы безпрестанно обгоняли прохожихъ и проѣзжихъ, потомъ путешественники стали встрѣчаться рѣже, наконецъ нашъ поѣздъ оказался одинокимъ среди зимнихъ полей, пересѣченныхъ прямымъ, какъ тетива лука, каменнымъ путемъ. Послѣ почти четырехъ часовъ безпрерывной ѣзды мы рѣшились остановиться у одной мансіоны, чтобы отдохнуть и перемѣнить лошадей.

То было небольшое двухъэтажное строеніе, окруженное конюшнями и другими пристройками, непріятнаго и угрюмаго вида. Передъ домомъ стояло не мало разныхъ повозокъ и толпилось много людей, очевидно путешественниковъ, ожидающихъ лошадей и муловъ. Въ открытую дверь была видна обширная комната, тоже полная людей, проводившихъ вынужденный досугъ за кубками вина. Нѣсколько въ сторонѣ лежало красивое Этруское селеніе, съ домиками въ Греческомъ вкусѣ, окруженными садами, и все опоясанное невысокой стѣной.

Наши рабы поспѣшно бросились въ домъ, чтобы предупредить начальника мансіоны о томъ, какіе выдающіеся гости пріѣхали къ нему, а мы остались передъ входомъ, расправляя члены тѣла, утомленные отъ долгаго сидѣнія.

— Я такъ усталъ,—сказалъ Симмахъ Оптату,—что готовъ отказаться отъ всей поѣздки и отсюда вернуться въ Городъ.

Видъ у Симмаха, дѣйствительно, былъ очень утомленный, онъ какъ-то согнулся и словно съ трудомъ передвигалъ ноги.

— Однако, ты привыкъ къ дальнимъ путешествіямъ,— возразилъ Оптатъ, — ѣздилъ на Рейнъ и въ Африку и безсчетное число разъ черезъ всю Италію.

— И всего больше я ненавижу путешествія, — возразилъ Симмахъ.—Въ теченіе многихъ дней быть лишеннымъ и бани, и книгъ, испытывать утомленіе и однообразіе пути—это худшее наказаніе, какое можно выдумать. Изъ всѣхъ смертныхъ я всего болѣе жалѣю о вѣчномъ путешественникѣ, Адріанѣ.

Между тѣмъ появился мансіонарій, человѣкъ суровый, съ чертами лица Этрускими и говорившій съ Этрускимъ выговоромъ. Этотъ разенъ, какъ по сю пору именуютъ себя Этруски, привѣтствовалъ наше общество весьма почтительно, предложилъ намъ войти въ лучшія комнаты дома, но въ то же время опредѣленно заявилъ, что лошадей у него нѣтъ.

— Передай ему, Юній,—сказалъ Симмахъ, не желавшій разговаривать съ мансіонаріемъ лично, — что мы ѣдемъ по повелѣнію Сената. Мы—послы Сената, и намъ онъ обязанъ дать лошадей немедленно.

Оптатъ для большей убѣдительности показалъ мансіонарію диплому на проѣздъ, выданную Сенатомъ, но Этрускъ остался непоколебимъ.

— Я назначенъ, — возразилъ онъ, — по повелѣнію божественнаго императора августа Граціана и обязанъ лошадей давать лишь тѣмъ проѣзжимъ, которые представятъ повелѣніе отъ префекта или магистра оффицій.

— Негодяй!—закричалъ Симмахъ.—А развѣ Сенатъ существуетъ не по волѣ императора! Знаешь ли ты, что я сейчасъ напишу префекту, и тебя за твое ослушаніе завтра же бросятъ въ тюрьму! Клянусь Юпитеромъ, не сдобровать тебѣ, если будешь упорствовать!

Этрускъ при имени отца боговъ быстро перекрестился и отвѣтилъ:

— Свѣтлѣйшій мужъ! Я вѣрно служу императору, и меня префекту не за что отправлять въ тюрьму. А лошадей у

меня нѣтъ, потому что послѣднихъ я отдалъ сегодня посламъ епископа Римскаго.

Оптатъ и Пробинъ убѣдили Симмаха войти въ домъ отдохнуть, надѣясь, что имъ удастся уговорить упрямаго Этруска. Мы поднялись во второй этажъ, гдѣ нашлись сравнительно хорошія комнаты и гдѣ рабы тотчасъ стали готовить намъ обѣдъ. Симмахъ былъ попрежнему раздраженъ и въ негодованіи повторялъ:

— Въ какихъ-нибудь двадцати миляхъ отъ Рима съ послами Сената обращаются, какъ съ первыми встрѣчными! Первая должность, которую я буду себѣ просить, это—префектура Италіи, и тогда я научу этихъ потомковъ лукумоновъ уважать званіе сенатора!

Вскорѣ появился Оптатъ, принесшій извѣстіе важное. Оказалось, что утромъ, опередивъ насъ, по той же дорогѣ уже проѣхало посольство отъ сенаторовъ-христіанъ, направлявшееся также къ Граціану. Въ великой тайнѣ сенаторы-христіане собрались наканунѣ у епископа Римскаго Дамаса, составили письмо къ императору о томъ, что рѣшеніе сената было принято насильственно, и поспѣшили отправить пословъ въ Медіоланъ.

Симмахъ при такомъ извѣстіи сразу лишился своей твердости и своего мужества. Странно было видѣть, какъ, послѣ словъ Оптата, мгновенно измѣнилось лицо Симмаха, какъ онъ, почти въ безсиліи, упалъ на скамью, и оставался нѣкоторое время неподвижнымъ, словно пораженный молніей Юпитера. Потомъ унылымъ голосомъ онъ произнесъ:

— Если это такъ, то намъ всего лучше немедленно вернуться въ Городъ.

— Помилуй, — возразилъ Оптатъ. — Напротивъ, тѣмъ болѣе намъ ѣхать необходимо и должно поторопиться, чтобы опередить епископское посольство.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Симмахъ,—я теперь знаю, что наше дѣло проиграно. Мы живемъ въ такое время, когда слушаютъ только христіанъ. Быть христіаниномъ въ наши дни—это средство получать милости двора. И если къ императору

явятся два посольства, одно—съ именемъ Сатурнія, другое—Христа на устахъ, нѣтъ сомнѣнія, что благосклонно будетъ принято только послѣднее. А Дамаса я знаю: это человѣкъ лукавый и неукротимый; чего онъ хочетъ, того всегда добьется.

Уныніе, овладѣвшее Симмахомъ, не помѣшало ему, какъ, впрочемъ, всѣмъ намъ, хорошо пообѣдать, тѣмъ болѣе, что мѣстное, фалернское, вино было превосходно. Послѣ обѣда Оптатъ отправился опять разговаривать съ мансіонаріемъ и въ концѣ концовъ съ помощью разныхъ угрозъ и обѣщаній добился того, что тотъ далъ намъ лошадей. Какъ я подозрѣваю, онъ съ самаго начала былъ увѣренъ, что уступитъ, и только, исполняя чей-то тайный приказъ, старался насъ задержать сколько могъ дольше.

Перемѣнивъ лошадей, мы все же подвигались далѣе довольно медленно, такъ какъ позднее время года значительно испортило дорогу. Съ каждой новой милей я чувствовалъ все большее и большее утомленіе, Симмахъ, повидимому, тоже, и наши съ нимъ бесѣды прекратились. Думать о томъ, что̀ ждало меня̀ въ Медіоланѣ и что̀ мнѣ представлялось чѣмъ-то смутнымъ и страшнымъ, мнѣ не хотѣлось, и я предпочелъ дремать. Было совсѣмъ темно, когда мы добрались до города Старые Фалеріи, гдѣ было рѣшено переночевать.

Попавъ въ гостиницу, я думалъ, что мнѣ позволено будетъ тотчасъ подставить свою голову подъ сладкіе маки Морфея, но Симмаху, который передъ тѣмъ казался совершенно изнеможеннымъ, именно тогда пришло желаніе работать. Онъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату, велѣлъ подать свѣтъ и началъ мнѣ диктовать письма. Почти засыпая, непослушной рукой выводилъ я буквы на воскѣ, и стилъ едва не выпадалъ изъ моихъ пальцевъ.

Поразило меня то, что Симмахъ, который говорилъ даже въ небрежной бесѣдѣ чрезвычайно краснорѣчиво, начиная диктовать, едва ли не вполовину утрачивалъ всю яркость своей рѣчи. Все же въ первоначальномъ наброскѣ письма еще находилось не мало блестящихъ выраженій, смѣлыхъ

оборотовъ и красивыхъ сравненій. Однако, продиктовавъ письмо вчернѣ, Симмахъ начиналъ его исправлять, преимущественно выкидывая слова, ему казавшіяся лишними, и сокращая нѣсколько предложеній въ одно. Понемногу отъ письма оставалось всего нѣсколько строкъ, по большей частью сухихъ и холодныхъ, хотя и написанныхъ съ изяществомъ и безукоризненнымъ Латинскимъ языкомъ.

— Я долженъ заботиться о своихъ письмахъ, — какъ бы извиняясь, сказалъ мнѣ Симмахъ,—это, вѣроятно, единственное, что̀ сохранится отъ меня, какъ писателя. Уже теперь ѐсть лица, которыя собираютъ мои письма, словно письма Цицерона или Плинія, и составляютъ изъ нихъ сборники для потомства. Знаешь ли: случалось, что моихъ рабовъ, отправленныхъ съ письмами, схватывали по дорогѣ особо посланные люди, не съ цѣлью грабежа, а только за тѣмъ, чтобы списать мое письмо и списокъ доставить своему господину.

Послѣднее сообщеніе Симмахъ сдѣлалъ не безъ скрытаго самодовольства.

Было, кажется, за полночь, когда Симмахъ меня отпустилъ, и я, кинувшись въ постель, не обращая вниманія на множество клоповъ, напавшихъ на меня съ не меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ когда-то на Гитона, заснулъ сномъ непробуднымъ.

II.

Утромъ мы возобновили наше путешествіе.

Дорога становилась все болѣе затруднительной, такъ какъ мѣстность постепенно дѣлалась болѣе гористой. Къ тому же начался безпрерывный дождь, слѣпившій глаза лошадямъ и заливавшій насъ, несмотря на плотную покрышку карруки. Въ то же время мы страдали и отъ холода, противъ котораго не помогало даже вино, которое мы съ собой везли въ изобиліи.

Симмахъ сдѣлался угрюмъ и неразговорчивъ и только время отъ времени высказывалъ самыя безотрадныя сужденія. Такъ, напримѣръ, глядя на заброшенныя поля, которыя когда-то были воздѣланы, на одичалыя маслины, на покинутыя дома, съ дверями, заколоченными досками, что̀ нерѣдко были видны по сторонамъ дороги, онъ говорилъ:

— Посмотри, Юній, какая пустынная страна. Италія разорена налогами и междоусобіями, жители покидаютъ селенія и разбѣгаются. Скоро не останется Италійцевъ, и всѣ Римляне будутъ состоять изъ Галловъ, Испанцевъ и Африканцевъ.

Или, видя плохое содержаніе дороги, онъ жаловался:

— Никто не заботится о поддержаніи того, что̀ сдѣлано предками. Сила Рима—въ его дорогахъ, которыми онъ связалъ весь міръ въ одно цѣлое, по которымъ онъ можетъ перебрасывать товары и легіоны изъ одного края свѣта въ

другой. Прадѣды наши знали, что̀ надо дѣлать: строили дороги, мосты, крѣпости. А въ наше время воздвигаютъ базилики Христу и его святымъ, или деньги государства вкладываютъ въ монастыри, чтобы они лежали тамъ безъ пользы.

Впрочемъ, при всѣхъ трудностяхъ пути, мы къ позднему вечеру доѣхали до Меваніи, маленькаго городка въ красивой долинѣ, хотя повозка съ нашими вещами и отстала отъ насъ далеко. Въ общемъ за этотъ второй день мы сдѣлали больше пятидесяти миль, что̀ можно назвать хорошей скоростью. Однако, Оптатъ и этимъ былъ недоволенъ.

— Цезарь,—говорилъ онъ,—проѣхалъ однажды путь отъ Рима до Родана, почти восемьсотъ миль, меньше чѣмъ въ восемь дней! Ему случалось въ день проѣзжать по сто двадцати пяти миль. Ицелъ привезъ Гальбѣ изъ Рима въ Клунію извѣстіе о смерти Нерона въ неполные семь дней. Посолъ, везшій при Вителліи въ Римъ извѣстіе отъ прокуратора Бельгики о возмущеніи четвертаго и двадцать второго легіона, проскакалъ тысячу четыреста сорокъ миль въ девять дней. Тиберій, когда спѣшилъ изъ Тицина къ больному Друзу въ Германіи, сдѣлалъ въ сутки двѣсти миль!

— Довольно, милый Оптатъ, — возразилъ Симмахъ, — мы знаемъ, что ты человѣкъ начитанный. Но всѣ, тобой перечисленные, ѣхали или за наградой, или по важному дѣлу. А куда намъ спѣшить? Мы ѣдемъ за немилостью императора, а при этомъ можно и не торопиться. Да и пусть сначала при дворѣ уляжется впечатлѣніе отъ посольства Дамаса. Мы поступимъ умно, если дадимъ себя перехитрить.

Послѣ Меваніи Оптатъ пересѣлъ въ карруку къ Симмаху, а я помѣстился съ Пробиномъ. Это былъ человѣкъ уже далеко не молодой, который со мной разговаривалъ, какъ съ мальчикомъ. Но онъ сообщилъ мнѣ много важныхъ свѣдѣній о императорѣ и его дворѣ, которыя мнѣ не были извѣстны.

— Граціанъ,—говорилъ онъ,—почти отказался отъ власти. Цѣлые дни онъ проводитъ въ огороженныхъ лѣсахъ, гдѣ забавляется тѣмъ, что стрѣляетъ загнанныхъ туда животныхъ.

Недаромъ его сравниваютъ съ Коммодомъ. Всѣ эдикты, издаваемые отъ имени императора, написаны Амбросіемъ. Это онъ — истинный правитель имперіи. Онъ овладѣлъ душой молодого императора и подчинилъ ее себѣ, угрожая ему мученіями ада и обѣщая блаженство послѣ смерти за содѣйствіе цѣлямъ христіанъ. Пока Граціанъ слѣдовалъ совѣтамъ своего перваго наставника, знаменитаго Авсонія, онъ былъ правитель дѣятельный и во всѣхъ возбуждалъ лучшія надежды. Тогда его равняли не съ Коммодомъ, а съ Титомъ Счастливымъ. Граціанъ выказалъ себя даже хорошимъ полководцемъ въ походѣ противъ Аллеменовъ. Но какъ поступать долженъ человѣкъ, когда онъ увѣрится, что вся земная жизнь—лишь пустая суета, что настоящее существованіе начинается лишь за дверью гроба? что истину знаютъ одни христіанскіе священники и что имъ дана власть прощать грѣхи и тѣмъ открывать душѣ путь къ вѣчному блаженству? Когда Амвросію удалось всѣ эти убѣжденія вложить въ слабую душу юноши, — тому ничего другого и не осталось дѣлать, какъ предоставить правленіе имперіей епископу, просвѣщаемому непосредственно Божествомъ. Самъ же Граціанъ заботится не о судьбахъ имперіи, а о спасеніи своей души, стараясь въ жизни совершать какъ можно меньше грѣховъ или, по крайней мѣрѣ, только такіе, которые тотъ же Амвросій можетъ ему немедленно отпустить.

— Такимъ образомъ,—спросилъ я,—у нашего посольства нѣтъ никакой надежды на успѣхъ?

— Не совсѣмъ такъ,—возразилъ Пробинъ.—Во-первыхъ, мы можемъ надѣяться на доводы такого замѣчательнаго оратора, какъ Симмахъ, который составилъ рѣчь искусную и умѣренную. Къ тому же Симмахъ въ родствѣ съ Амвросіемъ и, можетъ быть, лично сумѣетъ его убѣдить не раздражать населеніе Города. Во-вторыхъ, можно будетъ постараться поколебать значеніе самого Амвросія. Тебѣ не неизвѣстно, что среди христіанъ давно враждуютъ двѣ партіи: послѣдователей ученія Аѳанасія и учениковъ знаменитаго Арія. Императрица Юстина, мать соправителя Граціана—мальчика Валентиніана,

придерживается аріанства. Поэтому Амбросій постарался устранить ее отъ дѣлъ правленія, заставилъ жить вдали отъ двора, въ Сирміи, и лишилъ Валентиніана той доли власти, какая ему по праву принадлежитъ. Мы же постараемся соединиться съ приверженцами Юстины и общими усиліями одолѣть Амбросія, которымъ многіе недовольны и среди христіанъ.

Всѣ эти соображенія мнѣ показались мало утѣшительными. Но все же я былъ очень благодаренъ Пробину за его разсказы, объяснившіе мнѣ положеніе дѣлъ. Кромѣ того, Пробинъ сообщилъ мнѣ не мало важнаго о самомъ Амбросіи, о разныхъ видныхъ лицахъ, состоящихъ при императорѣ, а также о томъ, какъ я долженъ буду вести себя при дворѣ, если мнѣ придется туда явиться съ посольствомъ, и какими титулами именовать различныхъ сановниковъ.

Когда мы молчали, я предавался воспоминаніямъ о Римѣ, о Гесперіи, о ея порученіи. Впрочемъ, о послѣднемъ я старался думать какъ можно меньше, рѣшивъ все предоставить волѣ Фортуны, богини съ глазами, закрытыми повязкой. Зато я сладостно вспоминалъ всѣ подробности того поцѣлуя, который мнѣ дала Гесперія, и мнѣ не было скучно безконечное число разъ представлять, какъ я видѣлъ близко, близко отъ себя ея прозрачное лицо и алыя губы.

Третью ночь мы ночевали на маленькой мансіонѣ, расположенной въ горахъ, такъ какъ непогода рѣшительно не позволяла намъ подвигаться впередъ. Здѣсь Симмахъ, который сказалъ, что чувствуетъ себя больнымъ, рѣшительно объявилъ, что онъ далѣе не поѣдетъ и отсюда вернется въ Городъ. Двумъ его друзьямъ пришлось очень долго его уговаривать, какъ плачущаго ребенка.

— Изъ-за чего мы себя мучимъ,—спрашивалъ Симмахъ,— блуждая въ холодъ и въ дождь по большой дорогѣ, ночуемъ въ грязныхъ гостиницахъ и терпимъ всякія лишенія? Никому не будетъ никакой пользы отъ нашего посольства, а себѣ мы испортимъ и желудки, и настроеніе духа, и, можетъ быть, всю жизнь. Три дня я не держалъ въ рукахъ ни одной книги.

Ахъ, я сейчасъ съ восторгомъ сталъ бы читать даже Толкованія Оригена!

Съ большимъ трудомъ Симмаха удалось успокоить, и на утро онъ, конечно, первый сталъ всѣхъ торопить въ дорогу.

Къ вечеру четвертаго дня мы добрались до берега моря и остановились въ городѣ Фанумъ Фортуны. Благодаря тому, что въ этотъ городъ ведетъ Фламиніева дорога, здѣсь поворачивающая на сѣверъ, въ немъ всегда царитъ оживленіе. Въ гавани хотя надъ моремъ свирѣпствовали и Эвръ и Нотъ, стояло много судовъ, улицы были полны разноплеменнымъ людомъ, многочисленныя таберны шумны. Вѣсть о пріѣздѣ Симмаха быстро разошлась по городу, къ нашей гостиницѣ, носившей названіе „Тритонъ трубящій", собралась толпа юношей, желавшихъ видѣть знаменитаго оратора, и насъ сочли нужнымъ посѣтить съ привѣтствіемъ представители городской куріи. Это все ободрило Симмаха, и онъ пересталъ жаловаться на трудности путешествія.

Отъ Фанума Фортуны дорога сдѣлалась легче, и погода намъ благопріятствовала. Въ большихъ городахъ, черезъ которые намъ случалось проѣзжать, появленіе Симмаха тоже возбуждало любопытство многихъ, и это явно льстило его самолюбію. Мы всячески торопились, тѣмъ болѣе, что епископское посольство далеко опередило насъ, но все же потратили еще четыре дня на переѣздъ черезъ Умбрію и по Эмиліевой дорогѣ черезъ Галлію Цисальпинскую. Изъ Пармы мы отправили одного изъ рабовъ верхомъ въ Медіоланъ извѣстить о приближеніи сенаторскаго посольства. Сами же мы только на исходѣ восьмого дня путешествія, совершенно измученные дорогой, оставивъ повозку съ вещами позади завидѣли, наконецъ, вдали стѣны Медіолана.

III.

Въ Медіоланѣ наше посольство остановилось въ домѣ члена мѣстнаго сената, имѣвшаго титулъ comes vacans, Тита Коликарія, человѣка богатаго и давняго друга Симмаха. Коликарій встрѣтилъ насъ съ великимъ почетомъ, отвелъ всѣмъ четверымъ и мнѣ въ томъ числѣ, великолѣпныя комнаты и обѣщалъ всяческое содѣйствіе въ нашемъ дѣлѣ. Но въ первый вечеръ мы ни въ чемъ иномъ не нуждались, кромѣ освѣжительной бани, масла для растиранія утомленнаго тѣла и хорошаго ужина.

На другой день утромъ рано я пошелъ осматривать городъ, ставшій за послѣдніе годы главнымъ мѣстопребываніемъ императорскаго двора. Блескъ Медіолана меня поразилъ, несмотря на то, что во мнѣ еще были живы впечатлѣнія Рима. Я видѣлъ пышные мраморные перистиліи, уставленные прекрасными статуями, много роскошныхъ домовъ, прямыя, широкія улицы, величественное зданіе закрытаго театра, громадныя бани Геркулеса, на окраинѣ города обширный циркъ,—и все это было окружено мощной стѣной съ глубокими рвами. Но улицы, послѣ Римскаго шума, казались мертвыми и пустынными, хотя особенно часто встрѣчались на нихъ люди, торжественное, шитое золотомъ одѣяніе которыхъ выдавало въ нихъ высшихъ сановниковъ.

Когда я вернулся домой, меня къ себѣ позвалъ Симмахъ, и я удивился неожиданной неутомимости этого человѣка.

Сразу забывъ о трудномъ восьмидневномъ пути подъ зимней непогодой, онъ принялся за работу съ такимъ рвеніемъ, словно не покидалъ своего Римскаго дома. Симмахъ продиктовалъ мнѣ больше десяти писемъ, правда, короткихъ, но изъ которыхъ каждое было образцомъ изящества и притомъ ни одно не походило на другое ни по языку, ни по высказаннымъ мыслямъ. Эти письма были немедленно отправлены съ рабами во всѣ концы имперіи, въ томъ числѣ къ Флавіану въ Константинополь.

На обѣдъ Коликарій пригласилъ большое общество, такъ какъ всѣ лучшіе люди Города желали увидѣть Симмаха. Благодаря его вниманію, я также участвовалъ въ этомъ замѣчательномъ симпосіи, о которомъ, конечно, не умолчатъ лѣтописи нашего вѣка. И тотъ Медіоланъ, гдѣ я ждалъ для себя чего-то страшнаго, волчьихъ пастей Сциллы, въ первый день моего въ немъ пребыванія встрѣтилъ меня веселымъ праздникомъ и мудрыми рѣчами философовъ.

Хозяинъ дома не поскупился на пышное убранство триклинія, въ которомъ происходилъ пиръ. Не говоря о томъ, что стѣны и колонны комнаты, а также маленькая сцена, находившаяся въ глубинѣ, были, не взирая на время года, пышно убраны цвѣтами и зеленью, что ложа были устланы дорогими коврами, а столъ заставленъ серебряной посудой,— но было здѣсь не мало другихъ ухищреній, обличавшихъ ловкость и изобрѣтательность домоправителя. Такъ, множество маленькихъ лампадъ было помѣщено въ прозрачныя вазы, сквозь которыя свѣтъ проходилъ причудливо-измѣненнымъ; другія лампады были поставлены позади большихъ стеклянныхъ сосудовъ, наполненныхъ водой, въ которыхъ мелькали разноцвѣтныя рыбы. Мальчики-рабы, прислуживавшіе за столомъ, были раздѣлены на смѣны, и каждая изъ нихъ одѣта въ одежды одного и того же цвѣта, такъ что залъ то наполнялся толпой служителей въ бѣломъ, то въ зеленомъ, то въ желтомъ; у всѣхъ при этомъ были вѣнки на головахъ. Тихая музыка, доходившая откуда-то издали, словно черезъ водное пространство, не смолкала во все время обѣда,

независимо отъ того, что на сценѣ появлялись то мимы, то плясуньи, то декламаторы стиховъ.

Приглашенныхъ собралось не меньше, какъ человѣкъ сорокъ, но именъ большинства изъ нихъ мнѣ не удалось узнать; я только могъ заключить, что многіе изъ нихъ принадлежали къ высшимъ сановникамъ имперіи, такъ какъ одни носили консулярскую тогу, другіе — бѣлую одежду кандидатовъ, третьи — одежды великолѣпно вышитыя золотомъ съ золотыми пряжками, и, обмѣниваясь между собой рѣчами, они безпрестанно употребляли титулы: vir clarissimus, illustrimus, spectabilis, дуксъ и комитъ. Женщинъ было сравнительно немного, но всѣ онѣ были одѣты также богато, въ шелковыя столы съ богатыми инситами, съ головы до ногъ сверкали золотомъ и драгоцѣнными каменьями, такъ какъ не только носили ожерелья, запястья, кольца, но помѣщали алмазы и сапфиры даже на шпилькахъ въ волосахъ и на застежкахъ сандалій. Скромнѣе другихъ была одѣта жена нашего хозяина, молчаливая и всегда грустная Фальтонія.

Коликарій своимъ поведеніемъ на пирѣ нисколько не напоминалъ незабвеннаго Тримальхіона, но, напротивъ, старался оставаться незамѣченнымъ, предоставляя гостямъ полную свободу. Такъ какъ мнѣ указали одно изъ самыхъ скромныхъ мѣстъ,—что было естественно,—то первое время обѣда я не могъ слышать ничего изъ тѣхъ разговоровъ, которые происходили на другомъ концѣ стола, гдѣ Симмаха и двухъ другихъ сенаторовъ помѣстили около хозяина и его жены. Я довольствовался тѣмъ, что забавлялся ловкими мимами, съ Антіохійской ловкостью разыгравшими какую-то пантомиму, смотрѣлъ милыхъ Арабійскихъ и Испанскихъ плясуній, скакавшихъ вокругъ поставленныхъ вверхъ остріемъ кинжаловъ, и не отказывался отъ изысканныхъ блюдъ, которыя въ безсчетномъ числѣ подавали рабы, смѣняя закуски, состоявшія изъ искусственныхъ яицъ, начиненныхъ ломтиками сони, изъ тоненькихъ колбасокъ, изъ Сирійскихъ сливъ и Сицилійскихъ фигъ,—всякаго рода рыбами, разными мясными кушаньями, куропатками, фазанами съ затѣйливыми приправами и еще

многимъ инымъ. Не отказывался я и отъ великолѣпныхъ винъ, которыми мальчики-виночерпіи непрерывно наполняли наши кубки, слѣдуя всѣмъ приглашеніямъ „царя пиршества", хозяина и отдѣльныхъ гостей,—выпить здоровье божественнаго и возлюбленнаго императора, славнаго гостя Симмаха, его спутниковъ Оптата и Пробина и другихъ, на что, конечно, слѣдовали предложенія отъ членовъ нашего посольства—выпить здоровье привѣтливаго хозяина, его жены, ихъ родственниковъ и разныхъ именитыхъ гражданъ Медіолана.

Я, впрочемъ, обмѣнялся нѣсколькими словами съ юношей, возлежавшимъ рядомъ со мной, который, судя по всему, принадлежалъ къ отряду доместиковъ и имя котораго было Ардабуръ. Я у него спросилъ имена нѣкоторыхъ гостей, и онъ, удовлетворивъ мое любопытство, добавилъ:

— Это все—цвѣтъ Медіоланскаго общества. За послѣдніе годы въ нашемъ городѣ собрались замѣчательнѣйшіе люди всей имперіи. Лучшіе ораторы, знаменитѣйшіе художники и поэты, великіе философы, — всѣ съѣхались въ Медіоланъ. Отсюда теперь распространяются по всей землѣ законы изящества и хорошаго вкуса, и нѣтъ города, гдѣ жизнь была бы болѣе пріятной, веселой и утонченной.

Понемногу изобильные кубки, по выраженію Горація, всѣхъ сдѣлали краснорѣчивыми, и тогда на томъ концѣ стола, гдѣ помѣщались почетные гости, возникъ настойчивый споръ, скоро привлекшій общее вниманіе. Другіе гости невольно смолкли, и всѣ могли присутствовать при замѣчательномъ состязаніи ума и остроумія знаменитыхъ собесѣдниковъ.

Молодой человѣкъ (о которомъ Арбадуръ мнѣ сообщилъ, что это—племянникъ примицерія священной спальни, Флавій Эцій, мечтающій стать новымъ Тацитомъ, а пока такъ запутанный въ долгахъ, что у него и волоска свободнаго нѣтъ) говорилъ, отвѣчая, повидимому, на рѣчь Симмаха, которой я не слышалъ.

— Нѣтъ, въ этомъ я тебя правымъ не считаю. Какъ ты хочешь, чтобы жизнь Римская оставалась неизмѣнной въ теченіе столѣтій? Что не измѣняется, то и не живетъ, и что

было прекрасно для древности, для нашего времени уже не пригодно. Справедливо, что люди нашихъ дней не похожи на современниковъ Цицерона, у насъ другія обыкновенія, другія одежды и говоримъ мы языкомъ, отличающимся отъ ихъ языка. Но развѣ эти современники Цицерона были похожи на квиритовъ Ромула и Тація? Какой именно вѣкъ ты хочешь оковать навѣки, запретивъ старому Сатурну исполнять свое дѣло? Почему ты считаешь, что истинные Римляне жили въ одно время съ Катилиной, а не съ Фабриціемъ или не съ Александромъ Северомъ. Во дни Ливія уже не понимали договоровъ, писанныхъ стариннымъ языкомъ, и надписей на древнихъ статуяхъ. Это потому, что языкъ Латинскій усовершенствовался. Зачѣмъ же ты хочешь насъ заставить говорить языкомъ Ливія и изгнать изъ нашей рѣчи всѣ тѣ новые слова и обороты, которые ей придаютъ новое разнообразіе и новую красоту? Ты осуждаешь, что мы переняли одежду у народовъ Азіатскихъ, — но вѣдь она красива и пріятна для глаза, а старая Римская тога поистинѣ надоѣла, да и неудобна. Если бы Фабій Пикторъ разсуждалъ, какъ ты, онъ не долженъ былъ бы вводить въ Римъ искусство живописи, ссылаясь на то, что раньше этого у Римлянъ не бывало. Ты недоволенъ, что способъ управленія имперіей и провинціями измѣнился. Но вѣдь только это и дало возможность Римлянамъ вновь ввести порядокъ въ свои безмѣрныя владѣнія, которыя при Галліэнѣ едва не распались на отдѣльныя царства. Великій Діоклеіанъ измѣнилъ форму правленія, но развѣ не то же сдѣлали древніе Римляне, завоевавъ Сицилію и назначивъ для ея управленія третьяго претора? Нѣтъ, изъ того, что на нашей памяти все въ имперіи измѣнилось, пошло другимъ порядкомъ, приняло новыя формы, вывожу я именно то, что Римъ живъ и силенъ, что онъ съ каждымъ вѣкомъ обновляется, какъ дерево, дающее новыя вѣтви и покрывающееся новой листвой. А ты хочешь, чтобы Римъ сталъ засохшимъ стволомъ, старую кору котораго должно благоговѣйно беречь.

Эцій говорилъ съ увѣренностью человѣка, который при-

выкъ, что его словами восхищаются, не особенно громкимъ, но отчетливымъ голосомъ, дѣлая небольшіе, но плавные жесты, оттѣняя заключительныя клавзулы и явно обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. Рѣчь была выслушана съ величайшимъ вниманіемъ и была сопровождена одобрительными возгласами. Всѣ обратили глаза на Симмаха, словно гости Дидоны на отца Энея, и славный ораторъ, который слушалъ своего противника съ благосклонной улыбкой, помолчавъ немного, отвѣтилъ такъ:

— Мой дорогой Эцій! Не самъ ли ты опровергаешь себя, когда выступаешь врагомъ латыни Цицерона въ рѣчи, которая можетъ служить образцомъ по чистотѣ языка. Дѣло въ томъ, что есть въ прошломъ хорошее и дурное. И если отъ дурного должно избавляться, замѣняя его лучшимъ, то хорошее подобаетъ охранять и оберегать. Что же дѣлаетъ нашъ вѣкъ: не стремится ли онъ уничтожить все старое, преслѣдуя только новизну и не заботясь о томъ, хороша она или нѣтъ. Благородную, бѣлую тогу, которая сенату въ глазахъ Кинея придала видъ собранія царей, смѣнили на тяжелыя одежды, превратившія людей въ неуклюжія статуи; простоту старинныхъ нравовъ — на Азіатскую роскошь и на Африканскій развратъ, убившіе доблесть и мужество; ясность языка Плинія—на напыщенную реторику или на такое нарѣчіе, въ которомъ больше словъ Германскихъ или Скиѳскихъ, чѣмъ Латинскихъ. Наши древнія учрежденія были созданы Римлянами и испытаны въ теченіе вѣковъ мира и войны; а новыя—выдуманы придворными, заботящимися лишь о своихъ доходахъ, а не о благѣ имперіи. Ты спрашиваешь, какой вѣкъ избрать для подражанія,—тотъ, въ какой могущество Рима возрастало, а не падало; тотъ, когда рождались великіе полководцы, писатели и философы, а не тотъ, когда остается только вспоминать славное прошлое. Пусть гибнетъ то, что несовершенно, но не должно того касаться, что образуетъ самую сущность имени Римскаго. Если все измѣнять, намъ придется отъ этого имени отказаться, такъ какъ ничего общаго съ Римомъ древности у насъ не останется. Хочешь ли ты,

чтобы вмѣсто имперіи Римской явилась имперія Германская и чтобы законы вселенной писались на языкѣ Франковъ? По-моему, то будетъ не только погибель Рима, но и міра.

— Не все было такъ прекрасно въ старину,—воскликнулъ Эцій, не желавшій уступать.—Или ты забылъ поборы Верра въ Сициліи? продажу голосовъ въ трибутныхъ комиціяхъ? моря, въ которыхъ кишѣли пираты? дороги, полныя разбойниками? Забылъ, что тамъ, гдѣ прежде были пустыни, теперь стоятъ цвѣтущіе города? что Галлія, которая послѣ Цесаря славилась только окороками и пивомъ, теперь прославлена своими реторами? что Испанія и Африка полны библіотеками? что жизнь стала утонченнѣе, что образованность распространилась по всей землѣ, что весь народъ сталъ просвѣщеннѣе? И, клянусь Касторомъ, такой философъ нашего времени, какъ Ямблихъ, стоитъ болтуна Цицерона, такой историкъ, какъ Амміанъ Марцеллинъ, не ниже Тацита, такого математика, какъ Паппъ Александрійскій, не имѣла древность ни Греціи, ни Рима, и за одну „Моселлу“ нашего Авсонія я отдамъ всего Лукана съ Силіемъ Италикомъ въ придачу!

Это возраженіе Эцій произнесъ съ такой страстностью, конечно, намѣренной, что невольно привлекъ къ себѣ сочувствіе слушающихъ, и Симмахъ, сознавая, что побѣда не на его сторонѣ, вмѣсто возраженія обратился къ язвительной насмѣшкѣ.

— Послушать тебя,—сказалъ онъ,—богиня Астрея вернулась на землю, вновь наступилъ золотой вѣкъ. Можетъ быть, ты одобряешь и то, что Римляне отказались отъ религіи своихъ предковъ и строятъ храмы новому Божеству.

— Что-жъ въ этомъ дурного! — уже запальчиво воскликнулъ Эцій.—Развѣ не предрекали древніе поэты, что царство Юпитера должно кончиться, какъ имѣло свой конецъ царство его отца Сатурна, и развѣ Эсхилъ не сказалъ намъ, что придетъ нѣкто, который Юпитера

съ неправаго
Низвергнетъ трона въ неизвѣстность!

Почему мы знаемъ, что не кончилось царство Юпитера?

Симмахъ хотѣлъ опять что-то возразить, но хозяинъ дома, Коликарій, быстро вмѣшался и сказалъ:

— Милые мои гости! я не хочу, чтобы въ моемъ домѣ подымали споръ о религіи и подвергали обсужденію ту вѣру, которой слѣдуетъ божественный императоръ. Мы всѣ благодарны за любопытныя мысли, высказанныя нашимъ молодымъ другомъ, Флавіемъ Эціемъ, и еще болѣе за то, что нашъ знаменитый гость, Квинтъ Аврелій, захотѣлъ подѣлиться съ нами своимъ краснорѣчіемъ и мудростью. Я же вамъ предлагаю выпить за вѣчный Римъ и за вѣчную славу народа Римскаго. Мальчики, наливайте!

Въ шумѣ кубковъ всѣ слова потонули, и хотя я видѣлъ, что споръ еще продолжался, но до меня долетали только отдѣльныя слова, „рѣдкіе пловцы, появлявшіеся въ обширной пучинѣ". Въ то же время на сценѣ показались дѣвушки съ цимбаліями и крепитакулами и начали исполнять какую-то шумную пѣсню.

Пиръ продолжался до поздняго вечера и закончился настоящей овацiей въ честь Симмаха, котораго увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ и въ честь котораго особыя пѣвицы пропѣли нарочно для того написанную оду.

IV.

Когда я на слѣдующій день, послѣ пира, утромъ вышелъ на улицу, чтобы освѣжить голову, внезапно воспоминаніе о данной мною клятвѣ встало передо мной, неотступное, и, сколько я ни пытался отогнать его, какъ лѣтомъ отгоняютъ назойливую муху, оно отовсюду направляло на меня свой натянутый лукъ. Едва ли не въ первый разъ я понялъ весь ужасъ того положенія, которое я согласился принять, и потому ли, что разлука съ Гесперіей нѣсколько охладила мое юношеское сердце, или потому, что все же для человѣка нѣтъ ничего страшнѣе, чѣмъ темная смерть, мною овладѣлъ самый постыдный страхъ. Глядя на мраморныя колонны и величественныя стѣны Медіоланскихъ домовъ, я съ тоской спрашивалъ себя, неужели въ этомъ самомъ городѣ мнѣ суждено извѣдать ужасныя минуты убійства, а потомъ мученія чудовищныхъ пытокъ и жестокую смерть.

Однако, ни одной минуты я не помышлялъ о томъ, чтобы отказаться отъ исполненія своего обѣщанія, скрѣпленнаго страшной клятвой. Безъ колебанія я повторялъ себѣ, что теперь отступать уже поздно, потому что отступнику были бы навсегда закрыты пути къ Гесперіи, а попрежнему я въ жизни не видѣлъ иного счастія, какъ быть близъ нея, и такое рѣшеніе огненными буквами было вписано въ моей душѣ. Но если прежде я былъ готовъ на все, чтобы только выполнить волю Гесперіи, былъ готовъ открыто, гдѣ-нибудь

во дворцѣ или на площади, передъ тысячами зрителей, броситься на Граціана и, исполнивъ свое дѣло, отдать себя въ руки судей или палачей,—то теперь я началъ искать, нѣтъ ли возможности совершить то же самое тайно, такъ, чтобы уберечь свою жизнь, возвратиться въ Городъ и тамъ, можетъ быть, дождаться награды за свою вѣрность.

Размышляя объ этомъ, я бродилъ по улицамъ Медіолана, но никакого рѣшенія трудной задачи мнѣ не представлялось. Уставъ отъ раздумій, безплодныхъ, какъ поиски перваго начала всего сущаго, я пытался измѣнить направленіе своихъ мыслей. Мнѣ уже говорили о томъ, какую толпу слушателей собираетъ Амбросій, проповѣдуя въ новомъ, имъ выстроенномъ христіанскомъ храмѣ. Къ этому храму я и направился, желая также послушать знаменитаго оратора, тѣмъ болѣе что былъ тотъ седьмой день недѣли, который особенно христіанами чтится. „Этимъ я исполню совѣтъ тетки,—говорилъ я себѣ, шутя, — посмотримъ, обратитъ ли меня краснорѣчіе Амбросія къ вѣрѣ во Христа".

Храмъ, дѣйствительно, былъ наполненъ посѣтителями и притомъ въ немъ было множество людей, которыхъ одежда и осанка обличали ихъ высокое положеніе: женщины въ богатыхъ столахъ, съ пальцами, совершенно закрытыми драгоцѣнными кольцами, молодые щеголи съ завитыми волосами и раскрашенными лицами, пожилые сановники въ расшитыхъ золотомъ тогахъ, протекторы, доместики. Соотвѣтственно этому передъ храмомъ стояла цѣлая толпа рабовъ, бѣлыхъ и черныхъ, и длинный рядъ носилокъ. Отрядъ воиновъ охранялъ порядокъ, и мнѣ не безъ большого затрудненія удалось проникнуть въ храмъ.

Уже давно я не бывалъ въ христіанскихъ храмахъ, и меня поразило пышное, хотя и безвкусное убранство, представившееся моимъ глазамъ. Стѣны были выложены цвѣтнымъ мраморомъ, въ разныхъ мѣстахъ были вставлены мозаичныя картины, вездѣ виднѣлись мраморныя изваянія. Въ храмѣ совершалось служеніе, но присутствующіе такъ громко переговаривались между собой, шутили и смѣялись,

что мнѣ, который былъ принужденъ стоять у самыхъ дверей, ничего не было слышно. Только когда настало время проповѣди, все стихло, и всѣ приготовились слушать.

На каѳедру взошелъ не старый еще человѣкъ, съ прекрасными Римскими чертами лица, съ властительнымъ взглядомъ, немного начинавшій лысѣть, отчего его лобъ казался больше, и съ красивой, густой, тоже немного сѣдой бородой. Едва онъ заговорилъ, въ храмѣ наступила такая тишина, какая бываетъ въ театрахъ, когда актеръ приступаетъ къ самому важному мѣсту трагедіи, и голосъ проповѣдника, суровый и увлекающій, сразу наполнилъ все пространство. Вотъ приблизительно что̀ въ тотъ день говорилъ Амбросій:

„Вы слышали, что̀ сказалъ Спаситель нашъ: Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Но кто суть друзья наши и какъ мы должны любить ихъ? Должны ли мы, исполняя заповѣдь любви, нарушать другую заповѣдь, высшую: Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ? Великъ подвигъ любви, но позволено ли во имя ея совершать поступокъ нечестный? Философы спрашиваютъ: можно ли ради любви къ другу предать родину? должно ли стать предателемъ, чтобы исполнить завѣтъ любви? Отвѣтимъ имъ: нѣтъ, выше заповѣди любви къ друзьямъ поставлена другая—о любви къ Богу. Если любовь твоя побуждаетъ тебя пойти и совершить убійство, вспомни, что̀ раньше сказано съ высотъ Синая: Не убій! Служите правдѣ, которая написана въ сердцахъ вашихъ, и не измѣняйте ей даже ради любви. Апостолъ пишетъ Галатамъ, чтобы они носили бремена другъ друга, во имя любви. Но помогайте друзьямъ вашимъ добрымъ совѣтомъ, а не зломъ. Если во имя любви къ другу совершите вы поступокъ дурной, вы только двойное зло причините,—себѣ и другу своему. И помните, что любовь не своекорыстна. Кто ждетъ за свою любовь награды, тотъ любви не имѣетъ“...

Противъ своего ожиданія, я не безъ любопытства вслушивался въ развитіе мысли проповѣдника, который словно

намѣренно для меня избралъ тему своей рѣчи, когда внезапно кто-то тихимъ голосомъ около меня назвалъ мое имя. Я обернулся, и увидѣлъ, что какая-то женщина, быстро удаляясь, сдѣлала мнѣ знакъ слѣдовать за ней. Изумленный я вышелъ изъ храма, и тутъ узналъ Рею.

— Реа!—воскликнулъ я, пораженный.—Какимъ образомъ ты здѣсь? Вѣдь не на крыльяхъ же Персея и не на колесницѣ Триптолема ты перенеслась изъ Рима въ Медіоланъ! Или ты волшебница?

— Молчи,—возразила Реа,—и иди за мной.

Спорить въ густой толпѣ, тѣснившейся у входа въ храмъ, было неумѣстно; я послѣдовалъ за Реей и, едва мы оказались въ мѣстѣ болѣе уединенномъ, заговорилъ опять:

— Чего ты отъ меня хочешь? Зачѣмъ ты меня преслѣдуешь? я не хочу быть съ тобой! Оставь меня!

— Юній,— произнесла Реа строго,— вчера я весь день ждала, но ты не вышелъ изъ дому. Сегодня я нашла тебя и ты долженъ итти со мной. Пойдемъ.

— Я съ тобой не пойду!—воскликнулъ я гнѣвно.

Реа покачала головой и, опять сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать, пошла впередъ. Я колебался, что̀ мнѣ должно дѣлать. Но здѣсь снова мысль о пурпуровомъ колобіи, хранившемся въ моемъ ларѣ, представилась мнѣ. „Хорошо,— сказалъ я себѣ,—въ послѣдній разъ я исполню ея желаніе, чтобы, наконецъ, навсегда разорвать гибельныя узы, связывающія меня съ этой странной дѣвушкой".

Я послѣдовалъ за Реей.

Мы шли по направленію къ окраинѣ города, къ тѣмъ воротамъ, откуда былъ выходъ къ рѣкѣ. Тамъ стояли маленькіе, старые домишки, нисколько не напоминавшіе новаго Медіолана, потемнѣвшіе отъ лѣтъ, съ деревянными надстройками. Оглянувшись и убѣдившись, что я иду за ней, Реа вошла въ одну изъ дверей, зіявшихъ какъ черныя пасти.

Войдя слѣдомъ, я увидѣлъ мастерскую каменщика. Въ полутемной, грязной комнатѣ, среди разбросанныхъ каменныхъ глыбъ и осколковъ мрамора работало нѣсколько чело-

вѣкъ, одѣтыхъ въ однѣ туники. Удары долота и молотковъ отдавались отъ стѣнъ, и нестерпимый гулъ сразу такъ оглушилъ меня, что я невольно попятился. Преодолѣвъ это чувство, я прошелъ мимо обтесываемой плиты для гробницы, съ изображеніемъ Добраго Пастыря, и вошелъ въ другую комнату, вся обстановка которой состояла изъ деревяннаго ложа и стола.

Затворивъ плотно дверь, Реа мнѣ сказала:

— Юній! великій часъ приблизился. Онъ здѣсь, я это узнала. Мы должны исполнить рѣшенное Судьбой, и ему возвѣстить его назначеніе.

Оставшись стоять у самой двери, сложивъ руки на груди, глядя прямо въ глаза дѣвушки, я постарался произнести какъ могъ тверже и рѣшительнѣе.

— Я твоихъ бредней слушать не хочу. Я никакого дѣла съ тобой совершать не намѣренъ. У меня есть свои дѣла, и важныя, и у меня есть своя жизнь, съ тобой не связанная. Клянусь безсмертными богами, которымъ я вѣренъ, я твоимъ уловкамъ больше не поддамся. Завтра въ эту самую комнату я принесу ту проклятую вещь, которую ты насильно вложила въ мои руки, и больше я не буду отвѣчать на твой голосъ. Больше я тебя не знаю, проклинаю случай, который тебя со мною свелъ, а если ты будешь меня преслѣдовать, обличу въ префектурѣ всѣ твои преступныя козни.

До сихъ поръ, при всѣхъ моихъ встрѣчахъ съ Реей, она меня побѣждала какой-то непонятной властью, въ которой я подозрѣвалъ даже силы магіи. Поэтому, произнося свои слова, я тайно призвалъ на помощь богиню Венеру, рѣшившись не поддаваться вліяніямъ Гекаты и чарованій. Но внезапно лицо Реи, на которое прямо мои глаза были устремлены, покрылось блѣдностью мраморныхъ статуй, ея руки безпомощно повисли, какъ у мертвой, она минуту на меня смотрѣла съ выраженіемъ такого ужаса, какой могла бы внушить развѣ только голова Медузы,—и потомъ дѣвушка всею тяжестью своего тѣла упала на полъ.

Можетъ быть, мнѣ, не обращая на то вниманія, тотчасъ

слѣдовало бѣжать изъ этого дома, предоставивъ Рею ея судьбѣ, но, видя ее распростертою, какъ человѣка, пораженнаго молніей, я не могъ преодолѣть невольнаго порыва участія. Я бросился къ Реѣ, сталъ около нея на колѣни, поднялъ ея голову, попытался вернуть дѣвушку къ жизни. Но долгое время ея лицо оставалось мертвеннымъ и блѣднымъ, вѣки смеженными, полураскрытыя и тоже поблѣднѣвшія губы неподвижными. Только когда я уже готовъ былъ звать кого-нибудь къ себѣ на помощь, Реа вдругъ очнулась, судорожно схватила меня руками и слабымъ голосомъ проговорила:

— Юній, тобой овладѣлъ злой духъ.

Стараясь быть какъ можно ласковѣе, все поддерживая лежащую Рею, какъ раненую амазонку, я ей отвѣтилъ:

— Милая Реа! Мною демонъ не овладѣвалъ. Я просто тебѣ говорю, что ты во мнѣ ошиблась. Я не хочу служить ни Христу, ни Антихристу, потому что я не христіанинъ и почитаю ученіе христіанъ гибельнымъ заблужденіемъ или опаснымъ обманомъ. Я пойду своей дорогой, а ты иди своей, и вмѣсто меня выбери себѣ помощникомъ другого. Я же никакого вреда тебѣ не сдѣлаю и твоихъ тайнъ никому не открою.

Тогда Реа, которую я всегда почиталъ сильной и какъ бы подобной мужчинѣ, начала рыдать, притомъ такъ неудержно, словно скорбь мучила все ея тѣло отъ горла до пальцевъ ногъ. Она то лила слезы, какъ Ніоба, то, такъ же, какъ Ніоба, каменѣла въ моихъ объятіяхъ, то дрожала такъ сильно, словно была въ тягостной лихорадкѣ. Я не зналъ, какъ ее утѣшить, и безсвязно повторялъ:

— Приди въ себя... Я тебѣ и раньше все это говорилъ... Подумай... Не могу же я для твоего удовольствія увѣровать въ Христа... И почему тебѣ нуженъ я?

— Ты! ты! — повторяла Реа сквозь рыданія.—Ты—одинъ. Ты назначенъ Богомъ. Ты избранъ. Онъ мнѣ послалъ тебя. Ты долженъ. Ты не властенъ отречься.

Такъ мы лежали оба на грязномъ полу, сжимая другъ друга въ объятіяхъ, и я, чтобы чѣмъ-нибудь успокоить бѣд-

ную дѣвушку, осторожно, какъ ребенка, поцѣловалъ ее въ лобъ. Въ ту же минуту она съ яростью впилась губами въ мои губы и стала поцѣлуями покрывать мое лицо, прижимая ко мнѣ свою грудь. Я сопротивлялся этимъ ласкамъ, нежданнымъ и страшившимъ меня, уклонялъ лицо, отстранялъ тѣло дѣвушки, но она меня все тѣснѣе привлекала къ себѣ, примѣшивая къ словамъ отчаянія слова нѣжности и страсти.

— Юній! мой Юній! Ты мнѣ посланъ Богомъ! Онъ меня сдѣлалъ твоей невѣстой! Мы Богомъ обручены, Юній. Обручены на славу и позоръ. Мы должны вмѣстѣ погибнуть, Юній. Мы должны быть вмѣстѣ, Юній, мой Юній!

Понемногу эта изступленность несдержанныхъ ласкъ, эта близость къ женщинѣ, дыханіе и теплоту которой я чувствовалъ на своемъ тѣлѣ, эта странность минуты, болѣе похожей на безуміе, чѣмъ на событіе жизни, самая уединенность мѣста, которое казалось лежащимъ гдѣ-то за предѣлами земного круга, побѣдили меня. Я вновь уступилъ любовнымъ настояніямъ Реи, какъ въ ту ночь, когда, послѣ чудовищнаго служенія въ невѣдомомъ мнѣ залѣ съ Коринѳскими колоннами, она во мракѣ приблизилась ко мнѣ. Подъ стукъ долота и молотковъ, дробившихъ камень и высѣкавшихъ образъ Добраго Пастыря, возстановился мой странный союзъ съ загадочной дѣвушкой.

Когда потомъ Реа сказала мнѣ:

— Ты придешь сюда черезъ день!—

я уже не нашелъ словъ, чтобы ей возразить. Я наклонилъ голову въ знакъ согласія, хотя въ душѣ у меня и былъ мракъ, подобный тому, который царствуетъ на безмолвныхъ берегахъ Ахеронта.

Выйдя на улицу, снова увидя залитыя зимнимъ солнцемъ мраморныя громады Медіоланскихъ строеній, услышавъ издали гулъ веселой толпы, выходящей изъ христіанскаго храма послѣ проповѣди Амбросія, я готовъ былъ думать, что все свершившееся только темный сонъ, примчавшійся ко мнѣ изъ Тартара черезъ дверь изъ слоновой кости.

V.

Вечеромъ я писалъ письма подъ диктовку Симмаха, и потомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Завтра ты пойдешь со мною къ Амвросію: я хочу говорить съ нимъ.

На другой день мы вышли изъ дому рано, причемъ Симмахъ, чтобы не обращать на себя вниманія, одѣлся какъ можно проще. Я несъ за нимъ различныя выписки, которыя, по его словамъ, могли ему понадобиться.

Амвросій жилъ неподалеку отъ христіанскаго храма въ маленькомъ бѣломъ домикѣ. Мнѣ говорили, что, избранный епископомъ, Амвросій роздалъ все свое имущество бѣднымъ, оставивъ себѣ только небольшое число рабовъ, доходы со своихъ имѣній, — причемъ отдавалъ эти доходы почти полностью своей сестрѣ Марцелинѣ, — и свою библіотеку. Поэтому Амвросій, въ юности привыкшій къ жизни роскошной, теперь жилъ весьма скромно.

У дверей дома насъ встрѣтилъ рабъ, и Симмахъ его спросилъ, можно ли видѣть Амвросія.

— Входите свободно,—отвѣтилъ рабъ,—каждый желающій во всякое время можетъ говорить съ епископомъ, и онъ даже запретилъ предупреждать его о посѣтителяхъ.

Мы прошли нѣсколько пустыхъ комнатъ и увидѣли знаменитаго проповѣдника склонившимся надъ столомъ, который былъ заваленъ грудами разныхъ книгъ. Книги остана-

вливали взглядъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ комнаты, въ особыхъ книгохранилищахъ, на скамьяхъ и прямо на полу. Такъ какъ читавшій не разслышалъ нашихъ шаговъ, Симмахъ первый къ нему обратился съ вопросомъ:

— Узнаетъ ли меня Аврелій и позволитъ ли говорить съ нимъ?

Амвросій поднялъ глаза, посмотрѣлъ на насъ и отвѣтилъ:

— Привѣтствую тебя, Симмахъ. Я былъ увѣренъ, что ты придешь. Я готовъ говорить съ тобой.

Онъ отодвинулъ книгу, которую читалъ, и указалъ Симмаху на кресло, бывшее подлѣ. Я остался почтительно стоять у двери, откуда мнѣ былъ слышенъ весь разговоръ.

— Ты, однако, ошибся, именуя меня Авреліемъ,—продолжалъ епископъ, — крещеніе рождаетъ человѣка къ новой жизни, и у меня нѣтъ другого имени, кромѣ Амвросія.

— Нѣтъ,—возразилъ Симмахъ,—ты для меня представитель славнаго рода Авреліевъ, мой родственникъ, сынъ префекта, самъ носившій поясъ съ золотой пряжкой. Я къ тебѣ пришелъ, какъ къ Римлянину, которому близки судьбы имперіи, какъ къ человѣку, въ жилахъ котораго кровь побѣдителей міра и который не захочетъ унизить то величіе, до котораго его предки подняли священный и вѣчный Городъ. Ты знаешь, зачѣмъ я прибылъ въ Медіоланъ, ты угадываешь, о чемъ я хочу говорить съ тобой, и ты понимаешь, почему я пришелъ къ тебѣ раньше, чѣмъ добиваться пріема у императора.

Очень спокойно выслушавъ эту рѣчь, Амвросій отвѣтилъ голосомъ сдержаннымъ, но рѣшительнымъ:

— Симмахъ! Я, конечно, знаю, зачѣмъ ты прибылъ въ Медіоланъ. Но поѣздка твоя и твоихъ товарищей—безплодна. Нашъ благочестивѣйшій императоръ внимательно обдумалъ свой эдиктъ, и его рѣшеніе безповоротно. Въ Сенатѣ христіанскаго императора не можетъ стоять статуй ложнымъ богамъ.

— Не говори уклончиво! — со страстью прервалъ Симмахъ.—Намъ не передъ кѣмъ притворствовать. За этого моего писца я ручаюсь: онъ будетъ нѣмъ, какъ мертвый. Всѣмъ

извѣстно, что императоръ чтитъ твою мудрость и исполняетъ твои совѣты. Не отъ него, а отъ тебя зависитъ судьба Сената и народа Римскаго.

— Это не такъ, — все столь же спокойно возразилъ епископъ,—я, какъ и мы всѣ, лишь смиренный слуга священной особы императора. Но если бы, дѣйствительно, онъ опять снизошелъ ко мнѣ, чтобы спросить моего совѣта, какъ служителя алтаря, получившаго дары Духа Святаго,—да, я сказалъ бы ему, что его волей руководилъ самъ Богъ. Пора, пора намъ съ корнемъ вырвать изъ имперіи послѣдніе остатки гибельныхъ заблужденій, стереть послѣдніе слѣды нашего долгаго рабства, ибо ты, Симмахъ, еще не знаешь, что истинная вѣра даетъ человѣку истинную свободу.

— Оставимъ этотъ языкъ реторамъ, — сказалъ Симмахъ, видимо раздражаясь,—я знаю, что ты получилъ хорошее воспитаніе. Будемъ говорить просто. Неужели ты думаешь, что всѣ жители имперіи признали Іудейскаго Христа? Неужели тебѣ не извѣстно, что миріады гражданъ чтятъ,—одни Юпитера, другіе Баала, третьи Озириса? Почему религіи должны враждовать между собой, а не могутъ жить въ мирѣ, если всѣ онѣ учатъ одному: поклоняться Божеству? Когда наши предки завоевывали землю, они не были нетерпимы къ вѣрованіямъ другихъ народовъ, но охотно принимали въ свой пантеонъ чужихъ боговъ, давали Митрѣ и Исидѣ мѣсто рядомъ съ Фебомъ и Діаной. Почему же вы, христіане, проповѣдующіе любовь, знаете только ненависть къ другимъ вѣрамъ?

— Мы проповѣдуемъ любовь къ истинѣ и добру, а не ко лжи и обману, — отвѣтилъ Амбросій. — Что такое ваши такъ называемые боги, одни съ песьей головой, другіе безобразные, съ сотней грудей, боги-насильники, преслѣдующіе коварствомъ и хитростями женщинъ, подымающіе одинъ на другого оружіе, лгущіе, прелюбодѣйствующіе, совершающіе тысячи преступленій? Ихъ ли мы должны любить, познавъ Бога единаго, вѣчнаго, вездѣсущаго, Бога истины и милосердія?

Эти слова епископъ произнесъ уже гораздо менѣе спокойно, съ явнымъ намѣреніемъ обидѣть собесѣдника. Полусѣдая борода Амбросія тряслась. Но Симмахъ сдержалъ свое негодованіе и возразилъ тихо:

— Отъ тебя подобныхъ возраженій я не ожидалъ. Ты знаешь такъ же хорошо, какъ я, что тѣ образы, въ какихъ изображаютъ боговъ наши поэты и художники, и та сущность, которую мы чтимъ въ богахъ, не одно и то же. Но я пришелъ не спорить съ тобой о вѣрѣ. Великая и непостижимая тайна вселенной не поддается человѣческимъ изслѣдованіямъ. Я пришелъ говорить съ тобой отъ имени тѣхъ тысячъ и тысячъ людей, которые поклоняются богамъ и для которыхъ алтарь, который ты приказалъ выбросить изъ Куріи, есть нѣчто священное. Какъ ты съ легкимъ сердцемъ подымаешь руку на ихъ вѣрованія и чувства, оскорбляешь ихъ въ томъ, что̀ для нихъ дорого. Въ теченіе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ Римъ благочестиво поклонялся божествамъ, установленнымъ царемъ Нумой, — какъ же ты, безъ колебанія, наносишь ударъ Риму, какъ убѣленному сѣдинами старцу? Римляне родились свободными и въ свободѣ избрали свою вѣру, — почему же не оставить ихъ въ мирѣ наслаждаться своими старинными обрядами, такъ какъ иныхъ они не желаютъ? Городу невѣдомо то ученіе, которому ему приказываютъ слѣдовать, но онъ знаетъ, что тотъ, кто берется исправлять почтенную старость, принимаетъ на себя неблагодарный и безславный трудъ.

— Теперь ты пользуешься пріемами реторовъ, — съ насмѣшкой сказалъ Амбросій. — Чего же ты требуешь? чтобы мы ни въ чемъ не шли впередъ сравнительно съ нашими предками. Когда-то въ Римѣ было установлено служеніе божеству Нерона; угодно ли тебѣ сохранить и этотъ алтарь? Если въ нашемъ прошломъ были заблужденія, мы объ нихъ должны жалѣть и стремиться отъ нихъ отказаться. Не стыдно и въ старости исправлять свои ошибки и не стыдно Риму измѣняться со всѣмъ міромъ. Нѣтъ позора въ томъ, чтобы перейти на сторону тѣхъ, кто правъ, и никогда не поздно учиться истинѣ.

Симмахъ всталъ, запахнулъ тогу, и мнѣ было видно, что онъ даже дрожитъ отъ волненія.

— Авреліи! — сказалъ онъ. — Вѣка, когда Римляне чтили боговъ, увѣнчаны славой и благоденствіемъ. Призывая Юпитера и Марса, Римляне весь міръ подчинили своей власти. Боги удалили Ганнибала отъ стѣнъ Города и Галловъ изъ Капитолія. Не легкомысленно ли отвергать старое, которое доказало свою силу и свою благотворность, и подвергать себя неизвѣстности, хватаясь за новое, еще не испытанное! Можешь ли ты быть увѣреннымъ, что новая религія внушитъ то же мужество въ сердца легіонаріевъ, послужитъ такой же обороной для границъ имперіи, какъ религія Нумы, Цесаря и Августа?

Амбросій тоже всталъ, выпрямился во весь ростъ, смотрѣлъ гнѣвно и болѣе напоминалъ полководца на полѣ битвы, чѣмъ служителя христіанскаго храма. Я не могъ не подумать, что въ другой вѣкъ онъ водилъ бы наши легіоны къ славнымъ побѣдамъ и былъ бы воинами поднятъ на щитъ. Повышеннымъ и почти яростнымъ голосомъ епископъ произнесъ:

— Почему ты приписываешь побѣды Римлянъ богамъ, а не искусству императоровъ и храбрости легіоновъ? Ты говоришь, что боги удалили Галловъ изъ Капитолія. Но вѣдь они все-таки сожгли Римъ! И если Капитолій не былъ взятъ, то не боги были тому причиной, а гуси. Гдѣ же тогда былъ твой Юпитеръ? не онъ ли кричалъ по-гусиному? Еще ты увѣряешь, что боги защитили Римъ отъ Ганнибала. Но тогда надо признать, что съ этой защитой они не поторопились. Почему они ждали до самой битвы при Замѣ, и позволили Пунамъ истреблять Римлянъ и при Тицинѣ, и при Требіи, и при Трасименскомъ озерѣ, и при Каннахъ? Сколько крови не было бы пролито, если бы твои боги дѣйствовали не такъ медлительно! Притомъ вѣдь и Карѳагенъ такъ же вѣровалъ въ ложныхъ боговъ, какъ и Римъ. Выбирай же: если боги были побѣдителями вмѣстѣ съ Римлянами, тогда они были побѣждены вмѣстѣ съ Пунами. А если боги позволяли

себя побѣждать въ прошломъ, гдѣ же залогъ, что въ будущемъ они насъ будутъ водить только къ побѣдамъ?

Никогда я не видѣлъ Симмаха до такой степени взволнованнымъ. Совершенно блѣдный, съ трудомъ подавляя гнѣвъ, онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку убѣдить торжествующаго епископа:

— Оставимъ боговъ,—сказалъ Симмахъ,—и подумаемъ о людяхъ. Религія отцовъ учила доблести, военному мужеству, прославляла силу; религія Христа учитъ кротости, смиренію, совѣтуетъ уступать противнику. Имперія окружена врагами; вездѣ варвары переходятъ границы; провинція за провинціей отпадаетъ отъ нашихъ префектуръ. Своими безпощадными мѣрами ты достигнешь одного изъ двухъ: или ты лишишь имперію храбрыхъ воиновъ, или ты возбудишь въ ней гражданскую войну между приверженцами старой и новой вѣры. Въ обоихъ случаяхъ восторжествуютъ враги, и имперія погибнетъ. Неужели ты не Римлянинъ и тебѣ не дороже всего слава отечества?

— Пусть гибнетъ Римъ!—громовымъ голосомъ воскликнулъ епископъ.—Пусть гибнетъ имперія! На ея развалинахъ я создамъ другую, вѣчную и непоколебимую. Я воздвигну новый Римъ, и уже не Городъ подчинитъ себѣ нѣкоторыя племена земли, но Церковь христіанская объединитъ въ одно стадо всѣ народы! Алтарь Побѣды не будетъ возстановленъ въ Римскомъ Сенатѣ! Я прикажу запереть всѣ храмы ложныхъ боговъ по всей имперіи! Я запрещу служить идоламъ и въ общественныхъ мѣстахъ и въ частныхъ домахъ! Я дамъ на землѣ торжество истинному Богу, и пусть рушатся земныя царства, ибо царство Его не отъ міра сего.

Трясущимися губами Симмахъ произнесъ въ отвѣтъ:

— Послѣ этого ты для меня—не Римлянинъ. Ты—не изъ рода Авреліевъ. Ты—врагъ отечества. Итакъ, между нами война?

Но Амвросій быстро уже овладѣлъ собой, его лицо снова приняло выраженіе льстиваго придворнаго, и онъ съ снисходительной улыбкой возразилъ:

— Нѣтъ, Симмахъ! я не воюю съ людьми, но только съ неправдой и ложью. Я тебя жалѣю, какъ брата, пребывающаго въ заблужденіи. Подумай о моихъ словахъ и иди съ миромъ.

Мы вышли. Симмахъ былъ въ такомъ возбужденіи, что я едва поспѣвалъ за его шагами. Всю дорогу онъ повторялъ:

— Мы еще будемъ бороться! Еще не рѣшено, за кѣмъ побѣда.

Однако, едва придя въ домъ Коликарія, Симмахъ вдругъ сразу палъ духомъ. Оптатъ и Пробинъ ожидали нашего возвращенія, чтобы разспросить насъ о послѣдствіяхъ нашей попытки. Симмахъ, съ видомъ человѣка совершенно изнеможеннаго, бросился на ложе и, передавъ вкратцѣ отвѣтъ Амбросія, воскликнулъ съ безнадежностью:

— Наше дѣло проиграно. Никакой надежды нѣтъ. Намъ осталось одно—немедленно возвратиться въ Городъ.

Оптатъ, Пробинъ, и я вмѣстѣ съ ними, стали убѣждать Симмаха не терять мужества и продолжать борьбу, но намъ пришлось долго трудиться, пока онъ началъ уступать нашимъ доводамъ.

VI.

Въ день, назначенный мнѣ Реей, я, какъ не разъ и прежде, долго колебался, прежде чѣмъ пойти къ ней. Но услужливая мысль опять представила мнѣ длинный рядъ доказательствъ въ пользу того, что я исполнить приказаніе Реи долженъ. Только на этотъ разъ, преодолѣвъ невольную робость, я отыскалъ на днѣ своего дорожнаго ларя свертокъ, когда-то отданный мнѣ на Аппіевой дорогѣ, и понесъ его съ собой, твердо рѣшивъ освободиться, наконецъ, отъ его опаснаго присутствія среди моихъ вещей. Вполнѣ понятно, впрочемъ, что, когда я шелъ по улицамъ Медіолана, мнѣ все время казалось, что прохожіе обращаютъ на меня особенное вниманіе и подозрительно всматриваются въ мою ношу.

Я пришелъ слишкомъ рано, Реи еще не было дома, и въ мастерской каменщика работалъ только самъ ея хозяинъ, котораго я и спросилъ, скоро ли вернется живущая у него дѣвушка.

— Марія изъ Рима?—сказалъ онъ, продолжая стучать молоткомъ по камню,—да, она мнѣ говорила, что ты придешь, и приказала тебѣ ее ждать. Можешь здѣсь присѣсть.

Мнѣ пришло въ голову воспользоваться отсутствіемъ Реи и, разспросивъ каменщика, хоть что-нибудь узнать о странной дѣвушкѣ, нить жизни которой, должно быть по недосмотру одной изъ Парокъ, спуталась съ нитью моей жизни. Я сѣлъ на глыбу необдѣланнаго мрамора и заговорилъ съ

работавшимъ человѣкомъ, а такъ какъ онъ трудился надъ фигурой маленькаго Амура, то я и спросилъ лукаво:

— Прошлый разъ я видѣлъ, что ты высѣкалъ Христа, а сегодня — сына Венеры. Развѣ ты не боишься осквернить этой работой свои руки?

Каменщикъ посмотрѣлъ на меня подозрительно, чему я не удивился, такъ какъ въ наши дни города полны соглядатаями, и отвѣтилъ уклончиво:

— Мы исполняемъ то, что̀ намъ заказываютъ, и разбирать, каковы заказы, не наше дѣло, только бы правильно платили деньги.

— Ты меня не бойся, другъ,—возразилъ я.—Я—пріѣзжій, тоже изъ Рима, и спрашиваю тебя безъ всякой дальней цѣли. Даже скажу тебѣ, что я изъ посольства Симмаха, прибывшаго сюда по дѣлу объ алтарѣ богини Побѣды, о чемъ ты, вѣроятно, слышалъ. Изъ этого можешь понять, что я самъ—не христіанинъ.

Каменщикъ былъ человѣкъ немолодой и осторожный; онъ не сразу поддался на мои зазыванія, но понемногу убѣдился, что я говорю отъ души. Тогда онъ сказалъ мнѣ, хотя и понизивъ голосъ:

— Сознаюсь тебѣ, юноша,—впрочемъ, это многіе знаютъ,—что я тоже вѣренъ старымъ богамъ, чту Юпитера всемогущаго и Меркурія крылатаго, какъ тому научила меня мать. Но въ наше время, если не будешь угождать требованіямъ заказчиковъ, останешься безъ дѣла. Теперь только и спросъ, что на гробницы съ изображеніями Христа или святыхъ, а образы безсмертныхъ боговъ мы даже и дѣлать почти разучились.

Признавъ во мнѣ единовѣрца и единомышленника, каменщикъ сталъ разговорчивѣе и даже предложилъ мнѣ съ нимъ распить по кубку простого вина, чѣмъ я и воспользовался, чтобы заговорить о Реѣ.

— По правдѣ сказать,—объяснилъ мнѣ старикъ,—я самъ хорошенько не знаю, кто такая эта дѣвушка. Привелъ ее ко мнѣ мой племянникъ, Либертинъ, который живетъ въ Римѣ

у одного христіанскаго священника и пріѣхалъ сюда съ епископскимъ посольствомъ. „Пріюти ее, дядя, говоритъ, это дѣвушка бѣдная, въ гостиницѣ ей жить дорого, да одной и неприлично". Комната у меня была свободная, мы тамъ иногда готовыя вещи складываемъ, къ тому же обѣщала мнѣ эта Марія заплатить за нее. Что же, думаю, пускай живетъ. А безпокойства намъ отъ нея мало: цѣлые дни она рыщетъ по городу и никого у нея не бываетъ, только вотъ ты второй разъ приходишь. Если же остается дома, то сидитъ и молчитъ, въ одно мѣсто смотритъ, словно дурочка, или книгу читаетъ, которую съ собой привезла. Если хочешь, я о ней разспрошу Либертина, откуда онъ ее узналъ. А я-то уже старъ сталъ, чтобы въ чужія дѣла вмѣшиваться, своихъ довольно; давно привыкъ, что лучше тому живется, который смотритъ, а не спрашиваетъ.

Бо́льшаго отъ каменщика узнать мнѣ не пришлось; притомъ скоро пришла сама Реа. Она меня встрѣтила такъ, какъ если бы и сомнѣваться не могла, что я въ тотъ день у нея буду, тотчасъ повела меня къ себѣ и плотно затворила дверь. По всему судя, Реа была неспокойна и чѣмъ-то встревожена.

— Я тебѣ принесъ, Реа, это,—сказалъ я, подавая ей свой свертокъ.

— Хорошо,—отвѣтила мнѣ, безъ удивленія, дѣвушка,— эта вещь намъ скоро понадобится.

Я не зналъ, о чемъ говорить дальше, и нѣкоторое время мы оба сидѣли молча. Я внимательно разсматривалъ Рею, и она опять мнѣ казалась молодой и красивой. Черты ея суроваго лица были правильны, брови изогнуты красиво, зубы яркой бѣлизны, а высокая грудь соблазнительно подымала складки паллы. Я подумалъ о томъ, что въ концѣ концовъ судьба,ославъ мнѣ Рею, не совсѣмъ была ко мнѣ немилостива, и, вспомнивъ объятія, въ которыхъ такъ недавно она меня сжимала, невольно почувствовалъ желаніе извѣдать ихъ еще разъ. Я пододвинулся къ дѣвушкѣ ближе, взялъ ее за руку и сказалъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ:

— Ты меня прошлый разъ испугала, Реа. Сначала ты была въ такомъ отчаяніи, словно уже Прозерпина готовилась срѣзать волосъ на твоемъ темени, а потомъ пришла въ изступленіе, какъ вакханка. Но я о томъ днѣ не жалѣю нисколько: напротивъ, благодарю за него боговъ. Это былъ день радости, и я его никогда не забуду.

Словно пробужденная отъ сна моими словами, Реа подняла на меня глаза, потомъ отъ меня отстранилась и отвѣтила почти съ гнѣвомъ:

— Что ты говоришь, Юній. Мы здѣсь съ тобой не затѣмъ, чтобы бесѣдовать о радостяхъ. Не для нихъ призвалъ насъ Богъ съ разныхъ путей. Насъ ожидаетъ страшное, будь же готовъ испить эту чашу.

Не знаю почему, но Реа, гордая и разгнѣванная, показалась мнѣ удивительно прельстительной. Въ той самой комнатѣ, гдѣ всего два дня назадъ она согрѣвала поцѣлуями мое лицо, мнѣ казалось такъ естественно и просто возобновить эти поцѣлуи. Итакъ, продолжая держать за руку Рею, я другой рукой обнялъ ея станъ, наклонился къ самому ея лицу и сказалъ не безъ подлиннаго волненія:

— Милая Реа! Ты мнѣ говорила, что меня любишь. Я принимаю эти твои слова и охотно исполню все, что̀ ты отъ меня требуешь. Но ты меня не отталкивай, когда сама дважды шла навстрѣчу мнѣ. Сегодня мнѣ первому хочется обнять и поцѣловать тебя.

Еще рѣшительнѣе Реа меня оттолкнула, встала, выпрямилась, какъ стволъ кипариса, и воскликнула съ негодованіемъ:

— Опомнись, Юній! Ты со мной говоришь, какъ съ кинедомъ. Я дѣвушка изъ хорошей семьи, и тебѣ стыдно такъ меня унижать потому только, что здѣсь нѣтъ мужчины, чтобы меня защитить. Я тебя люблю, какъ брата, какъ избраннаго Провидѣніемъ, чтобы вмѣстѣ со мной служить Высшей волѣ, но иной любви къ тебѣ у меня не можетъ быть, такъ какъ я посвятила себя Богу. Приди въ себя, вспомни, зачѣмъ ты здѣсь, и выслушай то, что̀ мнѣ надо сообщить тебѣ.

Въ голосѣ Реи было негодованіе неподдѣльное, и одну

минуту я готовъ былъ думать, что моя память меня обманываетъ. Но, окинувъ взглядомъ комнату, я узналъ даже то мѣсто на полу, гдѣ плачущая Реа обнимала меня страстно; всматриваясь въ ея лицо, я видѣлъ тѣ самыя губы, которыя вонзали въ меня поцѣлуи столь напряженные, что они причиняли боль; и не только желаніе ласки, но уже и чувство обиды за неожиданный отказъ заставили сильнѣе биться мое сердце. Я вдругъ схватилъ Рею въ объятія, покрылъ поцѣлуями ея щеки, несмотря на все сопротивленіе дѣвушки, и твердилъ, смѣясь:

— Не притворяйся, Реа, вѣдь я тебя знаю! Я знаю, какой огонь ты таишь, горячій и сладостный! Я знаю, что ты умѣешь ласкать лучше всѣхъ женщинъ въ мірѣ и что твоимъ поцѣлуямъ могла бы позавидовать сама Клеопатра. Не будь жестокой къ своему Юнію!

Реа вырывалась изъ моихъ рукъ, сначала ожесточенно, потомъ все слабѣе, повторяя только три слова:

— Юній, пусти меня! Юній, пусти меня!

Скоро ея глаза наполнились слезами, но я продолжалъ борьбу, помня увѣренія Насона, что такого рода насиліе дѣвушкамъ нравится. Когда, однако, слезы Реи перешли въ рыданія, и она застонала отчаянно, словно раненая на смерть, я испуганно выпустилъ изъ своихъ рукъ ея тѣло, опасаясь, что съ ней сдѣлается такой же припадокъ, какъ въ прошлый разъ. Реа упала на ложе, внизъ лицомъ, а я, пытаясь оправдаться, сказалъ ей:

— Неужели ты забыла, Реа, какъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, ты меня увѣряла, что мы съ тобой обручены, повторяла мнѣ слова нѣжныя, меня ласкала сама, и неужели забыла, какъ раньше того, въ Римѣ...

Продолжая рыдать, Реа проговорила:

— Зачѣмъ ты меня такъ мучишь, Юній? Зачѣмъ ты мнѣ въ лицо клевещешь на меня! Да, моя сестра ведетъ постыдную жизнь, но развѣ я въ томъ виновна! Нашъ отецъ умеръ, мы бѣдны, и всѣ въ правѣ думать о насъ все дурное. Но, клянусь тебѣ Пречистой Матерью Христа, я не заслуживаю

твоихъ подозрѣній. Никто не можетъ упрекнуть меня ни въ чемъ недостойномъ, и никогда я не нарушала законовъ стыда...

Я могъ бы напомнить дѣвушкѣ, что въ Римѣ, на томъ служеніи, которымъ она руководила, призывали лгать и любодѣйствовать, убивать и богохульствовать, но Реа была въ такомъ отчаяніи, что я предпочелъ не возражать ей ничего, думая только объ одномъ, какъ ее утѣшить. Я осторожно сѣлъ близъ нея, поднялъ ея голову и сталъ просить у нея прощенія и за свои слова, и за свои поступки. Тутъ же я вспомнилъ о Гесперіи, о клятвахъ, которыя давалъ въ Римѣ, и мнѣ стало стыдно, что я такъ легко могъ поддаться соблазну. Душой моей овладѣло чувство непритворнаго раскаянья. Къ тому же, глядя на заплаканную Рею, движенія которой сдѣлались неловкими, а лицо старообразнымъ и некрасивымъ, я уже не понималъ, что̀ заставляло меня добиваться ея ласкъ.

Понемногу Реа успокоилась, отерла заплаканные глаза и вновь заговорила со мной довѣрчиво. Я ничѣмъ не противорѣчилъ ей, и она съ важнымъ видомъ сообщила мнѣ слѣдующее:

— Милый Юній, я его нашла. Я увидѣла его на улицѣ, и нѣкій голосъ мнѣ повторилъ трижды: это—онъ. Волосы у него, какъ разметавшееся пламя, уста, какъ кровавая рана, взоръ благостный, какъ у агнца. Онъ еще не вѣдаетъ о своемъ призваніи. Мы съ тобой первые придемъ поклониться ему, какъ пришли пастыри къ вертепу, гдѣ въ ясляхъ лежалъ Младенецъ. Ангелы воспоютъ и намъ: „Слава въ вышнихъ Богу“. Только должно торопиться. Роковой годъ на исходѣ. Больше никогда не повторится то же сочетаніе свѣтилъ небесныхъ. И если мы пропустимъ срокъ, мы привлечемъ на свои головы страшное проклятіе.

Когда я слушалъ эту причудливую смѣсь разумныхъ словъ съ бреднями, въ которыя могъ бы повѣрить развѣ только „Іудей Апелла“, у меня мелькнула мысль, что я могу воспользоваться безуміемъ Реи, освободиться отъ которой у меня

все равно не оставалось надежды, для своихъ цѣлей. Постаравшись перенять ея Азіатскіе пріемы рѣчи, я сказалъ ей въ такихъ же неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ говорила она:

— Милая Реа! Теперь я понимаю, на какой великій подвигъ ты меня зовешь. Но не подобаетъ останавливаться на полпути; будемъ тверды и доведемъ наше дѣло до конца! Чтобы расчистить путь новому царю міра, должно уничтожить прежнія власти. Нѣкто долженъ будетъ исчезнуть, чтобы уступить мѣсто Грядущему.

— Такъ! Такъ! — воскликнула въ восторгѣ Реа. — Мы и это свершимъ.

Наклонившись близко къ Реѣ, я произнесъ шопотомъ:

— Мы должны устранить Граціана...

Пораженная моими словами, какъ если бы я сообщилъ ей нѣкоторое откровеніе, Реа вскочила съ ложа; ея зрачки расширились, щеки залились алой краской; она протянула мнѣ руки, какъ бы благословляя меня.

— Наконецъ, ты все понялъ, Юній!—произнесла она.—Ты покорился волѣ Божіей, а бо̀льшаго не можетъ человѣкъ. Благодарю тебя, Боже, отнынѣ я знаю, что предреченное исполнится.

Въ глубинѣ души мнѣ было стыдно, что я пользуюсь безумiемъ или легковѣріемъ бѣдной дѣвушки, но тутъ же я далъ себѣ клятву, что Рею не подвергну никакимъ опасностямъ, а лишь воспользуюсь ея помощью. Реа же казалась безмѣрно счастливой тѣмъ, что я, наконецъ, заговорилъ въ ея духѣ и пересталъ отрекаться отъ того дѣла, къ которому она меня звала. Въ ея душѣ было странное сочетаніе непонятной силы пророчицы и простой слабости женщины; мужского ума, помогавшаго ей выполнять самые трудные замыслы, и дѣтской довѣрчивости, позволявшей ей принимать, какъ истину, самыя нелѣпыя увѣренія; стыдливости добродѣтельной дѣвушки и готовности на самыя безстыдные поступки, которые, пожалуй, смутили бы и какую-нибудь Квартиллу.

Въ тотъ день я долго оставался у Реи, и, пока она гово-

рила безъ устали, то въ темныхъ восклицаніяхъ предсказывая скорое наступленіе великихъ и страшныхъ событій, то съ восторгомъ возвращаясь къ моей мысли и разбирая подробно вопросъ, какимъ способомъ проникнуть во дворецъ къ Граціану (при этихъ разсужденіяхъ я тревожно посматривалъ на дверь, за которой насъ могли подслушивать), то просто и наивно разсказывая мнѣ приключенія своего путешествія съ Летой изъ Испаніи въ Италію,—я тщетно старался понять, кто предо мной: безумная или мудрая, обманщица или обманутая. Я замѣтилъ только, что Реа ни словомъ не обмолвилась о своемъ прошломъ, не дала мнѣ ни одного намека, по которому я могъ бы угадать, какъ оказалась она вовлеченной въ кругъ странныхъ людей, дѣломъ своей жизни избравшихъ служеніе грядущему Антихристу. Реа и послѣ этой бесѣды осталась для меня живой загадкой, передъ которой я чувствовалъ себя Давомъ, а не Эдипомъ.

На прощаніе она сказала:

— Ты ко мнѣ сюда придешь въ субботній день, это—день священный, въ началѣ сумерекъ. Я къ тому времени все разузнаю и все устрою. Какъ Симеонъ-богопріемникъ и Анна пророчица, мы пойдемъ съ тобой, чтобы предречь судьбу вступающему въ міръ на свое служеніе.

Я ушелъ отъ Реи въ томъ смятеніи противорѣчивыхъ чувствъ и думъ, въ какомъ всегда разставался съ ней. Я сознавалъ, что далѣе бороться съ ея волей уже не въ силахъ и что все прочнѣе затягиваются нити той сѣти, которая соединила меня съ ней. И въ то же время я не могъ бы отказаться отъ того, что было въ этой дѣвушкѣ нѣчто для меня страннымъ образомъ прельстительное, заставлявшее меня порой забывать о далекой Гесперіи.

Когда въ такомъ раздумьи шелъ я по улицѣ, вдругъ среди тѣснящихся на перекресткѣ прохожихъ я увидѣлъ лицо, представившееся мнѣ знакомымъ. Сейчасъ же я вспомнилъ, что это тотъ Сиріецъ, котораго когда-то мы съ моимъ Ремигіемъ встрѣтили въ Римскомъ Портѣ. Сиріецъ былъ одѣтъ въ ту же, какъ тогда, широкую Греческую хламиду, былъ въ той же высо-

кой шапкѣ но на его пальцахъ я замѣтилъ драгоцѣнные перстни, чего, кажется, у него прежде не было. Сердце у меня сжалось отъ дурного предчувствія, тѣмъ болѣе, что и Сиріецъ, повидимому, узналъ меня и даже кивнулъ мнѣ головой въ знакъ привѣтствія, улыбнувшись нагло, причемъ ярко заблестѣли его тщательно выбѣленные зубы, оттѣняемые алостью его толстыхъ губъ и чернотою его длинной бороды.

Не отвѣтивъ на привѣтствіе Сирійца, сдѣлавъ видъ, что я его не узналъ, я торопливо прошелъ мимо.

VII.

Вскорѣ послѣ того, по поводу поднесенія императору золотого вѣнка отъ гражданъ города Арелаты, было назначено при дворѣ большое торжество. Такъ какъ императоръ,—вѣроятно, благодаря проискамъ Амвросія, — не назначалъ особаго дня для пріема Сенаторскаго посольства, то, по совѣту Тита Коликарія, Симмахъ и его товарищи рѣшили явиться во дворецъ въ день этого торжества, на что̀, какъ сенаторы, они имѣли право. По моей просьбѣ, Симмахъ позволилъ мнѣ его сопровождать, и такимъ образомъ мнѣ довелось увидѣть императорскій пріемъ. Но снисходительность Симмаха навела меня на мысль, что онъ Гесперіей былъ посвященъ въ ея замыслъ и намѣренно старался дать мнѣ возможность Граціана узнать въ лицо.

Не безъ волненія я подходилъ съ сенаторами къ дворцовымъ твердынямъ, сложному нагроможденію строеній, пышныхъ и огромныхъ, но обличавшихъ все отсутствіе вкуса нашего времени. Къ старинным зданіямъ здѣсь были приставлены, безъ всякой гармоніи, новыя, и различные стили отдѣльныхъ частей дворца непріятно враждовали между собой. Если издали громада священнаго дома и производила свое впечатлѣніе, то вблизи она лишь обличала паденіе того искусства, которое когда-то Акрополь, а позднѣе Капитолій и Палатинъ сдѣлали мраморнымъ чудомъ.

У входа мы встрѣтили такое количество препятствій, столько лицъ и такъ часто освѣдомлялось, имѣемъ ли мы право присутствовать при выходѣ святости императора, что, не будь съ нами Коликарія, всѣмъ хорошо извѣстнаго въ Медіоланѣ, Римскимъ сенаторамъ, можетъ быть, не удалось бы даже проникнуть въ священный дворецъ. Одинъ изъ распорядителей, въ одеждѣ начальника кандидатовъ, рѣшительно приказалъ отряду воиновъ загородить намъ дорогу, ссылаясь на особый списокъ, который держалъ въ рукахъ и въ которомъ самимъ Македоніемъ, магистромъ оффицій, было точно указано, кто долженъ быть въ этотъ день допущенъ на пріемъ. Понадобилось все краснорѣчіе нашего путеводителя и его угроза пожаловаться препозиту священной спальни, съ которымъ онъ былъ въ отношеніяхъ дружескихъ, чтобы сломить упорство кандидата.

Я при этомъ обратилъ вниманіе на то, что весь дворецъ былъ наполненъ стражами всякаго рода: уже у входа стояли конные схоларіи, внутри каждую дверь охраняли вооруженные кандидаты, въ другихъ покояхъ виднѣлись, съ копьями въ рукахъ, протекторы и доместики. Все это дало мнѣ понять, что личность Граціана оберегается достаточно заботливо и что нѣтъ никакой надежды напасть на него открыто, хотя бы даже обрекая на гибель самого себя.

Что касается убранства дворца, то его роскошь, если говорить правду, не удивила меня, такъ какъ она сводилась къ изобилію позолоты, дорогихъ ковровъ и разноцвѣтныхъ мраморовъ. Среди незначительнаго числа статуй, украшавшихъ покои, не было такихъ, которыя обличали бы рѣзецъ великаго художника, а мозаичныя картины мнѣ показались исполненными рукой неувѣренной и неискусной. Безъ всякаго колебанія я отдалъ предпочтеніе убранству небольшой виллы Гесперіи на Холмѣ Садовъ, такъ какъ въ томъ домѣ чувствовалось незримое присутствіе Каменъ.

Въ моихъ выводахъ поддерживало меня поведеніе Симмаха, который хотя и не проронилъ ни слова, но, судя по выраженію лица, также крайне неодобрительно отнесся ко

всему, что̀ насъ окружало. Впрочемъ, его раздражало также обращеніе придворныхъ съ послами Сената, и я безошибочно видѣлъ, что Симмахъ лишь съ трудомъ сдерживалъ справедливое негодованіе.

Большая зала, куда насъ, наконецъ, провели, заставивъ пройти нѣсколько десятковъ однообразныхъ комнатъ, была полна ожидающими. Патриціи и различные сановники, въ одѣяніяхъ, блиставшихъ золотомъ, стояли рядàми, вполголоса бесѣдуя; отдѣльно стояли куріалы Арелаты, уже держа наготовѣ свой даръ августу; не мало было среди присутствующихъ и служителей христіанской церкви, думаю я, епископовъ, одѣтыхъ еще болѣе пышно, чѣмъ другіе. Всѣ какъ-то невольно обращали ежеминутно взоры къ стоявшему въ глубинѣ залы высокому императорскому трону изъ слоновой кости съ золотомъ, среди украшеній котораго всюду видны были кресты.

Когда мы стали на указанное намъ мѣсто, къ намъ подошелъ одинъ изъ сановниковъ,—какъ я узналъ впослѣдствіи примицерій нотаріевъ,—и, почтительно привѣтствовавъ Симмаха и его сотоварищей, спросилъ вкрадчивымъ голосомъ, довольны ли послы Сената своимъ пребываніемъ въ Медіоланѣ.

— Vir spectabilis! — отвѣтилъ ему Симмахъ, — ты знаешь, что у меня одна забота: выполнить порученіе отцовъ. Поскольку мнѣ это удастся въ Медіоланѣ, постольку я буду считать его прекраснѣйшимъ городомъ.

— Vir clarissime! — возразилъ примицерій,—судьбы наши и всѣхъ нашихъ дѣлъ въ священной волѣ святости августа,— да даруетъ ему Богъ счастіе и долголѣтіе. Мы же всѣ весьма польщены, что насъ посѣтилъ столь знаменитый человѣкъ, какъ ты.

Видя, что примицерій заговорилъ съ Симмахомъ, къ намъ стали подходить другіе сановники и, обмѣнявшись различными изъявленіями вѣжливости, то освѣдомляться о послѣднихъ событіяхъ въ Римѣ, то, какъ бы случайно, передавать различныя придворныя новости, казавшіяся имъ, повидимому,

крайне важными. Одинъ съ восторгомъ разсказывалъ о ловкости Граціана, на послѣдней охотѣ убившаго собственноручно семнадцать ланей; другой—о замѣчательномъ стихотвореніи, ему поднесенномъ, въ которомъ слова были расположены такъ, что, складывая первую букву перваго стиха со второй—второго, третьей—третьяго и т. д., и наоборотъ, послѣднюю букву перваго стиха съ предпослѣдней—второго, третьей отъ конца третьяго и т. д., можно было прочитать полный титулъ императора,—стихотворенiи, за которое авторъ получилъ въ подарокъ двухъ замѣчательныхъ Испанскихъ собакъ; еще одинъ, наконецъ, не безъ коварства, сообщилъ, что архіепископъ Медіоланскій намѣренъ въ скоромъ времени совершить поѣздку въ Городъ.

Я всматривался въ лица окружавшихъ меня людей и вездѣ видѣлъ только льстивыя улыбки, лукавые глаза и подъ слоемъ румянъ угадывалъ щеки, потерявшія краску отъ постоянныхъ ночныхъ пировъ. Не было ни одного лица среди этихъ придворныхъ дѣльцовъ, по слову которыхъ измѣнялись судьбы цѣлыхъ діэцесъ, которое напомнило бы тѣ мужественные лики, что̀ сохранены въ мраморахъ, изображающихъ Сципіона, Суллу, Агриппу, Германика, или даже тѣ, что̀ смотрятъ на насъ съ гробницъ Аппіевой и Фламиніевой дороги. Кромѣ того, съ прискорбіемъ я убѣждался, что у большинства черты лица даже не были Римскія, но предательски выдавали ихъ Греческое, Германское, Африканское или Азіатское происхожденіе. И я вспомнилъ жалобы лучшихъ Римлянъ, что власть надъ имперіей ввѣрена нынѣ иноплеменникамъ и достается не въ силу доблести и ума, но или передается по родству, или покупается деньгами, или добывается лестью и угодничествомъ.

Между тѣмъ былъ поданъ какой-то знакъ, и всѣ засуетились, поспѣшно занимая назначенныя мѣста, такъ какъ сейчасъ долженъ былъ появиться императоръ. Такое неподдѣльное смущеніе было на всѣхъ лицахъ, давно привыкшихъ къ притворству, многіе такъ поблѣднѣли, что я не могъ не подумать о стихахъ Горація:

Гремящій съ неба, мнили мы, царствуетъ
Юпитеръ...

Я ожидалъ звука военныхъ трубъ или ударовъ воиновъ о щиты, но, напротивъ, настало всеобщее молчаніе и полная тишина. Отодвинулась тяжелая, вся расшитая золотомъ, завѣса у дверей, и началось императорское шествіе.

Впереди выступали Аланскіе воины,—народъ, пришедшій къ намъ съ дикихъ береговъ Оксіана,—въ Скиѳскомъ одѣяніи, отороченномъ мѣхомъ, съ громадными луками въ рукахъ. За этими любимыми тѣлохранителями императора шли евнухи, въ длинныхъ восточныхъ плащахъ, съ серьгами въ ушахъ; далѣе — нѣсколько самыхъ приближенныхъ къ императору сановниковъ, похожихъ, въ своихъ разукрашенныхъ и тяжелыхъ тогахъ, скорѣе на литыя статуи, чѣмъ на живыхъ людей: двигаясь, они не сгибали колѣнъ, не поворачивали шеи, смотрѣли прямо передъ собой пустымъ взоромъ и, кажется, съ трудомъ ступали подъ гнетомъ надѣтаго на нихъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Наконецъ, за ними шли рядомъ Амбросій и Граціанъ, и новый отрядъ Алановъ замыкалъ шествіе.

При появленіи императора всѣ присутствующіе опустились на правое колѣно и низко склонили голову, выполняя обрядъ поклоненія.

Какъ я ни свыкся съ мыслью, что времена свободной республики, времена, когда самъ народъ Римскій выбиралъ своихъ магистратовъ, давно и навсегда для Рима миновали, какъ я ни примирился съ сознаніемъ, что прежде ненавистное для каждаго Римлянина именованіе царя, погубившее когда-то самого Цесаря, должно быть въ нашъ вѣкъ признано истиннымъ именемъ для правителя имперіи,— все же, впервые присутствуя при унизительномъ поклоненіи, достойномъ любого Азіатскаго деспота, я почувствовалъ, что возмущается во мнѣ кровь моихъ предковъ, Юніевъ, видѣвшихъ солнце свободы надъ свободнымъ Городомъ. Стоя на колѣняхъ, преклонивъ голову, какъ если бы я не въ силахъ былъ выдержать сіянія императорскаго лика, какъ не могла вы-

держать Семела образа Юпитера, представшаго ей съ молніями въ длани, я испытывалъ только чувство стыда, а вовсе не восторга и умиленія, можетъ быть, потому, что моя юность прошла вдали отъ двора, въ той маленькой Лакторѣ, гдѣ еще сохранялись вольности, нѣкогда дарованныя родному городу завоевателемъ Галліи. Въ ту минуту къ моему убѣжденію, что Граціанъ—опаснѣйшій врагъ дорогихъ для меня преданій Рима и безумный гонитель боговъ безсмертныхъ, присоединилось живое чувство обиды отъ униженія, испытаннаго мной самимъ и каждодневно переживаемаго Римлянами,—и жажда выполнить обѣщаніе, данное мною Гесперіи, возгорѣлась во мнѣ съ новой силой.

Тѣмъ временемъ всѣ, имѣвшіе званіе патриція, подходили по очереди къ императору и цѣловали его въ грудь съ правой стороны, а онъ отвѣчалъ имъ поцѣлуемъ въ голову. Когда этотъ обрядъ закончился, Граціанъ порывистыми шагами, непохожими на движенія статуеподобныхъ сановниковъ, взошелъ, или почти взбѣжалъ, на ступени трона и сѣлъ. Амбросій медленно поднялся вслѣдъ за нимъ и сталъ рядомъ, а Скиѳскіе лучники расположились вокругъ трона. Лишь тогда всѣ присутствующіе получили право встать съ колѣнъ.

Понятно, что я устремилъ глаза на императора, стараясь запомнить какъ можно лучше его внѣшность и лицо.

Несмотря на торжественность пріема, Граціанъ пренебрегъ Римской тогой, и былъ одѣтъ, наподобіе своихъ Аланскихъ тѣлохранителей, въ Скиѳское одѣяніе съ мѣхомъ. Только его одежда и его обувь были густо обшиты самоцвѣтными каменьями, нестерпимо сверкавшими при каждомъ его движеніи, что̀ ему придавало видъ плясуна на сценѣ. У Граціана была небольшая голова; волосы были зачесаны на лобъ, а повыше была надѣта небольшая діадема, также унизанная драгоцѣнными каменьями, съ однимъ громаднымъ камнемъ надъ самымъ лбомъ и съ двумя свободно спадавшими концами сзади, украшенными изумрудами. Лицо Граціана было довольно пріятно, несмотря на нѣсколько большой носъ, но выраженіе лица было надменно, и глаза смо-

трѣли исподлобья. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ и скорѣе напоминалъ избалованнаго юношу, чѣмъ грознаго повелителя, который, какъ Юпитеръ на небѣ, правитъ всѣмъ на землѣ.

Окинувъ взглядомъ собравшихся, императоръ заговорилъ; голосъ у него былъ рѣзкій и непріятный.

— Viri clarissimi, illustrimi, spectabiles! Нашей мудрости было благоугодно на сегодня назначить пріемъ пословъ нашего города Арелаты-Константины. Такъ какъ всѣ города имперіи намъ равно любезны, то нынѣ подтверждаемъ мы то, что̀ нами было объявлено во всеобщее свѣдѣніе: города, которые желаютъ отправить пословъ къ святилищу нашему, могутъ это дѣлать безпрепятственно. Дворъ нашей божественности всегда для нихъ открытъ. Пусть послы приблизятся.

Послы Арелаты, пятеро почтенныхъ, по виду, человѣкъ, уже немолодыхъ, съ сѣдыми бородами, неловко и робко подошли къ трону и еще разъ преклонили колѣно. Затѣмъ одинъ изъ нихъ началъ рѣчь, восхваляющую мудрость и святость императора, котораго онъ называлъ „другомъ Божіимъ“, „соучастникомъ Божества“, „августомъ по святости“. Не буду здѣсь вспоминать всей рѣчи и скажу только, что ораторъ, съ Галльскимъ искусствомъ закругляя свои періоды, не забылъ увѣреній Ювенала:

Ничего нѣтъ такого, чему бы
Не повѣрила Власть благосклонно, когда ее хвалятъ.

Едва окончилась рѣчь и обрядъ поднесенія золотого вѣнка, Граціанъ, съ прежней стремительностью, поднялся съ трона и устремился внизъ; за нимъ послѣдовалъ Амбросій и часть Аланскихъ стражей, такъ какъ, повидимому, даже среди раболѣпныхъ придворныхъ императоръ не вполнѣ былъ увѣренъ въ своей безопасности. Граціанъ милостиво обходилъ собравшихся и инымъ изъ нихъ говорилъ нѣсколько незначительныхъ словъ, принимаемыхъ, какъ изреченія самой богини мудрости—Минервы. Когда императоръ приблизился къ намъ, Амбросій, наклонившись, сказалъ ему что-то на ухо;

Граціанъ быстро взглянулъ на Симмаха, тотчасъ отвернулся и прошелъ мимо, не удостоивъ Сенаторское посольство ни однимъ словомъ.

Вскорѣ послѣ того императоръ и его приближенные, въ прежнемъ порядкѣ, удалились изъ залы. Присутствующимъ снова вернулась способность двигаться и говорить, все кругомъ зашумѣло, какъ рой осъ, но мы остались совершенно одиноки. Никто болѣе не рѣшался приблизиться къ посламъ Сената, насъ сторонились и обходили, словно пораженныхъ проказой. Даже нашъ гостепріимный хозяинъ и заботливый вожатый, Коликарій, куда-то скрылся. Намъ не осталось ничего другого, какъ поспѣшно направиться къ выходу.

Я не смѣлъ поднять глаза на Симмаха, и всѣ сенаторы также угрюмо молчали во все время нашего пути отъ священнаго дворца до дому. Немилостивый взглядъ императора принадлежитъ къ числу самыхъ страшныхъ несчастій, какія только могутъ постичь человѣка въ наше время.

VIII.

Послѣ посѣщенія дворца крайнее уныніе овладѣло всѣмъ нашимъ посольствомъ. Какъ кажется, всѣ три сенатора, и больше другихъ самъ Симмахъ, жалѣли о томъ, что согласились принять участіе въ поѣздкѣ. Не оставалось никакой надежды на успѣхъ дѣла, и каждый съ тревогой думалъ, что императоръ болѣе не допуститъ его ни до какихъ важныхъ должностей и что съ этихъ поръ всю остальную жизнь придется проводить въ неизвѣстности, раскаиваясь въ своей смѣлости.

Впрочемъ, сенаторы еще продолжали добиваться пріема у Граціана; мало того, неудача словно пробудила въ Симмахѣ новыя силы и заставила его съ новымъ упорствомъ взяться за дѣло. Ежедневно онъ собиралъ товарищей на совѣщаніе, удаляясь съ ними въ уединенную комнату; начались у сенаторовъ сношенія съ какими-то людьми, выдававшими себя за друзей императрицы Юстины, и съ другими аріанами. Но меня на эти совѣщанія не допускали, и Симмахъ даже пересталъ диктовать мнѣ письма, очевидно, высказывая въ нихъ мысли, которыя желалъ сохранить въ тайнѣ. Въ домѣ Коликарія я жилъ совершенно одиноко и по цѣлымъ днямъ мнѣ некому было сказать слово.

Въ субботній день я пошелъ къ Реѣ. Ее я нашелъ очень озабоченной, но оживленной, и она мнѣ сказала:

— Юній! Всѣ эти три дня я работала для нашего дѣла. Противъ насъ стоятъ сильные съ копьемъ и мечомъ, но мы идемъ на нихъ во имя Господа. Господь — защита наша, Богъ—твердыня убѣжища нашего. Не убоимся наступить на аспида и василиска; смѣло попремъ пятой льва и дракона. Ибо то, что̀ свершить намѣрены мы, свершится по волѣ Бога живого.

— Милая Реа,—возразилъ я,—говори со мною проще. Я христіанскихъ книгъ не читалъ, и мнѣ твои пророчества непонятны. Я готовъ помогать тебѣ, но скажи прямо, что̀ мы должны дѣлать.

Однако, Реа въ тотъ день не склонна была подчиняться правиламъ божественной логики и вмѣсто отвѣта, съ глазами, устремленными въ высь, сказала:

— Сегодня — день торжества великаго. Былъ градъ и огонь, смѣшанный съ кровью; большая гора, пылающая огнемъ, поверглась въ море; звѣзда Полынь пала на рѣки и источники водные; затмевалась третья часть солнца и третья часть луны и третья часть созвѣздій. Нынѣ падаетъ звѣзда съ неба и данъ ей ключъ отъ кладезя бездны. Намъ должно принять сей ключъ и отворить сіи врата.

Послѣ такихъ невразумительныхъ рѣчей я не сталъ вникать въ то, что̀ говорила дальше Реа, такъ какъ не почиталъ себя мудрѣе квиндецимвировъ, толкующихъ Сибиллины пѣсни. Реа же, продолжая пророчествовать, надѣла паллу, взяла приготовленный свертокъ, въ которомъ я не безъ страха угадывалъ присутствіе пурпуроваго колобія, и позвала меня итти за ней.

Мы вышли на улицу, когда уже смеркалось и сквозь зимній туманъ тускло свѣтили первыя звѣзды. Какъ всегда, Реа шла быстро и молча, а я за ней слѣдовалъ съ волненіемъ, въ которомъ тревога перемежалась любопытствомъ. Но такъ какъ человѣкъ привыкаетъ ко всему, то этотъ разъ я уже не испытывалъ въ душѣ прежней бури чувствъ, похожей на буйство всѣхъ четырехъ вѣтровъ, освобожденныхъ царемъ Эоломъ.

Помня первое пророчество Реи, я полагалъ, что она приведетъ меня къ какому-либо богатому дворцу, но вмѣсто того, пройдя много пустѣющихъ улицъ, мы остановились у дверей домика маленькаго и скромнаго. Реа увѣренно постучала дверным молоткомъ и, когда на стукъ никто не откликнулся, повторила ударъ. Послѣ долгаго промедленія кто-то подошелъ къ запертой двери и спросилъ, кто стучитъ.

— Странники міра, посланные благимъ демономъ,—отвѣтила Реа.

За дверью на это ничего не отвѣтили, и слышно было, что шаги удаляются; потомъ вновь кто-то подошелъ къ двери и произнесъ:

— По волѣ ли ты стучишься къ наасенамъ?

Реа отвѣтила:

— Мессіей распятымъ клянусь, что здѣсь друзья мудрости.

Тогда дверь раскрылась, и мы вошли.

Въ вестибулѣ было совершенно темно, какъ и въ остіи. Встрѣтившій насъ человѣкъ провелъ насъ черезъ атрій и, откинувъ занавѣсь, впустилъ въ небольшую комнату, слабо освѣщенную однимъ свѣтильникомъ. Тамъ за столомъ возлежало пять человѣкъ, уже немолодыхъ, съ чертами лица Греческими и Еврейскими; при нашемъ появленіи глаза всѣхъ внимательно обратились къ намъ. Приведшій насъ былъ тоже старикъ, съ длинной бородой, и онъ заговорилъ первымъ:

— Домъ Филòфрона,—сказалъ онъ,—всегда открытъ для странниковъ. Скажите, кто вы, путники, и я прикажу приготовить для васъ баню и умащенія, а потомъ предложу для утоленія вашего голода все, что̀ можетъ дать человѣкъ небогатый, какъ я.

— Филофронъ! — возразила Реа, — не лукавь! Не гостепріимства мы пришли у тебя искать, но мудрости, и не какъ добрый хозяинъ ты намъ открылъ двери своего дома, но какъ учитель. Во имя Распятаго вы собрались здѣсь, и во имя Распятаго мы вошли къ вамъ.

— Вы, добрые люди, вѣрно ошиблись,—возразилъ одинъ изъ сидѣвшихъ,—и не туда попали. Мы—бѣдные Евреи, ко-

торымъ позволено, по благости императора, спокойно исповѣдать вѣру отцовъ своихъ. Мы не ищемъ проселитовъ и ничему не учимъ. Мы сошлись здѣсь просто за тѣмъ, чтобы въ кругу друзей провести вечеръ субботній.

Но Реа, словно повинуясь голосу подсказывающаго ей бога, увѣренно устремилась впередъ, въ темный уголъ комнаты, гдѣ свѣшивалась тяжелая занавѣсь, укрѣпленная на желѣзной палкѣ. Безъ колебанія, Реа отдернула эту занавѣсь, и за ней, при мигающемъ свѣтѣ свѣтильника, открылся родъ алтаря, на которомъ было поставлено мѣдное изваяніе Змѣя. Присутствующіе невольно вскрикнули и поднялись съ мѣстъ, какъ будто готовые на насъ броситься, и на минуту меня охватилъ самый постыдный страхъ, такъ какъ я сознавалъ себя вполнѣ во власти этихъ людей, къ которымъ мы насильственно вторглись. Но Реа, царственнымъ движеніемъ руки остановивъ всѣхъ, сказала твердо:

— Къ чему вы хотите обмануть насъ? Развѣ вы не видите, что Духъ направилъ наши шаги къ вамъ и открылъ намъ часъ вашего собранія? Хорошо ли, зажегши факелъ, скрывать его подъ спудомъ? Голодныхъ хотѣли вы накормить; откажете ли въ подаяніи духовномъ алчущимъ правды?

Впечатлѣніе, произведенное рѣчью и поступкомъ Реи, было сильное. Всѣ смотрѣли на дѣвушку, гордо стоявшую передъ алтаремъ, удивленно пожимали плечами и обмѣнивались вполголоса словами на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Наконецъ, одинъ старикъ-Еврей, лицо котораго было примѣчательно большимъ шрамомъ, разсѣкавшимъ его лобъ сверху до низу, сказалъ такъ:

— Если вы, путники, пришли отъ нашихъ друзей, изъ Египта, то дайте намъ знакъ...

— Нѣтъ,—возразила Реа,—мы никѣмъ изъ друзей вашихъ не посланы. Но не опасайтесь, что въ насъ вы найдете враговъ. Не такъ приходятъ соглядатаи, подосланные магистромъ. Мы пришли съ открытой душой, не таитесь отъ насъ и вы. Мы—братья ваши по духу, хотя и не связаны еще съ вами клятвой.

Все время, пока происходилъ этотъ странный разговоръ, я стоялъ въ сторонѣ, не зная, что мнѣ должно дѣлать, и, вѣроятно, былъ похожъ въ самомъ дѣлѣ на лазутчика изъ школы agentes in rebus. Между тѣмъ Еврей со шрамомъ на лбу, котораго другіе называли Манагимъ, подумавъ, отвѣтилъ:

— Темны твои рѣчи, дѣвушка. Но мы твоимъ словамъ вѣримъ. Садись съ нами, участвуй въ нашей бесѣдѣ и скажи, чего ты отъ насъ хочешь.

Всѣ снова помѣстились вокругъ стола, и Реа заговорила, удивляя меня своей твердостью и умѣніемъ во всѣхъ обстоятельствахъ сохранять обладаніе собой. Въ кругу чужихъ и враждебныхъ людей, которыхъ видѣла она впервые, она себя держала, какъ власть имѣющая, и скорѣе повелѣвала, чѣмъ задавала вопросы. Такимъ, конечно, былъ богоравный Улиссъ, когда, не открывъ своего имени, сидѣлъ у Феакійцевъ на пиру въ домѣ царя Алкиноя и царицы Ареты.

На первые вопросы Реи Филофронъ и другіе гости отвѣчали уклончиво; но было въ голосѣ Реи и во всемъ существѣ ея какое-то особое магическое очарованіе, которое нѣсколько разъ я испытывалъ на самомъ себѣ. Постепенно и тѣ шестеро человѣкъ, которые такъ неохотно и съ такими опасеніями допустили насъ на свое собраніе, поддались этому тайному вліянію юной пророчицы. Притомъ изумляло всѣхъ то знаніе Писанія, какое проявляла Реа, и я видѣлъ, какъ нѣсколько разъ, выслушавъ ея объясненія того или другого текста, Манагимъ и Филофронъ обмѣнивались восхищеннымъ взглядомъ.

— Поистинѣ, Всевышій просвѣщаетъ твой умъ!—воскликнулъ одинъ разъ Манагимъ, не имѣя силъ сдержать своего восторга.

Другіе на эти слова одобрительно закивали головами.

— Скажи намъ, кто ты, дѣвушка?—спросилъ, наконецъ, Филофронъ,—почему пришла къ намъ, что имѣешь открыть намъ.

— Нѣтъ!—возразила властно Реа.—Сначала вы скажите

намъ, не утаивая ничего, во что вѣруете, чему поклоняетесь, чего ожидаете.

Уже настолько овладѣла Реа душами присутствующихъ, что никому ея требованіе не показалось неумѣстнымъ. Словно подъ какимъ-то очарованіемъ были эти старики, которые согласны были повѣрить свои завѣтныя тайны невѣдомой дѣвушкѣ, пришедшей къ нимъ неизвѣстно откуда, даже имени которой они не знали. И, смотря на такое удивительное ослѣпленіе людей пожилыхъ и опытныхъ, я не удивлялся болѣе, что надо мной, юношей, Реа проявляла порой неодолимую власть.

Манагимъ сказалъ:

— Я тебѣ открою все до конца, такъ какъ вижу, что истинно по волѣ Сущаго ты пришла къ намъ.

Свѣтильникъ продолжалъ мигать, раскачивая на стѣнахъ тѣни возлежавшихъ. Бронзовая Змѣя на алтарѣ словно выгибала и распрямляла свои кольца и все выше подымала свой плоскій черепъ, съ высунутымъ изъ пасти жаломъ. Два изумруда, вставленныхъ въ ея голову, на мѣстѣ глазъ, зловѣще сверкали при каждой вспышкѣ огня. Сѣдыя бороды стариковъ ближе нагнулись къ столу. Совершенная тишина наступила въ комнатѣ, и Манагимъ началъ говорить голосомъ очень тихимъ, почти шопотомъ, съ той суровой осторожностью, съ какой повѣряютъ важныя тайны.

— Великое я вамъ открою, путники. Узнайте же, что не Единый сотворилъ сей міръ. Сынъ предвѣчнаго Хаоса, Іалдабаодъ, создалъ солнце, луну и звѣзды, а духи планетъ, повинуясь ему, создали, по образу и подобію своему, человѣка, чтобы тѣшиться имъ, какъ игрушкой своей гордости. Тогда Сущій, по милосердію своему, вдохнулъ въ человѣка духъ божественный. Въ гнѣвѣ, Іалдабаодъ послалъ Оміоморфа, духа змѣеобразнаго, но не подлиннаго Змѣя, чтобы лукавыми рѣчами воспретить людямъ вкушать отъ древа Познанія. Но Верховная Софія, принявъ свой истинный обликъ Змѣя, раскрыла коварство вѣчнаго Врага. Адамъ вкусилъ отъ запретнаго плода и, ставъ мудрымъ, какъ боги, постигъ

въ себѣ вѣянье духа божественнаго и безсмертнаго. Страшась съ того часа своего собственнаго творенія, изгналъ Іалдабаодъ людей изъ кущей райскихъ и вселилъ ихъ на землю, низшее изъ небесныхъ тѣлъ. И чтобы вернуть ихъ къ поклоненію себѣ, онъ воздвигъ среди людей Мессію, который долженъ былъ учить о величіи и славѣ сына Хаоса. Однако, не покинулъ благой Заступникъ человѣческій родъ и на землѣ, но исполнилъ Мессію духомъ истины, такъ что сталъ онъ Христомъ, учителемъ правды. Тѣломъ распятый на крестѣ, духомъ вознесся Христосъ на небо, и нынѣ ведетъ великую борьбу съ злымъ демономъ, чтобы въ концѣ временъ лишить его владычества и посрамить вполнѣ. Люди, сотворенные Іалдабаодомъ на погибель, должны черезъ Христа найти путь послѣдняго познанія и вернуться къ сліянію съ первымъ небеснымъ Эономъ, верховной Премудростью. Такова тайна міра, дѣвушка, которую мы хранимъ, принявъ отъ вдохновленныхъ Богомъ учителей. Такова великая борьба между демономъ злымъ и добрымъ демономъ, длящаяся понынѣ, въ которой всѣмъ на землѣ надлежитъ участвовать. Смотри на это изображеніе древняго Змѣя, дѣвушка, и помни, что это онъ открылъ людямъ силу Познанія и далъ имъ узнать, что они божественны и безсмертны. Змѣю и Христу поклонимся, братья, ибо черезъ нихъ явилась намъ предвѣчная Софія. Имъ послужимъ и ихъ возблагодаримъ!

За послѣднее время я много слышалъ бредней разныхъ мечтателей, воображавшихъ, что они проникли въ сущность вселенной, но все же меня поразила до крайности эта проповѣдь стараго Еврея, въ которой мудрость новой философіи причудливо смѣшивалась съ ученіемъ христіанъ и съ откровеніями Гермеса Трисмегиста. Одно мгновеніе я могъ думать, что Манагимъ смѣется надъ нами, но его сотоварищи, противъ ожиданія увлеченные его рѣчью, какъ по призыву верховнаго жреца, поднялись съ ложа и запѣли какой-то гимнъ, только не на Латинскомъ языкѣ, а, можетъ быть, на Еврейскомъ или Египетскомъ. Въ то же время одинъ изъ участниковъ собранія подошелъ къ алтарю и возжегъ на немъ ку-

ренія, такъ что комната освѣтилась, а бронзовый Змѣй весь заблисталъ, и словно совсѣмъ ожилъ, качаясь, растягиваясь и выше подымая голову въ жертвенномъ дыму.

Я предпочелъ бы бѣжать изъ этого сборища змѣепоклонниковъ, но Реа, вдругъ перемѣнивъ свой смиренный видъ на осанку исполненной богомъ Сибиллы, словно сбросивъ личину, вся выпрямилась и заговорила голосомъ звенящимъ и повелительнымъ. Она въ ту минуту вновь стала той пророчицей, какою я ее видѣлъ въ Римѣ на собраніи ея единомышленниковъ, изступленной, какъ жрица Бакха, и безумной, какъ Аполлонова пиѳія. Такъ сказала она своимъ пораженнымъ изумленіемъ слушателямъ:

— Поклонники Змѣя! Какъ нѣкогда Павелъ среди Аѳинянъ, по всему вижу, что вы благочестивы. Но и въ вашемъ капищѣ написано: невѣдомому Богу. Сего, Котораго вы, не вѣдая, чтите, я и пришла проповѣдать вамъ. Истиной владѣете вы, но не въ полной мѣрѣ. Вижу въ ученіи вашемъ ея зерно, которое прорастить должно. Трижды козни того, кого вы именуете Іалдабаодомъ, были разрушены высшей Премудростью. Іалдабаодъ сотворилъ человѣка на поношеніе: Господь вложилъ въ него духъ божественный. Іалдабаодъ послалъ Змѣеподобнаго демона—дать лукавую заповѣдь о невкушеніи плодовъ отъ райскаго древа: Господь явилъ истиннаго Змѣя, открывшаго пути Познанія. Іалдабаодъ воздвигъ Мессію—вернуть людей къ поклоненію себѣ: Господь обратилъ Мессію во Христа. Узнайте же и вы, что нынѣ новый соблазнъ замыслилъ Врагъ, и не кто другой, какъ я, поставлена Господомъ одолѣть Лукаваго. Се—идетъ въ міръ тотъ, кого народы назовутъ Антихристомъ: но волею Господа долженъ онъ стать Христомъ, вторично пришедшимъ, Судіею праведнымъ, Который возблеститъ, какъ молнія, что̀ исходитъ отъ Востока и видна бываетъ даже до Запада. Не вѣдаете вы, что времена приблизились и сроки исполнились, но я вамъ о томъ возвѣщаю. Я — ангелъ демона добраго. Я пришла указать вамъ пути новые. Мнѣ дано указать вамъ того, кому отнынѣ вы должны поклоняться. Не дано будетъ болѣе от-

срочки ни на одно время, ни на полвремени. Поспѣшите повиноваться, потому что горе тѣмъ, кого Женихъ застанетъ не бодрствующими!

Такимъ яростнымъ голосомъ произнесла это Реа, такъ величественна она была съ высоко поднятой головой, съ глазами, расширенными и словно пронизывающими насквозь, что, повидимому, всѣ, и я въ томъ числѣ, были охвачены какимъ-то трепетомъ ужаса. Но одну минуту всѣ были въ колебаніи, и я чувствовалъ, что можетъ произойти одно изъ двухъ: или змѣепоклонники, вдругъ очнувшись отъ того очарованія, которое порабощало ихъ, прозрѣвъ внезапно отъ своей временной слѣпоты, въ негодованіи кинутся на насъ, какъ на дерзкихъ обманщиковъ, осыплютъ насмѣшками и бранью, съ побоями вытолкаютъ за дверь, какъ непрошенныхъ проповѣдниковъ, или, повѣривъ словамъ Реи, признаютъ въ насъ истинныхъ посланниковъ своего Бога и преклонятся предъ нами. И вотъ—вдругъ самъ Манагимъ, сразу утративъ свою учительскую увѣренность, воздѣлъ руки въ высь и воскликнулъ, весь дрожа:

— Братья! я вѣрую! Истинно говорю вамъ, Премудрость говоритъ ея устами.

Это восклицаніе было какъ бы знакомъ. Другіе, какъ стадо, бросающееся, закрывъ глаза, за вожакомъ въ пропасть, ринулись къ Реѣ, цѣловали подолъ ея паллы, повторяли слова поклоненія, смотрѣли на нее, какъ на представшую имъ богиню. Я видѣлъ, что иные даже плакали отъ умиленія.

Когда первый порывъ восторга миновалъ, Реа спросила повелительно:

— Гдѣ юноша? почему вы его скрыли отъ насъ?

Опять на минуту наступило неловкое молчаніе, и Филофронъ проговорилъ неувѣренно:

— О какомъ юношѣ ты говоришь? Среди насъ нѣтъ юношей...

— Филофронъ,—строго возразила Реа,—для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ твое сердце—солгать Духу Святому? Не человѣку ты солгалъ, но Богу.

Старикъ передъ этимъ упрекомъ юной дѣвушки смутился, какъ малый школьникъ, и торопливо вышелъ изъ комнаты. Онъ возвратился тотчасъ же, и за нимъ съ испуганнымъ видомъ шла пожилая женщина, Гречанка по виду, и юноша лѣтъ четырнадцати, напротивъ того, съ лицомъ самоувѣреннымъ и вызывающимъ. У юноши было лицо Виѳинскаго Антиноя, не приглаженные волосы образовывали ореолъ надъ челомъ, словно мраморнымъ, дѣтскіе, но необычно большіе глаза смотрѣли надменно, а прекрасныя, чисто Греческія губы были ярко-алы и на блѣдномъ лицѣ казались только-что нанесенной раной, обагренной чистой, свѣжей кровью. Такъ былъ прельстителенъ юноша красотой лица и гибкостью движеній, что если бы его въ эту минуту увидѣлъ отецъ Боговъ, онъ вновь послалъ бы своего молніеноснаго орла, чтобы унести на Олимпъ новаго соперника Ганимеду.

— Юній!—сказала мнѣ Реа:—исполнимъ наше счастливое дѣло!

Не отдавая отчета въ своихъ поступкахъ, повинуясь безвольно, я приблизился къ Реѣ, а она быстро развязала свой свертокъ, и пурпуровый колобій заблисталъ при огняхъ свѣтильника и алтарныхъ куреній. Мы оба опустились на колѣни предъ юношей, какъ преклонялись недавно патриціи и сенаторы предъ Граціаномъ, и Реа торжественными движеніями облекла Антиноя въ императорскую одежду. Еще прекраснѣе показался онъ въ пурпуровомъ плащѣ, оттѣнившемъ бѣлизну его лица и стройно облегшимъ его станъ. Или не понимая, что̀ съ нимъ дѣлаютъ, или привыкнувъ къ поклоненіямъ на тайныхъ служеніяхъ Змѣю, юноша стоялъ передъ нами безмолвный, но не опуская лучистыхъ глазъ.

Вторично преклонившись, Реа произнесла торжественно:

— Привѣтъ, привѣтъ, привѣтъ, трижды блаженный! По велѣнію Духа Святаго я, служительница Грядущаго, первая возлагаю на тебя знаки твоей власти. Нынѣ видѣли очи мои спасеніе міра.

Изъ присутствующихъ никто не сказалъ ни слова, не сдѣлалъ ни одного движенія, чтобы помѣшать Реѣ: змѣепоклон-

ники приняли все совершившееся, какъ должное. Реа же, вставъ, сказала кратко:

— Я еще вернусь къ вамъ. Теперь проводите насъ къ выходу. Оставайтесь съ миромъ и помните мои слова.

И опять никто не возразилъ ничего, такъ какъ всѣми владѣло какое-то обаяніе. Филофронъ, взявъ въ руки лампаду, показалъ намъ путь и съ низкимъ поклономъ открылъ дверь. Мы вышли на улицу.

Я, за все время нашего недолгаго пребыванія въ домѣ Филофрона не произнесшій ни слова, съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій ночной воздухъ. Но Реа, до конца сохранившая рѣдкое обладаніе собой, внезапно словно опьянѣла отъ восторга или помѣшалась отъ радости. Она сдѣлалась совершенно другой, не похожей на ту, которой была среди змѣепоклонниковъ, стала смѣяться и плакать, обнимала меня порывисто и восклицала громко, забывъ, что насъ могутъ услышать прохожіе:

— Милый Юній! мой Юній! Благодарю тебя. Ты сдѣлалъ меня самой счастливой на землѣ. Ты далъ мнѣ увидѣть то, на что я не надѣялась. Я знала, что Богъ привелъ меня къ тебѣ.

— Помилуй, Реа,—возразилъ я,—все сдѣлала одна ты. Я тебѣ ничѣмъ не помогъ и ни на что не былъ нуженъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторяла Реа.—Это—ты, это—ты! Ты меня привелъ сюда! Ты мнѣ далъ силы говорить и одержать побѣду! Я готова поклоняться тебѣ, я готова цѣловать тебѣ ноги!

Реа заставила меня войти къ ней и въ своей комнатѣ предалась новому порыву радости. Она хохотала, совсѣмъ какъ сумасшедшая, произносила рѣчи безсвязныя, бросалась то на ложе, то на полъ, и, дѣйствительно, пыталась цѣловать мнѣ ноги и руки. Наконецъ, схвативъ меня въ свои объятія, перешла къ тому изступленію страсти, какое я у нея уже видѣлъ раньше, и не выпускала меня изъ своихъ рукъ, пока я не сталъ отвѣчать на ея вызовы. Такъ этотъ вечеръ, начатый служеніемъ Змѣю, закончился служеніемъ Аматусіи, и я, поздно ночью возвращаясь въ домъ Коликарія, уносилъ смуту въ душѣ отъ зрѣлища человѣческаго безумія и истому въ тѣлѣ отъ долгихъ любовныхъ ласкъ.

IX.

Послѣ этого дня началась для меня въ Медіоланѣ жизнь необычная и совершенно непохожая на ту, которую я могъ ожидать, уѣзжая изъ Рима.

Съ дѣлами нашего посольства я почти ничего не имѣлъ общаго, и, продолжая жить въ домѣ Коликарія, часто за цѣлый день не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ Римскихъ сенаторовъ. Порой даже обѣдать мнѣ приходилось одному, такъ какъ Симмахъ и его сотоварищи уходили изъ дому для таинственныхъ переговоровъ съ друзьями Юстины, на которые меня съ собой не брали. Только изрѣдка Симмахъ призывалъ меня въ свою комнату для мелкихъ письменныхъ работъ, но, обезпокоенный неудачами и утомленный хлопотами, онъ не вступалъ со мной въ разговоры, былъ вообще молчаливъ и угрюмъ.

Зато каждодневно я бывалъ у Реи, которая все болѣе и болѣе привлекала меня къ себѣ причудливостью своей души, необъяснимой таинственностью своей жизни и своимъ неподдѣльнымъ расположеніемъ ко мнѣ. Мнѣ нравились ея рѣчи, пересыпанныя словами изъ христіанскихъ священныхъ книгъ, часто мало понятныя, почти всегда восторженныя; меня прельщали ея внезапные переходы отъ ликованія къ отчаянію, отъ разумной дѣловитости къ явному безумію; наконецъ, мнѣ все болѣе желанными становились тѣ ея ласки, которыя, въ иные вечера, она внезапно расточала мнѣ со щедростью гетеры

или участницы ночныхъ служеній Пріапу, тогда какъ въ другое время оставалась холодной и неприступной, готовой, какъ Лукреція, скорѣе умереть, чѣмъ нарушить цѣломудріе.

Но, сближаясь съ Реей, я все же не могъ проникнуть сквозь покровъ тайны, окружавшей ее, подобно облаку, которымъ боги окутывали въ пѣсняхъ Гомера героевъ, когда желали ихъ сдѣлать незримыми. Рѣ случалось уходить изъ дому на цѣлый день, и никто не зналъ, куда она шла и что̀ дѣлала въ Медіоланѣ, и хозяинъ дома, гдѣ она жила, встрѣчавшій меня, какъ добраго пріятеля и единомышленника, никогда не могъ мнѣ дать объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Мнѣ случалось видѣть, какъ Реа бесѣдовала съ людьми самыми различными, отъ сановниковъ, въ расшитыхъ золотомъ тогахъ, и воиновъ, съ краснымъ цингуломъ и золотой пряжкой, до простыхъ ремесленниковъ, въ грубыхъ ленахъ, и оборванныхъ нищихъ, похожихъ на ночныхъ грабителей; но она не отвѣчала мнѣ на вопросы, откуда она ихъ узнала и какія у нея съ ними дѣла. Живя весьма скромно, Реа, однако, всегда имѣла въ своемъ распоряженіи какія-то деньги, происхожденіе которыхъ мнѣ тоже было непонятно, и только одинъ разъ, безъ всякаго смущенія или стыда, она попросила меня дать ей золотой солидъ, что̀ я, разумѣется, тотчасъ исполнилъ.

Не менѣе загадочной оставалась для меня душа Реи, и попрежнему я не зналъ, считать ли ее въ числѣ лишенныхъ разсудка, которой ея безумныя грезы представляютъ, какъ дѣйствительность, то, чего нѣтъ, или почитать ея вдохновленной нѣкіимъ богомъ, причемъ лишь наша слѣпота побуждаетъ насъ не вѣрить ей, какъ нѣкогда не вѣрили Трояне прорицаніямъ Александры. Иногда я почти готовъ былъ предположить, что Реа просто распутная дѣвушка, прикрывающая свои исканія сладострастія вымышленными исторіями о скоромъ пришествіи Антихриста, въ котораго сама не вѣритъ; въ другіе часы своей скромностью, своимъ непритворнымъ негодованіемъ при всякомъ вольномъ словѣ, которое я рѣшался произнести, Реа заставляла меня думать, что поры-

вамъ страсти она предается противъ воли, можетъ быть, одержимая въ эти минуты демономъ. Цѣлыми часами Реа могла говорить разумно, выказывая много сообразительности и разностороннія познанія, но потомъ неожиданно переходила къ безсвязнымъ восклицаніямъ и предсказаніямъ, воображая себя какой-то Еврейской пророчицей.

Первоначально я былъ увѣренъ, что къ Реѣ меня привлекаетъ прежде всего любопытство, потомъ то одиночество, въ которомъ я оказался въ Медіоланѣ, наконецъ, желаніе найти въ ней помощницу для исполненія моихъ замысловъ; но мало-по-малу встрѣчи съ ней сдѣлались для меня и привычкой, и сладостной необходимостью. Темная тоска порабощала меня, если долгое время я не видѣлъ Реи, и я спѣшилъ изъ богатыхъ покоевъ Коликарія въ ея скудную комнату, втайнѣ надѣясь, что въ этотъ день странная дѣвушка вновь пожелаетъ любовныхъ ласкъ. О Гесперіи я все болѣе и болѣе думалъ, какъ о чемъ-то далекомъ, отъ чего меня отдѣляютъ цѣлые года, или какъ не о живой женщинѣ, а объ одной изъ сонма безсмертныхъ, и, хотя не забывалъ ея божественнаго лица, ея улыбки, столь сладостной, что она, по словамъ поэта, напоминала полную луну, выплывающую изъ-за тучи, однако, уже не находилъ въ душѣ тѣхъ чувствъ, которыя меня заставляли такъ страдать и такъ наслаждаться въ Римѣ. И если я упорно продолжалъ искать способовъ выполнить данное обѣщаніе, то теперь уже больше потому, что оно было подкрѣплено страшной клятвой, и потому, что личность Граціана, послѣ всего пережитаго въ Медіоланѣ, возбуждала во мнѣ ненависть и отвращеніе, чѣмъ изъ стремленія жизнь свою возложить на алтарь Любви, какъ свой самый драгоцѣнный даръ. Не разъ съ горечью я даже говорилъ себѣ, что, пользуясь чарами своей красоты и моимъ юношескимъ увлеченіемъ, посылая меня ради своихъ цѣлей на вѣрную гибель, Гесперія поступала скорѣе, какъ Скиѳская царица Томирида, чѣмъ какъ Римлянка, воспитавшая свой духъ на книгахъ философовъ и на созданіяхъ художниковъ.

Тѣмъ не менѣе я продолжалъ убѣждать Рею, такъ какъ ни отъ кого другого не могъ ожидать содѣйствія, что наше дѣло не завершено, пока мы не расчистили вполнѣ путь къ императорскому трону тому, кто долженъ на него возсѣсть, дабы царствовать надъ всѣми народами. Какъ ни слабы были мои доводы, ихъ было достаточно, чтобы легко всѣмъ увлекающаяся Реа приняла мою мысль, какъ свое собственное убѣжденіе. Готовая, подобно дочерямъ Даная, безъ устали работать хотя бы надъ неисполнимымъ предпріятіемъ, она принялась за осуществленіе моего замысла съ такой настойчивостью и съ такой ловкостью, которыя для меня были недостижимы.

Послѣ одного изъ своихъ таинственныхъ исчезновеній, продолжавшагося почти цѣлыя сутки и заставившаго меня мучиться скрытой и неожиданной ревностью, Реа сообщила мнѣ, что нашла возможность безпрепятственно проникать въ священный дворецъ. Гдѣ-то ей удалось завести знакомство съ однимъ старикомъ, по имени Питаратъ, занимавшимъ видное положеніе среди дворцовыхъ педагоговъ. Реа увѣряла меня, что онъ имѣетъ полную возможность вводить во дворецъ кого угодно, и совѣтовала мнѣ заручиться его дружбой. Мы придумали басню, будто я намѣренъ написать стихотвореніе въ похвалу императору и желаю ознакомиться съ покоями дворца, чтобы описаніе ихъ вставить въ свою поэму. Подъ такимъ предлогомъ началось мое знакомство съ Питаратомъ.

Для перваго разговора я позвалъ его въ одну изъ лучшихъ копонъ Медіолана и угостилъ секстатріемъ привознаго Греческаго вина.

Питарату было лѣтъ шестьдесятъ; онъ былъ плѣшивъ, выбритъ начисто, и его маленькая, круглая голова, со старческими, всегда прищуренными глазами и множествомъ мелкихъ морщинъ, собравшихъ всю кожу лба и щекъ, казалась случайно приставленной къ тѣлу, еще крѣпкому и не согнутому старостью. Онъ носилъ квадратный Греческій гиматій и всегда ходилъ съ толстой палкой, потому что хромалъ на

одну ногу. Всю свою молодость онъ служилъ морякомъ, плавалъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ моряхъ земного круга, но, сломавъ ногу во время кораблекрушенія, долженъ былъ оставить это дѣло и, при содѣйствіи какого-то патрона, получилъ мѣсто во дворцѣ, не требовавшее особой работы и, по его признанію, доходное.

Какъ всѣ старики, Питаратъ любилъ болтать, и мнѣ въ первый же день пришлось выслушать не мало его разсказовъ о путешествіяхъ, буряхъ, дивныхъ странахъ за морями, чудесныхъ животныхъ и о всемъ подобномъ.

— Теперь, юноша, мореплаваніе падаетъ, — говорилъ, между прочимъ, Питаратъ, охотно осушая кубокъ за кубкомъ,—но въ мое время мы еще дѣлали славныя поѣздки! Зато я все на землѣ видѣлъ собственными глазами и знаю, что вездѣ одно и то же! Меня уже не проведутъ разсказчики разныхъ небылицъ, которыя ты самъ, вѣроятно, слушалъ, развѣсивъ уши. Много теперь развелось молодыхъ краснобаевъ, которые на дѣлѣ нигдѣ дальше Александріи не бывали, а о чужихъ земляхъ сочиняютъ всякія сказки, одна страшнѣй другой. Теперь что! Всѣ товары Индійскіе и изъ земли Синовъ идутъ къ намъ черезъ Аксомитовъ или Персовъ,—вотъ и приходится намъ переплачивать вдесятеро. А я еще плавалъ на Египетской торговой триремѣ, которая изъ Міосъ-Гормоса такъ прямо и поплыла сначала на Салику, потомъ въ Каттигару. Надо тебѣ сказать, что Эритрейское море такое, что дуютъ на немъ только два вѣтра; лѣтомъ съ Запада, а зимою съ Востока. Мы сорокъ дней плыли такъ, что не было видно земли ни справа, ни слѣва, небо да вода—и только. Приплыли въ Метору, гдѣ слоновъ на улицахъ столько же, какъ у насъ лошадей, и что же ты думаешь? тамошніе люди, въ чалмахъ, пьютъ вино Фалернское и Лаодикейское, одѣваются въ Арсинойскія ткани, украшаютъ свои столы Ѳиванскимъ стекломъ, и ставятъ въ домахъ статуи нашихъ художниковъ! Потомъ столько же дней мы плыли до страны Синовъ, и тамъ тоже всѣ слышали о имперіи, ждали нашихъ товаровъ, а женщины только и меч-

тали, чтобы нашей сурьмой подвести себѣ глаза! Притомъ вездѣ ходятъ наши деньги, золотыя, серебряныя и мѣдныя. и Индійцы припрятываютъ ихъ столь же охотно, какъ Римскіе граждане. Да, юноша, есть на свѣтѣ и диковинки, но люди вездѣ одни и тѣ же. И ужъ если это тебѣ говоритъ старый Питаратъ, который избороздилъ землю отъ Восхода Солнца до Заката, такъ если другой скажетъ, будто за моремъ живутъ великаны или люди крылатые, плюнь ему въ глаза.

Такой выводъ, однако, не помѣшалъ Питарату тутъ же мнѣ разсказать совершенно невѣроятную исторію о лѣсномъ народѣ обезьянъ, живущемъ на островахъ Сатировъ, съ которымъ онъ и его товарищи-моряки будто бы вели войну. Лѣсные люди покрыты съ головы до ногъ шерстью, лицо у нихъ странное, съ клыками, подобное волчьему, голосъ дикій, не похожій на человѣческій, ходятъ они, упираясь въ землю руками, которыя у нихъ непомѣрной длины. Силы они необыкновенной и могутъ вырывать съ корнемъ цѣлыя деревья или ворочать огромные камни, должно быть такіе, о которыхъ сказалъ поэтъ, что ихъ не возложили бы на плечи и „дважды шесть“ современныхъ намъ людей. Живутъ лѣсные люди на деревьяхъ, въ гнѣздахъ, питаются плодами, но иногда дѣлаютъ нападенія на туземцевъ, главнымъ образомъ, чтобы похитить у нихъ женщинъ, до которыхъ очень падки.

Я сдѣлалъ видъ, что вѣрю и такой нелѣпости, и слушалъ послѣ разсказы о другихъ путешественникахъ, которые проникали въ отдаленнѣйшую Рапту, гдѣ слоновая кость валяется по дорогамъ, какъ булыжники, въ страну Лунныхъ горъ, гдѣ изъ озеръ, похожихъ на моря, вытекаютъ двѣ рѣки, образующихъ священный Нилъ, о безстрашныхъ мореплавателяхъ, которые, переплывъ Океанъ, нашли за нимъ новую землю, громадные острова, бо̀льшіе, чѣмъ Азія, Ливія и Европа, взятыя вмѣстѣ, и о многомъ другомъ, что̀ я могъ отнести только къ числу тѣхъ небылицъ, о которыхъ съ такимъ негодованіемъ упоминалъ Питаратъ въ началѣ своей рѣчи.

Когда вина было выпито много и еще больше разсказано удивительныхъ приключеній, я приступилъ къ почтенному педагогу со своими просьбами. Онъ нисколько имъ не удивился, что̀ меня нѣсколько встревожило, и выразилъ полную готовность показать мнѣ весь дворецъ, проводить меня по всѣмъ комнатамъ отъ первой до послѣдней, по всѣмъ проходамъ и заламъ и даже дать мнѣ возможность проникнуть въ опочивальню императора. Впрочемъ, Питаратъ добавилъ, что за такую услугу я буду долженъ ему заплатить, потому что онъ, если его содѣйствіе станетъ извѣстнымъ, можетъ лишиться своего мѣста, и я, конечно, это нашелъ вполнѣ справедливымъ.

Когда я сообщилъ Реѣ объ обѣщаніяхъ Питарата, она по-дѣтски захлопала въ ладоши и воскликнула радостно:

— Видишь теперь, Юній, что явно самъ Господь покровительствуетъ намъ, все трудное дѣлая легкимъ и все невозможное—доступнымъ! Бремя Его легко и иго Его—благо!

Меня, однако, мучили темныя предчувствія, и въ ту же ночь мнѣ приснился страшный сонъ, въ которомъ мнѣ казалось, что лукавый Питаратъ, въ видѣ громаднаго, раздутаго паука, прядетъ передо мною прочную паутину и зоветъ меня ласковымъ голосомъ: „Плыви ко мнѣ, юноша, плыви,—вѣтеръ попутный!“ Какъ ни мало былъ я опытенъ въ сноtолкованіяхъ, однако, не могъ не понять, что мое сновидѣніе предвѣщаетъ мнѣ недоброе. И унылая тоска, долго владѣвшая мною послѣ пробужденія, подтверждала мнѣ, какъ вѣрный признакъ, что сновидѣніе было правдивое.

Это не помѣшало мнѣ въ назначенный день прійти къ старому моряку, жившему въ самомъ дворцѣ, въ его задней части,—на „кормѣ“, какъ говорилъ онъ,—въ маленькой комнаткѣ, украшенной причудливыми вещами, которыя онъ привезъ изъ своихъ странствій: Индійскими дротиками, масками, выдѣланными въ странѣ Синовъ, Египетскими амулетами, Персидскими вышивками и тому подобнымъ. Тщательно пересчитавъ принесенныя мною деньги, Питаратъ ихъ спряталъ въ кованый ларецъ съ хитрымъ замкомъ и потомъ, дѣй-

ствительно, повелъ меня во дворецъ, гдѣ тогда императора не было, такъ какъ онъ, несмотря на зимнее время, уѣхалъ охотиться въ свое помѣстье подъ городомъ.

Оказалось, что проникнуть во дворецъ съ задняго хода не такъ трудно, какъ мнѣ это думалось: входъ не охранялся рѣшительно никѣмъ, если не считать двухъ рабовъ, которые были заняты въ тотъ день мытьемъ пола и которыхъ при случаѣ можно было или обмануть, или подкупить. Я снова увидѣлъ грубое великолѣпіе императорскихъ покоевъ, безвкусное нагроможденіе золота, бронзы, разноцвѣтныхъ мраморовъ, посредственныхъ статуй и христіанскихъ изображеній. Разумѣется, я постарался хорошо запомнить дорогу, черезъ безчисленные проходы, къ опочивальнѣ Граціана, гдѣ стояло его громадное ложе, украшенное распятіемъ и Римскими орлами; ложе было закрыто парчевыми завѣсами, на которыхъ была вышита исторія какого-то христіанскаго святого, и я подумалъ, что за этими тяжелыми тканями легко спрятаться незамѣтно и дождаться удобнаго часа въ ночи, чтобы нанести ударъ безъ промаха.

Питаратъ, получивъ деньги, былъ особенно любезенъ, прихрамывая, бѣгалъ передо мной и говорилъ безостановочно: то объяснялъ назначеніе той или другой комнаты, того или другого предмета, охотно приводя сравненія изъ корабельнаго міра, называя окна колумбаріями, колонны—мачтами, залы—палубами, то возвращался къ разсказамъ о своихъ путешествіяхъ по чудеснымъ странамъ и невѣдомымъ морямъ. Но я все менѣе и менѣе довѣрялъ его благожелательности и всячески старался разсѣять подозрѣнія, какія могли у него возникнуть, добросовѣстно играя роль поэта и вслухъ подбирая разныя пышныя выраженія для прославленія священнаго дворца и его божественнаго обитателя.

X.

Вскорѣ послѣ этого моего посѣщенія священнаго дворца, Симмахъ передалъ мнѣ два письма: одно было отъ моего отца изъ нашей Лакторы, другое—отъ Гесперіи изъ Рима.

Письмо отъ отца было длинное. Въ немъ вполнѣ выражалась его душа, — душа истиннаго Римлянина, достойнаго жить въ лучшія времена, нежели наше, за которую сограждане называли его новымъ Катономъ, а я не только любилъ сыновней любовью, но и почиталъ, какъ живой образецъ доблести. Вотъ что̀ писалъ мнѣ отецъ:

„Стало мнѣ извѣстно, мой любезнѣйшій сынъ, что ты, прервавъ свои занятія въ школѣ и принявъ участіе въ посольствѣ отъ Сената Римскаго, съ прославленнымъ Авреліемъ Симмахомъ, поѣхалъ въ Медіоланъ, гдѣ нынѣ пребываетъ августъ. Излишне было бы говорить, какъ высоко я чту значеніе Сената и сколь я желаю, чтобы ты свои поступки всегда сообразовалъ съ его волей и съ его рѣшеніями, въ которыхъ слышится голосъ самого народа Римскаго. Также я думаю, что близость къ Квинту Аврелію Симмаху, человѣку достойнѣйшему, потомку славныхъ Авреліевъ и писателю, сочиненія котораго уже теперь всѣми встрѣчаются съ большой хвалой, можетъ быть для тебя полезна и благодѣтельна. Однако, я все-таки тѣмъ, что ты не исполнилъ моихъ наставленій и измѣнилъ свою жизнь, не спросивъ моего совѣта и разрѣшенія, крайне огорченъ.

„Ты находишься еще въ томъ возрастѣ, когда рано самому выбирать дорогу жизни, но должно слѣдовать указаніямъ людей старшихъ и болѣе опытныхъ. Юность безъ разсужденія готова взяться за всякое дѣло и съ жадностью устремляется на все новое, думая, что у нея для всего достанетъ силъ, и нетерпѣливо желая все испытать. Но опытъ учитъ насъ, что истинная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы соразмѣрять свои плечи съ бременемъ, которое собираешься поднять, и не браться за трудъ, который превышаетъ твои силы. Надо искать дѣла сообразно со своими способностями, а не со своими желаніями. Я послалъ тебя въ Городъ съ тѣмъ, чтобы ты расширилъ свои познанія и, изъ уроковъ философіи, научился отличать хорошее отъ дурного, подготовивъ тѣмъ себя для честнаго служенія отечеству, что̀ есть нашъ первый долгъ. Такая задача вполнѣ по твоимъ силамъ, и тебѣ надлежало сначала ее выполнить, и лишь потомъ ты могъ бы думать, на какомъ поприщѣ и какимъ путемъ тебѣ всего лучше использовать свои знанія и свои дарованія къ пользѣ имперіи.

„Присоединившись къ числу людей, которые рѣшили почтительнѣйше просить августа измѣнить свою волю, ты выказалъ больше неосмотрительной заносчивости, чѣмъ благоразумной скромности, подобающей юношѣ твоихъ лѣтъ. Обсуждать вопросы, относящіеся къ дѣламъ правленія, должны только люди, основательно изучившіе право и исторію, иначе легко упустить изъ виду главное и мелочамъ придать значеніе слишкомъ большое. Давно было указано, что не разъ событія, считавшіяся зломъ, оказывались счастливымъ сочетаніемъ обстоятельствъ, и, наоборотъ, тѣ, которые принимались всѣми съ изъявленіями радости, вели послѣ къ погибели. Тебѣ рано судить о томъ, есть ли среди мудрыхъ мѣръ, принимаемыхъ императоромъ, такія, которыя должно измѣнить, и юноша проявитъ больше ума, стараясь хорошо исполнять существующія постановленія, нежели домогаясь, хотя бы вмѣстѣ съ другими, изданія новыхъ. Я былъ бы болѣе доволенъ, если бы ты, вмѣсто того, чтобы торопиться участво-

вать въ дѣлахъ имперіи, приложилъ больше усердія къ своему настоящему дѣлу и радовалъ меня извѣстіями о своихъ успѣхахъ въ школѣ и добрыми отзывами своего учителя.

„Поэтому я настаиваю, мой дорогой Децимъ, чтобы ты немедленно возвратился въ Римъ и возобновилъ прерванные уроки реторики, предоставивъ исполнять порученіе Сената лицамъ старше себя и обязаннымъ къ тому своимъ положеніемъ. Не мѣсто тебѣ въ Сенаторскомъ посольствѣ, такъ какъ пока ты долженъ еще учиться и готовить изъ себя достойнаго гражданина, а не учить другихъ и участвовать въ трудахъ правленія. Займись прилежно собираніемъ знаній, помня, что, въ нашъ вѣкъ, безъ этого ни въ чемъ невозможно достичь успѣха. Не забывай также, что, кромѣ честнаго имени, я не могу оставить тебѣ никакого сокровища, и что поэтому тебѣ самому придется заботиться о благополучіи своей жизни. Человѣкъ образованный, какъ говоритъ поэтъ, въ самомъ себѣ всегда имѣетъ богатства. Мудрость обладаетъ силой побѣждать всѣ бѣдствія: скорбь, бѣдность, позоръ, заключеніе, изгнаніе,—это говоритъ намъ философъ. Позаботься о томъ, чтобы пріобрѣсти образованіе и мудрость,—этимъ ты обезпечишь свою жизнь и этимъ же ты сдѣлаешь себя способнымъ съ честью носить имя Римскаго гражданина, не стыдя и славнаго имени Юніевъ. Исполняй старательно тѣ обязательства, которыя ты на себя принялъ, прибывъ въ Городъ съ цѣлью ученія, и этимъ ты мнѣ и всѣмъ другимъ больше докажешь добрыя склонности своей души, чѣмъ вмѣшательствомъ въ дѣла, тебя пока не касающіяся.

„Твоя мать присоединяетъ свою просьбу къ моему приказанію. Она и твоя сестра здоровы. Твоего скораго отвѣта мы ждемъ уже изъ Города. Vale ut valeam."

Письмо отъ Гесперіи было гораздо болѣе краткимъ. Она писала такъ:

„Гесперія Юнію S. D. Мой милый Юній. Уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, и у меня давно нѣтъ никакихъ о тебѣ извѣстій. Мнѣ тебя очень недостаетъ

въ Римѣ, и я сама не думала, что буду такъ о тебѣ скучать. Мнѣ хочется, чтобы скорѣе окончились всѣ дѣла, ради которыхъ ты поѣхалъ въ Медіоланъ, и ты опять пришелъ ко мнѣ такъ же, какъ приходилъ прежде. Когда мы увидимся, я скажу тебѣ много для тебя пріятнаго и неожиданнаго, впрочемъ, неожиданнаго также и для меня. Vale."

Эти два письма подѣйствовали на меня совершенно различнымъ образомъ.

Все въ письмѣ отца,—и приводимыя имъ слова Сенеки, писателя, котораго онъ особенно любилъ и изреченія котораго часто повторялъ, и сужденія, подсказанныя благоразумiемъ и осторожностью, и самый слогъ, тяжелый, но ясный,—такъ живо напомнило мнѣ семью и родной городъ, что я едва не заплакалъ, читая свитокъ. Сквозь суровые укоры и строгія наставленія отца просвѣчивала его любовь ко мнѣ и его забота о моей участи. И,—хотя не юношеская заносчивость и не преувеличенное мнѣніе о своихъ способностяхъ заставили меня присоединиться къ Сенаторскому посольству, но власть любви и страсти, съ которыми не подъ силу бороться неопытному сердцу,—я не могъ не признать справедливымъ того, что̀ писалъ отецъ, и не сознаться себѣ, что попалъ въ бѣду, рано промѣнявъ тишину школы на бури жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ горько мнѣ было думать, что отецъ своимъ приказаніемъ—немедленно покинуть Медіоланъ, чѣмъ онъ хотѣлъ избавить меня отъ опасности, только вынуждаетъ меня поторопиться съ выполненіемъ моего страшнаго замысла и какъ бы толкаетъ меня, чтобы я, головой впередъ, бросился прямо въ пасть льву.

Напротивъ, по виду столь ласковыя строки Гесперіи не только меня не обрадовали, но почти разсердили, такъ какъ въ нихъ я почувствовалъ притворство и лицемѣріе. Гесперія, упоминая о чемъ-то „для меня пріятномъ и неожиданномъ", что̀ она намѣрена сказать мнѣ при встрѣчѣ, желала, вѣроятно, чтобы я въ этихъ неопредѣленныхъ словахъ увидѣлъ намекъ на чувство любви ко мнѣ, возникшее въ ней, и надѣялась этимъ темнымъ признаніемъ, отъ котораго при слу-

чаѣ легко отречься, раздуть въ моей душѣ, какъ кузнечнымъ мѣхомъ, пламя страсти и пробудить во мнѣ,—можетъ быть, ослабшую,—готовность дѣйствовать. Но я ни на минуту не повѣрилъ, будто Гесперія тоскуетъ по мнѣ, и все ея письмо мнѣ показалось лишь новымъ доказательствомъ того, съ какимъ холоднымъ расчетомъ она пользуется своей красотой и моей любовью для своихъ цѣлей. Если бы подобное письмо я получилъ въ первые дни моего знакомства съ Гесперіей, я безчисленными поцѣлуями покрылъ бы каждую его строку и сберегъ бы его, какъ величайшую драгоцѣнность; но недѣли разлуки, размышленіе, а можетъ быть и вліяніе Реи сдѣлали меня болѣе разсудительнымъ: я принялъ письмо только какъ напоминаніе о томъ, что далъ клятву—пойти на вѣрную смерть, и, не безъ негодованія, бросилъ дощечки въ свой ларь, на дно, гдѣ лежалъ недавно пурпуровый колобій.

Какъ бы то ни было, изъ обоихъ писемъ слѣдовало одно и то же: что я долженъ спѣшить; да и какія причины оставались у меня, чтобы медлить? Надѣяться на случайную встрѣчу съ Граціаномъ было нельзя; способъ проникнуть во дворецъ былъ найденъ; наше посольство легко могло, въ любой день, получить приказаніе покинуть Медіоланъ. „Дѣйствительно, довольно ждать, — сказалъ я самому себѣ. — Въ такомъ дѣлѣ никакія, самыя осмотрительныя предосторожности не помогутъ. Все зависитъ отъ богини Фортуны: ей я поручаю и свое дѣло и свою судьбу. Пусть рѣшительнымъ днемъ будетъ завтрашній."

Съ такимъ рѣшеніемъ въ умѣ, но вовсе не съ веселымъ сердцемъ, я пошелъ къ Реѣ, такъ какъ больше не съ кѣмъ мнѣ было поговорить откровенно въ послѣдній, можетъ быть, вечеръ своей жизни.

Небо было блѣдно, но безоблачно, какъ то часто бываетъ зимой; колесница Феба клонилась къ закату и лучезарный вѣнецъ бога бросалъ на городъ косые, яркіе и холодные лучи; на улицахъ было пустынно, и высокіе дома, съ тяжелыми мраморными колоннами, казались необитаемыми. Я думалъ о томъ, что, вѣроятно, никогда болѣе не буду со-

зерцать этого вечерняго часа, и мнѣ странно было, что, несмотря на то, я шагаю такъ же просто, какъ всегда, что ни мой слухъ, ни мое зрѣніе не изощрены, что красоту міра я ощущаю не сильнѣе, чѣмъ вчера, и что даже мое сердце бьется столь же ровно. Еще думалъ я о томъ, что, можетъ быть, уже завтра я узнаю великую тайну смерти, и для меня будетъ рѣшенъ вопросъ, кто правъ,—приверженцы ли религіи Юпитера, христіане ли, философы ли. Сольется ли моя душа съ элементами міра, будетъ ли мой призракъ блуждать вокругъ мертваго тѣла, тогда какъ моя тѣнь сойдетъ въ Тартаръ, а мой духъ вознесется въ жилище блаженныхъ, окажусь ли я въ христіанскомъ Аду, гдѣ будутъ меня терзать дьяволы до дня, когда я предстану на Страшный Судъ вторично грядущаго въ міръ Христа, или на берегахъ Стикса, Ахеронта, Коцита и Флегетона я встрѣчу блаженныя и несчастные облики древнихъ героевъ, воочію увижу царящаго надъ мертвыми Ахилла, мученія Иксіона, Пириѳоя, Тантала, вѣчную скорбь Лаодаміи, Элиссы, Сапфо, грозное величіе Александра, Цесаря, Траяна?

По счастію, я Рею засталъ дома и тотчасъ сообщилъ ей о своемъ рѣшеніи. Не удивилась, не испугалась Реа, встрѣтила мои слова, какъ то, что̀ давно ожидала, но проявила твердую увѣренность, что мое предпріятіе окончится успѣшно. Съ такимъ лицомъ и такими словами говорила со мной Реа, что сразу ко мнѣ вернулась бодрость, и на время всѣ мрачныя предчувствія и горестныя опасенія, словно змѣи по знаку заклинателя, въ моей душѣ свернулись кольцами и уснули.

— Не нами обреченъ Граціанъ, но перстомъ Всемогущаго,—говорила Реа.—То, что̀ будетъ совершено, есть рѣшеніе Судьбы. Чего же намъ бояться? Развѣ могутъ люди противиться Богу? Если бы мы даже были во сто разъ менѣе осмотрительны, во сто разъ менѣе приняли предосторожностей, все равно мы достигли бы цѣли, потому что это предрѣшено не нами. Мы—только видимое орудіе незримой воли, которая сама поведетъ насъ, сама устранитъ всѣ препятствія съ пути, сама дастъ намъ удобный мигъ и случай!

Я въ видѣніи видѣла тѣло Граціана простертымъ на мраморномъ полу, съ желѣзомъ въ груди, и спасти императора не можетъ уже никакая сила на землѣ!

Слушая пророчества Реи, я готовъ былъ вѣрить, что на другой день мнѣ предстоитъ не совершить страшное преступленіе, но только исполнить какое-то почетное порученіе,—увѣнчать вѣнкомъ побѣдителя на играхъ или продекламировать чужое стихотвореніе. Но чѣмъ болѣе успокаивали меня доводы дѣвушки, тѣмъ неотступнѣе мнѣ хотѣлось сознаться ей, что мысль убить Граціана явилась не у меня, а у кого-то другого, кто о пришествіи Антихриста не помышлялъ вовсе. Я боролся съ собой, чтобы не совершить клятвопреступленія и не разсказать Реи о Гесперіи все, и были минуты, когда начальныя слова признанія уже, какъ бы огнемъ, горѣли на моемъ языкѣ. Однако, я сумѣлъ преодолѣть соблазнъ и сдѣлалъ Реѣ только намекъ на свою тайну:

— Милая Реа, — сказалъ я. — Ты должна узнать, что въ Медіоланъ я ѣхалъ уже съ намѣреніемъ совершить то, о чемъ мы сейчасъ говоримъ... Одна женщина въ Римѣ, имени которой я тебѣ не назову и которую, какъ мнѣ казалось, я люблю любовью безпредѣльной, подала мнѣ эту мысль... Она не любила меня, но воспользовалась тѣмъ, что я, ради любви къ ней, согласенъ былъ исполнить всѣ ея приказанія... Она была убѣждена, что посылаетъ меня на смерть, но все же послала... А я зналъ, что она такъ думаетъ, и все же повиновался...

Съ большимъ трудомъ произнесъ я эти слова, но едва я ихъ сказалъ, какъ мнѣ стало легче, потому что тяжело хранить въ душѣ мучительную тайну, никому ее не повѣдавъ. Реа же, выслушавъ мое признаніе, внезапно сдѣлалась ласковой, какъ мать или старшая сестра, любовно обняла меня, словно разгадавъ чутьемъ мои томленія, стала гладить мнѣ волосы и отвѣтила:

— Та женщина тоже была орудіемъ Провидѣнія. Богъ часто злыя намѣренія обращаетъ ко благу. Она думала послать тебя на гибель, а направила къ славѣ. Было надо,

чтобы ты оказался въ Медіоланѣ, и Богъ вложилъ тебѣ въ сердце призрачную любовь къ той женщинѣ, приведшую тебя сюда. Было надо, чтобы послѣдній императоръ уступилъ мѣсто Царю Грядущему, и Богъ злую волю той женщины устремилъ не на кого другого, какъ на Граціана. Чудны и таинственны пути Господни.

— Это была не призрачная любовь,—проговорилъ я съ еще бо̀льшимъ трудомъ,—я ее люблю и теперь.

— Что̀ мы знаемъ о своей любви?—возразила Реа.—Какъ часто намъ кажется, что мы любимъ, тогда какъ, поистинѣ, это только слѣпота земная. И какъ часто мы думаемъ, что ненавидимъ, но эта ненависть есть любовь. Душа человѣка подобна морской глубинѣ, гдѣ грубый камень можно принять за перлъ, а драгоцѣнный кораллъ за простую водоросль.

Говоря такъ, Реа припала ко мнѣ съ тѣмъ страстнымъ поцѣлуемъ, который все мое существо заставлялъ дрожать отъ желанія. Было что-то въ этой дѣвушкѣ, что̀ ея ласки дѣлало для меня ни съ чѣмъ несравнимыми, единственными и неотразимыми. Словно наши два тѣла изначала были созданы одно для другого, такъ что каждому трепету одного изъ нихъ въ полнотѣ соотвѣтствовала дрожь другого. Черезъ минуту я уже ничего не помнилъ о всемъ страшномъ, предстоявшемъ мнѣ черезъ нѣсколько часовъ, и все мое отуманенное сознаніе было залито только однимъ: ощущеніемъ близости Реи.

— Ты ее люби, люби вполнѣ, люби, сколько хочешь,— повторяла Реа, учащая поцѣлуи, отъ которыхъ оставались на кожѣ слѣды крови,—ты ее люби,—такъ надо, чтобы ты ее любилъ...

Выйдя отъ Реи уже поздно, когда по улицамъ распростерся сумракъ, я, вмѣсто того чтобы прямо вернуться въ домъ Коликарія, пошелъ ко дворцу, желая еще разъ убѣдиться, что доступъ въ него возможенъ. Дѣйствительно, никто меня не окликнулъ, когда я, обойдя зданіе вокругъ, приблизился къ тому заднему входу, черезъ который намѣревался проникнуть во внутренніе покои. Я остановился въ нѣ-

которомъ разстояніи отъ воротъ, всматриваясь въ нихъ и обдумывая, какъ мнѣ будетъ лучше дѣйствовать на слѣдующій день.

Внезапно я увидѣлъ тѣни двухъ человѣкъ, шедшихъ по направленію ко дворцу. Они были закутаны въ плащи, такъ какъ было довольно холодно, и разговаривали между собой вполголоса. Раба, который фонаремъ освѣщалъ бы имъ дорогу, съ ними не было. Я едва успѣлъ спрятаться за выступъ стѣны, чтобы они меня не замѣтили.

Когда эти два человѣка прошли мимо меня, я узналъ ихъ обоихъ: то былъ Питаратъ, педагогъ, водившій меня по комнатамъ священнаго дворца, и тотъ Сиріецъ, императорскій соглядатай, котораго я и Ремигій встрѣтили когда-то въ Римскомъ Портѣ и который, повидимому, зналъ, что Реа и Лета везли съ собой, среди дорожныхъ вещей, пурпуровый колобій.

Почему они вмѣстѣ? какая существуетъ между ними связь? не могутъ ли они обмѣняться тѣми свѣдѣніями, какія есть у каждаго изъ нихъ относительно меня? — эти мысли сразу встали въ моей головѣ, и всѣ самыя дурныя предчувствія, временно заглушенныя ласками Реи, ожили вновь. Я чувствовалъ, что весь дрожу, что сердце мое почти останавливается отъ страха.

Питаратъ и Сиріецъ вошли во дворецъ черезъ ту дверь, которую я выбралъ для себя. Темное пространство передъ воротами осталось пустыннымъ. Но я долго еще не рѣшался выйти изъ своего убѣжища, потомъ осторожно, прячась во мракѣ, перебрался на другую сторону площади и быстро пошелъ домой, тщетно отгоняя отъ себя мрачныя думы.

XI.

Съ утра слѣдующаго дня я сталъ готовиться къ задуманному дѣлу.

Я написалъ письма въ Лактору, къ отцу, къ матери и къ сестрѣ, высказалъ имъ всю свою любовь къ нимъ, просилъ у нихъ прощенія за всѣ безпокойства, какія имъ причинялъ въ разное время, но остерегался сдѣлать хотя бы одинъ намекъ на то, что̀ могло меня ожидать, чтобы эти мои письма не послужили противъ меня уликой.

Еще бо̀льшаго труда стоило мнѣ письмо къ Гесперіи, такъ какъ всякое неосторожное слово въ немъ могло служить уликой уже не только противъ меня, но и противъ нея. Много разъ я перевертывалъ стиль и стиралъ написанное на мягкомъ воскѣ, и много разъ я склоненъ былъ совершенно отказаться отъ послѣдняго прощанія съ той, которая въ теченіе многихъ дней была для меня божествомъ, но, наконецъ, мнѣ удалось написать нѣсколько строкъ, до извѣстной степени выражавшихъ мои чувства. Вотъ что̀ я написалъ:

„Децимъ Авсоній Гесперіи S. D. P. Domina, вѣрь, что ни тѣ тысячи миль, которыя насъ раздѣляютъ, ни недѣли, которыя прошли съ того дня, какъ мы разстались, не заставили меня забыть тебя и слова, что̀ я тебѣ говорилъ. Не смертнымъ судить дѣянія боговъ, и всѣ твои повелѣнія—для меня рѣшенія Оракула, которымъ я повинуюсь, безъ размышленій. И въ этой жизни и за предѣлами гробницы я равно

буду поклоняться тебѣ и, какая бы судьба меня ни ждала въ жизни, всегда счастіемъ буду почитать, что мнѣ суждено было тебя узнать. Cura ut valeas."

Запечатавъ эти письма, я осмотрѣлъ кинжалъ, данный мнѣ Гесперіей, убѣдился, что онъ хорошо отточенъ, и спряталъ его на груди. Послѣ этого мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, и я рѣшилъ пойти проститься съ Симмахомъ, который былъ добръ ко мнѣ, и поблагодарить Тита Коликарія, который оказалъ мнѣ, вмѣстѣ съ другими членами посольства, радушное гостепріимство.

Симмахъ былъ въ своей комнатѣ одинъ и что-то писалъ въ пугилларахъ. Такъ какъ я почти никогда не приходилъ къ нему безъ зова, то онъ меня спросилъ, что мнѣ отъ него надо. Я сказалъ такъ:

— Письмо, которое ты мнѣ передалъ, было отъ моего отца. Онъ гнѣвается, что я покинулъ Римъ и прервалъ ученіе, и требуетъ, чтобы я немедленно возвратился въ Городъ. Такъ какъ посольству, кажется, больше нельзя надѣяться на успѣхъ и такъ какъ тебѣ я болѣе не нуженъ, то, можетъ быть, ты позволишь мнѣ исполнить приказаніе отца.

Симмахъ внимательно на меня посмотрѣлъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мой Юній, мы еще не потеряли надежды сломить упорство неистоваго Амбросія. Но, конечно, я могу обойтись безъ твоихъ услугъ, — здѣсь я найду себѣ писца. Если тебѣ болѣе нечего дѣлать въ Медіоланѣ, ты долженъ подчиниться волѣ отца и немедленно ѣхать назадъ въ Городъ.

Послѣднія слова подтвердили мнѣ, что Симмахъ о клятвѣ, данной мною Гесперіи, зналъ.

Потомъ, безъ всякаго перехода, Симмахъ продолжалъ:

— Послушай, какіе стихи я сейчасъ написалъ.

И онъ прочелъ мнѣ слѣдующую эпиграмму:

Бѣлый снѣгъ осыпалъ Альпы,
Строгій Нордъ встревожилъ море;
Путь утративъ, гибнетъ странникъ,
Гибнетъ въ мутной мглѣ морякъ.

Но ведутъ святые хоры
На вершинѣ острой Пинда
Вѣчно-юныя Камены,—
Ихъ предводитъ Аполлонъ.

И, незримо, звѣздъ царица,
Свѣтитъ въ сумракѣ Діона,
Всѣмъ влюбленнымъ обѣщая
Радость сладкую надеждъ.

— Находишь ты это хорошимъ?—спросилъ Симмахъ.

— Мнѣ ли судить твои стихи!—возразилъ я—Ты живешь для того, чтобы будущимъ столѣтіямъ доказать, что сила поэзіи въ Римѣ не изсякала никогда. Я же могу гордиться тѣмъ, что не только жилъ въ одномъ вѣкѣ съ тобой, но и стоялъ передъ тобой лицомъ къ лицу.

Говоря такъ, я, конечно, просто льстилъ; въ дѣйствительности, я былъ удивленъ, что среди важныхъ дѣлъ и заботъ сенаторъ находилъ время и охоту заниматься сочиненіемъ стиховъ. Но давно замѣчено, что поэты всегда бросаются на похвалу своимъ сочиненіямъ, какъ голодныя рыбы на жирнаго червя. Хотя Симмахъ и довольно наслушался за свою жизнь похвалъ, онъ все же каждый разъ принималъ ихъ, какъ самые дорогіе подарки, и послѣ моихъ словъ сталъ говорить со мной гораздо охотнѣе и привѣтливѣе. Я этимъ воспользовался, чтобы точнѣе узнать, насколько онъ посвященъ въ замыслы Гесперіи.

— Какъ ты думаешь,—спросилъ я,—измѣнится ли положеніе дѣлъ, если мѣсто Граціана займетъ другой императоръ?

— Да, тогда измѣнится все,—быстро отвѣтилъ Симмахъ.—Въ императорѣ чтутъ сына Валентиніана. На ученикѣ Авсонія лежитъ отблескъ славы побѣдителя Британніи и Африки. Граціану подчиняются потому, что отецъ его сумѣлъ запугать народъ на много десятилѣтій впередъ. Довольно исчезнуть одному человѣку, Граціану, который столь же смертенъ, какъ ты, я и мой рабъ,—и многое невозможное станетъ возможнымъ, и вся исторія имперіи измѣнится.

— Кстати скажи мнѣ, — спросилъ я еще, — вернулся ли Граціанъ въ Медіоланъ.

Симмахъ опять многозначительно посмотрѣлъ на меня и отвѣтилъ медленно:

— Онъ вернулся вчера утромъ и теперь живетъ въ своемъ дворцѣ уединенно...

Послѣ этого отвѣта я не сомнѣвался болѣе, что Симмахъ знаетъ, съ какой цѣлью я живу въ Медіоланѣ. Поэтому, вынувъ написанныя письма, я сказалъ:

— Значитъ, ты мнѣ разрѣшаешь ѣхать въ Римъ. Я такъ и сдѣлаю, и покину Медіоланъ завтра же, если то позволятъ боги. Я расчитываю, что ты поможешь мнѣ получить лошадей, потому что самому мнѣ будетъ это сдѣлать трудно. А на тотъ случай, если со мной произойдетъ какое-либо несчастіе въ пути или раньше,—вотъ письма: пошли ихъ тогда тѣмъ, кому они назначены.

Симмахъ всталъ, какъ кажется, взволнованный, подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня въ лобъ, потомъ сказалъ:

— Я все исполню, милый Юній, будь въ томъ увѣренъ. А завтра, съ ранняго утра, у заставы на Эмиліевой дорогѣ тебя будетъ ждать готовая карпента и вѣрный рабъ. Ты можешь, если это понадобится, уѣхать, не простившись. Если же тебя постигнетъ какое-либо несчастіе, мы всѣ, узнавшіе тебя, будемъ тебя поминать съ любовью. Но вѣрь въ помощь боговъ безсмертныхъ!

Злая тоска, словно когти гарпіи, сдавила мое сердце при этихъ ласковыхъ словахъ Симмаха. Я не могъ ничего отвѣчать и выбѣжалъ изъ комнаты. Мнѣ было жаль самого себя, и мнѣ было горько, что другіе меня жалѣютъ.

Успокоившись нѣсколько, я пошелъ къ Титу Коликарію. Но оказалось, что его нѣтъ дома, и меня провели къ его женѣ, Фальтоніи, показывавшейся рѣдко и почти все время проводившей въ дальнихъ покояхъ за домашними работами. Когда я вошелъ къ ней, она тоже занята была вышиваніемъ. Въ рукахъ у нея былъ широкій шелковый поясъ, по которому она золотомъ изображала проказы амуровъ, соперни-

чая съ искусствомъ Косскихъ мастеровъ, а двѣ рабыни, стоя около ея кресла, держали мотокъ золотой пряжи и помогали ей.

Я объяснилъ, зачѣмъ пришелъ, и Фальтонія, выслушавъ мои благодарственныя слова, подняла на меня свои грустные глаза, всегда окруженные синевой и потому казавшіеся особенно глубокими, и сказала:

— Да, ты хорошо поступишь, Юній, если послушаешься отца и вернешься въ Городъ, въ свою школу. Какъ прививки можно дѣлать только къ молодой виноградной лозѣ, такъ воспитывать душу можно только въ молодости. Учись хорошенько, собирай дѣльные совѣты учителей, старайся стать хорошимъ человѣкомъ. Потомъ выбери себѣ добрую жену и поѣзжай жить въ родной городъ, подальше отъ шумнаго Рима и императорскаго двора. Я жила больше твоего, и могу тебѣ сказать, что счастіе не въ блескѣ, не въ богатствѣ, не въ славѣ, а въ мирной жизни. Не ищи почестей: онѣ принесутъ съ собой зависть и ненависть; не заботься о дѣлахъ имперіи: при всякомъ правленіи можно прожить счастливо въ своемъ маленькомъ домикѣ; не добивайся, чтобы твоя жена была красавицей: женщина некрасивая ласкаетъ мужа не менѣе нѣжно, а любитъ всегда больше. Ты видишь: я живу въ богатствѣ, и мой мужъ занимаетъ важную должность, но я отъ этого не стала болѣе счастливой...

Произнеся эту Гораціановскую проповѣдь о томъ, что

Въ сей жизни счастливъ тотъ, кто отъ заботъ далекъ,

Фальтонія улыбнулась своей обычной грустной улыбкой и, помолчавъ, добавила, что не считаетъ себя въ правѣ дѣлать мнѣ наставленія, но думаетъ, что жизнь въ Медіоланѣ, когда я иногда цѣлые дни провожу неизвѣстно гдѣ, не служитъ мнѣ на пользу. Сказавъ въ отвѣтъ нѣсколько незначительныхъ словъ, я покинулъ Фальтонію, не только не успокоенный, но съ еще большей тяжестью на душѣ. Всѣ словно сговорились ослабить мою рѣшимость и направляли стрѣлы своихъ словъ въ самыя незащищенныя мѣста моего сердца.

Послѣ совѣтовъ Фальтоніи, мнѣ ясно представилось, какъ много есть въ мірѣ прекраснаго, чего я не извѣдалъ и даже не попытался узнать. Передо мной была цѣлая жизнь, въ которой я могъ испытать и счастіе взаимной любви, и наслажденія, какія даетъ почетъ среди согражанъ, и веселіе въ кругу близкихъ друзей, а я, вмѣсто того, поспѣшилъ бросить себя на позорную смерть, ради улыбки первой красивой женщины, встрѣченной мною. Я сравнивалъ себя съ мальчикомъ, который, отправляясь въ городъ, на ярмарку, выпросилъ у отца нѣсколько сестерцій, но на первыхъ же шагахъ проигралъ ихъ въ кости, а потомъ съ завистью смотритъ на палатки, гдѣ показываютъ крокодиловъ, на занавѣси, за которыми тѣшатъ зрителей борцы и фокусники, на лари съ орѣхами и сластями, и грустно думаетъ, что могъ бы воспользоваться всѣми этими радостями, если бы былъ болѣе бережливъ.

Оставаться дома мнѣ было нестерпимо. Уложивъ всѣ свои вещи, какъ бы для отъѣзда, убѣдившись, что кинжалъ со мною, такъ же какъ и деньги, которыя мнѣ могли понадобиться, я вышелъ на улицу. На этотъ разъ день былъ сумрачный, и громадные клубы облаковъ ползли по небосводу такъ же уныло и медленно, какъ мои мысли. Люди шли по всѣмъ направленіямъ: одни торопились по дѣлу, другіе праздно гуляли, разговаривали другъ съ другомъ и, прищурясь, оглядывали проходящихъ женщинъ, но мнѣ были ненавистны и тѣ и другіе: озабоченный видъ тѣхъ и безпечность этихъ казались мнѣ оскорбительными, когда я былъ обреченъ на смерть.

Я зашелъ въ таберну, съѣлъ кусокъ козьяго сыра и выпилъ вина; это немного меня ободрило. Потомъ, преодолѣвъ волненіе и невольную дрожь, я пошелъ ко дворцу. Было еще рано, и на площади ежеминутно появлялись прохожіе. Постоявъ нѣкоторое время передъ воротами, я опять вернулся въ городъ и опять сталъ ходить безцѣльно по улицамъ.

Съ каждой минутой мое предпріятіе мнѣ казалось все болѣе и болѣе нелѣпымъ.

„Предположимъ,—думалъ я,—что мнѣ удастся войти въ

ворота незамѣченнымъ. На лѣстницѣ дворца я навѣрное встрѣчу дворцовыхъ рабовъ. Я попытаюсь подкупить ихъ, но какъ поручиться, что они, взявъ деньги, не укажутъ на меня стражамъ? Пусть даже я проникну внутрь дворца,—есть ли вѣроятіе, что я тайно доберусь до спальни императора? Наконецъ, если я и окажусь въ ней, будетъ ли это все? Развѣ Граціанъ не можетъ пойти сегодня спать въ другую комнату? Развѣ рабы, раздѣвающіе его, не могутъ замѣтить моего присутствія? Развѣ я могу быть убѣжденъ, что моя рука не задрожитъ, и я, въ первый разъ въ жизни нанося смертельный ударъ человѣку, не промахнусь? Какое сочетаніе длиннаго ряда чудесъ нужно для того, чтобы мой замыселъ осуществился!"

Со дна моей души, словно туманъ, встающій лѣтнимъ вечеромъ и застилающій все кругомъ, поднималось убѣжденіе, что всего разумнѣе—отказаться отъ задуманнаго. Мнѣ становилось ясно, что на томъ пути, который я выбралъ, я могъ лишь погубить себя, но убить Граціана не было никакой надежды. Все сильнѣе и сильнѣе искушалъ меня соблазнъ—вернуться домой, пока не поздно, и завтра уѣхать изъ Медіолана, но не въ Римъ, такъ какъ мнѣ было стыдно встрѣтиться съ Гесперіей, а въ Аѳины или въ Антіохію... Однако, мысль объ томъ, что о моей клятвѣ знаетъ также Симмахъ, что онъ станетъ презирать меня за трусость, удерживала меня. Я напоминалъ себѣ слова Реи, что за меня самъ Богъ, и подтверждалъ ихъ изреченіемъ Цицерона: „Нѣтъ ничего, что̀ не могъ бы совершить Богъ".

Когда смерклось, я вторично подошелъ ко дворцу. На этотъ разъ площадь была пуста. Невыразимое томленіе овладѣло мною. Я предпочелъ бы, чтобы какое-нибудь внѣшнее обстоятельство помѣшало мнѣ. Но все, повидимому, благопріятствовало моему замыслу. Ворота были пріотворены, и нигдѣ не было видно стражей.

Съ величайшимъ напряженіемъ чувства, ощущая какую-то колющую боль въ сердцѣ, я вознесъ мольбы самому Отцу боговъ и людей.

„Iuppiter Optimus Maximus, — взывалъ я про себя, — ты когда-то низвергъ въ Тартаръ своего отца, Сатурна, ты сокрушилъ гигантовъ, что громоздили Оссу на Пеліонъ, чтобы лишить тебя власти!—помоги мнѣ и защити меня! Ради твоей славы я иду на это дѣло, чтобы вернуть прежнее величіе твоимъ храмамъ и алтарямъ, чтобы уничтожить чужеземную вѣру, которая дерзаетъ соперничать съ вѣрой отцовъ и глумится надъ тобой и сонмомъ тебѣ подчиненныхъ боговъ! Пошли мнѣ удачу, дай мнѣ силы, потому что я стою за правое дѣло и за тебя!"

Такъ взывая, а также повторяя слова установленныхъ молитвъ, я скользнулъ въ ворота. Дворцовый дворъ также былъ пустъ. Я подошелъ къ двери, черезъ которую вводилъ меня во дворецъ Питаратъ. Она не была заперта. Съ сердцемъ, бьющимся какъ молотъ, я вошелъ во дворецъ и быстро сталъ подниматься по узкой каменной лѣстницѣ, совершенно не освѣщенной, спотыкаясь и натыкаясь на стѣну.

Я былъ уже на второй площадкѣ, когда два человѣка вдругъ бросились на меня. Одинъ схватилъ меня за горло, другой за руки, и притомъ такъ стремительно, что я не успѣлъ взяться за оружіе. Тотчасъ же лучъ тайнаго фонаря освѣтилъ мое лицо, а я въ этомъ мерцающемъ свѣтѣ узналъ напавшихъ на меня: то были Питаратъ и Сиріецъ.

Нѣсколько мгновеній мы всѣ трое молчали,—я отъ ужаса и изумленія, — потомъ старый морякъ, со злымъ смѣхомъ, сказалъ мнѣ:

— Вотъ, милый поэтъ, зачѣмъ тебѣ надо было узнать расположеніе дворцовыхъ комнатъ! Вмѣсто того, чтобы написать оду, ты просто пришелъ воровать императорское серебро. Ну, ты скоро узнаешь, какъ оно дорого стоитъ.

При такомъ обвиненіи я весь затрепеталъ, какъ если бы кто-нибудь меня ударилъ по лицу.

— Лжешь, негодяй!—крикнулъ я:—я не могу быть воромъ.

Ожесточеннымъ усиліемъ я вырвался изъ рукъ хромого старика, хотя онъ былъ еще довольно силенъ, и отбросилъ къ стѣнѣ тщедушнаго Сирійца. Но тотъ, ловко отскочивъ

въ сторону, свистнулъ особеннымъ образомъ, и на помощь къ моимъ врагамъ подбѣжало двое рослыхъ Аланъ. Эти сжали меня съ такой силой, что ихъ пальцы, какъ клещи, впились въ мое тѣло, и я уже не могъ шевельнуться.

Тогда, хихикая въ свою очередь, Сиріецъ подкрался ко мнѣ и принялся меня обыскивать, причемъ его холодные пальцы, словно ноги какого-то отвратительнаго гада, прикасались къ самому моему тѣлу. Нащупавъ на моей груди пуговъ, которымъ я такъ и не успѣлъ воспользоваться, Сиріецъ съ торжествующимъ видомъ показалъ его товарищу:

— Будь свидѣтелемъ, что я это нашелъ у молодчика. Ну, милый Децимъ Юній, племянникъ сенатора, тебѣ подробно истолкуютъ, можно ли ходить ночью по дворцу съ кинжаломъ за пазухой. Да напомнятъ, можетъ быть, и то, годится ли защищать преступниковъ, злоумышляющихъ на особу императора, когда ихъ хотятъ уличить въ преступленіи. Теперь тебѣ все объяснятъ и покажутъ!

Пока Сиріецъ говорилъ, и его отвратительное, грубо накрашенное лицо, которое иныя женщины, вѣроятно, считали красивымъ, кривилось отъ злобныхъ усмѣшекъ, я овладѣлъ своимъ порывомъ и, стиснувъ зубы, рѣшилъ не говорить ни слова.

— Ну, что же,—продолжалъ глумиться Сиріецъ,—думаешь ты попрежнему, какъ твой товарищъ, что я гожусь только въ канатные плясуны? Или способенъ я и на кое-что лучшее, напримѣръ, выслѣживать такихъ плясуновъ на дворцовыхъ лѣстницахъ, какъ ты? Или, можетъ быть, ты сюда попалъ по ошибкѣ? думалъ, что здѣсь живетъ какая-нибудь красотка, которой нуженъ храбрый защитникъ?

Я продолжалъ молчать. Сиріецъ, обшаривъ мою одежду и отобравъ мой кошелекъ съ деньгами, перемѣнилъ голосъ и приказалъ стражамъ:

— Свяжите его и тащите въ ту тюрьму, которую я указалъ. Да смотрите: вы своей жизнью отвѣчаете за него! Если вздумаете его выпустить, оба вы будете завтра же безъ головы!

Аланы достали ремни и скрутили меня такъ крѣпко, что руки и ноги у меня были словно перерѣзаны. Потомъ эти молчаливые исполнители приказаній, эти новые Кратосъ и Біа, поволокли меня внизъ по лѣстницѣ, не заботясь о томъ, что мои связанныя ноги не могли двигаться. На какомъ-то поворотѣ я ударился головой о стѣну такъ сильно, что почти потерялъ сознаніе. Поэтому я плохо помню, что̀ было далѣе. Меня свели или, вѣрнѣе, снесли въ какое-то подземелье во дворцѣ, отперли желѣзную дверь, и, какъ безжизненную связку товара, швырнули въ черный мракъ. Я упалъ на сырой каменный полъ тюрьмы.

XII.

Начались для меня тюремные дни.

Когда я пришелъ въ себя и глаза мои освоились съ темнотой, я увидѣлъ, что моя темница была обширнымъ подземельемъ, со сводами, составлявшими, вѣроятно, подземную часть дворца. Оконъ въ стѣнахъ не было и только высоко надъ дверью было небольшое отверстіе, забранное толстой рѣшеткой, выходившее, вѣроятно, на полутемную лѣстницу, такъ какъ сквозь него проникалъ какой-то сѣрый лучъ, едва нарушавшій полный мракъ. Стѣны были липкія и по нимъ постоянно текли струйки влаги; по полу бѣгали сороконожки и ползали мокрицы; воздухъ былъ сырой и смрадный. Однимъ словомъ, было все то, на что обычно жалуются узники, хотя подземелье, какъ кажется, не было построено съ тѣмъ, чтобы служить тюрьмой. Здѣсь не было обычныхъ трехъ этажей, изъ которыхъ въ самый нижній заключеннаго спускаютъ по веревкѣ,—но мое положеніе отъ того не было легче.

Въ первый же день моего заключенія пришли два тюремщика, не то Саксоны, не то Скотты по виду, развязали ремни, которыми были стянуты мои члены, сняли съ меня мой плащъ и мои Галльскіе башмаки и заковали мнѣ руки и ноги въ оковы, цѣпью приковавъ меня за ногу къ стѣнѣ. Я былъ такъ слабъ и такъ удрученъ свершившимся, что сначала не пытался сопротивляться, но когда Германцы стали меня приковывать къ стѣнѣ, какъ низкаго раба, я, въ не-

годованіи, закричалъ, что я—Римлянинъ и племянникъ сенатора и что никто не въ правѣ такъ меня унижать. Вмѣсто отвѣта тюремщики грубо закричали на меня на непонятномъ мнѣ языкѣ, а одинъ изъ нихъ не то толкнулъ, не то ударилъ меня, показывая, что я вполнѣ въ ихъ власти. Понявъ свою безпомощность, я болѣе не произнесъ ни слова.

У стѣны, около того мѣста, гдѣ меня приковали, лежала груда сырой и гнилой соломы; она должна была служить мнѣ ложемъ, на которомъ я проводилъ все время, такъ какъ цѣпь не давала мнѣ двигаться. Тѣ же тюремщики приходили въ тюрьму ежедневно и приносили мнѣ обычное пропитаніе узниковъ: половину твердаго хлѣба, порой покрытаго плѣсенью, и глиняную кружку воды, пахнувшей ржавчиной. Кромѣ этихъ Германцевъ я не видѣлъ болѣе никого, и ничего не зналъ о томъ, что̀ совершается въ мірѣ. На всѣ мои вопросы, просьбы и угрозы тюремщики отвѣчали или молчаніемъ и грубымъ окликомъ: да, можетъ быть, они и не понимали по-Латыни.

Первые дни моего заключенія я провелъ въ глубокомъ унынiи. Я испытывалъ жестокую боль во всемъ тѣлѣ и особенно въ головѣ; сознаніе мое было мутно, какъ у больного лихорадкой. Я почти не вставалъ съ соломы, стараясь ея грязными клочьями защитить себя отъ сырости и холода. Ѣсть тюремный хлѣбъ я едва могъ, и меня мучилъ злой голодъ. Жестоко я страдалъ и отъ унизительности своего положенія, отъ того, что мои руки—въ оковахъ, что я, какъ привратникъ или какъ корабельный гребецъ, прикованъ цѣпью, что варвары-Германцы распоряжаются мною. Мнѣ казалось, что смерть была бы легче такого униженія.

Одна мысль при этомъ не покидала меня: та, что я такъ безцѣльно и такъ неразумно погубилъ свою молодую жизнь. Я вспоминалъ людный Римъ и его шумные форумы, по которымъ такъ недавно гулялъ и я, вспоминалъ пышные пиры, на которыхъ участвовалъ, съ умными рѣчами гостей, съ приманками красивыхъ плясуній и искусныхъ флейтистокъ, вспоминалъ школу и мудрыя поученія Энделехія, вспоминалъ дру-

зей и кругъ семьи, и высокій холмъ родной Лакторы. При сознаніи, что всего этого мнѣ болѣе не суждено увидѣть никогда, отчаяніе и ярость овладѣвали мною, и я то рыдалъ, не жалѣя слезъ, то бился о холодный полъ, какъ рыба, брошенная на прибрежный песокъ. Дорого я заплатилъ— такъ я восклицалъ — за единый поцѣлуй продажной женщины, за единый мигъ, показавшійся мнѣ когда-то вратами къ послѣднему блаженству!

При воспоминаніи о Гесперіи я временно выходилъ изъ своего оцѣпенѣнія, становился на колѣни, потрясалъ закованными руками, грозилъ отсутствующей кулакомъ, кричалъ угрозы и проклятія. Она отдавала свое тѣло однимъ за деньги, другимъ за славу, третьимъ по прихоти минуты; она была возлюбленной консуловъ и мимовъ, поэтовъ и цирковыхъ наѣздниковъ; она унижалась до того, что дѣлила ложе съ рабами, которые приглянулись ей скуластымъ лицомъ или видной осанкой; она въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ держала у себя на содержаніи, какъ любовника, низкаго негодяя и трусливаго проходимца Юліанія, который не постыдился загрязнить память своей матери, чтобы выдать себя за сына императора! А меня, въ уплату за одно сладкое лобзаніе, въ которомъ Гесперія проявила только искусство опытной гетеры, за одно лицемѣрное колѣнопреклоненіе, которое Гесперія, конечно, разыгрывала передъ многими другими, — она послала на вѣрную смерть, не заботясь о томъ, исполнимо ея порученіе или нѣтъ, довольствуясь тѣмъ, что, можетъ быть, чудесный случай поможетъ мнѣ изъ урны Судьбы съ тысячью роковыхъ жребіевъ вытащить одинъ счастливый!

Я не вѣрилъ болѣе въ то, что Гесперія, беря съ меня клятву, заботилась о благѣ Римскаго народа и о торжествѣ нашей древней религіи. Я не вѣрилъ болѣе въ безкорыстіе и благородныя чувства Гесперіи, хотя она и говорила мнѣ, что живетъ лишь для торжества своего дѣла. Я былъ убѣжденъ, что ею двигали побужденія низменныя и личныя. Всего вѣроятнѣе, — такъ разсуждалъ я, — она мечтала объ томъ, чтобы свергнуть Граціана, возвести, во время смутъ,

на тронъ цезарей своего ставленника, хотя бы того же Юліанія, бездушную игрушку въ своихъ рукахъ, и послѣ править его именемъ, или даже, разведясь еще разъ съ мужемъ, стать императрицей, увѣнчать себя діадемой. Я говорилъ, что Гесперію или соблазняли такіе примѣры, какъ пышность Агриппины, развратъ Мессалины, власть Юлія Домны, слава Мамеи, или что она желала явить новый примѣръ исторіи Римской, и показать изумленному міру перваго императора-женщину, подобно Пальмирской царицѣ Зенобіи и древней Семирамидѣ.

Я произносилъ всѣ бранныя слова, какія зналъ, называлъ Гесперію Медеей, собственныхъ дѣтей рубящей на части, Пасифаей, въ сладострастномъ порывѣ гоняющейся за быкомъ, называлъ всѣми позорными именами, которыя бросаютъ въ лицо дешевымъ продажнымъ женщинамъ въ низшихъ лупанарахъ моряки. Я призывалъ на голову Гесперіи месть всѣхъ боговъ, Олимпійскихъ и подземныхъ, просилъ Сатурнію отомстить ей за поруганную супружескую вѣрность, Весту—за оскорбленный семейный очагъ, богиню Вѣрности—за нарушенныя клятвы, молилъ, чтобы страшными карами обрушилась на нее ночная Геката, чтобы тѣло ея покрылось язвами и струпьями, чтобы загноились ея льстивые глаза и стала дряблой ея соблазнительная кожа, чтобы Блѣдность и Страхъ не отходили отъ ея ложа. Если бы въ тѣ минуты Гесперія оказалась около меня, я могъ бы кинуться на нее, какъ звѣрь или грубый Скиѳъ, могъ бить ее и топтать ногами; я хотѣлъ ея смерти, какъ смерти злѣйшаго врага.

Когда проходило изступленіе, я вновь падалъ на солому, но и лежа долго еще продолжалъ произносить проклятія, всѣ, какія только могъ вспомнить и изъ книгъ и изъ рѣчей Реи, умѣвшей проклинать съ силой необыкновенной.

Отъ Гесперіи мысли мои обращались къ моей участи, и тогда ожесточеніе смѣнялось тоской и страхомъ. Я хорошо зналъ, что въ наши дни обычныя формы судопроизводства не считаются обязательными, особенно въ дѣлахъ, такъ или

иначе касающихся особы императора. Теперь часто судятъ человѣка, когда нѣтъ налицо даже законнаго обвинителя, не требуя уликъ и доказательствъ, не давая возможности защищаться, не оставляя права апелляціи,—притомъ дѣло ведутъ не судьи, назначенные правильно, въ кругу законной аудиторіи, но иной разъ магистры конницы, не знающіе законовъ, получившіе судебную власть на нѣсколько дней, по устному приказанію императора. Поэтому я могъ ожидать, что меня, хотя я былъ сынъ всѣми чтимаго гражданина, предки котораго занимали курульныя должности, отдадутъ на произволъ какого-нибудь вольноотпущенника изъ Германцевъ, что мнѣ не позволятъ представить никакихъ объясненій, и что свирѣпый Сарматъ отрубитъ мнѣ голову здѣсь же, въ грязной тюрьмѣ. Почему я могъ надѣяться на лучшую участь, чѣмъ та, которая постигла Галла, племянника императора Констанція?

Кромѣ того,—и это, быть можетъ, всего болѣе пугало меня,—я зналъ, какъ широко пользуются въ нашъ вѣкъ всякаго рода пытками, прежде бывшими въ употребленіи лишь у варваровъ, чтобы силой немилосердыхъ мученій вынудить признанія у людей, даже неповинныхъ и непричастныхъ къ дѣлу. При одномъ представленіи страшныхъ орудій палача: бичей, раздирающихъ кожу спины, клещей, вырывающихъ клочьями мясо, кобылы, на которой человѣка растягиваютъ, какъ кусокъ матеріи, веревокъ, съ помощью которыхъ вывертываютъ кости изъ суставовъ, дыбы и другихъ приспособленій, о которыхъ повѣствуетъ намъ Туберонъ въ исторіи Регула, я холодѣлъ отъ ужаса и, закрывъ глаза, молилъ безсмертныхъ о быстрой смерти. Воображая, что къ моимъ членамъ прикасается свистящій воловій ремень или раскаленное желѣзо, я о цикутѣ Сократа думалъ, какъ о благодѣяніи и блаженствѣ. Къ тому же я не сомнѣвался, что подъ пыткой мои судьи начнутъ требовать отъ меня, чтобы я назвалъ своихъ сообщниковъ, и мнѣ страшно было признаться самому себѣ, что у меня не найдется мужества стоика Зенона, откусившаго себѣ языкъ, чтобы не дать ложнаго показанія Кипрскому царю: я боялся, что, измученный жестокими страданіями, я

не только назову, какъ свою сообщницу и подстрекательницу, Гесперію, но открою существованіе тайнаго общества, собирающагося въ домѣ Эліана, оклевещу Симмаха, а можетъ быть, и вовсе чуждыхъ дѣлу лицъ, какъ моего друга Ремигія или дядю Тибуртина.

Въ такихъ невеселыхъ и мучительныхъ думахъ проходили первые дни моего заключенія.

Однако, давно сказано, что человѣкъ ко всему привыкаетъ, и незамѣтно для меня совершилось то, что я сталъ привыкать къ своей тюрьмѣ. Голодъ заставилъ меня ѣсть заплѣсневѣлый хлѣбъ, жажда—пить ржавую воду. Несмотря на цѣпи, почти не дававшія мнѣ двигаться, я временно оправился отъ той болѣзни, какая мучила меня, и почувствовалъ нѣкоторую бодрость въ тѣлѣ. Глаза мои совершенно освоились съ темнотой темницы, и я сталъ различать всѣ ея углы, научился укрываться отъ насѣкомыхъ, кишѣвшихъ на полу, и даже развлекался, забавляясь ими. Вмѣстѣ съ тѣмъ мои мысли стали дѣлаться болѣе свѣтлыми, мнѣ начало казаться, что моя судьба не такъ ужасна, какъ я думалъ, и наконецъ, на нѣсколько дней, поселилась вмѣстѣ со мной въ темницѣ богиня Надежда,—„обманчивая надежда", „сладостное зло", „высшее изъ золъ", какъ говоритъ поэтъ.

Прошло уже нѣсколько дней,—такъ я разсуждалъ тогда,—съ тѣхъ поръ, какъ меня схватили во дворцѣ, съ пугіономъ за поясомъ, между тѣмъ никакой перемѣны въ моемъ положеніи не произошло: меня не приводили на судъ, не подвергали пыткѣ и не предъявили никакого обвиненія. Не значитъ ли это, что опаснымъ преступникомъ меня не считаютъ? Да и въ чемъ состоитъ мое преступленіе?—только въ томъ, что я проникъ безъ разрѣшенія въ жилище императора. Что касается кинжала, то вѣдь могло быть, что я обычно носилъ его на себѣ и просто не позаботился снять, входя во дворецъ безъ всякихъ коварныхъ намѣреній. Наконецъ,—говорилъ я себѣ,—мое исчезновеніе долженъ былъ замѣтить Симмахъ, который хорошо относится ко мнѣ и который, конечно, попытается меня спасти. Я—не безвѣстный бродяга, я—членъ

Сенаторскаго посольства, я — сынъ виднаго человѣка, я — Римлянинъ, принадлежащій къ славному роду Юніевъ. Неужели не найдутся люди, которые пожелаютъ избавить имперію отъ новаго стыда безправной казни?

Подобныя размышленія я велъ вслухъ, самъ передъ собой, какъ бы произнося цѣлыя защитительныя рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сталъ обдумывать, нѣтъ ли возможности изъ тюрьмы бѣжать. Мнѣ представлялось, что у меня достанетъ силъ, чтобы сломать цѣпь, которой я прикованъ къ стѣнѣ, убить моихъ тюремщиковъ и, переодѣвшись въ платье одного изъ нихъ, выйти свободно за предѣлы дворца. Чтобы вернуть себѣ утраченныя силы, я занимался тѣлесными упражненіями, напрягалъ свои мускулы, раскачивалъ и расшатывалъ свою цѣпь. Возобновилъ я также попытки разговаривать съ Германцами, приносившими мнѣ хлѣбъ и воду, но, попрежнему, отвѣта не получалъ.

Настолько я чувствовалъ себя бодрымъ, что даже, чтобы скоротать время, занялся сочиненіемъ стиховъ. При этомъ мнѣ не хотѣлось соперничать съ Насономъ, въ элегіяхъ изливавшемъ жалобы на свою горестную участь и на тяжесть своего изгнанія, но я слагалъ эпиграммы на разные общіе вопросы, утѣшая себя размышленіями о судьбѣ всѣхъ людей и о коварствѣ случая. На тюремной стѣнѣ, около своего ложа, я прочелъ нѣсколько надписей, нацарапанныхъ, съ грубыми ошибками, какимъ-то моимъ предшественникомъ по заключенію, и среди нихъ такое изреченіе:

„Тѣхъ, кто меня сюда бросилъ, да пожрутъ собаки".

Найдя осколокъ камешка я рядомъ выцарапалъ свои эпиграммы и послѣ не разъ самъ перечитывалъ ихъ, самодовольно находя, что онѣ могутъ выдержать соперничество со стихами моего славнаго соотечественника, Авсонія. Особенно остались у меня въ памяти двѣ эпиграммы:

I.

Ночь вышиваетъ по сини огнистыхъ созвѣздій узоры,
Ночью сильнѣй ароматъ Флоры прекрасныхъ дѣтей.

Ночью на темныхъ распутьяхъ волхвы вызываютъ Гекату,
Ночь—для веселыхъ пировъ, ночь—для любовныхъ утѣхъ.
Днемъ проходитъ надъ міромъ Титанъ въ вѣнцѣ лучезарномъ,
Смѣною красокъ глаза день многоцвѣтный слѣпитъ,
Днемъ произноситъ рѣшенья консулъ на креслѣ курульномъ,
Въ школахъ днемъ мудрецы мудрыя рѣчи ведутъ.
Что же я изберу: неба ясность, любезную Фебу,
Или поля темноты, бродитъ его гдѣ сестра?
Будьте равно мнѣ желанны, сѣнь ночи и своды дневные:
Мудрымъ я буду въ однихъ, буду счастливымъ въ другой.

II.

Евридику—змѣя, Орфея—взглядъ, даръ—Алкида,
Городъ троянъ—красота, сына Атрида—жена,
Этихъ губитъ любовь, тѣхъ ревность, тѣхъ алчность, тѣхъ скупость,—
Что же такое вся жизнь: рядъ безпощадныхъ силковъ.

Сознаюсь, впрочемъ, что рядомъ со своими стихами я написалъ также слѣдующія слова:

„Дочь Кебрена, я отомщу тебѣ!“

Злоба противъ Гесперіи не покидала меня и въ эти дни, и я, мечтая о томъ, что вновь буду на свободѣ, неутомимо составлялъ замыслы мщенія.

Однако, богиня Надежда не долго гостила въ моей темницѣ, и суровая дѣйствительность скоро заставила ее опять распустить крылья и улетѣть къ другимъ, чтобы и ихъ обманывать своими льстивыми пѣснями. Прежде всего, день проходилъ за днемъ, а помощи не являлось ни откуда, даже никакой вѣсти я не получалъ отъ моихъ друзей. Потомъ, послѣ ряда тщетныхъ опытовъ, я убѣдился, что оковы прочно держатся на моихъ рукахъ и ногахъ и что даже сколько-нибудь ослабить цѣпь, приковывающую меня къ стѣнѣ, я не въ силахъ; поистинѣ оковы были „адамантовыя“, какъ у Промееея, и уже по одному тому мечтать о побѣгѣ было безумно. Кромѣ того, дурная ѣда и спертый воздухъ сдѣлали то, что ко мнѣ вернулась болѣзнь, и я, вновь, сталъ то дрожать отъ нестерпимаго холода, то пылать въ невыносимомъ огнѣ. Снова мною овладѣло уныніе, я позабылъ о стихахъ,

и снова цѣлые дни проводилъ на ложѣ, въ неподвижности, даже не поворачивая головы къ тюремщикамъ, когда они входили въ темницу.

Въ эти дни я обратился душой къ богамъ. Я молилъ о помощи и спасеніи безсмертныхъ, давая обѣты всякаго рода, обѣщалъ принести богатыя жертвы, если буду освобожденъ, клялся отдавать десятую долю всего, что̀ буду получать, Геркулесу, если онъ мнѣ поможетъ. Въ тюрьмѣ не было алтаря, который я могъ бы обнять, и некому было мнѣ подсказывать точныя слова молитвъ, но и взывая своими словами, съ непокрытой головой, я все же молился усерднѣе многихъ другихъ, надѣвшихъ бѣлыя тоги, украсившихъ головы вѣнками изъ листьевъ, повторявшихъ слова самого великаго понтифика. Я возносилъ моленія Юпитеру всемогущему, Меркурію съ окрыленной стопой, таинственному Митрѣ, котораго философы отожествляютъ съ Солнцемъ и Аполлономъ, и той Великой Матери Боговъ, святилище которой особенно чтится въ нашей Лакторѣ.

Я дошелъ до такого униженія, что обращался съ мольбами даже къ Іудейскому Христу, обѣщая увѣровать въ него и сдѣлаться христіаниномъ, если онъ спасетъ меня. Я припоминалъ слова христіанскихъ молитвъ, которыя мнѣ случалось слышать, обращался къ Богу, называя его „Отче нашъ“ и стоя на колѣняхъ, умолялъ простить мнѣ мои грѣхи. „Твой ангелъ вывелъ изъ темницы апостола Петра,—говорилъ я,—выведи меня, и я увѣрую въ Тебя! Ты явился, на пути въ Дамаскъ, Савлу, гнавшему Твоихъ послѣдователей, и Савлъ сталъ твоимъ апостоломъ: явись мнѣ, и я пойду проповѣдывать Твое имя!“ Я крестился, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые христіане, и распростирался ницъ, какъ передъ алтаремъ.

Потомъ моя болѣзнь усилилась до того, что меня сталъ мучить бредъ. Лежа безъ сознанія, я видѣлъ передъ собой тѣхъ, кого тамъ не было, и слышалъ голоса, которые тамъ не раздавались. То мнѣ представлялось, что я нахожусь въ лупанарѣ, гдѣ Реа изобрѣтаетъ невѣдомыя формы ласкъ и заставляетъ меня, вмѣстѣ съ толпою продажныхъ женщинъ,

поклоняться Змѣю; то,—что я сижу на пиру, въ домѣ Коликарія, и всѣхъ изумляю разумностью своихъ рѣчей. Одинъ разъ мнѣ показалось, что ко мнѣ въ темницу вошелъ тотъ юноша, похожій на Антиноя, съ кроваво-алыми губами, котораго мы съ Реей облекли въ пурпуръ, и, торжествуя, сказалъ мнѣ: „Я сдѣлаюсь царемъ міра, народы поклонятся мнѣ, а ты за это долженъ будешь погибнуть. Твое тѣло—ступень къ моему трону!“ Другой разъ я явственно увидѣлъ, какъ сквозь стѣну, въ легкомъ сіяніи, проникъ Цилленій, являвшійся въ такомъ видѣ отцу-Энею, и, простирая ко мнѣ свой кадуцей, произнесъ стихъ, не знаю откуда сохранившійся въ моей памяти:

Оркъ въ преисподнюю васъ, не колеблясь, умчитъ обнаженныхъ.

Но чаще всего являлась мнѣ Гесперія, — въ различныхъ образахъ, одѣтая въ шелкъ и совсѣмъ обнаженная, но всегда съ жестокой усмѣшкой на устахъ и съ безпощадными словами. То она передъ моими глазами совершала любодѣйство съ наряженнымъ, какъ женщина, Юліаніемъ, то злобно потѣшалась надъ моимъ безсиліемъ и несчастіемъ, то, ставъ на колѣни, говорила: „Вѣдь я тебя поцѣловала, мой Юній, мой милый Юній, чего же тебѣ больше! Развѣ мой поцѣлуй не достаточная награда за жизнь? не говорилъ ли этого ты мнѣ самъ? Я даже скучала по тебѣ въ Римѣ. Развѣ это не высшее, о чемъ можетъ мечтать человѣкъ? Тебя будутъ терзать пытками, будутъ ломать твои кости, вырывать твои жилы, выжгутъ тебѣ глаза,—но ты восклицай: я счастливъ, потому что терплю это все во имя прекрасной Гесперіи! А я, поистинѣ, прекрасна!“ И говоря такъ, она изгибала свое обнаженное тѣло, показывала мнѣ плечи, грудь, бедра, являла всю красоту статуи и все величіе богини, показывала всю ловкость гетеры и все искусство жрицы Пріапа. А когда, въ порывѣ желанія и ярости, я устремлялся къ Гесперіи, она ускользала отъ моихъ рукъ, хохотала издали и опять кричала мнѣ: „Не забудь, что ты прикованъ цѣпью! Ты свое получилъ отъ меня—поцѣлуй, одинъ поцѣлуй, а другіе полу-

чаютъ все остальное, мои ласки, мою любовь, мои страстныя слова!"

Такія видѣнія бреда мучили меня безпрерывно цѣлыми часами, а, очнувшись, я опять видѣлъ вокругъ сырыя стѣны темницы, каменный полъ, съ бѣгающими по немъ сороконожками, да тусклое пятно надъ дверью, откуда лился слабый сѣрый свѣтъ, не похожій на солнечный лучъ. И мнѣ приходило въ голову, что обо мнѣ просто позабыли, что долгіе годы, всю, можетъ быть, жизнь мнѣ суждено провести въ подземеліяхъ священнаго дворца, что къ солнцу и къ звѣздамъ я вновь выйду лишь сѣдымъ и разслабленнымъ старикомъ.

XIII.

Мнѣ казалось, что я въ темницѣ провелъ безконечно много дней, число которыхъ я даже пересталъ считать. Между тѣмъ, какъ я узналъ потомъ, все мое заключеніе длилось немногимъ больше мѣсяца. Но болѣзнь заставляла меня видѣнія бреда принимать за дѣйствительность и недолгое, сравнительно, испытаніе превратила для меня въ безконечную пытку.

Было утро, какъ я догадывался по тому, что забранное рѣшеткой отверстіе надъ дверью чуть-чуть сѣрѣло, когда ко мнѣ въ темницу, кромѣ обычныхъ двухъ тюремщиковъ, вошло еще двое стражей. Я лежалъ на соломѣ, измученный ночнымъ бредомъ, весь содрогаясь отъ внутренняго холода, и не обратилъ на вошедшихъ никакого вниманія. Но вмѣсто того, чтобы швырнуть мнѣ полукругъ хлѣба и поставить около моего ложа разбитый кувшинъ съ водой, пришедшіе приблизились ко мнѣ и стали снимать съ меня цѣпи, одну отперевъ ключомъ, другія разбивая молоткомъ. Смутно я подумалъ, что меня сейчасъ поведутъ на допросъ и на пытку, но въ ту минуту мнѣ все было безразличнымъ, и я не сдѣлалъ никакой попытки сопротивляться.

Освободивъ меня отъ цѣпей, тюремщики подняли меня, но я не могъ стоять на затекшихъ ногахъ и валился, какъ раненый на смерть гладіаторъ. Тогда двое изъ вошедшихъ, обмѣнявшись словами на незнакомомъ мнѣ языкѣ, взяли

меня за руки и поволокли къ двери. Я почти не могъ ступать, и меня несли, какъ безжизненное тѣло.

За дверью темницы была лѣстница, и мы, пройдя по ней ступеней пятьдесятъ, оказались на площадкѣ съ низенькой желѣзной дверью; люди, ведшіе меня, открыли эту дверь, и я вдругъ оказался на маленькомъ внутреннемъ дворѣ дворца, окруженномъ высокими бѣлыми стѣнами, ослѣпительно сверкавшими подъ яснымъ зимнимъ солнцемъ. Этотъ яркій свѣтъ, вонзившійся въ мои глаза, привыкшіе къ постоянной темнотѣ, показался мнѣ ударомъ ножа, — я зажмурился отъ боли и ужаса. Въ то же время чистый январскій воздухъ, влившійся въ мою грудь, опьянилъ меня, какъ самое крѣпкое вино, и нѣсколько минутъ я ничего не понималъ.

Когда, наконецъ, я открылъ глаза и, щурясь отъ нестерпимаго блеска, сталъ озираться, растворились ворота, и я увидѣлъ, что прямо ко мнѣ идетъ Симмахъ, улыбаясь и наклоняя голову въ знакъ привѣтствія. Вдругъ безмѣрная радость охватила меня; я не думалъ въ ту минуту о томъ, что̀ мнѣ принесъ Симмахъ, добрыя вѣсти или плохія, пришелъ ли онъ спасти меня или въ послѣдній разъ проститься со мной: я былъ счастливъ уже тѣмъ, что вновь увидѣлъ человѣка себѣ близкаго, что могу сказать хоть одно слово тому, кто меня знаетъ. Я упалъ бы на колѣни, если бы стражи не поддерживали меня, и воскликнулъ:

— Симмахъ! благодарю тебя! Всѣмъ, всѣмъ передай, что умирать страшно.

Я самъ не сознавалъ, что̀ говорю, и слезы полились у меня изъ глазъ. Симмахъ подошелъ ко мнѣ близко и сказалъ просто:

— Юній, ты—свободенъ.

Не то, чтобы я не понялъ словъ Симмаха, но я сразу почувствовалъ, какое отчаянье овладѣетъ мною, если я имъ повѣрю, а они потомъ окажутся ошибочными. Поэтому, защищая себя отъ будущаго разочарованія, лицемѣря въ тотъ мигъ съ самимъ собой, я переспросилъ:

— Что̀ ты говоришь? Я не разслышалъ.

Симмахъ повторилъ:

— Ты—свободенъ. Но здѣсь не мѣсто говорить. Не произноси ни слова. Иди за мной.

Я продолжалъ смотрѣть на Симмаха, и здѣсь другая мысль испугала меня: что все это—снова бредъ, видѣніе лихорадки или коварный обманъ, посланный какимъ-то демономъ, и во второй разъ я переспросилъ, съ тоской, но уже съ надеждой:

— Повтори мнѣ свои слова. Я не вѣрю.

Симмахъ взялъ меня за руку и повторилъ уже строго:

— Нѣтъ времени медлить. У меня есть приказъ о твоемъ освобожденіи. Должно воспользоваться имъ немедленно. Иди за мной и тотчасъ уѣзжай изъ Медіолана.

Послѣ этихъ словъ Симмаха уже не могло быть сомнѣній. Но потому ли, что я былъ слишкомъ измученъ, или потому, что вся радость моего сердца вылилась въ ту минуту, когда я увидѣлъ Симмаха, только у меня не нашлось силъ, чтобы еще больше обрадоваться извѣстію о своемъ освобожденіи. Я даже не сразу нашелъ, что̀ отвѣтить, и нѣкоторое время молча смотрѣлъ на Симмаха.

Симмахъ, какъ всегда, былъ одѣтъ изысканно; на немъ былъ теплый паллій, застегнутый на плечѣ драгоцѣнной фибулой; на ногахъ, въ виду холода, вмѣсто крепидъ, сенаторскіе кальцеи, такъ старательно вычищенные, что̀ они сверкали на солнцѣ; голова тоже была покрыта шапкой, вродѣ простого, но изящнаго пилея, словно Симмахъ собирался въ путешествіе. Въ эту минуту я вспомнилъ, какъ ужасенъ мой внѣшній обликъ: на мнѣ была вся изорванная и неимовѣрно грязная туника, сквозь которую просвѣчивало тѣло; ноги были босы; волосы на головѣ всклокочены. И вмѣсто отвѣта я сказалъ:

— Могу ли я ѣхать въ такомъ видѣ! Мнѣ стыдно даже смотрѣть на тебя! Къ тому же теперь зима, и безъ плаща я замерзну.

— Я обо всемъ позаботился, — возразилъ Симмахъ, кажется, удивленный моимъ возраженіемъ,—только иди за мной.

Стражи, по знаку Симмаха, выпустили меня; но я, едва сдѣлавъ два шага, закачался и упалъ: ноги не держали меня. Симмахъ сильной рукой поднялъ меня и повелъ. У воротъ онъ показалъ стоявшему тамъ начальнику стражи приказъ, подписанный Македоніемъ, и насъ пропустили. За воротами Симмаха дожидались носилки съ четырьмя рабами.

— Садись, Юній, — приказалъ мнѣ Симмахъ, — они тебя отнесутъ до Эмиліевой заставы, гдѣ уже ждетъ тебя карпента и Авреліанъ, на котораго ты можешь положиться. Когда-нибудь послѣ я разскажу тебѣ, какъ мнѣ удалось тебя спасти. Въ наши дни все продается, можно было купить и твою свободу. Кстати, скажи мнѣ, есть ли у тебя деньги?

Я отвѣтилъ, что у меня отняли все, что̀ у меня было. Симмахъ далъ мнѣ кошелекъ и подтвердилъ еще разъ:

— Не останавливайся нигдѣ. Изъ предѣловъ Лигуріи выѣзжай, какъ можно скорѣе. Нѣтъ такого приказа, который нельзя было бы взять назадъ. И о томъ, что̀ съ тобой случилось въ Медіоланѣ, говори какъ можно меньше.

Только здѣсь я замѣтилъ, что еще не поблагодарилъ Симмаха за свое спасеніе.

— Симмахъ!—воскликнулъ я.—Ты мнѣ спасъ жизнь. Теперь моя жизнь принадлежитъ тебѣ. Когда захочешь, ты ее можешь потребовать, и я умру за тебя.

Симмахъ чуть-чуть улыбнулся въ отвѣтъ на эти мои восторженныя слова, потомъ помогъ мнѣ сѣсть въ носилки и махнулъ рукой. Рабы быстро побѣжали по мостовой, а я, задернувъ занавѣси носилокъ, съ наслажденіемъ распростерся на мягкомъ, чистомъ, ароматномъ ложѣ и покрылся одѣяломъ изъ мохнатаго амфималла. Но переходъ отъ душной тюрьмы и грязнаго вороха соломы къ красивымъ позолоченнымъ носилкамъ съ постелью, набитой упругимъ волосомъ и обрызганной восточными благоуханіями, отъ положенія узника, ожидающаго каждый день пытки и казни, къ сладостному отдыху на плечахъ послушныхъ рабовъ, былъ такъ стремителенъ, что я не могъ сохранить обладанія собой,

и всю дорогу плакалъ, заливъ слезами вышитую шелкомъ подушку.

У заставы меня, дѣйствительно, ждала запряженная карпента, около которой стоялъ рабъ Симмаха, старикъ Авреліанъ. Въ прежніе дни я не удостаивалъ его слова, но теперь встрѣтилъ, какъ близкаго друга, и, несмотря на то, что онъ былъ сыномъ раба, обнялъ и поцѣловалъ, плача. Авреліанъ завернулъ меня въ широкій теплый плащъ и уложилъ въ карпенту, какъ ребенка. Тотчасъ мы отправились въ путь, покидая Медіоланъ съ такой поспѣшностью, что у меня не было никакой возможности освѣдомиться о судьбѣ Реи, которую, можетъ быть, также выслѣдилъ проклятый Сиріецъ и которая, можетъ быть, подобно мнѣ, томилась въ какомъ-нибудь душномъ подземеліи.

Съ самаго начала пути моя болѣзнь опять начала меня мучить, и я то впадалъ въ забытье, то громко бредилъ, воображая себя въ тюрьмѣ, прикованнымъ за ногу цѣпью къ стѣнѣ. Я громко кричалъ, умоляя пошадить меня или проклиная враговъ, а иногда декламировалъ свои стихи, сочиненные въ темницѣ. На первой остановкѣ Авреліанъ отвелъ меня въ баню, вымылъ мое измученное и исхудалое тѣло и расчесалъ волосы, но это мнѣ не помогло, и лихорадка не ослабѣвала. Мансіоны и города, поля и горы, ясные и ненастные дни мелькали мимо меня, смѣшиваясь съ образами бреда, и все мое обратное путешествіе изъ Медіолана въ Римъ было похоже на одинъ длинный и мучительный сонъ, который терзаетъ больного на его печальномъ одрѣ.

Но все та же единая мысль, которая завладѣла моей душой въ темницѣ, преодолѣвала и бредъ и смятеніе мыслей, Она носилась надъ хаосомъ моихъ чувствъ и воспоминаній, надъ этой „нестройной и безсвязной громадой“. Она примѣшивалась ко всѣмъ моимъ видѣніямъ, ко всѣмъ моимъ словамъ, разумнымъ и несознательнымъ. Она стояла передо мной, какъ божество, требующее поклоненій и умилостивительныхъ жертвъ, какъ Баалъ, ждущій, что въ его раскаленную пасть бросятъ живыхъ младенцевъ, чтобы успокоить его

ненасытную алчность. Эта мысль была та, что я выразилъ въ надписи, сохранившейся, какъ загадка для будущихъ узниковъ, на тюремной стѣнѣ, въ подземельи священнаго дворца въ Медіоланѣ: „Дочь Кебрена, я отомщу тебѣ!“.

Ненависть къ Гесперіи, съ безпечной душой пославшей меня на смерть, палила меня огнемъ. Вмѣсто прежней благоговѣйной любви, вмѣсто того чувства, что испытываютъ вѣрующіе передъ алтаремъ, ощущалъ я только ожесточенную злобу, въ которой захлебывался, какъ тонущій въ соленой водѣ океана. Отомстить Гесперіи, наказать ее, унизить ее, заставить ее извѣдать хотя бы половину тѣхъ страданій, какія я пережилъ,—вотъ съ какимъ страстнымъ, неукротимымъ желаніемъ я ѣхалъ вторично въ Римъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Объясненіе сокращеній, принятыхъ въ примѣчаніяхъ, см. въ спискѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ (въ концѣ слѣдующаго тома).

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Стр. 1. „Римъ золотой". Prima urbes inter divom domus aurea Roma, говоритъ Авсоній (Aus. Ordo urbium nob., I). Et venerata Deum percenseat aurea Roma, повторяетъ Пруденцій (Prud. Apotheos., 385).

Стр. 1. Божественный Юлій, т.-е. Цесарь.

Стр. 1. Аквитаніей вообще назывался юго-западный уголъ Франціи, который носилъ это названіе въ до-Цесаревой Галліи. Позднѣе (I—III в. по Р. Х.) понятіе Аквитаніи было расширено почти на половину Галліи. Реформа Діоклеціана, измѣнившая дѣленіе всей имперіи, образовала двѣ провинціи Аквитаніи, первую и вторую, входившія въ составъ Віеннской діецесы.

Стр. 1. Трижды-четырежды блаженными тѣ... Намекъ на выраженіе Вергилія (Aen. I, 94);

O, terque quaterque beati...

Ср. стихи Рутилія Намаціана (IV—V в., Rut. Nam., De Reditu, 5—8):

O quantum, et quoties, possem numerare beatos
Nasci felici qui meruere solo!
Qui, Romanorum procerem generosa propago,
Ingenitum cumulant Urbis honore decus.

Стр. 1. Принести тріумфальныя жертвы. Принесеніе пышныхъ жертвъ на Капитоліи тріумфаторомъ составляло существенную часть тріумфа. Послѣдній тріумфъ въ Римѣ былъ отпразднованъ Діоклеціаномъ.

Стр. 1. Пока... „Римлянинъ власть отцовъ сохраняетъ". Стихъ Вергилія (Aen. IX, 449):

Dum—
... Imperiumque patrum Romanus habebit.

Выраженіе „patrum", вмѣсто читающагося въ кодексахъ „pater'"—удачная коньектура, предложенная Kvičala.

Стр. 1. О печальномъ состояніи многихъ прославленнѣйшихъ памятниковъ старины... О состояніи памятниковъ старины въ Римѣ въ IV в. см. Грегоровіуса, Thédenat и др. До насъ дошли два описанія (путеводителя) Рима IV в.: Curiosum urbis (новѣйшіе изслѣдователи относятъ ко времени между Константиномъ В. и Ѳеодосіемъ мл.) и Notitia (относится ко времени Ѳеодосія мл.).

Стр. 1. Новый Римъ—Константинополь, названіе оффиціальное (Roma Nova).

Стр. 1. Вѣчный городъ — оффиціальный титулъ Рима въ Cod. Theod., напр., Intra urbem Romam aeternam... (Lib. XV, tit. I, 11), и выраженіе, употребляемое многими римскими писателями.

Стр. 2. О старинныхъ театрахъ... Число собственно театровъ не увеличивалось въ Римѣ съ эпохи Августа; ихъ было три: Бальбы, Марцелла, Помпея.

Стр. 2. Храмы покрытые золотомъ, и, прежде всего, храмъ Юпитера Капитолійскаго съ золотой крышей и золотыми воротами, и подали поводъ къ именованію Рима „золотымъ".

Стр. 2. На сценѣ можно видѣть Арабійскихъ танцовщицъ или Кастабальскихъ кулачныхъ бойцовъ... и т. д. Въ описаніи имперіи, составленномъ во времена Констанція, говорится о Сиріи: „Антіохія имѣетъ въ избыткѣ все, чего можетъ желать, но главнымъ образомъ конныя ристанія. Въ Лаодикеѣ, Беритѣ, Тирѣ, Цесареѣ (Палестинской) также есть конныя ристанія. За свои предѣлы Лаодикея посылаетъ наѣздниковъ, Тиръ и Беритъ—актеровъ, Цесарея—пантомимовъ, Геліополь у Либана — флейтистовъ, Газа — музыкантовъ, Аскалонъ — силачей. Кастабала — кулачныхъ бойцовъ". (Моммсенъ, V, 450).

Стр. 2. Римъ — средоточіе міра. Въ сходныхъ выраженіяхъ прославляли Римъ своего времени Амміанъ Марцеллинъ, Пруденцій, Клавдіанъ, Рутилій и др. Ораторъ Темистій пишетъ; „Inclyta ad celebris Roma immensum est, atque omni oratione maius pelagus pulchritudinis". (Themist. Orat. 13, цитата у Грегоровіуса, I, 44). Амміанъ Мирцелинъ называетъ Римъ „lar imperii" (Amm. XVI, 10), и т. д.

Стр. 3. Ѣхали въ Римъ, чтобы учиться. Такихъ было много. См. эдиктъ Валентиніана, Валента и Граціана: Quicumque ad Urbem discendi cupiditate veniunt... (Cod. Theod., Lib. XIV, tit. IX, 1).

Стр. 3. Какъ реторы перебиваютъ другъ у друга учениковъ. Евнапій Фаворинъ и др. свидѣтельствуютъ, что профессора собирались на пристани, чтобы заманивать къ себѣ пріѣхавшихъ учениковъ, давали для нихъ обѣды съ красивыми служанками, ждали у дверей, пока ученикъ проснется и т. под. См. G. Boissier, I, 177—178.

Стр. 3. Изысканные люди ѣдутъ на острова Британнскаго океана. „Ни въ одной странѣ нѣтъ такихъ многочисленныхъ и прекрасныхъ останковъ римскихъ городскихъ домовъ и загородныхъ виллъ, какъ въ Британніи". (Ф. Т. Ричардсъ).

Стр. 4. Вся реторика. Предметы высшаго образованія назывались въ Римѣ реторикой и ихъ профессора реторами. Объ организаціи высшаго образованія у римлянъ см. G. Boissier, R. Pichon, нашу брошюру „Великій Риторъ" и ниже примѣчанія къ гл. X—XI.

Стр. 4. Римскій Портъ. Такъ какъ Остія была мало пригодна для правильнаго судоходства (частые заносы русла рѣки пескомъ и т. под.), то императоры поблизости устроили искусственный портъ, который получилъ названіе Portus Augusti или Troiani, а въ IV в. обычно именовался Portus Romanus.

Стр. 4. Гептера, hepteris,—военное судно въ 7 рядовъ веселъ.

Стр. 4. Магистръ корабля—капитанъ, подъ начальствомъ котораго находились: hortator, gubernator и nauti (матросы).

II.

Стр. 5. Реда, reda, — четырехколесная повозка. Въ эпоху имперіи по сушѣ и по морю, частными предпринимателями, поддерживалось срочное товаро-пассажирское сообщеніе.—Независимо отъ этого существовала государственная почта, для перевозки правительственныхъ писемъ и для проѣзда должностныхъ лицъ (cursus publicus).

Стр. 5. Въ Сирійской шапкѣ. Высокій головной уборъ. Въ концѣ имперіи съ одной стороны чужеземныя моды вторгались въ Италію, съ другой замѣчалось пристрастіе провинціаловъ къ своимъ національнымъ одеждамъ.

Стр. 6. Поэтъ о богѣ Любви. Намекъ на стихи Апулея (Apul. Metam., IV):

> Nec speres generum mortali stirpe creatum,
> Sed saevum atque ferum, vipereumque malum.

Стр. 6. Какъ смотрѣли на сикофантовъ древніе греки. Намекъ на слова Сократа, который въ отвѣтъ на жалобу Критона, что въ Аѳинахъ трудно жить въ виду частыхъ доносовъ, сказалъ, что, подобно тому, какъ слѣдуетъ держать собакъ, чтобы волки не трогали овецъ, надо имѣть при себѣ человѣка, знающаго законы, который бы могъ защищать отъ преслѣдованій сикофантовъ. Жалобы на сикофантовъ находимъ у Аристофана, Демосфена и мн. др.

Стр. 7. Палла, palla, — плащъ, который женщины носили сверхъ туники и столы.

Стр. 7. Колобій, colobium,—родъ туники съ очень короткими рукавами или вовсе безъ рукавовъ. Lexique опредѣляетъ: courte tunique tombant jusqu'aux genoux et munie de deux manches très courtes.

Стр. 7. Словно холодъ Британіи пробѣжалъ по моимъ членамъ. Сходное выраженіе находимъ у Петронія: ego autem frigidior hieme Gallica factus. (Petr. Sat., XIX).

Стр. 7. Участь Аполлинарія и Мараса. Два Аполлинарія, отецъ и сынъ, и діаконъ Марасъ были казнены въ 353 г., въ Антіохіи, по обвиненію (повидимому, несправедливому) въ причастности къ темному дѣлу о изготовленіи въ Тирѣ пурпурнаго императорскаго облаченія (indumentum regale). Амміанъ Марцеллинъ, разсказывающій эту исторію, опредѣляетъ одѣяніе именно какъ „тунику безъ рукавовъ" — pectoralis tunica sine manicis. (Amm. Marc. XIV, 7, 20; 9, 7).

Стр. 8. Твоя родина славится канатными плясунами. См. выше, примѣч. къ гл. I.

Стр. 8. Изъ корпуса agentium in rebus. Schola agentium in rebus—учрежденіе, которое можно сравнить съ современной тайной полиціей и корпусомъ жандармовъ. Члены его стояли въ распоряженіи magistri officiorum и дѣлились на чины: ducenarii, centenarii, biarchi, circitores, equites. Curiosi—буквально значитъ: любопытные, т.-е. шпіоны, соглядатаи. См. Ю. Кулаковскій, I, 32. Ср. Cod. Theod. Lib. XII, tit. 20, 3 et passim.

Стр. 8. Массилія, Massilia,—нынѣ Марсель.

Стр. 8. Лактора, Lactora,—нынѣ Lectoure, городъ въ Галліи, на рѣкѣ Aegirtius, нынѣ Gers. См. о Лакторѣ и ея правахъ особое изслѣдованіе въ Revue de Philologie, 1911 г. (avril).

Стр. 8. Юній — извѣстный римскій gens. Въ послѣднія времена имперіи, по консульскимъ фастамъ и по упоминаніямъ авторовъ, мы знаемъ Юніевъ съ cognomina: Niger, Rufinus, Rusticus, Severus, Silanus, Veldumnianus и др. Ср. объясненія самого Децима Юнія Норбана въ повѣсти „Юпитеръ Поверженный", гл. II.

III.

Стр. 12. Торговля шелкомъ приняла огромные размѣры въ эпоху имперіи. О путяхъ этой торговли см. Приложеніе (къ слѣдующему тому).

Стр. 12. О налогахъ, порторіяхъ и разныхъ сборахъ. Portorium—таможенный сборъ, взимавшійся при провозѣ товаровъ черезъ границы государства, провинцій и городовъ (такъ что онъ соотвѣтствовалъ французскимъ: douane, péage и octrois). Обычный его

размѣръ былъ 0,025 цѣны товара. Сборщикъ порторія именовался portitor (стр. 13).

Стр. 12. О Сирійскомъ холстѣ и т. д. „Сирійскій холстъ,—говоритъ описаніе имперіи временъ Константина В.,—разсылается изъ Скитополя, Лаодикеи, Библоса, Тира, Берита по всему свѣту"... Милетская и галатская (по нашему „ангорская") шерсть, золотошвейныя издѣлія атталійцевъ, сукно, приготовленное на фабрикахъ Фригійской Лаодикеи, издѣлія ювелировъ Эфеса, — все это были прославленные продукты. (Моммсенъ, V, 455).

Стр. 12. О знаменитой ярмаркѣ въ Батнѣ (Batna—городъ неподалеку отъ Евфрата) пишетъ Амміанъ Марцеллинъ. (Amm. Marc. XIV, 3, 3).

Стр. 13. Быстро проѣзжали карпенты. Carpentum — повозка на двухъ колесахъ съ верхомъ и занавѣсями.

Стр. 13. Медленно тащились плавстры. Plaustrum—общее названіе, которое вообще давалось повозкамъ. Однако, ближе оно означаетъ родъ грубой колесницы, колеса которой, сдѣланныя изъ одного куска, не имѣли спицъ. Ось была прикрѣплена къ колесамъ и вертѣлась съ ними.

Стр. 13. Наша реда остановилась около храма Фортуны Сильной. Ѣзда по Риму въ экипажахъ была долгое время воспрещена, но за послѣднія столѣтія все чаще этотъ запретъ нарушался. Александръ Северъ разрѣшилъ ѣздить по городу сенаторамъ. (Hist. Aug., Alex. Sev., XLIII). Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о быстрой ѣздѣ по городу богатыхъ лицъ (см. ниже). Впрочемъ, храмъ Фортуны Сильной (tempulm Fortis Fortunae) находился тотчасъ за городскими воротами.

Стр. 13. Носильщики (baiuli) образовывали особую корпорацію среди римскихъ ремесленниковъ.

Стр. 13. Копона, можетъ быть, правильнѣе кавпона, caupona,—виноторговля, гдѣ на мѣстѣ пили вино.

Стр. 14. Виминалъ, въ позднѣйшую эпоху, былъ населенъ болѣе бѣдными людьми, и сенаторъ могъ жить въ этой мѣстности Рима лишь какъ исключеніе.

Стр. 14. Мостъ Проба, позднѣе Ѳеодосія,—самый западный изъ мостовъ черезъ Тибръ въ Римѣ.

Стр. 14. Прохожихъ, за которыми шли рабы съ фонарями.—Въ Италіи не было обыкновенія по ночамъ освѣщать улицы. Либаній (IV в.) съ восторженнымъ удивленіемъ говорилъ о ночномъ освѣщеніи Антіохіи. „Ночью солнечный свѣтъ затмеваютъ другія свѣтила, которыя далеко превосходятъ праздничную египетскую иллюминацію; у насъ ночь различается ото дня только различіемъ освѣщенія. Прилежныя руки не находятъ между ними никакой разницы и не пре-

кращаются работы, а кому это не нравится, тотъ поетъ и танцуетъ". (Моммсенъ, V, 448). Амміанъ Марцеллинъ, разсказывая, что Галлъ, братъ императора Юліана, увлекался въ Антіохіи ночными похожденіями, удивляется, что онъ это дѣлалъ въ городѣ, „гдѣ ночное освѣщеніе почти равняется дневному свѣту". (Amm. Marc. XIV, 1, 9).

Стр. 14. Берегись собаки. Обычай писать мозаикой на порогѣ дома „Cave canem" сохранялся до самыхъ позднихъ временъ имперіи.

Стр. 14. Рабъ-привратникъ, ostiarius, часто приковывался на длинной цѣпи близъ входной двери, въ своей комнаткѣ (cella ostiaria).

Стр. 14. Освѣщенный двойной висячей луцерной. Образцы такихъ лампъ, съ двумя резервуарами для масла, можно видѣть въ Неаполитанскомъ и др. музеяхъ.

Стр. 14. Вестибулъ, vestibulum,—въ болѣе древнее время было въ римскомъ домѣ небольшимъ внѣшнимъ портикомъ или просто современнымъ „подъѣздомъ". Съ эпохи Антониновъ вестибуломъ называютъ первую комнату дома, въ которую посѣтители попадали, перейдя порогъ, по нашему „переднюю", „прихожую".

Стр. 14. Таблинъ, tablinum,—комната въ глубинѣ атрія, служившая большею частью кабинетомъ хозяину дома.

Стр. 15. Номенклаторъ, nomenclator, — рабъ, на обязанности котораго было объявлять имена посѣтителей.

Стр. 15. Таблички, т.-е. вощаныя tabellae, которыми римляне пользовались для записи разныхъ замѣтокъ.

Стр. 15. Абакъ, abacus,—римскіе счеты.

Стр. 15. Рабъ-виликъ, vilicus, — рабъ, поставленный старшимъ надъ другими рабами въ загородномъ имѣніи, во главѣ такъ называемой familia rustica.

Стр. 15. Пресидомъ Новемпопуланы. Послѣ реформы Діоклеціана имперія была раздѣлена на діецессы, а діецессы—на провинціи; во главѣ провинцій стояли большею частью пресиды, praesides. Novempopulana—провинція въ юго-западномъ краю Галліи, граничащая съ Океаномъ и Пиринеями.

Стр. 15. Ты надъ народами... Стихи Вергилія (Aen. VI, 851—2):

> Tu regere imperio populos, Romane, memento.
> Haec tibi erunt artes...

Стр. 16. Агизамба, Agyzamba, — „страна носороговъ", лежащая на югѣ отъ Фазаніи, куда, по свидѣтельству Плинія (Hist. Nat., V, 1, VI, 29), проникли (въ I в. по Р. Х.) сначала Септимій Флаккъ, потомъ Юлій Матернъ. Послѣдній, повидимому, переступилъ 20 параллель и немного не дошелъ до озера Чадъ. (Duruy, IV, 431, Моммсенъ, V, 584, 627).

Стр. 16. Цинцинатъ, Регулъ, вдова Сципіона. Сходные

примѣры скромности и нестяжательности древнихъ римлянъ приводитъ Амміанъ Марцеллинъ. „Ex collatitia stipe Valerius humatur ille Poplicola, et subsidiis amicorum mariti inops cum liberis uxor alitur Reguli, et dotatur ex aerario filia Scipionis"... etc. (Amm. Marc. XIV, 6, 11).

Стр. 17. Неронъ исполнялъ древній обычай. По римскому преданію, царь считалъ своимъ долгомъ на всякій пожаръ являться лично; эта обязанность перешла на консуловъ. Неронъ, присутствуя на большомъ пожарѣ Рима, ссылался на этотъ древній обычай. Въ наши дни его соблюдаетъ иногда итальянскій король.

Стр. 17. Позвонилъ въ колокольчикъ. Колокольчикъ, tintinnabulum, въ Римѣ, въ повседневной жизни употреблялся приблизительно для тѣхъ же надобностей, какъ теперь. (Lexique).

Стр. 17. Мѣстное деревенское вино — vini rustici.

Стр. 17. Марсу Градиву. Gradivus, т.-е. грядущій (на поле битвы)—обычный эпитетъ Марса.

Стр. 17—18. Утратили мы Дакію, Германію, часть Британніи и пять провинцій между Евфратомъ и Тигромъ. Дакія была уступлена потомъ Авреліаномъ въ 270 г.; германскія провинціи были утрачены римлянами еще при Августѣ, но здѣсь разумѣется занятіе аллеманами „декуматскихъ полей", въ началѣ IV в.; часть Британніи была очищена отъ римскихъ войскъ при Діоклеіанѣ, другая часть при Валентиніанѣ I (369 г. по Р. Х.); пять провинцій между Евфратомъ и Тигромъ были уступлены персамъ по миру, заключенному, послѣ убіенія Юліана, Іовіаномъ (363 г. по Р. Х.).

Стр. 18. Какое званіе на землѣ выше сенаторскаго Симмахъ называетъ сенаторовъ: „pars melior humani generis." (Symm. I, 52 aliis ed. 46).

Стр. 18. Бебіи, Baebii, — плебейскій родъ, достигшій сенаторства поздно. Мы знаемъ Бебіевъ съ cognomina: Honoratus, Macer, Tullus, Dives, Sulca, Tamphilus и др. (Fasti; Amm. Marc. etc.).

Стр. 18. Битва у Мульвіева моста (pons Mulvius) или у Красныхъ скалъ (при via Flaminia) произошла между Константиномъ В. и Максенціемъ 27 октября 312 г.

Стр. 18. Дормиторій, dormitorium,—спальня.

Стр. 18. Фотида, Fotis, — героиня „Метаморфозъ", т.-е. „Золотого Осла" Л. Апулея (который былъ родомъ изъ Африки).

IV.

Стр. 19. Найду тамъ толпу кліентовъ. Обычай, чтобы кліенты ежедневно утромъ привѣтствовали патрона не только сохранялся, но и былъ широко распространенъ въ IV в. См. Amm. Marc. XIV, c. VI, 13: salutandi adsiduitas.

Стр. 19. Крылья атріи—alae; перистилій, peristylium,—внутренній дворъ, окруженный колоннадой, иногда съ водоемомъ посерединѣ.

Стр. 20. Лактора славилась своимъ храмомъ Матери Боговъ.

Стр. 20. Толоса — нынѣ Тулуза; Бурдигала — Бордо; Гарумна—Гаронна.

Стр. 21. Clarissimi—титулъ римскихъ сенаторовъ.

Стр. 22. Въ Римѣ жить дорого. Уже Веллей Патеркулъ говорилъ, что тотъ, кто проживаетъ въ годъ всего 6.000 сестерцій, едва можетъ считаться сенаторомъ. (Speck, III, 3, стр. 614).

Стр. 23. Триклиній, triclinium,—названіе обѣденнаго ложа и столовой.

Стр. 23. Acta diurna — ежедневная газета, разсылавшаяся должностнымъ лицамъ; въ эпоху, изображаемую въ повѣсти, она, можетъ быть, уже не существовала, хотя G. Boissier думаетъ иначе (II, 159).

Стр. 23. Сообщалъ всѣ происшествія за день. Что священники въ IV в. играли въ семьяхъ роль французскихъ аббатовъ XVII—XVIII в., см. G. Boissier, II, 190—191. Тамъ приведено свидѣтельство св. (по-нашему — блаженнаго) Іеронима (331 — 419), который говоритъ (Epist. XXII) о священникѣ-параситѣ: „Онъ торопливо встаетъ съ восходомъ солнца, опредѣляетъ чередъ своихъ посѣщеній, выбираетъ самые короткіе пути, и застаетъ едва ли не въ постелѣ тѣхъ женщинъ, къ которымъ идетъ. Увидитъ онъ красивую подушку или скатерть или что-нибудь въ этомъ родѣ,—онъ ихъ хвалитъ, трогаетъ, восхищается ими и жалуется, что у него нѣтъ ничего подобнаго, и достигаетъ, что ему дарятъ это. Куда бы вы ни пошли, это первое лицо, которое вы встрѣтите. Онъ знаетъ всѣ новости и бѣжитъ, чтобы всѣмъ ихъ разсказать. Въ случаѣ надобности, онъ и выдумываетъ извѣстія."

Стр. 24. Порой по улицѣ стремглавъ пролетала колесница. Ср. Amm. Marc. XIV, c. VI, 16—17. „Отмѣчу, что иные изъ знати разъѣзжаютъ сломя голову по обширнымъ пространствамъ Города и мощенымъ улицамъ и, не думая объ опасности, мчатся, какъ курьеры, волоча за собой толпы рабовъ, словно какую шайку разбойниковъ, не оставляя дома даже и шута, какъ выразился комическій поэтъ (Terent. Eun., 780). Подражая имъ и многія матроны мечутся по всѣмъ концамъ Города, хотя и съ закрытыми лицами и въ носилкахъ. Какъ опытные полководцы ставятъ въ первую линію густые ряды людей посильнѣе, за ними легковооруженныхъ, далѣе стрѣлковъ, а позади всѣхъ резервъ, чтобы онъ могъ прійти на помощь въ случаѣ надобности; такъ начальники подвижной праздной городской челяди, которыхъ такъ легко признать по жезлу въ правой рукѣ, тщательно разставляютъ свою команду, и словно по военному сигналу выступаетъ впереди экипажа вся ткацкая мастерская, къ ней примыкаетъ закопченая

дымомъ кухонная прислуга, затѣмъ уже вперемежку всякіе рабы, къ которымъ присоединяется праздное простонародье изъ сосѣдства, а позади всего—толпа евнуховъ, всякаго возраста, отъ стариковъ до дѣтей, съ зеленоватыми, безобразно искаженными лицами". (Перев. Ю. Кулаковскаго и А. Сонни).

Стр. 25. Единственное въ мірѣ зрѣлище. Ср. Claud. De VI cons. Honor., 42 sq.

Attolens apicem subiectis regia rostris
Tot circum delubra videt tantisque deorum
Cingitur excubiis! Iuvat infra tecta Tonantis
Cernere Tarpeia pendentes rupe Gigantas
Caelatasque fores mediisque volantia signa
Nubibus et densum stipantibus aethera templis
Arvaque vestitis numerosa puppe columnis
Consita subnixasque iugis inmanibus aedes,
Naturam cumulante manu, spoliisque micantes
Innumeros arcus. Acies stupet igne metalli
Et circumfuso trepidans obtunditur auro.

Стр. 25. Храмъ Отца боговъ—Юпитера Капитолійскаго.

Стр. 25. Щеголь въ цвѣтномъ плащѣ. Ср. Amm. Marc. XIV, с. VI, 9: „Другіе... потѣютъ подъ тяжестью плащей, застегнутыхъ на шеѣ и прихваченныхъ у пояса. Дѣлая ихъ изъ чрезвычайно тонкой матеріи, они даютъ имъ развѣваться, откидывая ихъ частыми движеніями руки, особенно лѣвой, чтобы просвѣчивали широкіе бордюры и туника, вышитая изображеніями различныхъ звѣриныхъ фигуръ". (Перев. Ю. Кулаковскаго и А. Сонни).

Стр. 25. Слова персидскаго царевича. Amm. Marc. XVI, с. X, 16. Въ текстѣ: „Id tantum sibi placuisse, aiebat, quod didicisset ibi quoque homines mori"; Гиббонъ предлагаетъ читать displacuisse.

Стр. 26. Около ростры. Ростры, въ IV в., стояли на самомъ западномъ концѣ форума, между арками Тиберія и Севера; около ростръ обычно произносили рѣчи пріѣзжіе и мѣстные риторы. См. Thèd. 125—133 и G. Boissier I, l. II, ch. I.

Стр. 26. Атисъ, Каписъ, Капетъ. Atys, Capys, Capetus,—имена царей Альбы Лонги (Liv. I, с. III, 8).

Стр. 26. Пикъ, picus—дятелъ, птица, посвященная Марсу и считавшаяся прорицательницей. Picus—сынъ Сатурна, дѣдъ Латина, обращенный Цирцеею въ дятла.

Стр. 26. Смѣшиваетъ лемуровъ съ ларвами. Лемуры, lemures,—общее названіе духовъ умершихъ; ларвы, larvae,—привидѣнія, непокойныя души грѣшниковъ. Ежегодно, въ ночи на 11 и 13 мая,

справлялись лемуріи, когда домохозяинъ, обходя свое жилище, бросалъ лемурамъ черные бобы, ударяя въ бронзовый сосудъ.

Стр. 26. Передъ алтаремъ Вулкана. Алтарь Вулкана стоялъ противъ ростры и былъ, по преданію, воздвигнутъ Ромуломъ; алтарь не разъ перестраивался. Около росъ кипарисъ, считавшійся ровесникомъ Рима (и погибшій при Неронѣ) и цвѣтокъ лотоса, также будто бы посаженный Ромуломъ и существовавшій еще во времена Плинія. Ежегодно, 23 августа, во время празднествъ Vulcanalia народъ приносилъ на этомъ алтарѣ Вулканѣ (Vulcanal) жертву изъ рыбъ, которая здѣсь сожигалась. См. Théd., 69—71.

Стр. 26. У золотого столба. Milliarium aureum—столбъ, воздвигнутый Августомъ, гдѣ полагалось средоточіе всѣхъ дорогъ, выходившихъ изъ Рима. См. Théd., 133—134.

Стр. 27. Варронъ — писатель энциклопедистъ (116 — 27 до Р. Х.); Авлъ-Геллій — авторъ „Аттическихъ ночей" (II в. по Р. Х.).

Стр. 28. О древнихъ договорахъ, языка которыхъ никто не понимаетъ и т. д. Ср. портретъ просхола (proscholus) Викторія у Aus. Prof. XXII:

Victori studiose, memor, celer, ignoratis
Assidue in libris nec nisi operta legens;
Exeas tineis, opicasque evolvere chartas,
Maior quam promptis cura tibi in studiis.
Quiduis, pontificum que foedera, stemma quod olim
Ante Numam fuerat sacrificis Curibus,
Quid Castor cunctis de regibus ambiguis, quid
Coniugis e libris eliderit Rodope:
Quod ius pontificum, veterum quae scita quiritum,
Quae consulta patrum, quid Draco, quidve Solon
Sanxerit; et Locris dederit quae iura Zaleucus;
Sub Iove quae Minos, quid Themis ante Iovem...
etc.

Quiduis—коньектура Peiper'a; рук., какъ далѣе: Quid ius...

Стр. 28. О изслѣдованіяхъ Кастора и Родопея. Касторъ—авторъ не дошедшей до насъ книги Χρονικῶν ’αγνοημάτων, о которой говоритъ Свида. О Родопеѣ, писателѣ по древностямъ, мы ничего не знаемъ, но онъ упоминается въ стихахъ Авсонія, приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

Стр. 28. Прихрамѣ Священнаго Города (templum Sacrae Urbis) былъ архивъ древнихъ актовъ и плановъ Рима. См. Théd., 338—339.

Стр. 29. Домъ Энея пока... Verg. Aen. IX, 448—9:

Dum domus Aenae Capitoli immobile saxum
Accolet...

Стр. 29. Любоваться колоннами Константина и т. д. На римскомъ форумѣ въ эпоху Константина В. было воздвигнуто восемь колоннъ вдоль via Sacra (Théd., 164). Храмъ Венеры Родильницы (Venus Genetrix) стоялъ на форумѣ Цесаря; храмъ былъ изъ мрамора, съ колоннами коринѳскаго ордера (Théd., 179 — 180). Храмъ Марса Мстителя (Mars Ultor) стоялъ на форумѣ Августа; въ храмѣ были двѣ картины, изображающія Александра В., налѣво и направо отъ входа (Théd., 183 — 184). Форумъ Августа былъ украшенъ рядомъ статуй (Suet. Aug., XXXI; Dio, LV и др.); между прочимъ Августъ поставилъ тамъ архаическую статую Минервы, произведеніе Эндоія (Théd., 187—189). На форумѣ Нервы (иначе forum transitorium) Александръ Северъ воздвигъ нѣсколько колоссальныхъ статуй императоровъ, удостоенныхъ апоѳеоза (Théd., 196). Тріумфальная арка Траяна вела на форумъ его имени; на этомъ форумѣ стояла базилика Ульпія, которую Павсаній называетъ зданіемъ замѣчательнымъ (Paus., V, 12, 6). Колонна Траяна стояла по другую сторону базилики, на маленькомъ дворѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщались зданія библіотекъ: bibliotheca Ulpia и biblotheca templi Traiani, гдѣ хранилось много рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ книгъ и нѣкоторые документы величайшей важности, какъ то — libri lintei, senatus-consulta, эдикты древнихъ преторовъ и т. под. (Théd., 198—202). Юній и Ремигій, направляясь съ римскаго форума, прошли на форумъ Цесаря, оттуда на форумъ Августа, „заглянули“ на форумъ Нервы, вновь перешли черезъ форумъ Августа и вышли на форумъ Траяна.

Стр. 29. Теперь время пить. Hor. Carm. I, 37:

Nunc est bibendum...

Стр. 30. Поселянки, т.-е изъ полукрѣпостного сословія колоновъ (coloni), получившаго особое развитіе въ III—IV в.

VI.

Стр. 31. Собранія въ Куріи. Курія Юлія (Цесаря), можетъ быть, занимала то же мѣсто, что древнія curia Hostilia. Августъ украсилъ ее портикомъ (chalcidicum), въ древнихъ путеводителяхъ именуемымъ atrium Minervae. Курія, вѣроятно, пострадала отъ пожара при Неронѣ. Во всякомъ случаѣ она была возобновлена при Домиціанѣ и (послѣ пожара при Каринѣ) при Діоклеціанѣ. Курія просуществовала до VII в., когда папа Гонорій I обратилъ ее въ христіанскій храмъ. (Théd., 96—104).

Стр. 31. За рѣдкимъ свиткомъ Кремуція Корда. Aulus Cremutuis Cordus—писатель эпохи Тиберія; сочиненія Корда были про-

никнуты республиканскимъ духомъ, приговорены къ сожженію, но спасены его дочерью; до насъ они не дошли.

Стр. 31. Представилъ магистру ценса удостовѣреніе. Эдиктъ Валентиніана, Валента и Граціана, 370 г., гласитъ (Cod. Theod. XIV, tit. IX, 1): „Quicumque ad Urbem discendi cupiditate veniunt, primitus ad magistrum Census provincialium iudicium, a quibus copia est danda veniendi, eiusmodi litteras proferant, ut oppida hominum, et natales, et merita expressa teneantur". Это удостовѣреніе можно приравнять къ нашему паспорту.

Стр. 32. Бродяжничество по полю Агриппы. Campus Agrippae—мѣсто въ Римѣ, близъ Марсова поля, служившее населенію мѣстомъ для гулянія и для разныхъ „спортивныхъ" упражненій; нѣчто вродѣ нашихъ городскихъ парковъ.

Стр. 33. Oecus — общее названіе для залъ въ домѣ.

Стр. 33. Ея роскошный нарядъ... Ср. стихотвореніе, приписываемое Эмилію Магну Арборію, дядѣ Авсонія, „Ad nympham nimis cultam":

Parce, precor, virgo, toties mihi culta videri...
. . . . . .
Ne stringant rutilos tibi serica vincla capillos,
Cum vincant rutilae serica vincla comae...
Utraque fert auris aurum, fert utraque gemmas:
Utraque nuda novis anteferenda rosis... etc.

См. Baehrens, V, 391, который относитъ стихотвореніе къ отдѣлу „Dubia, suspecta, falsa", хотя добавляетъ: quin antiquum est non dubito. Ср. Burckhardt, 274—275, который, на основаніи этого стихотворенія, изображаетъ нарядъ богатой женщины IV в. — Объ употребленіи шелка въ Римѣ см. Приложеніе (къ слѣдующему тому).

Стр. 33. Какой ей являться и т. д. Verg. Aen. II, 591—592:

qualisque videri
Caelicolis et quanta solet.

Стр. Косы кругами лежали на головѣ — in multiplicem orbem (стихотв. Арборія, указанное выше).

Стр. 34. Аболла, abolla,—двойной плащъ, первоначально носившійся лишь солдатами, но позднѣе ставшій щегольской одеждой, которую сохраняли не только на улицѣ, но и въ домахъ.

Стр. 34. Состою въ коллегіи луперковъ (luperci.). Существовало три коллегіи луперковъ: съ древнѣйшихъ временъ luperci Fabiani и luperci Quintiliani, имѣвшіе назначеніе чествовать Фавна (luper-

calia 15 февраля), чтобы вымолить плодородіе землѣ, стадамъ и женщинамъ. Во время луперкалій происходитъ и тотъ бѣгъ вокругъ pomerium, когда бѣгающіе били жгутомъ женщинъ, чтобы дать имъ плодородіе, который поминается въ „Юліи Цезарѣ“ Шекспира. Третья коллегія, luperci Iulii, была основана въ честь Цесаря въ 44 г. до Р. Х. (Lexique). Въ эпоху имперіи членами этихъ коллегій были преимущественно всадники (какъ и Эліанъ Меція).

Стр. 34. Это мы уже читали у Плинія. Plin. Epist. I, 11: „Спроси у кого-нибудь, что онъ сегодня дѣлалъ. Я былъ, отвѣтитъ онъ, въ домѣ, гдѣ мальчикъ надѣвалъ мужскую тогу, присутствовалъ на обрученіи или на свадьбѣ, другъ просилъ меня подписать завѣщаніе, другой участвовать въ семейномъ совѣтѣ. Все это дѣла, отъ которыхъ какъ въ тотъ день кажется, нельзя отказаться, но когда вспомнишь, что именно дѣлалъ всѣ дни, находишь, что всѣ эти дѣла были ненужны и говоришь себѣ: сколько времени я потратилъ даромъ!“ Св. Іеронимъ (Epist. XLVI) спрашиваетъ: „Въ чемъ проходитъ время въ большомъ городѣ?“ и отвѣчаетъ: „Въ томъ, чтобы видѣть другихъ и показывать себя самого, принимать гостей и посѣщать знакомыхъ“. (G. Boissier, II, 190).

Стр. 35. Хорошо бы бросить всю эту суету города. Ср. письма Симмаха къ Флавіану; см. G. Boissier, II, 181, 266 etc.

Стр. 35. Игры въ амфитеатрѣ продолжали оставаться любимымъ зрѣлищемъ римлянъ за весь IV в. (ср. G. Boissier, II, 171 — 175). Съ боями гладіаторовъ христіанство боролось усердно, но долгое время безуспѣшно. Константинъ В. писалъ въ своемъ эдиктѣ (Cod. Theod. XV. tit. XII, 1): „Cruenta spectacula in otio civili et domestica quiete non placent. Quapropter (qui) omnino gladiatores esse prohibemus“: (Cod. Iust. om. q u i). Однако, мы видимъ гладіаторскіе бои значительно позднѣе, и еще Пруденцій (ок. 350—410) взывалъ въ стихахъ о ихъ уничтоженіи.

Стр. 36. Усердіе императора Граціана. Въ 382 г. Граціанъ повелѣлъ, чтобы суммы, которыя расходывались на языческія празднества, дѣлились между фискомъ и кассою префекта преторіи; жалованье, полагавшееся весталкамъ, назначалось на поддержаніе cursus publici; наконецъ, всѣ земли, которыми обладали храмы, переходили въ фискъ. См. Ambros. Epist. I, 12, 17, 18, 57. (Symm. LIII—LIV).

Стр. 36. Законъ признаетъ право... Извѣстное изреченіе римскаго права гласитъ: possessor hoc ipso, quod possessor est, plus iuris habet quam ille qui non possideat.

Стр. 37. Аполлодоръ — греческій грамматикъ II в., написавшій между прочимъ сочиненіе о богахъ, „Библіотека“ (дошедшее до насъ. хотя и не въ полномъ видѣ), гдѣ пересказываются античные миѳы.

Стр. 38. На Холмѣ Садовъ. Collis hortorum,—нынѣ Пинчіо.

Стр. 38. Имена Претекстата, Флавіана, Симмаха. О нихъ см. ниже.

VII.

Стр. 39. Актеръ, actor,—артистъ, актеръ.

Стр. 40. Альмонъ, Almo, — ручей, пересѣкающій Аппіеву дорогу.

Стр. 40. Измѣнчива женщина и многолика. Verg. Aen. IV, 569—570:

varium et mutabile semper
Femina...

Стр. 40. Клепсидра, clepsydra,—водяные часы.

Стр. 42. Дельфійская дѣва—пиѳія. Дѣятельность Дельфійскаго оракула въ IV в. была уже далекимъ преданіемъ. Цицеронъ (De Div., II) говоритъ, что Дельфійскій оракулъ давно безмолвствуетъ; Луканъ (Phars. V) разсказываетъ, будто Аппію, приверженцу Помпея, пришлось взламывать двери святилища, закрытаго уже цѣлое столѣтіе. Однако Светоній увѣряетъ, что съ Дельфійскимъ оракуломъ совѣщался Неронъ (Suet., Nero, 40): „Ut vero, consulto Delphis Appoline, septuagensimum ac tertium annum cavendum sibi audivit"... etc.

Стр. 42. Горшечникъ не властенъ ли... Къ Римл., IX, 21.

Стр. 43. Magnus et potens erit, sed iunioris robure accrescet.—Онъ будетъ великъ и мощенъ, но возрастетъ благодаря силѣ юноши. Игра словъ: iunior (юноша) и Iunius (имя).

Стр. 44. Не можетъ Добро прійти въ міръ иначе, какъ черезъ Зло, и т. д.—идеи, родственныя ученію офитовъ, о которыхъ см. ниже.

Стр. 44. Рея, Rea,—значитъ виновная; Децимъ, Decimus,—десятый, намекъ на обычай декумаціи, казни каждаго десятаго по счету изъ толпы или отряда.

VIII.

Стр. 47. Роскошь Рима. Роскошь римскихъ садовъ и загородныхъ виллъ описываютъ Стацій, Плиній и мн. др. Даже зимой, для украшенія городскихъ садовъ, привозились цвѣты изъ болѣе южныхъ странъ. Тѣ же писатели говорятъ о роскоши внутренней отдѣлки домовъ въ Римѣ. О домѣ Ведія Полліона говорили, что въ немъ больше комнатъ, чѣмъ въ иномъ городѣ. См. Speeck, III, § 863.

Стр. 48. Окна со стеклами, мало распространенныя въ Италіи, находили обширное примѣненіе въ Галліяхъ III—IV в., съ ихъ болѣе суровымъ климатомъ. (Моммс. V, 99).

Стр. 48. Вещи, привезенныя изъ далекой страны синовъ и серовъ. См. Приложеніе (къ слѣдующему тому).

Стр. 48. За-Имайская Скиѳія — страна за горнымъ хребтомъ Imaus (Гималай по Egli; можетъ быть, Тянь-Шань); За-Гангійская Индія — страна за Гангомъ.

Стр. 49. Цикла, cyclas, — женское одѣяніе изъ легкой матеріи. Извѣстенъ декретъ Александра Севера, воспрещавшій женщинамъ украшать циклы болѣе, чѣмъ 6 унціями золота: „matrones... contentas esse debere... cyclade quae sex unciis auri plus non haberet" (Hist. Aug., Alex. Sev., XLI).

Стр. 49. Гальбанъ, galbanum, — одѣяніе желтаго цвѣта, которое носили женщины и женственные мужчины. (Lexique). Обычай носить одежду восточнаго покроя сталъ распространяться въ Римѣ съ эпохи Константина В. См. Burckhardt, 275—6.

Стр. 49. Къ Энделехію. Можетъ быть, это тотъ же Энделехій (или его родственникъ), о которомъ читаемъ на одномъ кодексѣ „Метаморфозъ" Апулея: „Ego Sallustius legi et emendavi Romae felix Olybrio et Probino v. c. conss. (395 г.) in foro Martis controversiam declamans oratori Endelechio". (Symm., CLVI).

Стр. 49. Преемникъ великаго Минервія. Tiberius Victor Minervius, учитель Авсонія, почитался Демосѳеномъ и Квинтиліаномъ своего времени. Минервій преподавалъ сначала въ Бурдигалѣ (Бордо), но потомъ переселился въ Римъ, гдѣ его лекціи слушалъ Симмахъ (B. P., 14). Авсоній посвятилъ Минервію первое стихотвореніе среди своихъ прославленій „Профессоровъ" (Aus. Prof., I):

Primus, Burdigalae columen, dicere, Minervi,
Alter rhetoricae Quintiliane togae...
Et Demosthenicum, quod ter primum ille vocavit,
In te sic viguit cedat ut ipse tibi... etc.

Стр. 50. Судья изящества — arbiter elegantiae.

Стр. 50. О нѣкоемъ Тамесіи Олимпіи Агенціи. Агенцій, построивъ на свой счетъ храмъ Митрѣ, хвалился въ надписи, что „воздвигъ священное зданіе безъ помощи государства". „Такъ,—добавляетъ онъ,—благочестивыя души предпочитаютъ немилость богатству. Кто богаче человѣка, могущаго раздѣлить свое имущество съ небожителями?" См. P. Allard, 86. Культъ Митры получилъ широкое распространеніе при Антонинахъ и достигъ апогея въ III—IV в.

Стр. 51. Сынъ Титана, т.-е. Гиперіонъ, одно изъ именъ Геліоса—Солнца.

Стр. 53. Съ божественнымъ ихоромъ въ жилахъ. Ἰχώρ—кровь боговъ (у Гомера и др.).

Стр. 53. Истинно лишь теперь и т. д. См. Anth. Meyer. 1195:

Nunc etiam vivis, nunc et fellcius aevum
Ducis ab humana conditione procul.

Стр. 53. Мать, привыкшая просить и т. д. Божества—Intercidona, Pilumnus, Deverra охраняли роженицу и новорожденнаго отъ ярости бога Сильвана (Aug. De Civ., VI, 9). Какъ извѣстно, Rumina помогала новорожденному сосать молоко, Educa и Potina — ѣсть и пить, Cunina оберегала его колыбель, Cuba помогала ему лежать покойно, Ossipaga укрѣпляла его кости, Statina учила его стоять, Fabulina—говорить, Abeona, Adeona, Interduca, Domiduca были заняты первыми выходами его изъ дома и т. д. См. G. Boissier, Etude sur la vie et les ouvrages de Varron., 235.

Стр. 54. Въ саду гесперидъ. Гесперіды, Hesperides,—дочери Атланта (или дочери Геспера) и Ночи, жившія на счастливыхъ островахъ по сосѣдству съ Горгонами, гдѣ золотыя яблоки (даръ Геи—Герѣ) охранялись дракономъ Ладономъ.

IX.

Стр. 55. Сады Лукулла были подарены городу и въ большей части застроены.

Стр. 55. Копона, caupona,—см. выше; лупанаръ, lupanar,—публичный домъ; диверсорій, diversorium (или deversorium)—загородный трактиръ.

Стр. 56. Для всѣхъ есть вино. Сходная вывѣска извѣстна: Commune est culina et puteum et iter at triclia. (Vulg. Inschr., 1296).

Стр. 56. Циатъ, cyathus,—сосудъ съ высокой ручкой, изъ котораго на пирахъ брали вино въ кратерѣ, чтобы разливать пирующимъ,— $^1/_{12}$ секстарія (sextarius,) около 0,456 литра вмѣстимости. (Lexique; по другимъ—меньше).

Стр. 57. Ambubaiae — восточныя флейтистки (ambub, по-сирійски, — флейта), игравшія также на другихъ національныхъ инструментахъ,—на разныхъ дудкахъ, тимбалахъ, арфахъ. (Lexique).

Стр. 57. Въ прозрачныхъ коахъ. Coa vestis—одежда изъ прозрачнаго шелка, которую носили танцовщицы и флейтистки.

Стр. 57. Тонстрина, tonstrina,—парикмахерская.

Стр. 59. Дафна, Daphne,—мѣстечко подъ Антіохіей, со знаменитой лавровой рощей и храмомъ Аполлона. Дафна, служившая излюбленнымъ мѣстомъ гулянія для антіохійцевъ и мѣстомъ блестящаго праздника въ честь Аполлона (10 августа), была столь знаменита, что Антіохію, шутя, называли „Антіохія при Дафнѣ".

Стр. 59. Пока въ Капитоліи и т. д. Hor. Carm. III, 30:

dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex.

Стр. 60. Его убили измѣнники. Что императоръ Юліанъ былъ убитъ римляниномъ, было мнѣніе распространенное. „Iulianum telo cecidisse Romano (andierant)", говоритъ Amm. Marc., XXV, 6 Ср. Amm. Marc., XXV, 3.

Стр. 60. О Латонія вышняго. Catull., V:

O Latonia, maximi
Magna progenies Iovi.

Iова (читать Йова) род. пад. отъ Юпитеръ.

Стр. 61. Culeus—наибольшая мѣра для вина, равная 20 амфорамъ, 525 литровъ.

Стр. 61. Впередъ, квириты... Начало пѣсенки въ честь Пріапа (Petr. Sat. et lib. Priap., XXVI):

Porro, nam quid erit modus? Quirites,
Aut praecidite seminale membrum,
Quod totes mihi noctibus fatigant
Vicinae sine fine prurientes
Vernis passeribus salaciores,
Aut rumpar, nec habebitis Priapum.

Стр. 61. Субура, Subura,—кварталъ въ Римѣ, одинъ изъ наиболѣе грязныхъ, гдѣ жили преимущественно мелкіе торговцы и были сосредоточены публичные дома.

X.

Стр. 63. Полилъ благоуханій. Римляне временъ имперіи употребляли громадное количество благовоній; Востокъ поставлялъ въ Италію ежегодно тысячи пудовъ различныхъ ароматовъ, и мужчины пользовались ими столь же щедро, какъ женщины. См. Speeck, III, § 862.

Стр. 63. Есть такіе... Hor. Carm., I, 1:

Sunt quos curriculo pulverem Olympicum
Collegisse iuvat.

Стр. 64. Статуи философовъ отъ Ѳалеса и Пиѳагора до Плотина и Порфирія. Плотинъ—нео-платоникъ (204—269), Порфирій—его ученикъ (232—305). О нихъ см. ниже, примѣчаніе къ гл. XI.

Стр. 64. Ларарій. lararium,—алтарь Лару дома, первоначально всегда стоялъ въ атріи; позднѣе ларарій чаще ставили поблизости отъ столовыхъ и кухни, въ глубинѣ дома. Ларарій состоялъ изъ маленькаго алтаря-очага (focus), на который возлагали снѣдь для Лара и пенатовъ. Въ богатыхъ домахъ ларарій образовывалъ какъ бы маленькую часовенку, въ которой ставили вмѣстѣ съ изображеніемъ „домашнихъ божествъ" также изображенія боговъ, наиболѣе чтимыхъ въ домѣ. (Lexique).

Стр. 64. Одѣтый въ большую аболлу. Abolla maior—длинный плащъ, который обычно носили философы.

Стр. 64. Подобно Вергилію. Вергилій думалъ, закончивъ „Энеиду", остатокъ жизни посвятить философіи; такъ сообщаетъ античная біографія Вергилія—Donat., 35.

Стр. 64. Истинная наука и т. д. Таковъ былъ вообще взглядъ римлянъ на науку, которые не считали наукой медицину, механику, вообще естествознаніе, считая ихъ практическими дисциплинами. Сенека писалъ сыну: „Eloquentiae tantum studias: facilis ab hac ad omnes artes discursus". См. G. Boissier, R. Pichon и др.

Стр. 65. Не изъ всякаго дерева... Non ex omni ligno debet Mercurium exsculpsi. (Поговорка, см. Pythagores ap. Apul. Mag. XLIII, 499).

Стр. 65. Труднымъ для меня греческимъ языкомъ. Авсоній тоже признается, что въ юности плохо учился греческому языку (Aus. Prof., VIII), хотя впослѣдствіи даже писалъ греческіе стихи (B. P., 12).

Стр. 65. Грамматики. Начальное образованіе въ римской имперіи давалъ primus magister (или litterator); среднее—grammaticus; высшее—rhetor. Primi magistri учили чтенію, письму, началамъ ариѳметики. Grammatici—правильной рѣчи и всему, что̀ нужно для пониманія авторовъ, причемъ въ это послѣднее понятіе включались и геометрія, и астрономія, и естественныя науки, и исторія, и философія, и музыка. Отдѣльно существовали грамматики греческіе и латинскіе. Rhetores учили всему, что надо знать оратору, т.-е., во-первыхъ, дикціи и пріемамъ декламаціи, далѣе „реторикѣ" въ широкомъ смыслѣ слова (по-нашему „теоріи словесности", только разбитой въ цѣлый циклъ наукъ) и юридическимъ наукамъ. Начальные учителя открывали частныя школы; грамматики и реторы считались на муниципальной или государственной службѣ: они, кромѣ гонорара со слушателей, получали опредѣленное жалованье изъ муниципальной или государственной казны и пользовались различными служебными преимуществами (освобожденіе отъ военной службы, отъ исполненія обязанностей опекуновъ и т. под.). Жалованье, даже реторовъ, большею частью было незначительно, за немногими исключе-

ніями (такъ, напр., профессора аѳинской школы получали изъ императорской казны по 10.000 драхмъ ежегодно). Въ 376 г., не безъ вліянія Авсонія, былъ изданъ эдиктъ, устанавливающій размѣръ жалованья, которое должны выплачивать профессорамъ города, — но дѣло шло только о Галльской діецесѣ. Преподаваніе спеціальныхъ наукъ, математическихъ и естественныхъ, а также медицины, производилось не въ официальныхъ (государственныхъ и муниципальныхъ) школахъ, но въ частныхъ, изъ которыхъ особенно славились школы въ Аѳинахъ и Беритѣ. См. B. P. 10—16; G. Boissier, I; R. Pichon, и др.

Стр. 66. О способахъ носить тогу. Развернутая тога имѣла полукруглую форму, точнѣе—форму овала, размѣры котораго относились какъ два къ тремъ. Обычно тога складывалась на-двое, въ длину, и такъ накидывалась на плечи: та часть тоги, которая покрывала спереди лѣвую часть тѣла, ниспадала до лодыжки; остальную часть проводили подъ правой рукой и, прикрывъ грудь, перебрасывали черезъ плечо на спину. Затѣмъ лѣвой рукой приподымали лѣвую часть тоги, чтобы уложить ее въ красивыя складки. Складки эти обыкновенно подготовлялись заранѣе, разглаживались и удерживались неизмѣнными съ помощью маленькихъ подвѣшанныхъ тяжестей. При древнѣйшемъ способѣ носить тогу правое плечо оставалось непокрытымъ ею. При новыхъ способахъ—плечо прикрывалось. При габинскомъ способѣ тога застегивалась на поясѣ, такъ что обѣ руки оставались свободными: введеніе этого способа приписывалось царю Сервію Туллію. Были и другіе способы носить тогу. (Lexique).

XI.

Стр. 67. Преподавалъ реторику. См. примѣчаніе къ слову грамматики въ предыдущей главѣ.

Стр. 67. Пугиллары, pugillares,—таблички, обычно сосноваго дерева, съ одной стороны покрытыя воскомъ, которыя служили какъ записныя книжки.

Стр. 68. Солнца дворецъ... Ov. Met., II, 1:

Regia Solis erat...

О Хаосѣ, бывшемъ „раньше моря и земли"... Ov. Met., I, 5—7:

Ante mare et terras...

Стр. 68. Боги суть... Въ основѣ разсужденій Энделехія лежатъ ученія Плотина (204—269), Порфирія (232—305) и Ямблиха (ум. около 333), основателей нео-платонизма. Имъ принадлежитъ ученіе о трехъ ипоста-

сяхъ, духовной тріадѣ. Они же распредѣляли боговъ на классы. Такъ, напр., Плотинъ различалъ боговъ и астральныхъ духовъ; Ямблихъ—боговъ высшихъ, сверхміровыхъ и міровыхъ (или еще высшихъ боговъ, поднебесныхъ боговъ, міровыхъ властителей и боговъ-покровителей). Ученіе, что „боги суть основныя и высшія воплощенія всѣхъ явленій и всѣхъ дѣйствій", соотвѣтствуетъ ученію Ямблиха, который различалъ κόσμος νοητός—міръ прототиповъ и κόσμος νοερός—міръ идей. Стремленіе истолковать миѳы философски было широко распространено въ III—IV в. среди философовъ. Плотинъ старался вскрыть въ миѳахъ заложенную въ нихъ глубоко мысль; Порфирій написалъ особое сочиненіе „De antro nympharum", посвященное толкованію миѳовъ. (Ученіе нео-платонизма сжато изложено въ книгѣ Целлера и въ содержательныхъ статьяхъ Вл. Соловьева).

Стр. 69. „Общество пловцовъ". Въ Римѣ, съ давняго времени, были очень распространены различныя коллегіи-общества, спортивныя, религіозныя, политическія. Почти въ каждой школѣ ученики также образовывали общество, нѣчто въ родѣ нашихъ студенческихъ корпорацій.

Стр. 69. О какомъ-то письмѣ сына Симмаха... У Симмаха не было, въ это время, взрослаго сына, который могъ бы писать изъ Азіи. Рѣчь, конечно, шла о сынѣ Флавіана, писавшемъ Симмаху (Symm., II, 24). О дѣлахъ въ Сардиніи. Рѣчь, конечно, шла о Ампеліи и другихъ сардинцахъ (Symm., II, 34a). Юній, не будучи знакомъ съ кругомъ интересовъ, занимавшихъ Гесперію, путаетъ содержаніе разговора. Эвсебія Симмахъ называетъ medicorum potissimus (Symm., II, 18) и въ другомъ мѣстѣ archiater (Symm., V, 36).

Стр. 70. Локуста, Locusta,—извѣстная отравительница временъ Нерона и Клавдія.

Стр. 71. Аликула, alicula,—короткій плащъ, вродѣ пелерины, застегивавшійся у шеи аграфомъ.

Стр. 72. Компитъ, compitum,—маленькая часовенка, часто ставившаяся на перекресткахъ улицъ. Бывали особыя празднества (зимой, передъ сатурналіями) въ честь Ларовъ перекрестка (lares compitales).

Стр. 73. Любовь проникаетъ въ кости, какъ пламя. Verg. Aen., IV, 66:

est mollis flamma medullas.

Стр. 73. „Не оставляетъ надежды любовь". Sil. It., VIII, 95:

Non umquam spem ponit amor.

XII.

Стр. 76. „У вы, о Постумъ"... Hor. Carm., II, 14:

Eheu fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni...

Стр. 76. „Дѣва, розы сбирай"... Aus. De rosis nascentibus, 49:

Collige, virgo, rosas, dum flos novus et nova pubes.

Стр. 76, Алекто—одна изъ трехъ фурій.

Стр. 76. Вышитый поясъ—zona (или zonula); имъ подпоясывали тунику; въ позднѣйшее время пояса часто бывали роскошно вышитыми.

Стр. 77. Клянусь Геркулесомъ—me Hercle; Авлъ Геллій сообщаетъ, что въ старыя времена, въ Римѣ, женщины никогда не клялись Геркулесомъ, а мужчины—Кастеромъ (Aul. Gell., XI, 6).

Стр. 77. „Юноши, не небрегите"... Ov. Art. Am., II, 667—8:

Utilis, o iuvenes, aut haec aut serior aetas:
Iste feret segetes, iste serendus ager.

Стр. 78. Женщины вовсе голыя. Ср. Petr. Sat., VII: „video quosdam intus titulos nudasque meretrices furtim conspatiantes."

Стр. 78. Гуляли женщины. Въ Римѣ проститутками были преимущественно рабыни. Но каждая женщина имѣла возможность получить licentiam stupri, что̀ имѣло для нея значеніе какъ бы гражданской смерти: она лишалась права завѣщать, опекать, присягать и т. п.

Стр. 78. Надписи со множествомъ ошибокъ грамматики. Безграмотныя римскія надписи извѣстны намъ во множествѣ. См., напр., Vulg. Inschr., 1504: Ducenia posuit Dydymu at se in suo ideo posibi, ne quis pos me iuriam faciat.

Стр. 79. Строфій, strophium,—женскій поясъ, который носили на рубашкѣ (tunica interior) и который поддерживалъ груди, какъ нашъ корсетъ.

Стр. 81. Словно ихъ искусалъ тарантулъ. Римляне вѣрили, что укусъ тарантула вызываетъ сумасшествіе, причемъ для излѣченія укушеннаго предписывалось играть опредѣленные танцы (откуда, будто бы, произошла тарантелла).

Стр. 81. Два денара. Denarius равнялся, въ эпоху имперіи, 16 асамъ; стоимость его была около 0,25 франка. См. ниже, примѣчаніе къ гл. IX книги II.

XIII.

Стр. 82. Выйдя на Тускую улицу. Vicus Tuscus, т.-е. Этруская улица, выходила на via sacra между базиликой Iulia и храмомъ Кастора. Около базилики на ней находилась и статуя Вортумна (Vortumnus или Vertumnus), божества этрусковъ; здѣсь же находился ianus, — одна изъ маленькихъ арокъ, которыя ставились на улицахъ. Близъ базилики

ulla помѣщались книжныя торговли. На это и намекаетъ стихъ Горація (Hor. Epist., I, 20, 1):

Vertumnum Ianumque, liber, spectare videris.

Vicus Tascus пользовался дурной славой: здѣсь, около маленькихъ лавченокъ, всегда толпился всякій сбродъ, подонки общества. (Théd, 174, 213).

Стр. 82. Одиннадцатый часъ. Римляне дѣлили ночь на четыре стражи (vigiliae), а день, отъ восхода до захода солнца, на 12 часовъ: такимъ образомъ продолжительность часа мѣнялась смотря по времени года. Зимой 11-ый часъ соотвѣтствовалъ, приблизительно, по нашему счету $3^1/_2$—$4^1/_2$ часа дня.

Стр. 82. Гимнософисты, gymnosophistae, — „нагіе мудрецы", странствующіе индійскіе дервиши,

Стр. 82. Несмотря на эдикты, воспрещающіе всякаго рода гаданія... Такіе эдикты начали появляться съ перваго вѣка имперіи и особенно участились при императорахъ христіанскихъ. Особенно извѣстенъ среди нихъ lex Константція (Cod. Theod., IX, tit. XVI, 1): „Nullus haruspex limen alterius accedat"... (Ср. Cod. Theod. IX, tit. VII). Законы противъ чародѣйства были подтверждены Валентиніаномъ и служили въ его эпоху поводомъ для жестокихъ преслѣдованій (Amm. Marc. XXVIII, c. I, 19—29; XXIX, c. I, 28—42, c. II; Zosima, IV). Амм. Марц. разсказываетъ, что въ Антіохіи, во время одного процесса по обвиненію въ чародѣйствѣ, было сожжено множество книгъ, будто бы содержащихъ запретныя ученія (XXIX, c. I, 41).

Стр. 83. Великая Клоака—Cloaca Maxima. Новыя раскопки доказываютъ, что она не разъ реставрировалась.

Стр. 83. „Ecus bipes"—„Двуногій конь", образецъ безграмотной вывѣски. Ecus, вмѣсто equus, нерѣдко въ простонародныхъ надписяхъ. (См. напр., Vulg. Inschr. 1413: si qui cecurrit ecus).

Стр. 84. Одѣтая въ паллу съ куккулемъ. Cucculus (или cucullа, cucullio)—коническій капюшонъ, надѣвавшійся въ дурную погоду и во время путешествій.

Стр. 85. Ave—привѣтъ.

Стр. 86. Водяные органы, hydrauli, обычно употреблялись въ Римѣ при разныхъ торжествахъ, устраиваемыхъ въ закрытомъ помѣщеніи. Такой органъ играетъ на пиру Тримальхіона (Pert. Sat., XXXVI).

Стр. 86—88. Сказала она. Рѣчь Реи содержитъ рядъ цитатъ изъ Евангелія, апостольскихъ посланій и Апокалипсиса. См., напр., къ Римл., VIII, 14, 29—32; IX, 3; XI, 32—35; къ Коринѳ, III, 16; Матѳ., X, 39; Откр., XIII, 7—8, и др.—То же и въ слѣдующей затѣмъ литаніи.

XIV.

Стр. 91. Подкрѣпивъ силы сыромъ и глоткомъ вина—ientaculum, ранній завтракъ.

Стр. 92. Входилъ въ различныя лавки. Форумы были обычнымъ мѣстомъ прогулокъ римлянъ; законъ Августа, давно не исполнявшійся, обязывалъ римлянъ появляться на римскомъ форумѣ только въ тогѣ. Вдоль форума были расположены лавки, въ прежнее время занятыя мелкими торговцами (особенно мясниками и начальными учителями), но позднѣе перешедшія къ торговцамъ роскошными вещами и мѣняламъ. (Thed., 18 et passim).

Стр. 93. Варвары селятся на римскихъ земляхъ: германцы въ Галліи, готы въ Дакіи и т. под.

Стр. 93. Варваръ, увы, побѣдитель... Hor. Epod., XVI, 11—14:

Barbarus, heu, cineres insistet victor et Urbem
Eques sonante verberabit ungula,
Quaeque carent ventis et solibus ossa Quirini
(Nefas videre) dissipabit insolens.

Стр. 94. Святилища аргеевъ. Argei — часовни въ Римѣ, числомъ 24, основаніе которыхъ приписывалось царю Нумѣ Помпилію. Ежегодно, 16 марта, передъ ихъ алтарями приносили, какъ жертву, по особой куклѣ (пережитокъ человѣческихъ жертвоприношеній).

Стр. 94. Весталки блюдутъ залоги незыблемости Рима, т.-е. священный огонь на алтарѣ Весты, Палладіумъ, будто бы привезенный Энеемъ изъ Трои, и т. п. Граціанъ, въ 383, отнялъ у весталокъ содержаніе, которое онѣ получали отъ государства, но ихъ храмъ былъ закрытъ лишь въ 394 г., Ѳеодосіемъ В.

Стр. 94. Стой, воинъ... „Sta, miles, hic optime manebimus“ или „Signifer, statue signum, hic manebimus optime“,—слова центуріона, сказанныя имъ, котда послѣ разграбленія Рима галлами, римляне думали переселиться въ другое мѣсто, и истолкованныя Камилломъ, какъ omen, какъ знаменіе, что Риму должно остаться на томъ же мѣстѣ. (Liv., V, 55).

Стр. 94, Завершивъ новую Курію... О Куріи см. выше примѣчаніе къ гл. VI (стр. 31). Въ центрѣ Куріи Августъ поставилъ статую богини Викторіи (Побѣды), когда-то привезенную изъ Тарента и украсилъ ее вещами, захваченными въ Египтѣ. Передъ статуей былъ сооруженъ алтарь, освященный 28 августа 29 г. до Р. Х. Статуя изображала стоящую на шарѣ величественную женщину, въ развѣвающемся одѣяніи, съ распущенными крыльями, съ лавровымъ вѣнкомъ въ протянутой

впередъ рукѣ. Сенаторы давали на алтарѣ этой богини клятву, что будутъ соблюдать законы имперіи и императора, и приносили ей въ жертву вино и ладанъ, прежде чѣмъ приступить къ публичнымъ совѣщаніямъ. Мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ (Гиббонъ), будто алтарь былъ удаленъ изъ Куріи Констанціемъ, но возстановленъ Юліаномъ, неосновательно: алтарь былъ только вынесенъ изъ Куріи на нѣсколько дней, во время пребыванія Констанція въ Римѣ. (Théd., 99; Гиббонъ, III, 280—281; De Broglie, VI, 23).

Стр. 95. Секстарій, sextarius,—шестая часть конгія (conguis), мѣра жидкости; $^1/_{12}$ часть секстарія составлялъ ціатъ (см. выше).

Стр. 96. Есть нѣкоторые глаголы безличные... Намія приводитъ цитату изъ книги грамматика Харисія (Flavius или Flavianus Sosipater Charisius—середина IV в.) „Institutionum grammaticarum libri V". См. lib. III, c. IV: „Sunt quaedam verba impersonalia, velut primi ordinis: iuvat me, te, illum; restat; distat"... (Corpus Gr. Lat., IV; о Харисіи см. Schanz, IV, 1, S. 149 ff.).

Стр. 97. Ночью прибылъ посолъ. Ходъ этихъ событій мы узнаемъ изъ „донесеній" Симмаха и писемъ св. Амвросія. См. Гиббонъ, III, 281—286; De Broglie, VI, 22—24 и др.

Стр. 98. Прекрасно и сладко пасть за отечество. Hor. Carm. III, 2:

Dulce et decorum est pro patria mori.

XV—XVI.

Стр. 101. Domina,—госпожа, сударыня: обычное обращеніе, когда говорили съ дамами.

Стр. 102. Литераторъ, litterator,—начальный учитель (см. выше).

Стр. 102. Тессера, tessera, — пароль (также билетъ для входа на различныя представленія, билетъ для проѣзда на кораблѣ и т. д.).

Стр. 104. Въ бояхъ неодолимый Эросъ—Soph. Ant., 781:

Ἔρως ἀνίκατε μάχαν.

Стр. 106. Клянусь Стиксомъ. Клятва Стиксомъ не была въ употребленіи въ Римѣ. Юній, исполненный литературными реминисценціями, заимствуетъ эту клятву у Гомера.

Стр. 108. Сенатъ вчера постановилъ. См. выше примѣчаніе къ гл. XIV, стр. 97.

Стр. 109. Граціанъ сдѣлался игрушкой въ рукахъ Амвросія. См. De Broglie, VI, 3.

Стр. 109. Претекстатъ, Vettius Agorius Praetextatus, — былъ глубокимъ старикомъ въ эту эпоху. Онъ родился въ серединѣ правленія

Константина В.; при Юліанѣ былъ проконсуломъ Ахайи; предъ Валентиніаномъ защищалъ право на существованіе Элевсинскихъ таинствъ. Позднѣе былъ префектомъ Рима. Претекстата считали замѣчательнымъ теоретикомъ римской религіи, называли—princeps religiosorum, sacrorum omnium praesul. Онъ былъ также великимъ знатокомъ восточныхъ культовъ. Умеръ въ 384 г. — Флавіанъ, Virius Nicomachus Flavianus, — былъ истинной главой „языческой" партіи. Родился около 334 г.; послѣ званія викарія въ Венустѣ, получилъ, въ званіи консуляра, въ управленіе Сицилію; въ 376—377 г. управлялъ Африканской діецесой; позднѣе, назначенный квесторомъ священнаго дворца при Ѳеодосіи, достигъ большого расположенія императора и занималъ высшія должности, въ томъ числѣ магистра оффицій и префекта преторіи Италіи. Флавіанъ былъ не чуждъ литературы, писалъ стихами и прозой. О дальнѣйшей судьбѣ Флавіана см. повѣсть „Юпитеръ Поверженный". — Симмахъ, Quintus Aurelius Symmachus,—родился около 345 г. и былъ, слѣдовательно, значительно моложе двухъ своихъ сотоварищей. Но, благодаря сильнымъ семейнымъ связямъ, онъ сдѣлалъ „блестящую карьеру"; рано, послѣ претуры и жречества, получилъ (въ 365 г.) должность корректора Луканіи и Бруттій; посѣтивъ дворъ Валентиніана въ Треверахъ въ 369 г., былъ назначенъ проконсуломъ Африки въ 373 г.; отбывъ эту должность, вернулся въ Италію и жилъ въ Римѣ частнымъ человѣкомъ. Симмахъ былъ богатъ; считаютъ, что въ Римѣ у него было три дома, одинъ—въ Капуѣ, пятнадцать виллъ, изъ которыхъ три подъ Римомъ и т. под. Литературную славу составили Симмаху главнымъ образомъ его письма, которыя современники сравнивали съ письмами Цицерона и Плинія. О Симмахѣ см. ниже passim. (Symm: O. Seeck De Symmachi vita; G. Boissier, II, 262—273).

Стр. 110. Присутствуй здѣсь Флавіанъ. Флавіанъ былъ въ это время при дворѣ Ѳеодосія, въ Константинополѣ.

Стр. 112. Медіоланъ, Mediolanum,—нынѣ Миланъ.

Стр. 112. Ребенка Валентиніана. По смерти Валентиніана I части войска, руководимой Меллобавдомъ и Эквиціемъ, удалось настоять, чтобы соправителемъ Граціана былъ признанъ его младшій братъ, ребенокъ Валентиніанъ II. При жизни Граціана онъ только носилъ титулъ императора Италіи, Африки и Иллиріи, но ни самъ, ни черезъ свою мать, Юстину, не могъ оказывать никакого вліянія на дѣла правленія.

Стр. 113. Тому послѣднему блаженству... Разумѣется ученіе нео-платониковъ объ экстазѣ.

Стр. 114. Флегій, Phlegyas,—сжегшій храмъ Аполлона, осужденъ въ подземномъ царствѣ вѣчно сидѣть подъ скалою, готовой обрушиться. Иксіонъ, Ixion,—сынъ Флегія, посягнулъ на Геру, и былъ осужденъ вѣчно вращаться на огненномъ колесѣ. Обоихъ поминаетъ Вергилій (Aen., VI, 601, 618).

XVII.

Стр. 116. Не малое число подозрительныхъ лицъ. Штатъ тайной полиціи былъ чрезвычайно развитъ въ эту эпоху. Агенты состояли въ вѣдѣніи магистра оффицій, который и отправлялъ ихъ во всѣ концы имперіи для выслѣживанія людей неблагонадежныхъ. Частные случаи см. Amm. Marc. XV, c. III, 8; c. VII, 9; XVI, c. IX, 7; XXI, c. VII, 3 etc.

Стр. 116. Пошелъ въ термы Діоклеціана. Извѣстна роскошь римскихъ бань. Главными частями термъ были: apodyterium, гдѣ раздѣвались; frigidarium, гдѣ брали холодныя ванны; tepidarium, гдѣ банщики въ тепломъ воздухѣ растирали тѣло стригилями; elaeothesium, гдѣ тѣло умащали и обливали благовоніями; caldarium, гдѣ парились или брали теплыя ванны. Иногда къ этому присоединялись другія помѣщенія, напр. laconicum, гдѣ парились сухимъ паромъ; solia—отдѣльные „номера" съ ваннными и т. под. Въ большихъ термахъ имѣлись еще помѣщенія для гимнастическихъ упражненій (gymnasium, palaestra), портики для прогулокъ, залы для бесѣды, наконецъ, библіотеки и даже маленькія комнатки для тѣхъ, кто ищетъ уединенія. Бассейны для плаванія въ большихъ термахъ представляли собою цѣлыя мраморныя озера. Любопытныя данныя о римскихъ термахъ собраны въ книгѣ Cabanès, Moeurs intimes de passé, 2 série.

Стр. 117. Въ носъ такъ и бьетъ дымъ отъ жертвоприношеній. Сходную жалобу см. въ письмахъ св. Амвросія (Ep. XVII—цитата у Гиббона, III, 281).

Стр. 118. Стригиль, strigilis,—бронзовая или желѣзная скребница, которой очищали тѣло послѣ бани.

Стр. 120. Мы были римляне... Пародія стиха Вергилія: Verg. Aen., II, 325—6:

> fuimus Troes, fuit Ilium et ingens
> Gloria Teucrorum.

Стр. 120. Какъ казнилъ Аврелианъ. Намекъ на жестокія казни 275 г., когда „рука палачей утомлялась".

Стр. 122. Рустиціана, жена Симмаха, была вторая дочь Меммія Витрасія Орфита, бывшаго дважды префектомъ Рима. Женился Симмахъ раньше 371 г. Достовѣрно намъ извѣстно о двухъ дѣтяхъ Симмаха, дочери, старшей, и сына. (Symm., XLIX—LI).

Стр. 122. Пугіонъ, pugio, — короткій кинжалъ съ треугольнымъ лезвеемъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Стр. 125. Каррука и реда см. выше.

Стр. 125. Децимъ Магнъ Авсоній, Decimus Magnus Ausonius, лично познакомился съ Симмахомъ въ 369 г., когда тотъ пріѣзжалъ въ Тревиры (нынѣ Триръ), ко двору Валентиніана, какъ глава депутаціи отъ сената, поздравлявшей императора съ побѣдами надъ алламанами. О Авсоніи см. нашу брошюру „Великій Риторъ".

Стр. 126. Погибаетъ знаніе литературы древней и т. д. О постепенной варваризаціи населенія имперіи въ IV в. говорятъ всѣ изслѣдователи эпохи. Въ литературѣ господствующей формой стали комментаріи къ великимъ писателямъ прошлаго и краткія извлеченія изъ различныхъ прославленныхъ сочиненій, наиболѣе извѣстнымъ образцомъ чего служитъ „Breviarium" Евтропія. Центонъ изъ стиховъ Вергилія написалъ и Авсоній („Cento Nuptialis", въ которомъ изъ скромныхъ стиховъ Вергилія составлена довольно непристойная поэма о первой брачной ночи). Грамматики того времени посвящали цѣлыя страницы перечисленію ошибокъ въ латинскомъ языкѣ, которыя обычно дѣлаютъ ихъ современники. См., напр., интересный трактатъ Агреція (Agroetius, De orthographia et proprietate et differentia sermonis), гдѣ предлагается, между прочимъ, не смѣшивать выраженія: accersit—arcessit, ecce—en, acervus — acerbus, abitum — habitum, cepit — coepit, rubor — robur—robor и т. д. (OEuvre d'Ausone, II).

Стр. 127. Весталка въ Албѣ нарушила свой обѣтъ. Объ этомъ дѣлѣ и отношеніи къ нему Симмаха см. Symm. IX, 147, 148. „Restat,—пишетъ Симмахъ,—ut legum severitas exeratur". (Ср. G. Biossier, II, 269 — 270). Когда, позднѣе, Симмахъ былъ префектомъ Рима, онъ отказался отъ торжественной колесницы префектовъ, потому что она не соотвѣтствовала обычаямъ древности. (Symm., IX, 4; G. Boissier, II, 269).

Стр. 128. По Фламиніевой дорогѣ. Via Framinia была проведена цензоромъ 220 г. до Р. Х. Гаемъ Фламиніемъ.

Стр. 128. Мансіона, mansio, — станція, гостиница; онѣ были устроены по всему протяженію римскихъ дорогъ, приблизительно, на равномъ разстояніи одна отъ другой для удобства проѣзжающихъ. Мансіонарій, mansionarius,—собственно „относящійся къ мансіонѣ"; здѣсь: станціонный смотритель.

Стр. 129. Ѣздилъ на Рейнъ и въ Африку. См. выше. О вѣчномъ путешественникѣ Адріанѣ Діонъ (LXIX) говоритъ, что онъ „переходилъ изъ провинціи въ провинцію". Извѣстна эпиграмма Флора на Адріана: Ego nolo Caesar esse — Ambulare per Britannos, etc. Ср. Пушкина:

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ,
Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ,—

стихи, въ которыхъ, кажется, есть намекъ на нашего „вѣчнаго путешественника", императора Александра I.

Стр. 129. Разенъ—свободный; такъ себя именовали этруски.

Стр. 129. Диплома, diploma, — подорожная, свидѣтельство на право пользоваться средствами государственной почты (cursus publicus). Частныя лица безъ такого разрѣшенія государственной почтой пользоваться не могли и должны были ѣхать „на своихъ".

Стр. 129. Магистръ оффицій, magister officiorum, см. ниже, примѣчаніе къ гл. VII.

Стр. 129. Развѣ Сенатъ существуетъ не по волѣ императора! Таково было мнѣніе той эпохи (ср. примѣчанія къ гл. VII). Впрочемъ, римскій сенатъ, въ IV и даже V вѣкѣ, сохранялъ еще нѣкоторую тѣнь державной власти. Сенату представлялись порою на утвержденіе (вѣрнѣе, для регистраціи) новые законы, выработанные въ императорской консисторіи. Въ 408 г. въ римскомъ сенатѣ обсуждались требованія Аларіха. Въ 458 г. Майоріанъ, возведенный на престолъ свевомъ Рицимеромъ, писалъ римскому сенату: „imperatorem me factum, patres conscripti, vestrae electionis arbitrio". (Кулаковскій, 38; Duruy, VII, 183; Mommsen R. Staatsr., III).

Стр. 130. Дамасъ былъ римскимъ епископомъ (папою) съ 336 по 384 г. О посольствѣ христіанъ къ императору, руководимомъ Дамасомъ, мы знаемъ изъ писемъ Амбросія и донесеній Симмаха. (Amb. Ep. XVII, XVIII; Symm. Rel.). См. De Broglie, VI, 23.

Стр. 130. Быть христіаниномъ въ наши дни—это средство получать милости двора. Сходное сужденіе находимъ въ письмѣ Симмаха къ Претекстату, 383 г.: „nunc aris deesse Romanos genus est ambiendi." (Symm. I, 51).

Стр. 131. Сатурній, Saturnius,—сынъ Сатурна; обычно такъ именовали Юпитера, но также Плутона (Ovid.).

Стр. 131. Дамасъ—человѣкъ лукавый и неукротимый. De Broglie характеризуетъ Дамаса такъ: „Saint homme de moeurs et de doctrine irréprochables, mais dont l'esprit ardent, curieux, amoureux des nouveautés et des réformes, était fait pour tenir toujours les esprits en éveil et en mouvement autour de lui". (De Broglie, VI, 260),

Стр. 131. Старые Валерiи—Falerii Veteres.

Стр. 131 — 132. Симмахъ началъ диктовать письма. Г. Буасье говоритъ о письмахъ Симмаха: „Ces dix livres de lettres sont d'une pauvreté incroyable; jamais on n'a tant écrit pour dire si peu de chose". (G. Boissier, II, 157). Симмахъ какъ бы хвастался краткостью своихъ писемъ; онъ писалъ Авсонію: „Petis a me litteras longiores. Est hoc in nos veri amoris indicium. Sed ego qui sim paupertini ingenii mei conscius, Laconicae malo studere brevitati quam multiiugis paginis infantiae meae maciem publicare." (Symm., I, 14). У современниковъ письма Симмаха пользовались исключительной славой. Симмахъ самъ, въ тонѣ шутки, но не безъ явнаго самодовольства, говоритъ о томъ, что его письма списывались, собирались въ сборники, хранились въ драгоцѣнныхъ ларцахъ, и дѣлаетъ намекъ на то, что его письма перехватывались по дорогѣ подосланными рабами. (Symm. II, 48; IV, 34).

Стр. 132. Гитонъ, Giton,—герой „Сатирикона" Петронія. Здѣсь намекъ на Petr. Sat., XCVIII (въ лучшихъ кодексахъ читаемъ: ipsos sciniphes ore tangebat,—vulg.: ipsos cimices).

II.

Стр. 133. Заброшенныя поля. Извѣстно, что въ послѣдніе вѣка имперіи земледѣліе въ Италіи пришло въ крайній упадокъ. Въ IV в. въ благословенной Кампаніи насчитывали полъ-милліона югеровъ пустующей земли; восьмая часть этой провинціи превратилась въ пустыню, гдѣ не было видно ни жилья, ни людей. Рутилій, въ своемъ описаніи путешествія, говоритъ, что весь Тосканскій берегъ былъ безлюденъ. Императоры тщетно боролись съ этимъ зломъ, причемъ однимъ изъ средствъ борьбы было прикрѣпленіе колоновъ къ землѣ. См. Duruy, VII, 193, 209 etc.

Стр. 134. Мевавія—Mevania.

Стр. 134. Цесарь, говорилъ онъ... Фридлэндеръ считаетъ, что ѣхавшіе въ экипажѣ могли дѣлать, въ среднемъ, 40—50 римскихъ миль въ день. Speck приводитъ примѣры исключительно скорой ѣзды, какъ приводимые Оптатомъ, такъ и нѣкоторые другіе. (Speck, III, § 964).

Стр. 134—5. Грацiанъ почти отказался отъ власти.

„Грацiанъ пережилъ свою собственную славу", говоритъ Гиббонъ (III, 214) и, ссылаясь на Аммiана Марцеллина, Виктора мл., Зосиму, дѣлаетъ характеристику императора, близкую къ той, которую дѣлаетъ Пробинъ. Аммiанъ Марцеллинъ пишетъ о Грацiанѣ: „facundus et moderatus et bellicosus et clemens; ad aemulationem lectorum progrediens principum, ni vergans in ludibriosos actus natura, laxantibus proximis semet ad vana studia caesaris Commodi convertisset, licet hic incruentus", etc. (Amm. Marc. XXXI, 10). De Broglie говоритъ объ отношенiяхъ Грацiана и Амбросiя: „Едва императоръ и епископъ оказались въ одномъ городѣ, болѣе энергичный изъ нихъ оказалъ на другого вліяніе неодолимое. Слабое и робкое сознаніе Грацiана нашло опору, лучше сказать, господина, котораго искало". (De Broglie, VI, 9).

Стр. 135. Симмахъ въ родствѣ съ Амбросiемъ, такъ какъ Амбросій происходилъ изъ рода Авреліевъ.

Стр. 135. Юстина — мать Валентиніана II, вторая жена Валентиніана I, была женщина властолюбивая и, можетъ быть, именно изъ соперничества съ дворомъ Грацiана покровительствовала аріанамъ. Извѣстно, что позднѣе, послѣ смерти Грацiана, она настойчиво боролась съ Амбросiемъ, отстаивала церкви для аріанскихъ священниковъ, издавала законы, покровительствующіе аріанамъ, и т. под.

Стр. 136. Сирмій—Sirmium, на берегу Савы.

Стр. 136. Какими титулами именовать сановниковъ. Извѣстно, что въ новой служебной іерархіи, разработанной Діоклеціаномъ, и его преемники, различные сановники имѣли право на различные титулы: vir spectabilis, vir illustris, vir clarissimus, vir clarus etc. См. ниже примѣчаніе къ гл. VII.

Стр. 136. Маленькія мансіоны назывались также mutationes или stabulae.

Стр. 137. Оригенъ (ум. въ 254 г.) написалъ „толкованія" на псалтирь, на книгу пророка Іереміи, на евангеліе отъ Матѳея и Іоанна, на посланіе апостола Павла и др.

Стр. 137. Фанумъ Фортуны — Fanum Fortunae (иначе: просто Fanum или Colonia Fanestris).

Стр. 137. Къ гостинницѣ собралась толпа юношей. Интересъ къ литературѣ Г. Буасье называетъ характернѣйшей чертой эпохи. Когда Палладій, пріѣзжій риторъ, декламировалъ публично, его сбѣгался слушать весь Римъ. (G. Boissier, II, 178).

III.

Стр. 138. Comites vacantes, комиты не состоящіе на дѣйствительной службѣ, были двухъ ранговъ и имѣли титулъ или vir illustris

или vir spectabilis. Комиты вообще дѣлились на три ordo; были комиты первой, второй, третьей степени.

Стр. 138. Блескъ Медіолана меня поразилъ. Въ описаніи города, сдѣланномъ Авсоніемъ (Aus. Ordo, VII), между прочимъ, читаемъ:

Et Mediolani mira omnia, copia rerum,
Innumerae cultaeque domus, facunda virorum
Ingenia et mores laeti; tum duplice muro
Amplificata loci species populique voluptas
Circus et inclusi moles cuneata theatri;
Templa Palatinaeque arces opulensque moneta
Et regio Herculei celebris sub honore lavacri;
Cunctaque marmoreis ornata peristyla signis
Moeniaque in valli formam circumdata limbo...

Стр. 139. Пиръ. Роскошь римскихъ пировъ хорошо извѣстна, какъ извѣстна и прекрасная пародія Петронія „Пиръ Тримальхіона". „Обѣдъ (у римлянъ), — пишетъ, напр., А. Амфитеатровъ („Звѣрь изъ бездны", III, 175),—тѣмъ легче занималъ время, посвящаемое въ нашемъ обществѣ баламъ, концертамъ, спектаклямъ, что въ сущности онъ всему этому удѣлялъ понемножку. Даже самый скромный домъ, принимая гостя, угощалъ его музыкою; какъ бы ни былъ бѣденъ хозяинъ, нельзя было обойтись, не пригласивъ хотя бы одного флейтщика. Въ богатыхъ домахъ флейтистамъ счета не было; къ нимъ присоединялись киѳаристы, пѣвцы, пѣвицы, хоры: обѣдъ превращался въ настоящій концертъ, столь пестрый, что гости начинали даже скучать отъ обилія вокальныхъ и инструментальныхъ наслажденій. Лучшій пиръ, говоритъ Марціалъ, тотъ, на которомъ не слышишь оглушительной музыки".

Стр. 140. Одни носили консулярскую тогу, другіе бѣлую одежду кандидатовъ и т. д. Консулы до послѣднихъ вѣковъ имперіи сохраняли свои внѣшнія отличія: пурпурную тогу, золоченые полусапожки, право на курульное кресло и ликторовъ съ фасками; консуляры, т. е. бывшіе консулы (впослѣдствіи consulares назывались также добавочные консулы) имѣли право на тогу съ особо широкой пурпурной каймой. Candidati были члены особаго военнаго отряда, составленнаго изъ людей привилегированнаго положенія; свое названіе они получили отъ бѣлой одежды (мундира), который они носили. О тогахъ такъ пышно расшитыхъ золотомъ (toga picta, palmata), что онѣ затрудняли движенія, см. выше.

Стр. 140. Дуксы, duces, были собственно начальники пограничныхъ войскъ и завѣдующіе оружейными заводами. Позднѣе званіе дукса (какъ и званіе комита, comes) жаловалось императорами просто какъ отличіе.

Стр. 140. Института, institia, — особое, пышно вышитое, украшеніе внизу столы, вродѣ волана.

Стр. 140. Арабійскихъ и испанскихъ плясуній. Особенно славились, съ давнихъ поръ, танцовщицы-испанки (изъ Кадикса). Еще Марціалъ находилъ необходимымъ для свѣтскаго человѣка быть знакомымъ съ испанскими плясовыми мелодіями. Съ испанками соперничали танцовщицы азіатскія и египетскія. (Ср. Амфитеатровъ, III, 176).

Стр. 140. Искусственныхъ яицъ и т. д. Римскіе повара особенно гордились умѣніемъ придавать кушаньямъ такой видъ, что нельзя было угадать, изъ чего они приготовлены. См. ниже.

Стр. 141. „Царь пиршества", rex convivii, arbiter bibendi, выбирался гостями, какъ предсѣдатель обѣда. Онъ раздавалъ гостямъ вѣнки, назначалъ порядокъ тостовъ и т. д.

Стр. 141. Доместики, domestici, былъ одинъ изъ отрядовъ придворной гвардіи; во главѣ доместиковъ стояли два комита, одинъ—пѣхоты, другой—конницы. Рядомъ съ доместиками (возникшими лишь въ IV в.) стоялъ (образованный раньше) отрядъ протекторовъ, protectores lateris divini,—кадръ людей офицерскаго званія, гдѣ начинали службу дѣти знатныхъ военныхъ и германскіе царевичи (Ю. Кулаковскій, I, 34).

Стр. 141. Въ нашемъ городѣ собрались замѣчательнѣйшіе люди. Медіоланъ былъ сдѣланъ резиденціей императора Валентиніаномъ I.

Стр. 141. Изобильные кубки. Hor. Ep. I, 5:

Facundi calices quem non fecere disertum.

Стр. 141. Примицерій священной спальни, primicerius sacri cubiculi, былъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ, находившихся подъ начальствомъ препосита священной спальни; въ подчиненіи этого препосита стоялъ еще завѣдующій императорскимъ гардеробомъ, comes sacri vestis, начальникъ личныхъ слугъ и рабовъ императора, castrensis sacri palatii, дворцовые евнухи, cubicularii и т. д. Штаты дворцовыхъ слугъ назывались paedagogia. (Ю. Кулаковскій, I, 31).

Стр. 141. У него и волоска свободнаго нѣтъ. Capillos liberos non habere—поговорка. (Petr. Sat. XXXVIII).

Стр. 142. Въ дни Ливія уже не понимали и т. д. Полибій свидѣтельствуетъ, что въ его время самые искусные ученые не умѣли объяснить многихъ выраженій въ древнихъ договорахъ. Плутархъ и Плиній сообщаютъ, что одну женскую статую въ Римѣ нѣкоторые принимали за Клелію, другіе—за Валерію, дочь консула Валерія; Цицеронъ передаетъ, что Сципіонъ Метеллъ принималъ статую Сципіона Африканскаго за изображеніе своего прадѣда Сципіона Насики. (В. Герье, лекціи IV и V).

Стр. 142. Зачѣмъ же ты хочешь заставить насъ гово-

рить языкомъ Ливія? Ср. Aul. Gell. I, 10, который разсказываетъ, что философъ такъ сказалъ одному юношѣ, употреблявшему въ разговорѣ выраженія старинныя: „Курій, Фабрицій, Корунканій, эти древніе мужи, три Горація, еще болѣе древніе, говорили со своими ясно и понятно, говорили словами своего времени, а не языкомъ аврунковъ, сикановъ, или пеласговъ, которые, какъ говорятъ, первые населяли Италію. Ты же, какъ бы говоря теперь съ матерью Эвандра, пользуешься языкомъ, вышедшимъ изъ употребленія уже много лѣтъ назадъ, какъ еслибы ты не желалъ, чтобы никто тебя не понялъ и не узналъ, что ты говоришь. Перестань, безумецъ (Nonne, homo inepte)“ и т. д.

Стр. 142. Фабій Пикторъ, по преданію, первый сталъ въ Римѣ расписывать стѣны картинами.

Стр. 142. Завоевавъ Сицилію (242 г. до Р. Х.), римляне стали назначать не двухъ преторовъ, какъ прежде, а трехъ; третій былъ правителемъ новой провинціи. Впослѣдствіи число преторовъ было значительно увеличено, а порядокъ управленія провинціями совершенно измѣненъ. — Въ IV в. преторовъ назначали сенаты, римскій и константинопольскій. Съ званіемъ претора было связано полученіе сенаторскихъ правъ, и такимъ образомъ претура была средствомъ пополненія сената.

Стр. 143. Всѣ обратили глаза на Симмаха, словно гости Дидоны. Verg. Aen. II, 1:

Conticuere omnes intentique ora tenebant.

Стр. 143. Киней былъ посланъ въ Римъ Пирромъ послѣ пораженія римлянъ при Гераклеѣ (280 г. до Р. Х.). Вернувшись къ Пирру, онъ назвалъ сенатъ „собраніемъ царей“. Это вспоминаетъ Amm. Marc. XVI, 10.

Стр. 144. Или ты забылъ продажу голосовъ въ трибутныхъ комиціяхъ и т. д. Авсоній въ своей благодарственной рѣчи къ Граціану, назначившему его консуломъ, также восхваляетъ новый порядокъ, при которомъ консулы не избирались народомъ, а назначались императоромъ: „Valete modo, classes populi, et urbanorum tribuum prerogativae et centuriae iure vocatae. Quae comitia pleniora unquam fuerunt, quam quibus praestitit Deus consilium, imperator obsequium?“ (Aus. Gr. actio). Гиббонъ называетъ это произведеніе Авсонія „раболѣпнымъ и пошлымъ“ (Гибб., III, 216).

Стр. 144. Галлія послѣ Цесаря славилась только окороками и пивомъ. Въ эпоху Августа, усердно заботившагося о развитіи земледѣлія и скотоводства въ Галліи, славилась ветчина, которую приготовляли менапіи (въ нынѣшней Фландріи). Пиво, во всѣ времена имперіи, оставалось самымъ употребительнымъ спиртнымъ напиткомъ въ Галліи, особенно на сѣверѣ. Императоръ Юліанъ, во время

своего пребыванія въ Галліи, пристрастился къ пиву. До насъ дошла античная эпиграмма на пиво (Antol. Pal. IX, 368, цит. у Моммс. V, 93):

Эй, Діонисъ, ты откуда? клянуся истиннымъ Бакхомъ
Я не знаю тебя: мнѣ лишь сынъ Зевса знакомъ.
Нектаромъ пахнетъ тотъ, козломъ пахнешь ты. Это кельтомъ
(Съ гроздьями кто незнакомъ) сваренъ изъ хлѣба ты былъ.
Должно тебя называть Деметрій, а не Діонисій
Бромія имя оставь, огнерожденный ты Бромъ.

Βρόμιος, Bromius,—одно изъ именъ Бакка; βρόμος—овесъ.

Стр. 144. О Ямблихѣ (ум. около 330 г.) и Авсоніи (ум. въ 394 г.) см. выше. Историкъ Амміанъ Марцеллинъ (ум. въ концѣ IV в.) общеизвѣстенъ; Гиббонъ, въ томъ мѣстѣ своей исторіи, гдѣ онъ, послѣ послѣднихъ страницъ исторіи Амміана Марцеллина, принужденъ обратиться къ другимъ источникамъ, скорбитъ „о такой невозвратной потерѣ“ (III, 189). Паппъ Александрійскій былъ однимъ изъ величайшихъ математиковъ древности (Александрійской школы); точная дата его жизни неизвѣстна, Ф. Кэджори („Исторія математики“, 91) относитъ его къ 300—370 г.; M. Simon („Geschichte der Mathematik“, 366) — къ эпохѣ Діоклеціана. В. Бобынинъ (въ „Энцикл. словарѣ“ Брокгаузъ-Ефрона), особенно указывая на работы Паппа по геометріи, нынѣ называемой новой или высшей, признаетъ его „вполнѣ выдающимся геометромъ“.

Стр. 144. Богиня Астрея вернулась на землю. Намекъ на стихъ Овидія (Ov. Met., I, 150):

Ultima caelestum terras Astraea reliquit.

Стр. 144. Эсхилъ сказалъ... Aesch. Prom., 909:

αὐτὸν ἐκ τυραννίδος
θρόνων τ' αἴστον ἐκβαλεῖ.

Стр. 145. Рѣдкіе пловцы и т. д. Verg. Aen., I, 118:

Apparent rari nantes in gurgite vasto.

IV—V.

Стр. 147. Тотъ седьмой день. Константинъ В. установилъ въ 320 г. праздничный отдыхъ. Въ dies Solis, который политеисты считали посвященнымъ Аполлону, а христіане — памяти воскресенія, должны были быть закрыты всѣ присутственныя мѣста.

Стр. 147—148. Амбросій, его характеръ, его жизнь, особенности его сочиненій прекрасно изображены у De Broglie (VI, 1 — 22 и въ отдѣльномъ сочиненіи, Paris 1899). Мысли проповѣди Амбросія повторяютъ отдѣльныя мѣста изъ его сочиненія „Объ обязанностяхъ дружбы" („De officiis", французскій переводъ въ изд. E. Thomas).

Стр. 149. Не на крыльяхъ же Персея и т. д. Намекъ на стихи Овидія (Ov. Tristium III, 8):

Nunc ego Triptolemi cuperem consistere curru,
Misit in ignotam qui rude semen humum;
Nunc ego Medeae vellem frenare dracones,
Quos habuit fugiens arce, Corinthe, tua;
Nunc ego iactandas optarem sumere pennas,
Sive tuas, Perseu, Daedale, sive tuas.

Стр. 153. Избранный епископомъ, Амбросій роздалъ имущество... Доходы со своихъ имѣній онъ оставилъ своему брату Сатиру и сестрѣ Марцеллинѣ (De Broglie, VI, 9).

Стр. 153. Входите свободно. „Его (Амбросія) дверь оставалась открытой,—пишетъ De Broglie (VI, 10),—входили всѣ, кто хотѣлъ, даже безъ доклада".

Стр. 153. Столъ былъ заваленъ грудами книгъ. „Съ ранней зари,—пишетъ De Broglie (ibid.),—Амбросій садился за столъ, пожирая томы святого писанія, къ которымъ онъ присоединялъ комментаріи Оригена, святого Ипполита, проповѣди Василія Кессарійскаго и др.".

Стр. 154. Поясъ съ золотой пряжкой. Красный поясъ (cingulum) съ золотой застежкой носили всѣ чиновники, состоявшіе на государственной службѣ; штаты ихъ именовались militia.

Стр. 154—159. Разговоръ Симмаха съ Амбросіемъ передаетъ вкратцѣ содержаніе той рѣчи Симмаха въ защиту алтаря Побѣды, которую онъ намѣревался произнести передъ Граціаномъ, но которую могъ сказать лишь полтора года спустя передъ Валентиномъ II и затѣмъ повторилъ (можетъ быть, съ измѣненіями) въ 388 г. передъ Ѳеодосіемъ В., и содержаніе двухъ писемъ Амбросія, написанныхъ въ предостереженіе и въ опроверженіе рѣчей Симмаха (см. Symm. Rel. III; Amb. Epist., XVII, XVIII). Содержаніе этого спора прекрасно изложено у Гиббона (III, 282 — 283) и De Broglie VI, 58 — 73). Ср., напр., утвержденіе Симмаха: „Hic cultus in leges meas orbem redegit, haec sacra Hannibalem a moenibus, a Capitolio Senonas reppulerunt" и насмѣшливый вопросъ Амбросія по поводу того, что боги спасли Римъ отъ галловъ: „Ubi tunc erat Iupiter? an in ansere loquebatur?" „Въ этой полемикѣ,— пишетъ Гиббонъ,—Амбросій снисходитъ до того, что говоритъ языкомъ философа".

Стр. 158. „Я запрещу служить идоламъ". Амвросій, — пишетъ De Broglie (VI, 18), — не могъ терпѣть того, что въ имперіи не было единаго принятаго культа или, вѣрнѣе, что было два такихъ культа... Будь онъ префектомъ, онъ уничтожилъ бы это смѣшеніе, какъ общественный непорядокъ; будучи епископомъ, онъ негодовалъ на него, какъ на оскорбленіе святыни".

VI.

Стр. 161. Онъ трудился надъ фигурой маленькаго Амура. Первоначально христіанство относилось очень сурово къ языческимъ изображеніямъ. Арабскій текстъ „апостольскаго канона" сохранилъ намъ правило, по которому ремесленникъ, сдѣлавшій послѣ того, какъ получилъ крещеніе, идола, долженъ быть отлученъ отъ церкви. Позднѣе, однако, христіане стали смотрѣть на это гораздо снисходительнѣе. Въ катакомбахъ, въ женскихъ могилахъ, находятъ камеи и другія украшенія съ изображеніями Бакха, Ганимеда, Горгоны; дочь Стилихона получила, какъ свадебный подарокъ, вещи Ливіи, принадлежавшія потомъ Поппеѣ, Фаустинѣ и др. Тертуліанъ разрѣшаетъ ремесленникамъ-христіанамъ дѣлать изображенія языческихъ боговъ, если только самое изображеніе не предназначается для цѣлей культа. Образы Орфея, Психеи, олицетворенныхъ временъ года, Тритона, Океана—обычны на стѣнахъ катакомбъ и на христіанскихъ гробницахъ. (См. P. Allard, X).

Стр. 163. Просерпина готовилась срѣзать волосъ на твоемъ темени. Ср. Verg. Aen. IV, 698—9:

> Nondum illi flavum Proserpina vertice crinem
> Abstulerat Stygioque caput damnaverat Orco.

Стр. 163. Цинедъ, cinaedus,—плясунъ, юноша дурного поведенія.

Стр. 164. Помня увѣренія Насона. Ov. Ars Amat. I, 673:

> Grata est vis Ista puellis.

Стр. 165. Могъ бы повѣрить только іудей Апелла. Hor. Sat. I, 5:

> Credat Iudaeus Apella.

Стр. 166. Квартилла, Quartilla,—одна изъ героинь „Сатирикона" Петронія.

Стр. 167. Давомъ, а не Эдипомъ. Terent. Andria, I:

> Davus sum non Oedipus.

Стр. 167. Хламида, chlamys,—широкій греческій плащъ.

VII.

Стр. 169. Арелата, Arelate, Arelas или Arelate-Constantina,—городъ въ южной Галліи (нынѣ Арль).

Стр. 169. Поднесеніе золотого вѣнка городами императору — былъ особый косвенный налогъ, которымъ императоры охотно пополняли свою казну. Иногда, вмѣсто вѣнка, подносилась соотвѣтствующая сумма денегъ, aurum coronarium. Въ надписяхъ сохранилось много милостивыхъ рескриптовъ императоровъ въ благодарность за такія подношенія.

Стр. 170. Къ дворцовымъ твердынямъ. Ср. Aus. Ordo VII: palatinae arces.

Стр. 170. Македонія, тогдашняго магистра оффицій, De Broglie (VI, 45) называетъ „assez triste personnage". Магистръ оффицій, вмѣстѣ съ префектомъ преторіи, префектомъ столицы, квесторомъ, quaestor sacri palatii, и двумя комитами, завѣдывавшими финансами, comes sacrarum largitionum и comes rerum privatarum, составляли высшіе гражданскіе чины имперіи. Кругъ компетенціи магистра оффицій былъ чрезвычайно великъ. Онъ—начальникъ дворца и всѣхъ дворцовыхъ службъ. Подъ его начальствомъ—личная охрана государя. Онъ начальникъ канцеляріи пріемовъ, officium admissionum (и въ этой должности составляетъ списки тѣхъ, кто имѣетъ въ данный день доступъ во дворецъ). Въ его же вѣдѣніи стоятъ четыре другихъ императорскихъ канцеляріи: scrinia memoriae, epistolarum, libellorum, dispositionum. Далѣе онъ завѣдуетъ государственной почтой (cursus publicus) и пограничными войсками. Наконецъ, ему же подчинена тайная полиція, agentes in rebus. Говоря современными терминами, можно сказать, что магистръ оффицій соединялъ въ себѣ власть министра внутреннихъ дѣлъ, дворцоваго коменданта, начальника собственной Е. В. канцеляріи и нѣкоторыя другія права (см. Ю. Кулаковскій, 31—33). Важнѣйшія свѣдѣнія о „священной іерархіи", существовавшей въ имперіи, намъ даетъ „Notitia Dignitatum", редактированная въ началѣ V вѣка. Въ раздѣлѣ, озаглавленномъ „sub dispositione viri illustris magistri officiorum", мы находимъ 46 разныхъ учрежденій, которыми онъ долженъ былъ руководить, начиная съ военныхъ частей, кончая переводчиками со всѣхъ языковъ (interpretes omnium gentium).

Стр. 170. Схоларіи, scholarii,—члены личной охраны императора, дѣлившіеся на 7 конныхъ полковъ (scholae). О кандидатахъ, протекторахъ и доместикахъ см. выше, примѣчанія къ гл. III. Тамъ же о препоситѣ священной спальни. Къ сожалѣнію въ „Notitia dignitatum" главы объ этомъ сановникѣ и кругѣ его вѣдомства до насъ не дошли.

Стр. 171. Патрицій, со временъ Константина В., сталъ лишь почетнымъ званіемъ, которое давалось пожизненно.

Стр. 171. Куріалъ—членъ городского сената (думы).

Стр. 171. Примицерій нотаріевъ, primicerius notariorum. „Notitia" такъ опредѣляетъ его обязанности: „sub cura viri spectabilis primicerii notariorum—notitia omnium dignitatum et amministrationum tam civilium quam militarium. Officium autem non habet sed adiutores". Дѣло въ томъ, что, кромѣ канцелярій, находившихся въ вѣдѣніи магистра оффицій, былъ еще особый классъ государственныхъ секретарей, носившихъ названіе нотаріевъ, notarii. Во главѣ ихъ стоялъ примицерій. Въ вѣдѣніи нотаріата находился списокъ чиновъ (laterculum maius) и черезъ нотаріатъ шли всѣ дипломы о назначеніяхъ.

Стр. 171. Отцы, patres, т.-е. римскіе сенаторы.

Стр. 172. О замѣчательномъ стихотвореніи... Образцы такого рода стихотвореній сохранились въ сочиненіяхъ Порфирія (см. Publilii Optatiani Porfyrii Carmina).

Стр. 172. О стихахъ Горація. Hor. Carm. III, 5:

> Caelo tonantem credidimus Iovem
> Regnare.

Стр. 173. Началось императорское шествіе. Зосима жалуется (Zosimi IV, 35), что Граціанъ, „принявъ къ себѣ многихъ бѣжавшихъ аланъ, зачислилъ ихъ въ ряды войска, одарилъ богатыми подарками и вѣрилъ исключительно имъ, нисколько не довѣряя своимъ римскимъ воинамъ".

Стр. 173. Обрядъ поклоненія предъ императоромъ былъ введенъ Діоклеіаномъ. Говоря о томъ, какъ нѣкто Урсицинъ долженъ былъ поцѣловать полу пурпурной императорской мантіи, Амміанъ Марцеллинъ (XV, 5) замѣчаетъ: „Этотъ способъ привѣтствія учредилъ впервые, по обычаю чужеземныхъ царей, императоръ Діоклеіанъ, тогда какъ до того государей привѣтствовали такимъ же способомъ, какъ и сановниковъ". (Перев. Ю. Кулаковскаго).

Стр. 174. Граціанъ былъ одѣтъ и т. д. Гиббонъ пишетъ (III, 218): „Какъ будто нарочно стараясь оскорбить общественное мнѣніе, Граціанъ часто появлялся передъ солдатами въ одѣяніи и вооруженіи скиѳскаго воина,—съ длиннымъ лукомъ, гремучимъ колчаномъ и мѣховыми обшивками. Унизительный видъ римскаго императора, отказавшагося отъ одѣянія и нравовъ своихъ соотечественниковъ, возбуждалъ въ душѣ солдатъ скорбь и негодованіе". Описаніе внѣшности Граціана въ повѣсти соотвѣтствуетъ словамъ Амміана Марцеллина (см. выше) и сохранившимся изображеніямъ на монетахъ и геммахъ (см., напр., „Numismata").

Стр. 174. Діадема—бѣлая повязка, надѣвавшаяся на голову исключительно императорами, украшенная шитьемъ и драгоцѣнными каменьями. Ленты, свободно спадавшія отъ діадемы сзади, назывались lemnisci. На монетахъ Граціанъ изображенъ въ такой corona lemniscata.

Стр. 175. Города, которые желаютъ и т. д. См. эдиктъ 382 г. (Cod. Theod. XII, tit. XII, 8): „Quaecumque civitas legatos ad sacrarium nostrum voluerit ordinare, libera ei tribuatur facultas".

Стр. 175. „Другомъ Божіемъ" и т. д. Сходныя выраженія находимъ у Авсонія (Gratiarum actio): „amicus Deo es", „Augustus sanctitate", „Deo participatus", Самъ императоръ говорилъ о „дворѣ нашей божественности" („ad nostri numinis comitatum", Cod. Theod. XII, tit. XII, 7).

Стр. 175. Увѣреній Ювенала... Iuv. Sat. IV, 70—71.

Nihil est, quod credere de se
Non possit, cum laudatur dis aequa potestas.

VIII.

Стр. 178. Противъ насъ стоятъ сильные и т. д. См. Царствъ XVIII, 45; Псаломъ XCIII, 22; XC, 13.

Стр. 178. Звѣзда Полынь пала на рѣки и источники водные и др. Откр. VIII, 8, 10—12; IX, 1.

Стр. 178. Квиндецимвиры, quindecimviri sacris faciundis,—коллегія, завѣдовавшая сибиллинскими книгами и иностранными культами. Составъ этой коллегіи въ 15 человѣкъ былъ установленъ Суллою (сначала онъ былъ въ 2, потомъ въ 10 человѣкъ).

Стр. 178. Буйство всѣхъ четырехъ вѣтровъ. Намекъ на стихи Verg. Aen. I, 82—83:

ac venti velut agmine facto
Qua data porta ruunt et terras turbine perflant.

Стр. 179 и сл. Наасены (по-еврейски nahash—змѣй) или офиты—гностическая секта, точнѣе группа сектъ, чтившихъ въ змѣѣ образъ, принятый верховной Премудростью. Ученіе наасеновъ подробно излагается въ „Обличеніи противъ всѣхъ ересей", приписываемомъ св. Ипполиту. Ученіе это сходно съ тѣмъ, что̀ излагаетъ въ повѣсти Манагимъ. Полагаютъ, что секта офитовъ возникла въ Египтѣ; культъ змѣи, повидимому, былъ связанъ съ фаллизмомъ. Секта офитовъ еще продолжала существованіе въ VI вѣкѣ.

Стр. 180. По благости императора, т. е. Валентиніана I, установившаго широкую вѣротерпимость въ имперіи.

Стр. 181. Такимъ богоравный Улиссъ... Одиссея, VII.

Стр. 183. Гермесъ Трисмегистъ — предполагаемый авторъ книгъ, излагающихъ оккультное ученіе о мірѣ. Лактанцій (конецъ III и начало IV в.) уже цитируетъ эти книги.

Стр. 184. Какъ молнія, что̀ исходитъ отъ Востока и видна бываетъ даже до Запада. Отъ Матѳея XXIV, 27; Дѣянія XVIII, 22—23.

Стр. 184. Для чего ты допустилъ сатанѣ и т. д. Дѣянія V, 3—4.

Стр. 186. Антиной, любимецъ императора Адріана, былъ родомъ изъ Виѳиніи.

Стр. 186. Нынѣ видѣли очи мои спасеніе міра. Отъ Луки II, 30.

Стр. 187. Аматусія, Amatusia, т.-е. Венера, называвшаяся такъ по святилищу въ ея честь, бывшему въ Аматѣ (Amathus), древне-финикійскому городу на Кипрѣ.

IX.

Стр. 189. Ночныя служенія Пріапу (женщинъ) были описаны въ „Сатириконѣ" Петронія, въ утерянной части, но указаніе на нихъ сохранилось въ гл. XVI.

Стр. 189. Цингулъ, cingulum, см. выше примѣчаніе къ гл. V.

Стр. 189. Лена, laena,—широкій плащъ, мохнатый съ обѣихъ сторонъ, который въ холода носили сверхъ тоги. Сначала чисто-военное одѣяніе, лена позднѣе стала носиться всѣми гражданами и часто замѣняла собою тогу. Бѣдняки носили лену изъ грубой матеріи; щеголи—окрашивали ее въ различные цвѣта, преимущественно лиловый. (Lexique).

Стр. 189. Золотой солидъ, solidus, — золотая монета, цѣнность которой опредѣлялась различно. Въ 445 г., при Валентиніанѣ III, былъ изданъ законъ de pretio solidi et ne quis solidum integrum recuset, который гласитъ: „ne umquam intra septem milia nummorum solidus distrahatur emptus a collectario septem milibus ducentis". Моммсенъ толковалъ это мѣсто такъ: мѣнялы были обязаны отдавать золотой солидъ за цѣну, не превышающую 7200 денаріевъ, а частныя лица—принимать по меньшей мѣрѣ за 7000 денаріевъ. Вальтцингъ находитъ, что новелла обязываетъ мѣнялъ мѣнять золотой (солидъ) на мѣдь по курсу, границы котораго опредѣлялись снизу въ 7000 денаріевъ, между тѣмъ какъ они сами покупали золото по 7200. Моммсенъ опредѣлялъ цѣнность діоклеціановскаго денарія въ 8,6 пф.; теперь (благодаря находкѣ „Элатейскаго фрагмента") мы знаемъ, что эта оцѣнка приблизительно въ

5 разъ выше дѣйствительной. (См. Струве, 252—256). Слѣдовательно золотой солидъ въ серединѣ V вѣка равнялся приблизительно Мк. 120—140. Однако, для конца IV в. цѣна солида должна была быть ниже; первоначально aureus (который былъ замѣненъ солидомъ) равнялся только 100 сестерціямъ и лишь постепенно возрасталъ въ цѣнѣ. Высокая стоимость его въ V в. объясняется недостаткомъ золота въ то время.

Стр. 190. Напоминала полную луну и т. д. Petr. Sat. CXXVII: „Illa risit tam blandum, ut videretur mihi plenum os extra nubem luna proferre."

Стр. 190. Томириса, Tomyris, — скиѳская царица, побѣдившая и умертвившая Кира. У Юстина (Just. I, 8)—Tamyris.

Стр. 191. Дочери Даная, данаиды, по миѳу, были осуждены въ Тартарѣ наполнять водой бездонную бочку.

Стр. 191. Педагогъ, paedagogus,—дворцовый слуга. См. выше.

Стр. 191. Гиматій, ἱμάτιον,—у Грековъ соотвѣтствовалъ римской тогѣ.

Стр. 192. Всѣ товары синовъ и т. д. См. Приложеніе (ко второму тому).

Стр. 192. Аксомитское царство было расположено въ Африкѣ, поблизости отъ Абиссиніи. Въ половинѣ IV в. царство аксомитовъ соединилось съ царствомъ гомеритовъ, лежавшимъ на противоположномъ берегу Аравіи. Въ одномъ документѣ, около 356 г., царь аксомитовъ называлъ себя: Βασιλεὺς Ἀξωμιτῶν καὶ Ὁμηριτῶν. Въ позднѣйшія времена имперіи царства аксомитовъ и гомеритовъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Римомъ.

Стр. 192. Міосъ-Гормосъ — гавань въ Египтѣ на Красномъ морѣ. Салика — нынѣ Цейлокъ, Каттигара — городъ въ южномъ Китаѣ (можетъ быть нынѣ Кантонъ, Нанкинъ или Ханои).

Стр. 192. Эритрейское море — с.-з. часть Индійскаго океана (Аравійское море); египетскіе мореплаватели рано научились пользоваться муссонами для далекихъ экспедицій. См. Приложеніе (ко второму тому).

Стр. 192. Метора, Methora,—городъ на Цейлонѣ.

Стр. 192. Тамошніе люди и т. д. „Въ домахъ индійской знати,— пишетъ Моммсенъ (V, 596),—пили арабскія вина на ряду съ италійскимъ фалернскимъ и съ сирійскимъ лаодикійскимъ, а копья и сапожныя шила, которыя покупались туземцами береговъ Занзибара, выдѣлывались въ Музѣ".

Стр. 192. Арсинойскія ткани, т.-е. издѣлія арсинойскихъ ткацкихъ фабрикъ (Арсиноя — городъ въ Египтѣ на Файуме) славились во всей имперіи и особенно на Востокѣ. Египетскіе фабриканты для восточнаго экспорта готовили спеціальные товары по вкусу туземцевъ; мы видимъ, что вывозились ткани „для варваровъ", „для арабовъ", „для туземцевъ" (ἱμάτια βαρβαρικά, ἱματισμὸς Ἀραβικός и т. под.) См. М. Хвостовъ,

стр. 167. Египетское стекло также было очень извѣстно на Востокѣ. „Индія получала изъ Египта частью готовую стеклянную посуду, частью необдѣланное стекло для собственной фабрикаціи; даже при китайскомъ дворѣ возбудили сильное удивленіе тѣ стеклянные сосуды, изъ которыхъ пріѣзжіе Римляне пили за здоровье императора". (Моммсенъ, V, 565). Статуи римскихъ художниковъ также попадали на Востокъ. „Египетскіе торговцы привозили цивилизованнымъ владѣтелямъ южно-аравійскихъ и индійскихъ береговъ подарки, состоявшіе между прочимъ изъ статуй, конечно бронзовыхъ, и изъ музыкальныхъ инструментовъ" (Моммсенъ, ibid.).

Стр. 193. Нашей сурьмой подвести себѣ глаза. Въ гавани западнаго Индостана вывозились еще реальгаръ, мышьякъ и сурьма (στίμμι); послѣдняя на Востокѣ употреблялась и употребляется женщинами для подкрашиванія бровей и подведенія глазъ". (М. Хвостовъ, стр. 163—4).

Стр. 193. Вездѣ ходятъ наши деньги. „Явственнымъ свидѣтельствомъ торговыхъ сношеній Римской имперіи съ гаванями Индостана и Индо-Китая представляются намъ римскія монеты, здѣсь находимыя" (М. Хвостовъ, стр. 232). Монеты находятъ въ Мадурскомъ округѣ (отъ монетъ Тиберія до — Аркадія и Гонорія и даже Зенона), на Коромандельскомъ берегу (отъ монетъ Траяна до — Каракаллы), на сѣверовостокѣ Индостана (отъ монетъ Тиберія до—Константина и болѣе позднихъ императоровъ), на Цейлонѣ и т. д. Клады съ римскими монетами находятъ и на восточномъ побережіи Африки; въ Родезіи была найдена монета Антонина Пія. (М. Хвостовъ, стр. 81). См. Приложеніе (ко второму тому).

Стр. 193. Острова Сатировъ, Satirorum insulae,—Борнео; лѣсные люди—орангъ-утанги.

Стр. 193. „Дважды шесть". Намекъ на стихи Verg. Aen. XVII, 899—900:

> Vix illud lecti bis sex cervice subirent,
> Qualia nunc hominum producit corpora tellus

Стр. 193. Рапта — Занзибаръ; Лунныя горы — Кенія и Килиманджаро.

Стр. 193. Переплывъ океанъ, нашли за нимъ новую землю, т. е. Америку. См. свидѣтельства Эліана (III в.), Марцелла Эмпирика (IV в.), Прокла Діадоха (V в.) и др.

Стр. 195. Колумбаріи, columbaria,—отверстія въ бортѣ корабля, въ которыя продѣвались весла.

X—XI.

Стр. 197. Опытъ учитъ насъ соразмѣрять свои плечи съ бременемъ и т. д. Seneca, Epist. CVIII.

Стр. 197. Давно было указано, что событія, считавшіяся зломъ и т. д. Seneca, Epist. CX.

Стр. 198. Какъ говоритъ поэтъ—Phaedr. IV, 20:

Homo doctus in se semper divitias habet.

Стр. 198. Человѣкъ образованный обладаетъ силой побѣждать всѣ бѣдствія и т. д. Seneca, Epist. LXXXV.

Стр. 198. Этимъ ты обезпечишь свою жизнь и т. д. Ср. Seneca, Epist. CXVIII. — Вообще въ письмѣ отца Юнія есть родъ намековъ на мысли, выраженныя въ письмахъ Сенеки.

Стр. 198. Vale ut valeam—будь здоровъ, чтобы и я былъ здоровъ (обычное заключеніе писемъ).

Стр. 198. S. D.—salutem dixit (привѣтъ, обычное начало писемъ).

Стр. 199. Vale—будь здоровъ.

Стр. 201. Сольется ли моя душа съ элементами міра, будетъ ли мой призракъ блуждать вокругъ мертваго тѣла, тогда какъ моя тѣнь и т. д. Ученіе, изложенное между прочимъ и Овидіемъ, что человѣкъ состоитъ изъ четырехъ элементовъ: маны, тѣло, духъ и тѣнь (manes, corpus, spiritus, umbra).

Стр. 201. Стиксъ, Ахеронтъ, Коцитъ, Флегетонъ—рѣки въ Тартарѣ.

Стр. 201. Иксіонъ, Пириѳой, Танталъ—миѳическіе герои, извѣстные тѣми мученіями, на которыя обречены въ Тартарѣ. Элисса—другое имя Дидоны.

Стр. 204. Раба, который фонаремъ освѣщалъ бы имъ дорогу... Ср. Petr. Sat LXXIX: „Neque fax ulla in praesidio erat, quae iter aperiret errantibus".

Стр. 205. Переверты вать стиль—stilum vertere; чтобы можно было стирать написанное (на доскѣ), верхній конецъ стиля дѣлался плоскимъ или закругленнымъ.

Стр. 205. S. D. P.—Salutem dixit plurimam (привѣтъ, обычное начало писемъ). Domina—госпожа, обычное обращеніе къ дамѣ.

Стр. 206. Cura ut valeas—будь здорова (обычное заключеніе писемъ).

Стр. 206. Пугиллары—записная книжка (см. выше).

Стр. 206. Онъ прочелъ мнѣ эпиграмму. Среди сочиненій Симмаха сохранилось нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно написано сходнымъ размѣромъ (Symm. I, 8).

Стр. 207. Побѣдителемъ Британніи и Африки Валентиніанъ I можетъ быть названъ лишь условно. Лично онъ совершалъ походы лишь противъ германцевъ; побѣды въ Британніи (усмиреніе каледонцевъ, въ 367 — 370 г.) и въ Африкѣ (подавленіе мятежа Фирма, въ 37—23 г.) были одержаны полководцемъ Валентиніана I, Ѳеодосіемъ (старшимъ). Но извѣстно, что императоры съ первыхъ временъ имперіи приписывали себѣ подвиги своихъ полководцевъ и даже праздновали за нихъ тріумфы. Валентиніанъ, впрочемъ, не имѣлъ титуловъ ни Britannicus maximus, ни Africanus maximus, но только Germanicus, Alamannicus, Francicus, Gothicus (Fasti).

Стр. 209. Косскіе мастера, т.-е. жители острова Коса (одного изъ Спорадскихъ), славились своими золотошвейными издѣліями.

Стр. 209. Въ сей жизни счастливъ тотъ... Hor. Ep. II, 1:

Beatus ille, qui procul negotiis.

Стр. 211. Изреченіе Цицерона — Cic. De Div II, 41: „Nihil est quod deus efficere non possit".

Стр. 212. Iuppiter Optimus Maximus—Юпитеръ милостивый, величайшій!—обычное обращеніе къ Юпитеру.

Стр. 213. Пугіонъ, pugio,—короткій кинжалъ (см. выше).

Стр. 214. Кратосъ и Біа, Κράτος καὶ Βία,—Мощь и Сила, дѣйствующія лица трагедіи Эсхила „Прикованный Промеѳей".

XII—XIII.

Стр. 215. Здѣсь не было обычныхъ трехъ этажей. Обычныя римскія тюрьмы имѣли три этажа. Нижній этажъ (carcer inferior, carnificiaria) служилъ мѣстомъ казни; преступника сбрасывали туда черезъ маленькое отверстіе въ потолкѣ, и послѣ доставали оттуда тѣло крюкомъ (uncus). Средній этажъ (carcer interior) обыкновенно былъ на уровнѣ земли. Верхній этажъ (carcer superior) служилъ для заключенія менѣе важныхъ преступниковъ. (Lexique).

Стр. 215. Скоты—племя, жившее въ южной части Шотландіи (Caledonia) и въ Ирландіи (Hibernia). Амміанъ Марцеллинъ называетъ скотовъ и пиктовъ „gentes ferae" (Amm. Marc. XX, 1).

Стр. 215. Галльскіе башмаки, gallicae, — галльская обувь, съ очень плотной подошвой, иногда двойной или тройной, безъ каблуковъ, нѣчто похоже на современныя галоши. (Lexique).

Стр. 217. Высокій холмъ Лакторы. Лактора была расположена на возвышенности. „Tout près du plateau où elle (Lectoure) etait batie, au sommet du rocher qui la porte" etc., пишетъ C. Jullian, посвятившій Лакторѣ отдѣльную статью (Revue de Philologie, avril 1911).

Стр. 218. Юлія Домна—жена сначала Септимія Севера, потомъ Каракаллы, извѣстная и своимъ распутствомъ и покровительствомъ ученымъ, имѣвшая большое вліяніе на государственныя дѣла. Мамея, дочь Мезы, долгое время, вмѣстѣ съ матерью, правила дѣлами вмѣсто Элагабала. Другія упоминаемыя здѣсь имена—общеизвѣстны.

Стр. 218. Сатурнія, Saturnia,—дочь Сатурна, т.-е. Юнона, покровительница браковъ. Богиня Вѣрности—Fides. Блѣдность и Страхъ—Pallor et Pavor. Какъ извѣстно, многія божества у римлянъ были лишь олицетвореніемъ отвлеченныхъ понятій.

Стр. 218. Формы судопроизводства, actio,—у Римлянъ народа-юриста, были разработаны весьма подробно, но больше по отношенію къ гражданскому процессу, чѣмъ уголовному. Въ позднѣйшую эпоху имперіи дѣла о государственныхъ преступленіяхъ весьма часто велись безъ соблюденія какихъ бы то ни было юридическихъ нормъ. Амміанъ Марцеллинъ приводитъ многочисленные примѣры подобныхъ судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ все рѣшалось волею императора, цесаря или даже иного сановника. Констанцій покаралъ, на основаніи сомнительнаго доноса, тяжкой ссылкой комита Геронція, подвергнувъ его предварительно пыткамъ (Amm. Marc. XIV, 5). Нотарій Павелъ въ Британніи „благородныхъ людей заключалъ въ темницу, а иныхъ изъ нихъ томилъ въ кандалахъ“ (XIV, 5). При цесарѣ Галлѣ (братѣ Юліана) „никто не производилъ правильнаго слѣдствія о проступкахъ, дѣйствительно совершенныхъ или измышленныхъ, не дѣлалось различія между виновными и невиновными, умолкла закономъ установленная защита, и по всѣмъ провинціямъ Востока царили—палачъ, казни, конфискація имущества“ (XIV, 7). При томъ же Галлѣ, „нисколько не разобравшись въ дѣлѣ, не различая между правыми и виноватыми, однихъ приговорили къ ссылкѣ, послѣ предварительнаго наказанія палками и пытокъ, другихъ разжаловали, остальныхъ казнили“ (XV, 3). Въ самомъ Римѣ, при Валентиніанѣ I, гаруспику Аманцію, послѣ тайнаго доноса, пришлось „изгибаться подъ тяжестью пытокъ“ (XXVIII, 1). И т. под. (всѣ цитаты по переводу Ю. Кулаковскаго).

Стр. 219. Право апелляціи, appellatio,—въ эпоху имперіи состояло преимущественно въ апелляціи къ императору.

Стр. 219. Аудиторія, auditorium, въ юридическомъ языкѣ,—группа лицъ, присутствующихъ въ судѣ, при префектѣ, преторѣ и т. под.

Стр. 219. Дѣло ведутъ иной разъ магистры конницы. См. Amm. Marc. XIV, 9.

Стр. 219. Цесарь Галлъ былъ обезглавленъ въ заточеніи, по приказанію Констанція (Amm. Marc. XIV, 11).

Стр. 219. Всякаго рода пытками. Въ позднѣйшую эпоху имперіи римляне широко прибѣгали, при уголовномъ слѣдствіи, къ пыткамъ, ранѣе примѣнявшимся у нихъ лишь къ рабамъ (см. много-

численныя свидѣтельства Аммiана Марцеллина и др.). Наиболѣе употребительными орудiями пытки были разной формы бичи (flagrum, flagellum, lorum), клещи (uncus), дыба (eculeus) и др.

Стр. 219. Туберонъ въ исторiи Регула. „Regulum Tubero in historiis redisse Carthaginem novisque exemplorum modis excruciatum a Poenis dicit" etc. (Aul. Gell., VI, 4).

Стр. 219. Мужество стоика Зенона упомянуто Аммiаномъ Марцеллиномъ (XIV, 9): „qui (Zeno) ut mentiretur quaedam laceratus diutius avulsam sedibus linguam suam cum oruento sputamine in oculos interrogantis Cyprii regis impegit."

Стр. 220. Богиня надежда. См. стихи неизвѣстнаго поэта. (Riese, Ant. Lat. 415; Baehrens, II, 25):

Spes fallax, spes dulce malum, spes summa malorum.

Стр. 222. Евредику—змѣя и т. д. Сходное расположенiе словъ было очень любимо позднѣйшими римскими поэтами, напр. (Riese, 798a, 25—26).

Armeniae tigres, Libyae fert terra leones,
Est elefas Indis, tura Sabaeus habet...

Ср. приписываемую Пентадiю эпитафiю на могилу Вергилiя (Riese, 800):

Pastor arator eques pavi colui superavi
Capras rus hostes fronde ligone manu.

Стр. 222. Кебренъ, Cebren, Κεβρήν,—божество рѣки въ Троадѣ, считавшееся отцомъ Эноны и Гесперiи. Кебрениды—дочери Кебрена. См. Ov. Met. XI, 769: Stat. Silv. I, 5.

Стр. 222. Адамантовыя оковы, ἀδαμαντίνοι δεσμοί,—оковы стальныя, несокрушимыя. (Aesch. Prometh., 6).

Стр. 223. Не было алтаря, который я могъ бы обнять, и некому было мнѣ подсказывать слова молитвы... Произнося молитву, Римляне держались за алтарь руками, потомъ подносили руку къ устамъ (adoratio). Ошибка хотя бы въ одномъ словѣ молитвы уничтожала ея дѣйствiе, и потому лица свѣдущiе (жрецы) подсказывали слова молитвы (verba praeire).

Стр. 224. Цилленiй, Cyllenius, — Меркурiй; намекъ на стихъ Verg. Aen. IV, 276—7:

Tali Cyllenius ore locutus
Mortalis visus medio sermone reliquit.

Стр. 224. Оркъ въ преисподнюю васъ и т. д. См. Aul. Gell. XVI, 7:

Tollet bona fide vos Orcus nudas in Catonium.

Стр. 228. Паллiй, pallium,—греческое одѣянiе, вошедшее въ Римѣ въ употребленiе лишь при имперiи; въ паллiй завертывались какъ въ

позднѣйшую мантію; на груди или на плечѣ паллій застегивался фибулой (fibula),—родомъ аграфа или нашей „англійской булавки", богато изукрашенной. Съ палліемъ Римляне обычно носили греческую обувь, именно крепиды (crepida),—сандаліи, состоявшія изъ толстой подошвы и „задка", такъ что передняя часть ступни оставалась обнаженной. Кальцеи, calceus,—были оффиціальной обувью Римлянъ; кальцеи прикрывали всю нижнюю часть ноги; носили ихъ съ тогой. Calceus senatorius нѣсколько отличался отъ обыкновеннаго и дѣлался большею частью изъ черной кожи. Чистили кальцеи губкой. Пилей, pileus,—фетровая полукруглая или коническая шляпа, заимствованная римлянами у грековъ; пилей носило чаще простонародье, но иногда и лица высокаго положенія. (Lexique).

Стр. 229. Въ наши дни все продается. „Кодексъ Ѳеодосія,—говоритъ Duruy (VII, 211),—показываетъ, что въ позднѣйшей имперіи все и всѣхъ можно было купить. Пониженіе ценса, уменьшеніе таксы, перемѣна положеній—все продается. Для того, кто платитъ, у пріемщика невѣрные вѣсы, у судей смягченные приговоры... Бакшишъ царитъ полновластно... Сами государи требуютъ щедрости отъ того, кто къ нимъ обращается (Nov. XXX, cap. IV, 1). Юстиніанъ, который будетъ хвалиться тѣмъ, что раздаетъ должности безплатно, потребуетъ отъ вновь назначаемыхъ на должность, чтобы они вносили по 50 фунтовъ золота въ пользу благочестивѣйшаго императора... Одному изъ государей Синесій въ свое время скажетъ: все можно купить". Далѣе Duruy дѣлаетъ рядъ ссылокъ: Syn XXX; Cod. Theod. VIII, tit. V, 10; VII, tit. 14, 28 et 29; XIV, tit. IV, 9, etc., etc.

Стр. 229. Амфималлъ, amphimallum,—шерстяная матерія, мягкая и мохнатая съ обѣихъ сторонъ, употреблявшаяся для зимнихъ одѣяній, одѣялъ, ковровъ и т. д.

Стр. 230. Надъ „нестройной и безсвязной громадой". Намекъ на стихъ Ov. Met. I, 7:

rudis indigestaque moles..

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе къ томамъ XII и XIII. VII

Книга первая.

Глава I 1
II 5
III 12
IV 19
V 24
VI 31
VII 39
VIII 46
IX 55
X 62
XI 67
XII 75
XIII 82
XIV 91
XV 100
XVI 108
XVII 116

Книга вторая.

Глава I 125
II 133
III 138
IV 146

Стр.

Глава V 153
VI 160
VII 169
VIII 177
IX 188
X 196
XI 205
XII 215
XIII 226

Примѣчанія.

Къ книгѣ первой 235
Къ книгѣ второй 261

BINDING SECT. SEP 17 1971

PG
3453
B7
1913a
t.12

Briusov, Valerii IAkovlevich
Polnoe sobranie sochinenii i perevodov

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY